

ISSN 2949-124X

Российская история

2 2023

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская ИСТОРИЯ

В номере:

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

Хронология и древнерусское летописание

Печатные книги XVI–XVII вв.

Перезахоронения участников Смуты

Русский Север в XVII в.

Незаконные рубки леса в Вологодской губернии

Имперские травелоги эпохи Великих реформ

Профессор Н.П. Загоскин

Расследование Томского погрома 1905 г.

Военное строительство на Белом Юге

*Частное предпринимательство
на лесозаготовках 1919–1920-х гг.*

*Русификация советской архитектуры
в 1930–1940-х гг.*

*Ботанический сад Московского университета
на Воробьёвых горах*

МОСКВА

2

март
апрель
2023

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В.Н. Захаров

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.А. Аракчеев, А.Н. Артизов, Б.В. Базаров, В.П. Булдаков, Р.Г. Гагкуев, А.Е. Иванов, С.П. Карпов, В.В. Кондрашин, В.А. Кучкин, А.К. Левыкин, Д. Ливен, Е.А. Мельникова, С.В. Мироненко, К.В. Никифоров, Ю.А. Петров, Е.И. Пивовар, Р.Г. Пихоя, Д. Свак, А.В. Сиренов, А.К. Сорокин, В.А. Тишков, Е.А. Тюрина, У Эньюань, В.С. Христофоров, В.В. Шелохаев, А.В. Юрасов

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

О.Г. Агеева, А.Л. Беглов, О.В. Большакова, О.В. Будницкий, П. Бушкович, П.Г. Гайдуков, А.А. Горский, В. Дёнингхаус, С.В. Журавлёв, В.В. Зверев, Е.Ю. Зубкова, А.А. Иванов, Д.Ю. Козлов, Н.В. Козлова, Б.И. Колоницкий, М. Крамер, В.Н. Круглов, Д.В. Лисейцев (зам. главного редактора), П.В. Лукин, А.В. Мамонов (зам. главного редактора), Л.В. Мельникова, А.П. Павлов, Д.Б. Павлов, Д.А. Редин, К.А. Соловьёв, В.В. Трепавлов, П.Ю. Уваров, О.В. Хлевнюк, И.А. Христофоров

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

М.А. Новикова

Адрес редакции

117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел.: 8-499 723 69 10
Электронная почта: otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

На обложке: С.М. Прокудин-Горский. Дровосеки (фотография)

Мёртвые участники Смутного времени. Перезахоронения как часть социально-политического кризиса

Сергей Шокарев

**Dead participants of the Time of Troubles
(reburials as part of the socio-political crisis)**

Sergey Shokarev

*(Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow)*

DOI: 10.31857/S2949124X23020013, EDN: BHGOUG

В средневековой русской традиции процесс эксгумации не был чем-то необычным. Вскрытия мест погребений (чаще сознательно, реже случайно) происходили регулярно, и их итогом являлись обретения и перенесения мощей святых. Эта практика почти не касалась мирян, которых не окружало церковное почитание. Напротив, церковные правила запрещали раскопки кладбищ и вскрытие захоронений, где телам умерших предстояло покоиться до Страшного суда. До XVII в. неизвестны случаи временных погребений, когда тело первоначально хоронили в одном месте, а затем перевозили в родовую усыпальницу. При необходимости до места погребения останки везли в колоде. Каждая эксгумация, не являвшаяся обретением мощей, связана с какими-то особенными обстоятельствами. Например, в 1044 г. были выкопаны из земли и крещены кости князей Ярополка и Олега, старших сыновей великого князя киевского Святослава Игоревича. Исследователи расходятся во мнениях относительно смысла этого обряда, однако, в отличие от Скандинавии, где в раннехристианскую эпоху эксгумации происходили неоднократно, для Руси это уникальное событие¹.

В Смутное время, напротив, перезахоронения совершались неоднократно, что, вероятно, было вызвано кризисной сущностью происходивших событий. Смысл этих акций различался, но все они связаны с перипетиями идейно-политической борьбы и религиозными представлениями того времени. Рассмотрим эти случаи в хронологической последовательности.

© 2023 г. С.Ю. Шокарев

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Автор выражает благодарность члену-корреспонденту РАН Ф.Б. Успенскому и заведующей отделом «История и культура Сергиево-Посадского края XIV–XX вв.» Сергиево-Посадского музея-заповедника Т.Ю. Токаревой за ценные замечания.

¹ *Успенский Ф.Б.* Скандинавы. Варяги. Русь. Историко-филологические очерки. М., 2002. С. 141–168; *Алексеев А.И.* Крещение костей (к интерпретации статьи Повести временных лет под 1044 г.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 1(11). С. 102–106.

Правление Лжедмитрия I началось с эксгумации политического характера. Ещё до вступления Самозванца в Москву из усыпальницы Архангельского собора извлекли останки Бориса Годунова. Их переместили на кладбище Варсонофьевского монастыря в Белом городе. Там же оказались тела вдовы царя Бориса Марии Григорьевны и царевича Фёдора Годунова, убитых 10 июня 1605 г.² Источники называют эту обитель «убогим» монастырём, поскольку монастырское кладбище (или расположенное при нём)³ предназначалось для погребения неопознанных трупов и погибших неестественной смертью (в том числе самоубийц и казнённых), о ком некому было позаботиться. Такие кладбища также именовались Божиими домами или скудельницами. В иерархии православных кладбищ скудельницы занимали последнее место, предназначаясь для погребения отверженных, но всё же принадлежавших к Церкви. Современники сообщали, что Годуновых похоронили без положенных обрядов, «как животных», что соответствовало практике погребения в скудельнице, где отпевание происходило раз в год, после чего скудельницу (она представляла собой обширную братскую могилу) засыпали и выкапывали новую⁴.

В литературе высказано мнение, что погребение Годуновых в скудельнице связано со слухами об их самоубийстве⁵. Такое объяснение допустимо, однако для помещения их в этом месте достаточно было статуса лжецарей и узурпаторов, присвоенного им Лжедмитрием I. По замечанию В.И. Ульяновского, этим актом «завершался античин ниспровержения династии Годуновых перед глазами и в сознании современников-россиян. Годуновы превратились в противоположность “царству” — стали последними людьми в царствах земном и потустороннем»⁶. «Очищение» царствующего града от Годуновых являлось политическим и вместе с тем символическим актом. К появлению нового, «настоящего» царя в столице не должно было остаться памяти о предшественнике,

² ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 207; *Масса И.* Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 92, 94; Новый летописец // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 306; *Буссов К.* Московская хроника 1584–1613 // Хроники Смутного времени. С. 48; *Арсений Елассонский.* Мемуары из русской истории // Хроники Смутного времени. С. 177.

³ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией (далее — РИБ). Т. 13. СПб., 1892. Стб. 51, 578, 651, 915. Исаак Масса писал, что Годунова погребли «подле одного древнего небольшого монастыря» (*Масса И.* Краткое известие... С. 92).

⁴ *Снегирёв И.М.* О скудельницах, или убогих домах в России // Труды и записки Общества истории и древностей российских. Т. 3. Кн. 1. М., 1826. С. 235–263; *Козюренко О.В.* Скудельницы в Пскове XV–XVI вв. // Церковная археология. Материалы Первой Всероссийской конференции. Псков, 20–24 ноября 1995 г. Ч. 2. СПб., 1995. С. 117–120; *Скрынникова Е.В.* Божedomские кладбища: московский некрополь // Московский журнал. 2001. № 2. С. 60–62; *Грузнова Е.Б.* Похоронные обычаи на Руси в конце XV–XVI вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. История. 2005. № 3. С. 153–169; *Сорокин А.Н.* Скудельницы древнего Новгорода (к вопросу об особенностях древнерусского погребального обряда в чрезвычайных ситуациях) // Исторические исследования. 2015. № 3. С. 236–262; *Шокарев С.Ю.* Источники по истории московского некрополя XII — начала XX в. М.; СПб., 2019. С. 123–127.

⁵ *Ульяновский В.И.* Смутное время. М., 2006. С. 59–63, 82, 83, 95–98; *Тюменцев И.О.* Перезахоронения тел Бориса Годунова и его семьи в контексте идеологического противостояния в Смутное время // Деулинское перемирие 1618 г.: взгляд через четыре столетия. Материалы конференции, посвящённой 400-летию Деулинского перемирия. Москва, 11 декабря 2018 г. М., 2018. С. 86, 87.

⁶ *Ульяновский В.И.* Смутное время. С. 83.

«ненастоящем». Годуновых лишили жизни, удалили из сакрального царского пространства — Кремля (включавшего погребения царственных «предков» Лжедмитрия I) и поместили в среду отверженных покойников. Этим знаменовалось торжество правоты Самозванца.

Во время археологических исследований Архангельского собора в 1963 г. обнаружили и исследовали место первоначального погребения Бориса Годунова — могильную яму в северо-западном углу дьяконника, откуда изыали саркофаг. В засыпке ямы обнаружены монета времён царя Михаила Фёдоровича, кости животных, фаланга стопы человека, обрывки полуистлевшей золотной ткани и металлическая пуговица, обтянутая материей⁷.

Следующие перезахоронения времени правления Лжедмитрия I носили обратный по смыслу характер. 31 декабря 1605 г. в Москве составили грамоту пелымскому воеводе А.И. Зюзину с распоряжением: «Как к вам ся наша грамота придет, а боярина нашего Ивана Никитича Романова люди в Пелынь приедут, и вы б Васильево тело Романова велели, выкопав, отдать боярина нашего Ивана Никитича людям, хто с сею нашею грамотою приедет, и отпустили их к нам, к Москве». Документ доставили в Пелым 4 февраля 1606 г.⁸ Скорее всего, тогда же аналогичные грамоты направили в другие места, где умерли в ссылке и были похоронены братья Романовы и их родственники: в Усолье-Луду (А.Н. Романов), Ныроб (М.Н. Романов), Белоозеро (кн. Б.К. Черкасский, муж М.Н. Романовой), Кожеозерский монастырь (кн. И.В. Сицкий, муж Е.Н. Романовой). Об этом известно из эпитафий этих лиц, размещённых на памятниках в церкви Знамения в Новоспасском монастыре. Они сообщают о погребении М.Н и А.Н. Романовых (12 и 18 марта). Если ориентироваться на грамоту Лжедмитрия I в Пелым, указанное время погребения соответствует возможным срокам перевозки тел от места первоначального захоронения на окраинах Московского государства до Москвы. Зимнее время эксгумации объясняется удобством транспортировки останков. О других опальных (в том числе о В.Н. Романове) эпитафии сообщают только то, что они умерли «в заточении от царя Бориса», с указанием мест и дат смерти. Тексты из романовской усыпальницы известны по нескольким публикациям и архивным спискам XVIII—XIX вв. (их сравнительная текстология приведена в нашей совместной с Л.А. Беляевым работе)⁹. Фрагмент надгробия кн. Б.К. Черкаского, обнаруженный недавно, доказывает реальность существования «романовского мемориала», пострадавшего в конце XVIII в. при перестройке церкви Знамения Пресвятой Богородицы и окончательного уничтоженного в советские годы¹⁰.

⁷ Панова Т.Д. Погребения членов семьи Бориса Годунова. История и материалы исследований // Московский Кремль XVII столетия. Древние святыни и исторические памятники. Кн. 1. М., 2019. С. 55–56.

⁸ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (далее — СГГД). Ч. 2. М., 1819. С. 250, 251.

⁹ Беляев Л.А., Шокарев С.Ю. Ранние Романовы и их погребальная традиция: XVII век // Беляев Л.А., Медникова М.Б. В поисках бояр Романовых: междисциплинарное исследование усыпальницы XVI–XVIII вв. в Знаменской церкви Новоспасского монастыря в Москве. Вып. 1. М., 2018. С. 25–28.

¹⁰ Шокарев С.Ю. Два фрагмента надгробий XVII в. с надписями из Знаменской церкви Новоспасского монастыря // Ёлкина И.И., Беляев Л.А. В поисках бояр Романовых: междисциплинарное исследование усыпальницы XVI–XVIII вв. в Знаменской церкви Новоспасского монастыря в Москве. Вып. 2. М., 2022. С. 47–57.

Грамота Лжедмитрия I свидетельствует, что перезахоронением родственников занимался боярин И.Н. Романов, один из двух выживших после опалы братьев Никитичей, возвращённый из ссылки Самозванцем. Первоначально перезахоронение осуществлялось на монастырском кладбище вне церковных стен. Г.Г. Донской, посвятивший специальное исследование необычным эпитафиям братьев Никитичей, содержавшим осуждение царя Бориса, предположил, что таким образом в Новоспасском монастыре сложился своеобразный «антигодуновский» мемориал под открытым небом. Эпитафии сообщали о злодеянии Годунова против Романовых, указывая на причину их смерти («в заточении от царя Бориса») и дни перезахоронения (12 и 18 марта), на которые приходилась память святых Феофана Исповедника и Кирилла Иерусалимского, пострадавших от нечестивых императоров¹¹.

В совместной с Л.А. Беляевым работе я высказал сомнения в концепции Г.Г. Донского и выдвинул предположение о позднем происхождении «антигодуновских» надписей и всего романовского мемориального комплекса. Донской рассматривает три эпитафии — В.Н., А.Н. и М.Н. Романовых, — не затрагивая другие надписи с указанием на смерть в заточении «от царя» Бориса (в том числе княгини Е.Н. Сицкой, чьи останки, согласно эпитафии, перенесли в 1617 г.). Между тем трафаретность формулировок заставляет предположить, что тексты оформили одновременно, и, следовательно, они могут быть датированы временем после 1617 г. Подобные надписи не типичны для XVI и начала XVII вв., но со второй половины столетия эпитафии, объясняющие обстоятельства смерти, стали многочисленнее. Вызывают подозрение неточности, содержащиеся в эпитафиях — место смерти В.Н. Романова дополнено указанием «в Нырпу на погосте» (что представляет собой искаженное Нырб — место смерти М.Н. Романова); об А.Н. Романове сказано, что он скончался на Луде, в вотчине Кирилло-Белозерского монастыря, в то время как Лудское усолье — владение Соловецкого монастыря. Даты смерти опальных сообщены неверно (вместо 1602 г. — 1601 г.). Эти ошибки могут указывать на невнимательность переписчиков, незнание ими действительных реалий и позднее появление эпитафий. Всё это заставляет сомневаться в изготовлении мемориала в 1606 г., хотя полностью такая возможность не исключена¹². Ульяновскому идея Донского также представляется «слишком искусственной»: не было смысла завуалированно обличать Годунова, сравнивая его с нечестивыми правителями прошлого, когда власти открыто обвиняли бывшего царя в многочисленных преступлениях¹³.

К сожалению, палеография единственного камня (кн. Б.К. Черкасского), дошедшего до нас от всего «романовского мемориала», позволяет его датировать довольно широко в пределах первой половины XVII в.¹⁴ Полагаю, что перезахоронение братьев Никитичей и, возможно, кн. Б.К. Черкасского и И.В. Сицкого произошло в 1606 г. После Смуты мемориал пополнился погребением княгини Е.Н. Сицкой, были оформлены надгробницы и вырезаны эпитафии. Создание усыпальницы происходило в Знаменской церкви (скорее всего, она

¹¹ Донской Г.Г. Прокламации в камне против Бориса Годунова // Вопросы эпиграфики. Вып. V. М., 2011. С. 339–348.

¹² Беляев Л.А., Шокарев С.Ю. Ранние Романовы... С. 29–37.

¹³ Ульяновский В.И. «Священство» и «царство» в начале Смуты: московские патриархи, российские монастыри, духовенство Востока. М.; СПб., 2021. С. 297, 298.

¹⁴ Шокарев С.Ю. Два фрагмента надгробий... С. 51.

уже существовала в 1624 г.)¹⁵ на средства и под наблюдением И.Н. Романова (до 1640 г.). Об этом косвенно свидетельствует расположение надгробницы последнего, которое можно наблюдать на сохранившемся дореволюционном фото: три памятника расположены в ряд, а четвёртый перед ними — вторым рядом¹⁶. Принимая во внимание, что перед нами романовская часть усыпальницы после перестройки церкви в 1790-х гг., тем не менее можно сделать предположение, что топография погребений повторяет изначальную схему — три Никиты рядом, четвёртый, организатор некрополя, в ногах у братьев-мучеников.

В 1606 г. перезахоронили знаменитого военачальника, «слугу» и боярина кн. Михаила Ивановича Воротынского и его сына кн. Логгина (Дмитрия) Михайловича из Кашина в Кирилло-Белозерский монастырь. Текст эпитафии на памятной доске в монастырской церкви св. Владимира, являвшейся усыпальницей Воротынских, сообщает, что М.И. Воротынский скончался 12 июня 1573 г. и «погребен бысть во граде в Кашине»¹⁷. Из сочинения кн. А.М. Курбского известно, что князь умер, претерпев жестокие мучения, когда его везли в тюрьму на Белоозеро¹⁸. Судя по всему, он умер в Кашине или его окрестностях, где и был похоронен. На той же доске указано, что младший сын кн. М.И. Воротынского кн. Логгин (Дмитрий) Михайлович скончался 27 июля 1584 г.¹⁹ Его похоронили в Кашине рядом с отцом. Скорее всего, этот выбор определён опальным положением Воротынских в правление царей Фёдора Ивановича и Бориса Годунова. Кн. И.М. Воротынский, единственный представитель рода, находился в немилости и не мог организовать погребение брата в родовой усыпальнице в Кирилловом монастыре²⁰. Когда при Лжедмитрии I опалу сняли, он занялся перезахоронением отца и брата и по зимнему пути доставил их в родовую усыпальницу. Об этом сообщает эпитафия: «Пронесены ис Кашина в Кирилов монастырь князь Михаила и сын его князь Логин лета 7114 генваря в 21 дн»²¹. В кормовых книгах Кирилло-Белозерского монастыря 21 января указано как день погребения отца и сына, когда следовало их поми-

¹⁵ Согласно вкладной книге, 16 августа 1624 г. «принесли на гроб князь Феодора Алексеевича Сицкого образ Пресвятыя Богородицы Казанския в киоте, оклад серебрян золочен чеканной». Поскольку кн. Ф.А. Сицкий предположительно числится среди погребённых в Знаменской церкви, можно считать, что уже к 1624 г. храм был построен — икону «на гроб» должны были установить в усыпальнице, а не на открытом кладбище (*Беляев Л.А., Шокарев С.Ю.* Ранние Романовы... С. 37).

¹⁶ *Беляев Л.А., Медникова М.Б.* В поисках бояр Романовых... Ил. 2.

¹⁷ *Никольский Н.К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). Т. I. Вып. 1. СПб., 1897. Приложение. С. LIV; *Папин И.В.* Некрополь Кирилло-Белозерского монастыря // Русское средневековое надгробие. XIII–XVII века. Материалы к своду. Вып. 1. М., 2006. С. 206, 207.

¹⁸ *Курбский А.М.* История о делах великого князя московского / Подгот. К.Ю. Ерусалимский; пер. А.А. Алексеев. М., 2015. С. 146–150.

¹⁹ *Никольский Н.К.* Указ. соч. С. LIV; *Папин И.В.* Некрополь... С. 207. Эта дата вступает в противоречие с сообщением боярского списка 1588–1589 гг., показывающего братьев князей Ивана и Дмитрия Михайловичей Воротынских «в деревне» (*Станиславский А.Л.* Труды по истории Государева двора XVI–XVII вв. М., 2004. С. 212). М.С. Черкасова полагает, что эти сведения могут быть неточными, и, скорее всего, после 1584 г. младшего из Воротынских не было в живых (*Черкасова М.С.* Духовные грамоты князей М.И. и И.М. Воротынских // Воротынские чтения. Средневековая Россия: военный и духовный подвиг предков. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Вологда–Кириллов, 5–7 сентября 2019 г.). Вып. 1. Вологда, 2020. С. 10).

²⁰ *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605). СПб., 1992. С. 35, 54, 66. Предположение о том, что кн. И.М. Воротынский был организатором переноса останков отца и брата, впервые высказано Ульяновским.

²¹ *Никольский Н.К.* Указ. соч. С. LIV; *Папин И.В.* Некрополь... С. 207.

нать: «корм с поставца на погребение их». Тогда же кн. И.М. Воротынский дал вклад по душам отца и брата — 200 руб.²²

Перезахоронения Романовых и Воротынских стали частью реабилитационных процессов. Возвращение из ссылок представителей аристократических фамилий, находившихся в опале при Годуновых, сопровождалось переносом останков их родственников с окраин в родовые усыпальницы. Возможно, что тогда же осуществлял сбор останков предков в церкви в честь иконы Божией Матери «Одигитрия» в Симоновом монастыре глава Боярской думы кн. Ф.И. Мстиславский. Его отец, кн. И.Ф. Мстиславский, умер в 1586 г. монахом Кирилло-Белозерского монастыря, куда был отправлен Годуновым. О том, что его прах перезахоронили, свидетельствует особый корм на погребение — 24 июня. Аналогичный корм учредили и для деда кн. Ф.И. Мстиславского, родоначальника рода кн. Ф.М. Мстиславского (30 июня)²³. В документах нет указаний, когда кн. Фёдор Иванович занимался организацией семейной усыпальницы. К 1621 г. она была уже построена, и монастырские власти обещали князю ставить «в церкви Пречистые Богородицы Одигитрия вино, и просфиды, и свечи, и ладан. А на памяти их поминать, кутьи, и кануны, и свечи ставить безпереводно»²⁴. Подобно И.Н. Романову и кн. И.М. Воротынскому, кн. Ф.И. Мстиславский находился в немилости у Годунова, хотя занимал высокое положение. Согласно свидетельству И. Массы, Годунов запрещал Мстиславскому жениться, а Самозванец освободил его от вынужденного безбрачия и женил на мнимой тетке из рода Нагих²⁵. Вероятно, кн. Ф.И. Мстиславский, как и другие бояре, начал сбор родительских гробов при Лжедмитрии I. Однако деятельность по перезахоронению, строительству церкви и обустройству усыпальницы могла происходить на протяжении 1586–1621 гг. (за исключением времени активных боевых действий и разрухи с 1607 по 1613 гг.).

Существует ещё одно погребение, которое могло быть перезахоронением времени правления Самозванца. В 2007 г. во время археологических наблюдений в Троице-Сергиевой лавре обнаружили надгробную плиту с эпитафией боярина Ивана Андреевича Бутурлина, а под ней — скелет с черепом, отделённым от тела²⁶. Эпитафия сообщает, что «раб Божий» И.А. Бутурлин «преставился» 22 октября 1575 г. Из Пискаревского летописца известно, что Бутурлина казнили в Москве на Соборной площади вместе с другими боярами, новгородским архиепископом Леонидом, архимандритом Чудова монастыря, протопопом Архангельского собора и проч., «а главы их меташа по дворам к Мстиславскому ко князю Ивану, к митрополиту, Ивану Шереметеву, к Андрею Щелкалову

²² *Шаблова Т.И.* Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI–XVII веках. Публикация: Синодичное предисловие, Книга Кормовая, Синодик Кормовой. СПб., 2012. С. 313, 329; *Ульяновский В.И.* «Священство» и «царство»... С. 396, 397.

²³ Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря / Публ. А.И. Алексеева // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 89.

²⁴ Там же. С. 34. Аналогичные переносы, возможно, осуществлял кн. Д.М. Пожарский, оформляя родовую усыпальницу в суздальском Спасо-Евфимьевом монастыре. Но это происходило уже после Смуты, когда князь получил боярство (*Беляев Л.А.* Родовая усыпальница князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимьевом монастыре Суздаля: 150 лет изучения. М., 2013. С. 61).

²⁵ *Масса И.* Краткое известие... С. 68, 69, 101.

²⁶ *Энгватова А.В., Вишневский В.И.* Новые памятники средневекового некрополя Троице-Сергиева монастыря (материалы археологических наблюдений 2007 г.) // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы VI международной конференции. Сергиев Посад, 2010. С. 158.

и иным»²⁷. Очевидно, голову Бутурлина затем приложили к телу и в таком виде его похоронили. По аналогии с перезахоронением кн. М.И. Воротынского можно предположить, что это произошло при Лжедмитрии I. Оба боярина возвращались из опалы при мнимом сыне Ивана Грозного. Об этом косвенно может свидетельствовать облик надгробия Бутурлина — оно украшено жгутовым орнаментом, характерным для конца XVI—XVII вв. и обладает толщиной, более значительной, нежели у плит XVI в. Впрочем, уверенности здесь нет, эти показатели не дают абсолютной датировки, они изредка встречаются и в более раннее время.

При Лжедмитрии I совершались перезахоронения, носившие разный смысл. Эксгумация Годунова лишала его положения царственного покойника и превращала в отверженного мертвеца. Переносы останков Романовых, Воротынских, Мстиславских и, возможно, Бутурлина возвращали опальным аристократический статус, подобающее посмертное окружение и церемонии. В первом случае целью являлось уничтожение сложившегося неправильного (с точки зрения Самозванца) порядка; во втором — восстановление правильного.

В правление Василия Шуйского состоялись два акта эксгумации, которые также можно связать с этими тенденциями. Уничтожение останков Лжедмитрия I неоднократно рассматривалось в литературе²⁸. Источники расходятся в деталях, но в целом согласно описывают манипуляции с его трупом, который три дня лежал на торговой площади (на Пожаре), подвергаясь поруганию. Затем, по одним сообщениям, тело сожгли²⁹, согласно другим — сожжению предшествовало временное погребение останков в поле³⁰ или на скудельничьем кладбище. По словам К. Буссова, вельможи распорядились «увезти тело в Божий дом за Серпуховские ворота и там бросить»³¹. По-видимому, в XIX в. произошло отождествление этой скудельницы со скудельницей у Покровского монастыря, о чём писал известный москвовед И.М. Снегирёв. Однако Покровский монастырь находился за Таганскими, а не за Серпуховскими воротами Земляного города. Любопытно сообщение Пискарьевского летописца, отсылающее к практике расправы с колдунами: «Розстригу велели похоронить на Кулишках и в сердца ему велели вбить кол»³².

Современники сообщают, что после того, как тело Самозванца предали земле (вариант — бросили на поле, на всполье), начались грозные знамения: внезапный холод уничтожил плоды, над местом захоронения (трупом) появлялись огни, слышались звуки бубнов и свирелей и прочие «бесовские

²⁷ ПСРЛ. Т. 34. С. 192.

²⁸ Ульяновский В.И. Смутное время. С. 368–372; Мауль В.Я. Тело Лжедмитрия I в контексте русской и западной культурных традиций // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. Петербургские славянские и балканские исследования. 2012. № 2(12). С. 107–120; Антонов Д.И. Цари и самозванцы: борьба идей в Смутное время. М., 2019. С. 100–109.

²⁹ ОР РГБ, ф. 98, д. 28, л. 655 об.; Новый летописец // Хроники смутного времени. С. 309; РИБ. Т. 13. Стб. 169, 866, 867.

³⁰ РИБ. Т. 13. Стб. 59, 581, 830, 831, 833, 834; Масса И. Краткое известие... С. 122; Записки Станислава Немоевского (1606–1608 гг.). М., 1907. С. 101; Дневник Марины Мнишек. СПб., 1995. С. 62.

³¹ Буссов К. Московская хроника... С. 75. Эти сведения повторил П. Петрей, много заимствовавший из «Московской хроники» Буссова (Петрей П. История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут... С. 315).

³² ПСРЛ. Т. 34. С. 207; Снегирёв И.М. Покровский монастырь, что на убогих домах, в Москве // Русские достопамятности. Т. I. М., 1877. С. 1, 2.

игралища», труп якобы перемещался с места на место³³. Эти сверхъестественные явления свидетельствовали о дьявольской природе мертвеца, которого отказывалась принимать земля, и его можно было уничтожить только огнём. Сожжение произошло в Котлах, в «семи поприщах» от Москвы. Некоторые авторы пишут, что останки Самозванца сожгли вместе с «адам» — странным сооружением, изготовленным по его приказу и будто бы символизировавшим Врата ада (либо в самом «аду»)³⁴. Оригинальное утверждение о том, что прах Самозванца зарядили в пушку и выстрелили из неё в ту сторону, откуда он появился, содержится в записках немецкого купца Г. Паерле, прибывшего в Россию из Кракова, и дневнике польских послов Н. Олесницкого и А. Гонсевского³⁵.

Трудно однозначно реконструировать, какие именно действия производились с телом Лжедмитрия I. Представляется, что путь его останков — Пожар (Красная площадь) — скудельница за Земляным городом — сожжение в Котлах — вполне вероятен. Следует обратить внимание на хронологию событий. Лжедмитрия убили 17 мая 1606 г. Три дня его тело пролежало на Пожаре, 20 мая его вывезли из города и погребли или бросили на поле. 28 мая останки сожгли³⁶, а 1 июня Василий Шуйский венчался на царство. Вступлению на престол нового, истинного государя должна была предшествовать (как и в случае с Годуновым) ликвидация материальных останков ложного, которая в случае с Самозванцем приобрела более радикальный характер из-за inferнальной природы Расстриги.

Уничтожив тело ложного царя, чернокнижника и приспешника сатаны, Василий Шуйский в те же дни организовал перенос в столицу мощей истинного царевича — Дмитрия Угличского, обратившись к помощи угодника Божия против дьявольских козней. Эти события описывают грамота царя Василия Шуйского от июня 1606 г., Тулуповская и Милютинская редакции жития царевича Дмитрия Угличского и повести о Смутном времени. Делегация во главе с ростовским митрополитом Филаретом (Романовым) и боярином кн. И.М. Воротыньским отправилась в Углич около 25–26 мая. 28 мая (в день сожжения трупа Лжедмитрия I) митрополит Филарет с товарищами сообщили, что мощи царевича были вскрыты и осмотрены: «И в ту де пору от гроба весь храм наполнился многого благоухания, и мощи благоверного царевича князя Дмитрея Ивановича целы и ничем нерушимы, а иных местех часть земли отдана, а на лице и на главе власы целы чермны, и на костях плоть цела, а ожерейцео низано жемчужное с пугвицы, все цело, а в левой руке шириночка тафтяная шита золотом и серебром цела ж, и саван на нем весь цел, а покрыт кафтанцом комчатым на хрептах на белых, нашивка серебрена с золотом, а сапожки на нем целы ж, толко подошвы у носков отстали; да на царевичевых же мощех положено орехов с пригоршню, а сказывают, как он тешился, и в ту пору орешки кушал, а как его убили, и те орехи кровью обагрилися, и для того те орехи на

³³ РИБ. Т. 13. Стб. 59, 60; Буссов К. Московская хроника... С. 75; Масса И. Краткое известие... С. 124; Петрей П. История... С. 315; Дневник Марины Мнишек. С. 62; Маржерет Я. Состояние Российской державы и Великого княжества Московского в 1606 г. М., 1913. С. 85.

³⁴ Антонов Д.И. Цари и самозванцы... С. 100–109.

³⁵ Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Ч. III. Записки Георга Паерле. СПб., 1832. С. 70; Ч. IV. Дневник Марины Мнишек и послов польских. СПб., 1834. С. 201.

³⁶ Эту дату сообщает дневник польских послов (Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Ч. IV. С. 256).

нем в гроб положили»³⁷. Историю почитания и канонизации святого царевича Дмитрия Угличского дополнил археолог С.Г. Томсинский, обнаруживший, что на месте смерти царевича в конце XVI — начале XVII в. возникло кладбище, где хоронили детей и отроков. Один из них убит ударом ножа в голову. Другое погребение — юная женщина-роженица с младенцем. Таким образом, почитание царевича началось в Угличе вскоре после его смерти и ещё до канонизации. Этому способствовала, вероятно, не только трагическая кончина Дмитрия Ивановича, но и его второе имя Уар. Святой мученик Уар считается покровителем некрещёных, в том числе младенцев³⁸.

Из Углича мощи доставили в Москву, сделав остановку в Троице-Сергиевом монастыре, где отслужили молебен. 3 июня мощи царевича прибыли в столицу. Некоторое время они находились на Лобном месте, где происходили исцеления, а затем были перемещены в Архангельский собор. «Рукопись Филарета», опирающаяся на свидетельства очевидцев, сообщает интересную подробность: первоначально мощи царевича намеревались поместить в могилу, предназначенную для Бориса Годунова (в непосредственной близости от погребений Ивана Грозного и его сыновей), но из-за чудотворения оставили их в раке в интерьере собора³⁹. Возможно, что сама могила «святоубийцы» отвратила от погребения в ней его жертвы. 4 июня от мощей исцелились 13 человек, 5 июня — 12 человек⁴⁰. Служба в честь святого царевича установлена трижды в год — 19 октября (на его рождение), 15 мая (на убиение) и 3 июня (на перенесение мощей), что соответствовало практике поминовения, упомянутой выше.

Исследователи обращают внимание на политический аспект перенесения мощей и канонизации царевича. Однако он не существовал вне религиозного смысла. На это указал Ульяновский: «Чудотворец царевич Дмитрий как бы заслонял, “заступал” Москву и нового царя от земных врагов, официально превращался в небесного покровителя и искупителя вины православного мира России»⁴¹. Значение нового чудотворца ярко выражено в словах Тулуповской редакции его жития: «Царству своему буди миротворец от междоусобныя брани, и покорение ко общению от всякого прекословия, мир и любовь к соединению укрепи, и направи ходити своими молитвами во единстве и в мире правыми стезями нерозвратно в повиновении всем быти царствующего града содержащему великий скифетр Русская державы благоверному царю и великому князю имярек всея Руси»⁴².

Каким образом последовавший за этим перенос останков Годуновых из Варсонофьевского монастыря в Троице-Сергиев связан с предыдущим — переносом мощей Дмитрия Угличского в Москву? К сожалению, о перезахоронении Годуновых сообщают только авторы-иностранцы К. Буссов и П. Петрей.

³⁷ Бутурлин Д.П. История Смутного времени в России в начале XVII века. Ч. 2. СПб., 1841. Приложение. С. 10. Опубликовано в СГГД описание в целом совпадает с процитированным, имея и некоторые разночтения (СГГД. Ч. 2. С. 311).

³⁸ Томсинский С.Г. Чудо 1654 г. в Угличе в агиографической традиции и материалах раскопок Угличского кремля // Исторический формат. 2020. № 3. С. 45–52.

³⁹ Рукопись Филарета, Патриарха Московского и всея России. М., 1837. С. 9–10.

⁴⁰ Бутурлин Д.П. Указ. соч. Ч. 2. Приложения. С. 10, 11; РИБ. Т. 13. Стб. 61, 62, 891–895, 918–920. Иностранцы (К. Буссов, И. Масса и др.) критично оценивают чудеса от мощей святого Дмитрия Угличского, называя их обманом (Ульяновский В.И. Смутное время. С. 391–396).

⁴¹ Ульяновский В.И. Смутное время. С. 381.

⁴² РИБ. Т. 13. Стб. 898.

Они не указывают, когда произошло данное событие, только Петрей уточняет, что останки находились в земле три года⁴³. В литературе перезахоронение Годуновых датировалось осенью 1606 г.⁴⁴ или февралём 1607 г., когда к борьбе против Самозванца привлекли патриарха Иова, выступившего с идеей частичной реабилитации Бориса Годунова⁴⁵.

В акте перезахоронения Годуновых скрывалось сразу несколько смыслов. С одной стороны, погребение царя Бориса и его семьи по христианскому обряду в статусном Троице-Сергиевом монастыре (и даже в паперти Успенского собора) являлось воздаянием его легитимному статусу и заботой об упокоении душ вдовы и сына, не причастных к деятельности отца. К этому следует добавить усилия патриарха Иова, стремившегося переложить ответственность за убийство царевича на неких «изменников». С другой — как и в предыдущих случаях (вынос тела Годунова из Архангельского собора, уничтожение тела Самозванца перед венчанием царя Василия на царство и перенесением мощей царевича), перезахоронение удаляло «святоубийцу» из пределов «священного града» Москвы, куда перенесены мощи убитого им Дмитрия.

Согласно описанию Буссова, «тело Бориса несли 20 монахов, его сына Фёдора Борисовича — 20 бояр, жены Бориса — также 20 бояр, а за этими тремя телами шли пешком до самых Троицких ворот все монахи, монашки, попы, князья и бояре, здесь они сели на коней, тела приказали положить на сани и сопровождали их в Троицкий монастырь, расположенный в 12 милях от города Москвы»⁴⁶. Упоминание о саниях как будто подтверждает предположение о том, что перезахоронение осуществлялось зимой, в феврале (перевоз останков по зимнему пути являлся распространенной практикой). Вместе с тем с домонгольских времён сани являлись частью погребального ритуала⁴⁷. По словам Петрея, в церемонии перенесения Годуновых принимали участие царь и патриарх. За саниями ехала царевна Ксения, в монашестве Ольга, и причитала по поводу гибели своей несчастной семьи. Вероятно, плач царевны стал основой для фольклорного «плача», записанного англичанином Р. Джемсом на Русском Севере в 1619—1620 гг.⁴⁸

Родовой усыпальницей Годуновых служил костромской Ипатьевский монастырь. Там погребены родители и дети Бориса Фёдоровича⁴⁹. Выбор Троице-Сергиева, вероятно, связан с богатыми вкладами, даваемыми Борисом Годуновым в эту обитель на протяжении многих лет с 1572 г. Здесь в 1597 г. похоронили дочь Годунова Ирину, умершую в младенчестве или детстве, и, возможно, младшего сына Мину, по которому Борис Фёдорович дал в оби-

⁴³ Петрей П. История... С. 328.

⁴⁴ Скрынников Р.Г. Смута в России в начале XVII века. Иван Болотников. Л., 1988. С. 120; Козляков В.Н. Смута в России. XVII век. М., 2007. С. 208; Козляков В.Н. Борис Годунов. Трагедия о добром царе. М., 2011. С. 270, 271, 310.

⁴⁵ Ульяновский В.И. Смутное время. С. 383, 384; Тюменцев И.О. Перезахоронения... С. 88, 89.

⁴⁶ Буссов К. Московская хроника... С. 86, 87.

⁴⁷ Ануцин Д.Н. Сани, лады и кони как принадлежности похоронного обряда: с 44 рисунками в тексте: Археолого-этнографический этюд. М., 1890.

⁴⁸ Петрей П. История... С. 328; Тюменцев И.О. Перезахоронения... С. 89; Песни, записанные для Ричарда Джемса в 1619—1620 гг. // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 15. СПб., 2006. С. 459—462.

⁴⁹ Панова Т.Д. Состав семьи царя Бориса Годунова. По письменным источникам и археологическим данным // Московский Кремль XVII столетия. Древние святыни и исторические памятники. Кн. 1. М., 2019. С. 49.

тель 100 руб. (1591/92 г.)⁵⁰. После перезахоронения Годуновых общих вкладов по ним не делали. Только в 1609/10 г. был дан вклад по царевичу Фёдору (золотой крест, серебряные чарка и стопка), и в 1622 г. после смерти царевны-инокини Ольги значительный вклад по ней дал её дальний родственник Н.Д. Вельяминов⁵¹.

Годуновых похоронили в паперти Успенского собора, завершённого и освящённого в 1585 г. при царе Фёдоре Ивановиче. В соборе имелись приделы в честь мучеников Феодора Стратилата и Ирины — покровителей царской семьи. Это также связывало царя Бориса с данным храмом. Исследователи указывают, что погребение дочери и внучки князя Владимира Старицкого, королевы Марии и королевны Евдокии, размещалось на более почётном месте — в самом соборе. В то же время оформление мест погребения было сходным — надгробницы с покровами, поставные восковые свечи, на стенах иконы (над Годуновыми — 11; над Старицкими — «по обе стороны 6 рядов икон»). Со временем усыпальница Годуновых и память о царе Борисе пришли в забвение. Т.Ю. Токарева и Н.В. Холодкова отметили, что «к 1735 г. паперть представляла собой своеобразный склад обветшавших церковных предметов (например, туда выносили ветхие иконы)». В 1780 г. паперть Успенского собора разобрали, а над захоронениями Годуновых построили «палатку», при этом уничтожили надгробницы и заменили саркофаги. В начале XX в. усыпальница Годуновых находилась «в страшном запущении». В советские годы её состояние только ухудшилось.

26 октября 1945 г. гробницу Годуновых вскрыли «для извлечения черепа, с целью изучения и установления его действительной принадлежности Борису Годунову». Приказом врио начальника Управления по делам искусств А. Глины ответственными за проведение работ назначили архитектора И.В. Трофимова и антрополога М.М. Герасимова. При вскрытии обнаружилось, что целостность захоронений нарушена, кости полуистлели и смещены. В музей поступили обрывки тканей (из них впоследствии реконструировали рубашку царевича Фёдора Годунова), волосник, приписываемый царице Марии Григорьевне, и туфелька, атрибутируемая как туфелька царевны Ксении Годуновой, но явно неуместная для захоронения, тем более монашеского⁵². Документы сообщают, что из усыпальницы изъяли один череп, предположительно Бориса Годунова. Вероятно, он поступил в Институт материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге, где ныне хранится без идентификации, либо утерян. Во всяком случае, пластическая реконструкция внешнего облика Бориса Годунова Герасимовым не выполнена. Есть сведения, что усыпальница Годуно-

⁵⁰ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подгот. Е.Н. Клитина, Т.Н. Манушина, Т.В. Николаева. М., 1987. С. 29, 30. Об этом свидетельствует надпись на Тихвинской иконе Божией Матери: «Привезен на младенце Ирине на дочери Бориса Федоровича Годунова лета 7105-го августа в 4 дни» (Николаева Т.В. Древнерусская живопись Загорского музея. М., 1977. С. 102). Годунов дал 6 августа 1597 г. по её душе вклад 100 руб. (Вкладная книга... С. 29; Панова Т.Д. Состав семьи... С. 48).

⁵¹ Вкладная книга... С. 29, 30.

⁵² Токарева Т.Ю., Холодкова Н.В. Загадки царской усыпальницы // Подмосковный летописец: историко-краеведческий альманах. Вып. 2(56). 2018. С. 28. О предметах из усыпальницы Годуновых см.: Спирина Л.М. Неизвестные произведения искусства и исторические документы, связанные с погребальным комплексом Годуновых // Памятники культуры. Новые открытия. 1980. Л., 1981. С. 455–464; Спирина Л.М. Царская усыпальница Годуновых на территории Троице-Сергиевой лавры. Сергиев Посад, 2008.

вых вскрывалась повторно в 1946–1947 гг. под руководством В.М. Раушенбаха, и в этот раз в них ничего обнаружено не было⁵³.

После завершения Смуты происходили перезахоронения, носившие «восстановительный» характер. 6 марта 1627 г. братья Архип и Иван Акинфовы били челом царю Михаилу Фёдоровичу и просили отпустить одного из братьев со службы для перезахоронения тела их отца, воеводы Ф.П. Акинфова, убитого в Смутное время в Астрахани самозванцем Иваном-Августом. Ранее они просили С.Л. Татищева, «чтоб он досмотрел гроб отца нашего», можно ли его «взять к Москве». Татищев, получив благословение архиепископа, «окопал» и «досмотрел» вместе с соборными священниками захоронение и обнаружил, что тело воеводы «невредимо ничем, саван цел, толко отдал часть земли от лица в трех местах, а как, государи, поворошили голову, и от головы и от плеч пошла пасока, кое место рублено». Царь приказал отпустить И.Ф. Акинфова перевезти тело отца для погребения во Владимирском уезде⁵⁴.

Важное символическое значение имело перезахоронение останков царя Василия Шуйского, его брата кн. Дмитрия Ивановича и жены последнего, княгини Екатерины Григорьевны, совершённое в 1635 г. после заключения Поляновского мира. Это событие подробно освещено в исследовательской литературе⁵⁵. Шуйских после отречения царя Василия от престола в ноябре 1610 г. вывезли в Речь Посполитую. Довольно скоро один за другим они умерли в заключении в Гостыньском замке: царь Василий (12(22) сентября 1612 г.), кн. Дмитрий (17(27) сентября 1612 г.), княгиня Екатерина (15(25) ноября 1612 г.). Над могилами Шуйских король Сигизмунд III повелел построить усыпальницу («Московская каплица» в Варшаве) с торжественными надписями, прославляющими военные успехи польской короны. Останкам пленных Шуйских была уготована участь военного трофея.

В Московском государстве не могли примириться с таким положением. Послу кн. А.М. Львову, отправленному в Польшу для ратификации Поляновского мирного договора, указали привезти тело царя Василия Шуйского и его родных в Россию. Особый интерес представляют аргументация и средства, которые послы могли употреблять для достижения результата: «Судом Божиим лежит у вас в Польше тело блаженныя памяти царя и великаго князя Василия Ивановича всея Руси, и по нашему христианскому закону пеня по нем и службы по святым отец правилам нет, лежит, что один от убогих». Ныне царь Михаил Фёдорович, «жалая о том», велел просить короля, чтобы тот тело царя Василия велел отдать и позволил отвезти в Московское государство. В качестве важного аргумента было велено напоминать о любви между монархами, которая укрепит от такого богоугодного дела. Московское правительство соглашалось потратить значительные средства для получения останков Шуйских, хотя в наказе послам подчёркивалось, что «не статочно давать за мертвое тело казну,

⁵³ Токарева Т.Ю., Холодкова Н.В. История захоронений Годуновых на территории Троице-Сергиевой лавры. Новые данные // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы VI международной конференции, 29–31 октября 2008 года. Тезисы докладов VII международной конференции, 23–25 сентября 2010 г. Сергиев Посад, 2011. С. 60–69; Токарева Т.Ю., Холодкова Н.В. Загадки царской усыпальницы. С. 22–26.

⁵⁴ Горбатов Е.Н. Отпускные челобитные служилых людей 1626–1629 годов // Очерки феодальной России. Вып. 17. М.; СПб., 2013. С. 263–264, 305.

⁵⁵ Цветаев Д.В. Царь Василий Шуйский и места погребения его в Польше. 1610–1910 гг. Т. 1–2. Варшава; М., 1901, 1910; Козляков В.Н. Василий Шуйский. М., 2007. С. 258–261.

тем более многую, нигде не слыхано, чтобы продавали тела мертвых». Послам разрешили дать за царя Василия 10 тыс. руб. и более, но за князя Дмитрия и его жену не платить: «то царскому телу не образец»⁵⁶. Выставляя на первый план заботу о душе покойного царя, организаторы перезахоронения невольно продемонстрировали и основную причину, по которой они добивались выдачи тела царя Василия — ущемлённое политическое самолюбие. Данный прецедент не единственный. При Иване Грозном велись переговоры об обмене останков кн. П. И. Шуйского, родича царя Василия, убитого во время Ливонской войны, на тело жены воеводы С. Довойны, умершей в московском плену, однако этот обмен не состоялся⁵⁷.

Король Владислав быстро согласился отдать тела Шуйских, причём бесплатно. Траты составили почти 4 тыс. руб. — на раздачу «посулов» сенаторам и королевским ближним людям и подготовку останков к перезахоронению. Сенаторы не забыли упомянуть, как русским повезло с королём: «а был бы Сигизмунд король, он ни за что не отдал бы тело царя Василия, даже ни одной кости, хотя бы ему палаты золота насыпали»⁵⁸. В России гробы Шуйских торжественно встречали сначала на р. Поляновке, затем — в Вязьме, Можайске и, наконец, в Москве (10 июня), где в церемонии участвовали царь Михаил Фёдорович и патриарх Иоасаф. Везде по дороге над гробами служили панихиды и раздавали милостыню; из Москвы выслали провизию на кутью. Встреча в столице отличалась особой пышностью. «При полном колокольном звоне и в сопровождении государя процессия вступила в Архангельский собор — место упокоения московских царей. Была dokonчена большая панихида, при гробе поставлен почётный караул. На другой день, 11 июня, совершено было торжественное погребение»⁵⁹. Погребение царя Василия Шуйского в Архангельском соборе стало одним из символических актов завершения Смуты.

Представляется, что эксгумации и перезахоронения Смутного времени являются частью общего кризиса, охватившего русское общество в начале XVII в. В это время политические факторы властно вторглись в духовную сферу, причудливо сопрягаясь с религиозными обрядами и традициями. Одним из проявлений этого стали несколько эксгумаций и перезахоронений (а также уникальное в практике русского Средневековья сожжение останков Лжедмитрия I). Смысл этих действий можно свести к двум противоположным тенденциям: разрушения и восстановления. Разрушение было направлено против могил и останков политических врагов (Борис Годунов и его родные, Лжедмитрий I). Восстановление стало элементом политических реабилитаций, возрождения традиционного порядка и уклада, частью которого являлись аристократические усыпальницы и развитые традиции поминовения.

⁵⁶ Цветаев Д. В. Указ. соч. Т. 1. С. 122, 123.

⁵⁷ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 71. СПб., 1892. С. 599–602, 625.

⁵⁸ Цветаев Д. В. Указ. соч. Т. 1. С. 126.

⁵⁹ Там же. С. 131.

Русский Север в 1620–1640-е гг.: возможности и ограничения статистических методов

Дмитрий Лисейцев

**Cities of the Russian North in the 1620s–1640s:
possibilities and limitations of statistical methods**

Dmitry Liseitsev

*(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences;
HSE University, Moscow, Russia)*

DOI: 10.31857/S2949124X23020025, EDN: BHUIMD

Экономическая история Московского государства в силу состояния источниковой базы остаётся изученной неравномерно и в целом недостаточно полно. В более выгодном положении оказались города и уезды Русского Севера, находившиеся в ведении приказов Новгородской и Устюжской четвертей, чьё делопроизводство неплохо сохранилось. Это обусловило появление серии исследований по экономической истории отдельных северных городов XVII в., классикой среди которых является монография А.Ц. Мерзона и Ю.А. Тихонова о рынке Великого Устюга¹. Исследователи, как правило, ограничиваются рассмотрением сюжетов, связанных с одним городом или уездом, обобщающие работы по истории Русского Севера XVII в. — большая редкость. Среди них особого упоминания заслуживают книга М.С. Черкасовой² и статья И.В. Пугача³. Последняя из названных работ, содержащая богатый фактический материал, подвергнутый глубокому статистическому анализу, вдохновила меня на написание статьи по близкой тематике. Пугач как основной источник исследования использовал приходо-расходные книги и сметные росписи Устюжской и Новгородской четвертей, а также городовые сметные списки, охарактеризованные им как «позволяющие в целом определить уровень социально-экономического развития отдельных городов и уездов». Реконструируемая на их базе картина представляется исследователю «адекватной реальному соотношению социально-экономических параметров отдельных административно-территориальных и финансовых округов». Для выявления социально-экономической динамики он выбрал «срезы» за 1620/21, 1627/28 и 1643/44 гг.⁴

Предложенную Пугачем методику можно признать продуктивной, но необходимы уточнения. Приходо-расходная документация московских прика-

© 2023 г. Д.В. Лисейцев

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ «Высшая школа экономики».

¹ Мерзон А.Ц., Тихонов Ю.А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII век). М., 1960.

² Черкасова М.С. Северная Русь: история сурового края XIII–XVII вв. М., 2017.

³ Пугач И.В. Города Русского Севера в первой половине XVII в.: социально-экономический рейтинг // Российская история. 2022. № 1. С. 67–86.

⁴ Пугач И.В. Города Русского Севера... С. 68–69, 81.

зов, иллюстрируя финансовые итоги сбора податей, редко позволяет узнать, насколько лёгкой или тяжёлой была фискальная нагрузка на население, и от исследователя ускользает общественная сторона социально-экономического развития региона. Необходимы и коррективы предложенной методики «срезов». Говоря об экономическом развитии Русского Севера, следует помнить, что мы имеем дело с динамично меняющимися показателями, зависящими как минимум от капризов природы, и поэтому метод «срезов» может дать искажённую картину. Например, в 1620/21 г. сумма кабацкого и таможенного сборов в Кольском остроге составила 2507 руб., в 1627/28 – 2961, 1643/44 г. – 2197 руб., что соответствует обозначенной исследователем картине потери Кольским уездом прежнего экономического потенциала. Но сместив «срез» лишь немного, видим уже иную динамику. В 1619/20 г. кабацких и таможенных денег в Кольском остроге собрали на сумму 1711 руб., а в 1621/22 г. – около 3100 руб. Ещё большие расхождения мы увидим между сборами 1627/28 и 1628/29 гг. – 2961 и 6294 руб. соответственно. В 1642/43 г. Кольский острог обогатил казну за счёт таможи и кабака лишь на 1860 руб. Взяв в качестве точек «среза» 1619/20, 1628/29 и 1642/43 гг., мы бы увидели сначала увеличение доходов в 3,7 раза, а затем почти столь же грандиозное падение – в 3,4 раза, но между 1619/20 и 1642/43 гг. всё же констатировали бы небольшой, 8-процентный прирост. Нивелировать годовые колебания сборов, безусловно, можно, если брать усреднённые показатели за несколько соседних лет, допустим, не за один 1643/44, а за 1642/43–1644/45 гг. В большинстве случаев источники такую возможность предоставляют.

Несколько слов следует сказать относительно выбранных Пугачем «срезов». Последний из них не вызывает сомнений, давая возможность подвести итоги экономической политики царя Михаила Фёдоровича. Выбор в качестве отправной точки 1620/21 г. не столь бесспорен. Есть основания сомневаться в том, что сборы начала 1620-х гг. адекватно отражают картину экономического состояния северных городов. В Великом Устюге и Соли Вычегодской местные жители довольно долго скрывали от правительства реальные размеры кабацких и таможенных доходов, утаивая более половины собираемых денег⁵. Скорее всего похожая ситуация наблюдалась и в других местах. Оценивая реальные темпы экономического развития Московского государства по завершении Смуты, отталкиваться нужно от поступлений середины 1620-х гг., когда правительство разобралось в реальной картине фискального потенциала подвластных территорий. В качестве второго «среза» я предлагаю использовать середину 1630-х гг.: это позволит рассматривать экономическую динамику на равных десятилетних отрезках и оценить влияние на Русский Север реалий, связанных с вступлением страны в Смоленскую войну, когда правительству пришлось поднимать ставку уже существовавших налогов и вводить новые – экстраординарные – подати.

Источниковая база для изучения экономической истории северных уездов Московского государства первой половины XVII в. главным образом представлена материалами делопроизводства Устюжской и Новгородской четвертей. Первая ведала Великим Устюгом, Солью Вычегодской, Тотьмой, Чарондой и Устьянскими волостями; в ведении второй находились Великий Новгород,

⁵ Лисейцев Д.В. «Привезли в посулах устюжане сто рублей денег»: земские миры и центральная власть в Московском государстве 1610–1620-х гг. // Российская история. 2018. № 4. С. 90–110.

Псков, Архангельск, Вологда, Вятская и Пермская земли, Кольский острог, Мезень, Каргополь и Пустоозерск. Сохранность документов Устюжской четверти может быть признана высокой: мы располагаем приходо-расходными материалами и текущим документооборотом этого приказа с начала 1620-х гг. почти без лакун⁶. Сохранившийся массив делопроизводства Новгородской чети выглядит скромнее — между доступными исследователю приходо-расходными материалами этого ведомства имеются большие хронологические разрывы⁷. Пробелы отчасти восполняются сметными росписями приказа 1627/28, 1633/34, 1638/39, 1643/44 и 1644/45 гг. и окладной росписью 1628/29 г.⁸ Сведения об экономическом состоянии отдельных городов, подведомственных Новгородской четверти, можно почерпнуть в городских сметных списках⁹. Наличие значительного массива сохранившейся документации Устюжской и Новгородской четвертей, а также единство территориального массива, подведомственного этим приказам, делает возможной реконструкцию экономической динамики Русского Севера на значительном хронологическом отрезке.

Богатые возможности отслеживания динамики экономического состояния отдельных территорий предоставляют сведения о размерах кабацких и таможенных сборов. Такие данные, помимо уже перечисленных документов, можно почерпнуть в пошлинных и беспошлинных книгах Печатного приказа. Остро нуждавшееся после Смуты в денежных средствах московское правительство охотно передавало в откуп таможи и кабаки. При этом оформлялась откупная грамота с уплатой пошлины за приложение к грамоте печати (что и отмечалось в книгах Печатного приказа). Кроме того, сохранились две книги из архива Новгородской четверти, где зафиксирована информация о передаче в откуп различных хозяйственных объектов в городах, подведомственных приказу, за 13 лет (1630–1643)¹⁰.

Может ли информация о доходности кабаков и торгов быть отражением экономического состояния той или иной территории? Прибыльность таможи зависела от предпринимательской активности как местных жителей, так и приезжих торговых людей, повышение же или снижение питейных сборов отражает колебания уровня благосостояния посада и уезда в целом. Кабацкие и таможенные доходы в совокупности составляли львиную долю денег, поступавших в государственный бюджет с городов и уездов. В 1644/45 г. они дали от всех взятых в казну средств с Чердыни — 73%, с Кольского острога — 80, с Великого Новгорода, Пскова, Соли Камской — 95, с Архангельска и Вологды по 99%, причём то же соотношение имело место в этих городах и двадцатью годами ранее¹¹. Поэтому данные о количестве шедших в казну питейных и таможенных денег можно использовать для анализа экономического состояния соответствующих регионов Московского государства в целом. Тем более что

⁶ Приходо-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. М., 1983 (далее — ПРК). С. 326–392; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Чаронда, кн. 2; Устюг, кн. 6, 9, 12а, 14, 16, 17, 21, 22, 28, 36, 43, 45, 51, 72; Тотьма, кн. 1; Суздаль, кн. 2.

⁷ ПРК. С. 7–141, 243–325; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 15, 28.

⁸ РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 16, 18, 22, 29, 30; ф. 141, оп. 1, д. 61 (1628 г.); оп. 2, д. 89; д. 62 (1640 г.).

⁹ Там же, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 12-а, 13-б, 13-г, 19, 20, 21, 33; Псков, кн. 4.

¹⁰ Там же, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 23, 24.

¹¹ Там же, кн. 15, л. 47–52, 95–99, 192–210, 296–325; кн. 30, л. 15–17, 31–33, 58 об.–60 об., 121 об.–125 об., 156–157 об., 167–169, 226 об.–229 об.

сведения о них дают информацию об экономическом состоянии региона в динамике, позволяя отслеживать их колебания едва ли не погодно, тогда как размер четвертных доходов и стрелецких денег, исчислявшихся по зачастую устаревшим нормативам сошного письма, такую возможность исключает.

Формат статьи не позволяет подробно изложить экономическую историю полутора десятков городов Русского Севера, поэтому предоставляю читателю возможность проследить соответствующую динамику, опираясь на приведённые в приложении данные о таможенных и кабацких сборах за 1620–1645 гг. Первые из них в большей степени дают представление об экономической активности города. За 1625–1645 гг. таможенные прибыли в городах Севера выросли на 36,5% (с 47,7 тыс. до 65,1 тыс. руб.). На протяжении всего рассматриваемого периода по этому показателю лидировал Архангельск, где средние сборы по трём выбранным «срезам» составляли соответственно 24, 25,7 и 28,4 тыс. руб. При столь значительных суммах Архангельск демонстрировал слабую положительную динамику: за 1625–1635 гг. рост составил всего 7%, за следующее десятилетие — 16%, а за 20 лет темпы роста таможенных доходов в Двинской земле оказались вдвое ниже среднего для городов Севера уровня. Второй по прибыльности торговли была Вологда. Её средние сборы в те же три выбранных момента составляли 5,7, 7,4 и 11,7 тыс. руб. Относительный их рост за первые десять лет составил 30,5%, за вторые — 76%. Третье место удерживал Великий Устюг (4,2, 3,8 и 5 тыс. руб.). В первые десять лет сборы здесь упали на 8%, но затем выросли на 28%. Четвёртым по доходности торгов был Псков (2,4, 2,6 и 3,3 тыс. руб.), где рост составил в первое десятилетие 8%, во второе — 32%. Находившийся в 1625–1635 гг. на пятой позиции Великий Новгород (1,7 и 2,2 тыс. руб.) к концу царствования Михаила Фёдоровича, собирая в среднем 2,4 тыс. руб., уступил своё место Соли Камской. Последняя же, отставая сначала от городов первой четвёрки по абсолютным цифрам (0,9, 1,8 и 3,3 тыс. руб.), показала самые высокие темпы роста — 107% в 1625–1635 гг. и 164% в 1635–1645 гг. В пермских городах вообще наблюдалась высокая экономическая динамика. Кайгородок, державшийся среди городов Севера на последних местах по абсолютным суммам таможенных поступлений, по их относительному росту занимал второе место (89 и 152% соответственно). Административный центр Пермской земли — Чердынь, собиравший совсем скромные суммы, сборы за 1625–1645 гг. удвоил. Временем стагнации стали 1625–1645 гг. для Тотьмы и Яренска. Мезень, Кеврола и Кольский острог продемонстрировали заметное падение — на 40–50%. Пережившая в 1625–1635 гг. непростое время Соль Вычегодская за следующее десятилетие сумела выправить ситуацию, увеличив доходы к концу царствования Михаила Фёдоровича на 44,5%. Оправились от депрессии и торговые площадки Великого Устюга, хотя общими темпами роста (20%) от среднего уровня он заметно отставал. Несколько выше среднего оказался рост сборов в Новгороде (44%) и Пскове (40%).

Кабацкие прибыли в городах Русского Севера за 1625–1645 гг. выросли на 27,4% — с 47,8 до 60,9 тыс. руб. Перечень лидеров по питейным деньгам в целом совпадает со списком городов с наибольшими таможенными поступлениями, но имелись и нюансы. Архангельск, занимавший первое место по доходам от реализации алкоголя, показывал отрицательную динамику (9,5 тыс. руб. в середине 1620-х гг., 9 тыс. в середине 1630-х и 8,5 тыс. в середине 1640-х гг., т.е. каждое десятилетие сборы падали на 5%). Находившийся на втором месте

Великий Устюг также не мог похвастаться быстрым подъёмом, увеличив прибыльность сначала на 5,5%, а затем сократив её на 3% (8, 8,5 и 8,2 тыс. руб.). К середине 1640-х гг., опередив Архангельск и Великий Устюг, первое место по кабацким доходам заняла Вологда (4,8, 6,6 и 9 тыс. руб.). Рост прибылей от торговли алкоголем в Вологде составил 37% за первое и 49% за второе десятилетия. Четвёртое место сохранил Псков, где увеличение питейных сборов было относительно медленным — на 4,5% в 1625–1635 и на 13,5% в 1635–1645 гг. (4,5, 4,7 и 5,3 тыс. руб.). Следовавший за Псковом Великий Новгород, демонстрируя уверенный рост прибыльности кабаков (26,5% за первое и 30,5% за второе десятилетия; 3, 3,8 и 4,8 тыс. руб.), не только не смог обойти свой былой «пригород», но и уступил пятую строчку в рейтинге Соли Вычегодской. Последняя, в свою очередь, увеличившая за 1625–1635 гг. поступления от продажи алкоголя лишь на 2% (с 2,6 до 2,65 тыс. руб.), за следующие 10 лет совершила резкий рывок (на 89% — до 5 тыс. руб.). Темпы Соли Вычегодской, однако, не были самыми высокими на Севере. С итоговым подъёмом за два десятилетия на 91% она заметно уступила Соли Камской, чьи кабаки повысили прибыльность на 114% (с 2 до 4,4 тыс. руб.). Последняя по относительным показателям отдала первенство Чердыни (127%, с 1,1 до 2,4 тыс. руб.). В Кольском остроге, Тотьме и Мезени, напротив, наблюдалось падение доходов от кабаков — от 32 до 36%.

Статистика питейных и таможенных сборов в городах Русского Севера 1620–1640-х гг., на первый взгляд, показывает общий экономический подъём региона (упадок и стагнация наблюдались главным образом в городах Крайнего Севера). Рассмотрим, однако, ситуацию через оптику других источников. Самые большие деньги казне приносил Архангельск. В отдельные годы совокупный денежный приход с кабаков и торгов Двинской земли достигал 40 тыс. руб. (около $\frac{1}{3}$ всех поступлений с северных городов). Наибольшую прибыль приносила таможня, но объём сборов здесь был обусловлен колебаниями товарооборота и количеством товаров, доставляемых иногородними и иностранными купцами. Относительной стабильностью отличались питейные деньги. Их пик пришёлся на конец 1620-х гг., когда кабаки Архангельска и Холмогорских посадов приносили свыше 11 тыс. руб. Моменты сокращения сборов источники фиксируют в 1633/34 и 1643/44–1644/45 гг. Причины падения кабацких доходов в 1633/34 г. очевидны — в это время население Московского государства обложили «пятинными деньгами»¹². Недобор 1643/44–1644/45 гг. отразил серьёзное обнищание архангельского посада. Для жителей Архангельска к 1644 г. стали непосильными даже относительно небольшие подати — с посада не удалось взять 40 руб. четвертных денег. Население города, будучи не в состоянии платить введённый в 1638 г. экстраординарный налог, «от податей, которые ис приказу Збору ратных людей велено править ратным людям на жалованье... розбежались». Та же картина наблюдалась в других селениях Двинской земли¹³. К 1647 г. задолженность архангельского посада выросла вдвое, а суммарная недоимка с Двинского уезда за пять лет превысила 3800 руб., которые воеводы были бессильны собрать: «Те деньги правят на них, двинянех, на по-

¹² Там же, кн. 22, л. 160, 161 об. На связь падения таможенных и кабацких сборов в Двинской земле с практикой взимания «пятинных денег» (их оклад в 1633/34 г. составил 4 666 руб.) указывал Е.Д. Сташевский (*Сташевский Е.Д.* Пятина 142-го года и торгово-промышленные центры Московского государства // Журнал Министерства народного просвещения. 1912. Кн. 38. С. 316; Кн. 39. С. 98).

¹³ РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 28, л. 271–271 об., 280–283, 289, 313.

садцких людех и на уездных крестьянех свалом смертным правежем во весь день... И они... в тех деньгах на правеже убиты, а в тюрьме померли голодной смертью, а окупитца им некоторыми мерами не мочно». Итогом стало согласие правительства взимать недоимку с рассрочкой на четыре года¹⁴.

Ситуация в Архангельске показывает, насколько осторожно следует относиться к цифрам, отразившимся в приходе-расходных документах приказов-четвертей, тем более при определении общих тенденций с опорой на сведения за отдельно взятые годы. Если в 1620/21 г. архангельские и холмогорские таможи и кабаки суммарно дали казне около 21 700 руб. прибыли, а в 1644/45 г. — порядка 34 тыс. руб., то, на первый взгляд, можно сделать вывод о заметном — в полтора раза — экономическом подъёме региона¹⁵. Однако сведения об аналогичных поступлениях в другие годы портят красоту картины: они перевалили через 30 тыс. руб. уже к середине 1620-х гг. (в 1626/27 г. составили почти 35 тыс. руб.) и держались на этом уровне до середины следующего десятилетия. Таможенные сборы в Архангельске с середины 1620-х гг. постепенно росли, увеличившись за десять лет в полтора раза и достигнув наибольшего значения (более 31 тыс. руб.). С конца 1630-х гг., однако, доходы от торговли в городе заметно сократились, лишь однажды — в 1642/43 г. — приблизившись к прежним пиковым показателям. Иную картину демонстрируют кабаки. Увеличившись более чем вдвое к середине 1620-х гг. (до 9,5 тыс. руб.), собираемость питейных денег держалась на этом уровне до конца царствования Михаила Фёдоровича, временами поднимаясь, иногда снижаясь, в целом демонстрируя не рост, а стагнацию на фоне массового разорения населения Двинской земли.

Богатейшим городом на северо-западе Московского государства в первой половине XVII в. был Псков. Таможенные сборы здесь в начале 1620-х гг. перевалили через 3 тыс. руб., но уже с середины десятилетия заметно сократились и на протяжении последующих десяти лет почти никогда не достигали этого уровня. Видеть здесь признаки экономического упадка Пскова не следует: в 1626/27 г. в городе закрыли Денежный двор, приносивший 1–1,5 тыс. руб. прибыли, учитываемой вместе с таможенными поступлениями. Доходность торговли в приграничном городе во многом определялась не зависящей от псковичей конъюнктурой. В 1629/30 г., например, таможенный голова объяснял недобор денег не только карантинными заставами между Нарвой и Ивангородом, но и прекращением в сентябре 1629 г. войны между Речью Посполитой и Швецией, когда литовские купцы вновь повезли товары в Ливонию, а не в Псков¹⁶. В силу своего расположения Псковский уезд едва ли не единственный на севере рисковал стать зоной боевых действий, как, например, было в 1633/34 г.¹⁷ Преодолеть планку в 3 тыс. руб. таможенные доходы в Пскове смогли только в 1634/35 г., да и то за счёт интервенции откупщика — москвитина Лужнецкой слободы Ивана Скорнякова, взвинтившего цену псковского торго сразу почти в полтора раза. Испуганный его активностью, псковский посад обратился к царю с челобитной, и через полгода откупщик покинул город. Таможня оказалась в коллективном откупе за псковским посадом, но платить

¹⁴ Там же, ф. 141, оп. 2, д. 36 (1647 г.), л. 302–317.

¹⁵ «Несмотря на проблемы в сборе государственных доходов в отдельные годы, динамика их роста на Двине очевидна. По отношению к 1620/21 г. в 1627/28 г. они увеличились в 1,3, а к 1643/44 г. — в 1,5 раза» (Пугач И. В. Города Русского Севера... С. 73).

¹⁶ РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 40274, л. 578.

¹⁷ Там же, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 22, л. 51 об.—52.

в казну теперь приходилось даже больше, чем обещал Скорняков. После этого до конца царствования Михаила Фёдоровича таможенные сборы в Пскове демонстрировали стагнацию. Псковичи неоднократно жаловались и на засилье кабацких откупщиков, но в этом вопросе правительство навстречу им не пошло, осознавая, что верная форма эксплуатации псковских кабаков принесёт казне ущерб¹⁸. Городские кабаки Пскова были перспективнее торгов, представляя казне ежегодно от 4 до 5 тыс. руб. С конца 1620-х гг. псковские питейные заведения находились в руках откупщиков, добивавшихся повышения прибыльности методами, далёкими от забот о процветании местных жителей. По совокупности доходов Псков и Псковский уезд демонстрировали стагнацию: в конце царствования Михаила Фёдоровича они давали казне около 11 тыс. руб., но приблизительно такие же суммы здесь собирали в 1635/36–1636/37 и даже в 1623/24 гг.

Похожая картина наблюдалась в Великом Новгороде. Кабацкие прибыли в городе постепенно увеличивались от 2 тыс. руб. в 1620/21 г. до 4,8 тыс. руб. в 1644/45 г. Как и в Пскове, местные питейные заведения с начала 1620-х гг. постоянно находились под управлением откупщиков. Таможенные сборы в Новгороде, составляя в начале 1620-х гг. около 1 тыс. руб., к концу десятилетия выросли до 2,3 тыс. руб., после этого уже существенно не увеличившись. Почти весь рассматриваемый период новгородская таможня управлялась на вере, и лишь в 1638/39–1640/41 гг. её отдали на откуп с солидной – примерно в 200 руб. – наддачей. Как и в Пскове, лишь откупщики создавали иллюзию некоторого экономического роста Великого Новгорода. Возможности составить им конкуренцию и вытеснить их из города у новгородского посада не было, что признавали в 1638 г. и в Москве: «А только тем кабаком быть на вере, и в них чаять недобору... а наддачами те кабаки стали велики, и столько верным не собрати»¹⁹. Сборы пошлинных денег в Великом Новгороде были сопряжены с проблемами. К концу 1630-х гг. за предыдущие полтора десятка лет по городу и уезду накопилась серьёзная недоимка. За 1625/26–1629/30 гг. общий недобор составил более 1,5 тыс. руб., и, отчаявшись «доправить» эти деньги, казна отказалась от их взыскания. За 1630/31 г. недоимки не числилось, за 1631/32 г. она оказалась символической – чуть более 10 руб., но в дальнейшем недобор, став ежегодным, возрастал, достигнув пиковых величин в 1633/34–1635/36 гг. (от 1,6 до 1,9 тыс. руб. в год). К 1638/39 г. за вычетом «доправленных» денег и прощённых долгов, Великий Новгород оставался должен бюджету свыше 7 тыс. руб.²⁰

Особая картина экономического развития сложилась в Вологде. К концу Смуты город был основательно разорён и в 1619/20 г. принёс казне немногим больше 5,5 тыс. руб. кабацких и таможенных денег²¹. С середины 1620-х гг. ситуация стала меняться: средние прибыли от взимания торговых пошлин превысили 5,5 тыс. руб. и на протяжении всего рассматриваемого периода росли, перевалив к концу царствования Михаила Фёдоровича за 13 тыс. руб. Дважды рост таможенных доходов здесь замедлялся и даже снижался – в 1633/34–1635/36 и 1637/38 гг. Резкий их рост фиксируется с конца 1630-х гг., когда они приблизились к 10 тыс. руб., а затем и превзошли этот уровень. Уверенно росли

¹⁸ Там же, кн. 23, л. 356 об.–358 об.; кн. 24, л. 136 об.–137.

¹⁹ Там же, л. 135 об.

²⁰ Там же, ф. 141, оп. 2, д. 89, л. 10–18; ф. 396, оп. 1, д. 41145, л. 130–140.

²¹ Там же, ф. 396, оп. 1, д. 52536, л. 6.

и питейные сборы. Удвоив за 1620-е гг. прибыль, вологодские кабаки заинтересовали откупщиков и с 1631/32 по 1635/36 гг. эксплуатировались торговыми людьми московских слобод и сотен, а затем крестьянами боярина И.Н. Романова. Подняв за пять лет годовую сумму передаваемых казне кабацких денег на 25% (до 6,8 тыс. руб.), откупщики достигли «потолка» финансовых возможностей местного населения, на которое тогда же дополнительным бременем легли «пятинные деньги». Необходимо учитывать и случившийся в Вологде в 1636 г. большой пожар²². В 1637/38 г. голова и целовальники не смогли удержать доходность кабаков на прежнем уровне, но общий хозяйственный подъём сказался и на этой статье прихода, и в первой половине 1640-х гг. средний годовой сбор питейных денег в Вологде составлял около 9 тыс. руб., а город уверенно удерживал второе после Архангельска место по количеству передаваемых в казну средств.

Видное место в жизни Русского Севера в первой половине XVII в. играл Великий Устюг. К концу Смуты город не производил впечатления процветающего центра: в 1619/20 г. городские торги и кабаки принесли бюджету лишь около 2,8 тыс. руб. Вскоре выяснилось, однако, что бедность Устюга была показной — пользуясь отсутствием контроля из столицы, устюжане утаивали от казны более половины прибыли. С 1620 г. в город стали назначать кабацких и таможенных голов из московского купечества, и скрывать собираемые подати в прежних масштабах уже не удавалось. К середине 1620-х гг. питейные заведения и торги Великого Устюга с уездом ежегодно собирали порядка 12 тыс. руб., держась на этом уровне с небольшими колебаниями до начала 1640-х гг. Таможенные сборы Великого Устюга демонстрировали стабильность, до 1641 г. давая в год около 4 тыс. руб. Лишь однажды за 15 лет (в 1631/32 г.) они заметно — примерно на 1 тыс. руб. — упали относительно обычного уровня²³. В ходе сыска о недоборе пошлин городская администрация констатировала: «Достальные крестьянишка... розбежались, пометав деревнишка свои впусто, врознь розбрелись»²⁴. В 1641/42—1643/44 гг., напротив, таможенные доходы выросли, давая ежегодно свыше 5 тыс. руб. Кабацкие сборы на протяжении рассматриваемого периода их заметно превосходили. Средняя годовая прибыль устюжских кабаков с середины 1620-х до начала 1640-х гг. составляла от 7,5 до 8,5 тыс. руб., хотя наблюдались и заметные отклонения от этой нормы.

Отдельные годы в Устюге оказались неблагоприятными. В конце 1628 г. головы жаловались на малочисленность торговых людей: «сибирские выходцы» проезжали через Устюг в Вологду без задержки, поскольку покупателей на «мягкую рухлядь» в городе и уезде не было. Тревогу вызывало и падение кабацких сборов: «Многие люди оскудели и в напойных деньгах... стоят на правеже, а иные... розошлись в сибирские города». Основной причиной неплатёжеспособности населения называли хлебный недород и дороговизну. Летом 1628 г. хлеб прошлого урожая раскупили «немцы»; новый урожай оказался

²² Там же, ф. 141, оп. 2, д. 41 (1636 г.), л. 33; д. 58 (1636 г.), л. 1. Пожары в Вологде случались также в 1632 и 1641 гг. (Кукушкин И.П. Вологодские напасти XV—XVII вв. // Русская культура на рубеже веков: русское поселение как социокультурный феномен. Сборник статей. Вологда, 2002. С. 320—326).

²³ К тому же времени относится информация о запустении Подосиновской и Вохомской волостей Устюжского уезда (РГАДА, ф. 137, оп. 1, Устюг, кн. 21, л. 45, 69; кн. 22, л. 66).

²⁴ Там же, ф. 141, оп. 1, д. 52 (1632 г.), л. 62, 73—74.

незавидным²⁵. В 1630 г., помимо хлебного недорода, устюжский голова жаловался на разгул разбоев по рекам Югу и Сухоне; ситуация оставалась тяжёлой и в 1630/31 г., когда вновь вымерз урожай, а прошлогодний хлеб «немцы выкупили и вывезли дочиста к Архангельскому городу» (речь идёт о санкционированных правительством закупках хлеба агентами датской, а затем шведской короны)²⁶.

В начале 1632 г. устюжане обратились к царю с челобитной, сообщив о своём бедственном положении: помимо денег на корм сибирским служилым людям от них потребовали доставить в Москву провиант для иностранных наёмников. Итог оказался печален: «Устюг посад пустеет и весь Устюжской уезд, во многих... волостех крестьяне деревнишка свои пометали впусе, а сами бредут врознь»²⁷. Но главные потрясения были впереди: в конце 1632 г. объявили сбор пятины. Уже в марте 1633 г. в Москву сообщали: «В мире стала скудость великая, все мирские люди... стоят на правеж... Иногородные люди для тех пятинных денег не смеют к Устюгу ехать». Пятинный побор повторился в 1634 г., а в следующем году на четверть вырос оклад стрелецких денег. Тяжёлым для устюжан оказался 1635/36 г.: «В мире стала скудость великая, и все посадские и волостные люди стоят на правеже». В Москве происходящего словно не замечали, и в 1636/37 г. удвоили оклад стрелецких денег²⁸.

В 1638 г. с Устюга и Устюжского уезда собирали по 2 руб. с двора на корм ратным людям. Из запланированных 15,5 тыс. руб. взять удалось менее трети. Выбить задолженность из устюжан не было никакой возможности. В конце 1638 г. устюжский воевода докладывал в Москву, что «посадские люди и уездные крестьяне... во всяких податех стоят на правеже... во весь день, а на ночь мечут в тюрьму... а Устюжского уезда многие деревни пусты»²⁹. В 1639 г. в столицу докладывали о практически полном запустении 11 волостей Устюжского уезда, причём в пяти из них с трудом удалось найти по два—три крестьянина³⁰. Оставшиеся 10,7 тыс. руб. подворной подати жители города и уезда выплачивали в рассрочку до 1654 г. Этим долги устюжан перед казной не исчерпывались. К 1640 г. данных, оброчных, стрелецких денег и прочих податей город и уезд задолжали на общую сумму свыше 60 тыс. руб. В довершение всего случился очередной хлебный неурожай, а наводнение смыло часть городского посада. В итоге правительство в 1640 г. распорядилось разбить выплату недоимок на четыре года. Последний год царствования Михаила Фёдоровича оказался для Устюга катастрофичен — кабаки и торги принесли бюджету менее 10 тыс. руб. Столь низких показателей город не видел с начала 1620-х гг.

Непростой была ситуация и в Соли Вычегодской. Таможенные сборы в городе и уезде сначала держались в районе 1 тыс. руб. и только к концу 1620-х гг. сумели перейти отметку в 1,5 тыс. руб., но в начале 1630-х гг. вернулись на прежний уровень. Новый подъём экономической активности здесь наметился только на рубеже 1630—1640-х гг., и к концу царствования Михаила Фёдоровича таможи Соли Вычегодской и Усольского уезда стали собирать свыше

²⁵ Там же, д. 74 (1628 г.), л. 5, 50.

²⁶ Там же, д. 57 (1631 г.), л. 24, 46а, 133—134.

²⁷ Там же, д. 66 (1632 г.), л. 172.

²⁸ Там же, ф. 137, оп. 1, Устюг, кн. 36, л. 65, 376; ф. 141, оп. 1, д. 4 (1633 г.), л. 422; д. 38 (1634 г.), л. 112; оп. 2, д. 66 (1636 г.), л. 207; д. 58 (1640 г.), л. 103.

²⁹ Там же, ф. 137, оп. 1, Устюг, кн. 43, л. 66 об.; кн. 45, л. 87.

³⁰ Там же, кн. 51, л. 14.

2 тыс. руб. в год. Питейные доходы были выше торговых, ежегодно принося казне около 2,5 тыс. руб. Через 3 тыс. руб. они перешагнули лишь в 1628/29 и 1629/30 гг., а затем вернулись к исходной цифре. Подобно таможенным деньгам, прибыли кабаков вновь стали расти с конца 1630-х гг., сначала перешагнув планку в 4 тыс. руб., а затем перевалив и через 5 тыс.

Причины низкой собираемости пошлин известны. В августе 1626 г. и в следующем 1626/27 г. Соль Вычегодская дважды горела, и «после усольского пожара многие посадские люди розошлись, а иных городов торговые люди не приезжают ж... а на кабаках... питью розходу мало»³¹. Свою роль играли и капризы природы. В 1629/30 г. в Соли Вычегодской жаловались на хлебный недород и моровое поветрие. Следующий год тоже выдался неурожайным, к тому же сборы пострадали из-за бесчинств казаков, следовавших на службу в Сибирь: «От тех... казаков многие торговые проезжие люди врознь розъехались и товары никакими не торговали, и мяхкую рухлядь всякую мимо Усолье провозили»³². Свой вклад в разорение населения вносили и не в меру усердные головы: «Достальные посадские людишка... от тех таможенных и кабацких голов... от их таможенные грабежные пошлины и от кабацких великих наклепов обдолжали и осиротали»³³.

Росла фискальная нагрузка. В 1632–1634 гг. с населения дважды взимали пятинные деньги, и «многие торговые люди к Соли Вычегодской с товары не ездили, бояся пятинного окладу, и ис сибирских городов промышленных людей в том году вышло немного, бояся того же пятиного окладу». С 1634/35 г. увеличили оклад «стрелецких денег»³⁴. В феврале 1636 г. недовольство населения сложившейся ситуацией вылилось в восстание, в ходе которого был разграблен двор воеводы³⁵. Обнищание посада и крестьян оказалось столь значительным, что в 1636 и 1637 гг. все кабаки и торги в городе и уезде впервые передали в эксплуатацию московским откупщикам. Введённая в 1638 г. подворная подать оказалась для усольцев неподъёмной — даже когда правительство год спустя снизило для крестьян оклад вдвое. К 1639 г. по этому налогу за Усольским уездом числилась недоимка свыше 5 тыс. руб., которую предстояло уплачивать с рассрочкой в 10 лет.

В мае 1638 г. Соль Вычегодская пережила очередной большой пожар, уничтоживший около 250 дворов³⁶. Неудивительно, что ситуация в городе и уезде оставалась напряжённой — в октябре 1638 г. воевода писал в Москву, что уездные крестьяне противятся уплате податей, бегают от сборщиков, а в одной из волостей едва не утопили приставов³⁷. Отмеченное И.В. Пугачем «поступательное и устойчивое развитие на протяжении первой половины XVII в.» Соли Вычегодской с уездом³⁸ можно увидеть лишь на листах бюджетных смет приказа

³¹ Там же, ф. 141, оп. 1, д. 10 (1627 г.), л. 1–37; д. 76 (1627 г.), л. 34; д. 52 (1627 г.), л. 92; д. 74 (1628 г.), л. 335; д. 4 (1633 г.), л. 362.

³² Там же, ф. 137, оп. 1, Устюг, кн. 17, л. 77–77 об.; ф. 141, оп. 1, д. 55 (1631 г.), л. 39; д. 57 (1631 г.), л. 220–222, 230.

³³ Там же, ф. 141, оп. 1, д. 72 (1630 г.), л. 250.

³⁴ Там же, д. 52 (1632 г.), л. 524, 542; д. 38 (1634 г.), л. 112.

³⁵ Чистякова Е.В. Городские восстания в России в первой половине XVII в. (30–40-е годы). Воронеж, 1975. С. 179–184.

³⁶ Соскин А.И. История города Соли Вычегодской. Сыктывкар, 1997. С. 77.

³⁷ РГАДА, ф. 137, оп. 1, Устюг, кн. 43, л. 91 об.; кн. 51, л. 48 об.–49; Владимир, кн. 4, л. 39–40.

³⁸ Пугач И.В. Города Русского Севера... С. 75.

Устюжской четверти, не объясняющих, к сожалению, отчего население устойчиво развивающегося региона вздумало убить воеводу.

В расположенной на Сухоне в полпути от Вологды к Великому Устюгу Тотьме в 1620-х гг. наблюдалось удвоение таможенных сборов, а в начале 1630-х они достигли рекордных показателей — около 3 тыс. руб. С 1632/33 г., однако, поступления в таможни сократились, до конца десятилетия с трудом и не всегда преодолевая отметку в 2 тыс. руб. В начале 1640-х гг. этот показатель пережил кратковременный подъём, сменившийся к финалу царствования Михаила Фёдоровича новым снижением — в отдельные годы до уровня двадцатилетней давности. Сборы кабацких денег демонстрируют иную динамику: к середине 1620-х гг. они выросли приблизительно в полтора раза, но уже в конце десятилетия началось их падение — до уровня начала десятилетия, причём кабаки стали приносить средств меньше, чем торги. В начале 1630-х гг. синхронно максимальному подъёму таможенных сборов также удалось взять рекордное количество питейных денег — более 2 тыс. руб., после чего прибыльность кабаков стала падать, к середине 1640-х гг. сократившись до уровня начала 1620-х. Подъём экономической жизни в Тотьме продолжался только до начала 1630-х гг., после чего начался очевидный спад. И если таможенные деньги к концу царствования Михаила Фёдоровича немного превосходили показатели начала 1620-х гг., то питейные доходы опустились ниже исходного уровня.

Причины упадка Тотьмы отражены в документах. В 1630 г. местный воевода сообщил в Москву о принимавшем в городе и уезде пугающие масштабы пьянстве, усугубляемом распространением азартных игр: «На посацком и на варнишном кабаке и у варниц по избам многие ярыжные зернью играют, и приходят к ним посадские люди и волосные пашенные крестьяня, на кабаках пьют и зернью играют же, и жеребьи свои проигрывают». Противоречия воеводе, тотемский голова в конце того же года уверял, что пить в кабаках люди стали меньше — «в прошлых годах испропились». Сильные морозы, слишком рано прекратившие навигацию по Сухоне, а также дороговизна хлеба и хмеля тоже внесли свою лепту³⁹. Впрочем, голова напрасно переживал за питейные деньги — по итогам 1630/31 г. их, как и таможенных пошлин, было собрано больше, чем годом ранее. 1630/31–1631/32 гг. вообще стали наиболее удачными в городе с точки зрения казённых сборов — суммарно кабаки и торги приносили более 5 тыс. руб. в год. Импульс этому подъёму дала организованная правительством скупка хлеба, реализуемого в Архангельске: «На Тотьме и в Тотемском уезде под государеву рожь лодей и барок делали много, а лодьи продавали рублев по сту, а барку по сороку рублев, и с тех лодей и барок с лодейных мастеров имали рублевую пошлину, и те лодейные мастера ис своих наймов пропивали на кабаках деньги многие. Да на тех же хлебных лодьях к Архангельскому городу в наймах плавало ярыг человек ста по три и больше, а найму имали по полутора рубли и по штидесят алтын человеку, и те они деньги пропивали на кабаках же»⁴⁰.

Настоящее падение благосостояния тотмичей связано со Смоленской войной и сбором пятины. Уже весной—летом 1633 г. из Тотьмы сигнализировали о невозможности своевременного взыскания стрелецких денег и бег-

³⁹ Там же, ф. 141, оп. 1, д. 70 (1630 г.), л. 236; д. 72 (1630 г.), л. 381; д. 57 (1631 г.), л. 338, 361.

⁴⁰ Там же, д. 52 (1632 г.), л. 267.

стве людей. Приходилось нести выросшие расходы на ямскую гоньбу, платить за посошных людей, причём сборщику последней подати местные крестьяне угрожали убийством. Голова предупреждал о грядущем недоборе питейных денег⁴¹. В 1632/33 г. в Тотьме кабацких и таможенных пошлин удалось взять почти на 1,5 тыс. руб. меньше, чем в предыдущем году. Недобор голова объяснял «тщиной» и «великой скудостью» посадских людей и крестьян, которые «ото многих податей оскудали и одолжали». Не приехали в Тотьму и государевы «хлебные уговорщики», так положительно повлиявшие на кабацкие и таможенные прибыли годом ранее⁴². Падение продолжилось в 1633/34 г., когда во многих уездах Севера случился неурожай. Крестьяне, ранее продававшие хлеб в Тотьме и покупавшие здесь соль, предпочли распродать товар у себя дома. Сверх того, в Тотьме вновь стали собирать пятинные деньги⁴³. Последствия разорения 1630-х гг. оказались длительными — в редкий год тотемские кабаки собирали больше 1,5 тыс. руб.; обыкновенный сбор питейных денег здесь до конца царствования Михаила Фёдоровича находился на уровне 1620-х гг. Только увеличение таможенных поступлений отчасти компенсировало казне общее падение доходности. Попытки же увеличить фискальную нагрузку были чреваты взрывами народного недовольства: летом 1639 г. в Тотьме из-за намерения властей взыскать с посадских людей и крестьян стрелецкие деньги по повышенному окладу вспыхнул бунт⁴⁴.

Вятская земля в 1620–1640-х гг. также переживала непростые времена. И.В. Пугач, опираясь на сведения по трём «срезам», констатировал, что «в целом социально-экономическая ситуация в Вятской земле... была стабильной, без резких колебаний»⁴⁵. Между тем динамика питейных и таможенных сборов ощутима. Торги Вятских городов к середине 1620-х гг. собирали от 1,1 до 1,3 тыс. руб. К 1640-м гг. их прибыли превысили 2 тыс. руб., т.е. почти удвоились. Вятские же кабаки долго не могли вернуться к уровню поступлений очень благоприятного для региона 1624/25 г. (около 3,6 тыс. руб.), давая казне до конца 1620-х гг. в среднем по 2,3 тыс. руб. в год. К началу 1640-х гг. они собирали уже по 4–4,5 тыс. руб., что почти вдвое превзошло уровень двадцатилетней давности. Указывает ли это на процветание Вятской земли на рубеже 1630–1640-х гг.? Думается, что на фоне двукратного сокращения прочих сборов (четвертных, оброчных, стрелецких денег и т.д.) такой вывод был бы преждевременным.

Экономические сложности на Вятке наблюдались уже в 1625/26 г., когда общий недобор денег по всем пяти городам составил около 1 тыс. руб. Причиной стало падение цен в Перми, Казани и Астрахани, где вятчане обычно продавали свой хлеб. Это сказалось и на кабацких доходах: ранее «торговые же люди вятчане и иных городов, которые приезжали на Вятку по хлеб и по всякие товары... на кабаках пили и пропивали рублей по сту и по двести, а рыжные пропивали рублей по пяти и болши»⁴⁶. Не обошло Вятскую землю и повышение налогов во время Смоленской войны. В начале 1634 г. хлынов-

⁴¹ Там же, д. 4 (1633 г.), л. 111, 146, 312, 354–356, 365–367, 487–489.

⁴² Там же, д. 52 (1632 г.), л. 258, 266, 278.

⁴³ Там же, ф. 137, оп. 1, Устюг, кн. 28, л. 39 об.; ф. 141, оп. 1, д. 52 (1632 г.), л. 374–375; 381–382.

⁴⁴ Чистякова Е.В. Городские восстания... С. 176.

⁴⁵ Пугач И.В. Города Русского Севера... С. 79.

⁴⁶ РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 40274, л. 90–91.

ский воевода писал в Москву о невозможности выполнить указ о сборе ратных людей: жители городов Слободского и Шестакова, как и окрестные крестьяне, «от больших податей и... от правежу, и от тюремново сидения разбрелись врознь, а дворы свои, и пашни, и всякие угоды пометали впусто». В остальных Вятских городах ситуация была не лучше. Местный подьячий писал в Москву, что «в Хлынове и в пригородках в Орлове и в Котельниче посадские люди, и из волостей крестьяня, и каринские татаровя разбежались по разным городам»⁴⁷. В этих условиях приходилось платить пятинные и запросные деньги. Прибывшие в Хлынов в мае 1634 г. пятинщики «правили» деньги с Вятских городов почти год, собрав к марту 1635 г. более 4,6 тыс. руб., из которых свыше $\frac{2}{3}$ приходилось на долю Хлынова⁴⁸. К тому моменту война, спровоцировавшая сбор пятины, уже год как завершилась, а Хлынов 16 июня 1634 г. на глазах у пятинщиков практически полностью сгорел: пожар уничтожил четыре церкви с колокольнями, таможню, кабаки, дворы воеводы, дьяка, духовенства, дома 317 посадских людей, 17 кузниц, амбары и лавки с товарами⁴⁹. В 1635 г. в Хлынове вспыхнуло восстание, во время которого воевода несколько дней сидел в осаде на дворе⁵⁰. В 1638 г. правительство распорядилось собрать с населения городов и уезда по 2 руб. с двора, что должно было составить сумму более 12 тыс. руб. Вскоре стало очевидным, что заплатить таких денег Вятка не в состоянии, поэтому для сельского населения оклад сократили вдвое, но и эту сумму собрать не смогли. В 1644 г. правительству пришлось уменьшить её на треть, простив вятчанам почти 2,3 тыс. руб. Лишь к 1647 г. остаток недоимки был выплачен⁵¹. Если пренебречь этими частностями и судить о состоянии региона исключительно по суммам, получаемым казной с Вятки, есть соблазн сделать вывод о её уверенном двукратном экономическом росте. Вместе с тем нельзя не заметить, что ощутимый подъём сборов здесь начался в 1637/38 г. и продолжался до конца царствования Михаила Фёдоровича, т.е. именно тогда, когда вятчане не могли рассчитаться с казной по только что введённой подворной подати.

На этом фоне Соль Камская демонстрировала экономический подъём, чему способствовали два фактора: развитие солеварения и проходившая здесь дорога в Сибирь. Однако и здесь случались неудачные годы. Например, в 1624/25 г. кабацкая недоимка составила почти 700 руб.⁵² Население Соли Камской страдало от пятины: в 1634 г. в бегах находились 123 соликамских посадских человека и 99 уездных крестьян — каждый пятый житель города и уезда. Розыски беглых дали скромный результат — вернуть удалось только 34 человека. Неудивительно, что в том году казна недополучила с города свыше 860 руб. питейных денег — почти пятую часть от запланированной суммы⁵³. Прибыльность местных кабаков до конца царствования Михаила Фёдоровича так и не вернулась к рекордному показателю 1632/33 г. — 4728 руб.⁵⁴ Ситуацию усугубляли регу-

⁴⁷ Там же, ф. 141, оп. 1, д. 79 (1634 г.), л. 30–31, 96.

⁴⁸ Там же, ф. 396, оп. 1, д. 41145, л. 93–103 об.

⁴⁹ Там же, ф. 141, оп. 1, д. 69 (1634 г.), л. 7–15.

⁵⁰ Там же, оп. 2, д. 72 (1646 г.), л. 75–76.

⁵¹ Там же, ф. 137, оп. 1, Владимир, кн. 4, л. 133–135.

⁵² Там же, ф. 396, оп. 1, д. 40258, л. 20.

⁵³ Там же, ф. 141, оп. 2, д. 81 (1636 г.), л. 180–183, 293; ф. 137, оп. 1, Владимир, кн. 4, л. 123, 124.

⁵⁴ Там же, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 28, л. 419.

лярные пожары — неизбежная беда центров солеварения. Соль Камская горела в 1634/35, 1635/36 и 1640/41 гг. Особенно катастрофичным оказался пожар 14 июня 1635 г. Начав свой губительный путь с соляной варницы гостя Яким Патокина, огненная стихия уничтожила на посаде пять храмов, воеводский и гостиный дворы, съезжую и таможенную избы, дома посадских людей, все ряды и лавки, варницы и соляные амбары, солодовни и кузницы. На посаде уцелели лишь восемь дворов «средних» людей и три десятка дворов сирот и бобылей⁵⁵. Несмотря на это в целом динамика в Соли Камской была положительной. Если кабаки прежнего уровня прибыльности так и не достигли, то таможенные поступления показывали устойчивый ежегодный рост (за исключением 1640/41 г., когда из-за пожара случился небольшой недобор)⁵⁶. В целом за 1620–1640-е гг. совокупные сборы торгов и питейных заведений здесь выросли с 2,2 до 7,7 тыс. руб., причём наиболее впечатляюще — восьмикратно — увеличились таможенные доходы.

Кайгородок пребывал в более сложной ситуации. Таможенные пошлины тут в начале 1620-х гг. составляли лишь 118–136 руб. Закрытый по челобитью кайгородцев в 1619 г. кабак, за который они уплачивали в казну 305 руб. в год, к середине 1620-х гг. вновь открылся, давая вместе с таможеней 601 руб. прибыли. На 1625/26 и 1626/27 гг. кабак и торги взяли в откуп с наддачей 100 руб. московские предприниматели⁵⁷. Последние, однако, столкнулись со сплочённостью местного населения, не желавшего терпеть чужаков. При скромной стоимости откупа кайгородцы ограбили москвичей более чем на 800 руб. и по истечении срока последние в Кайгородок не вернулись⁵⁸. Однако кайгородцы вынуждены были иметь дело с последствиями их деятельности: в Москве требовали уплаты доходов в размере не менее прежнего, а сделать этого не удавалось. Соотношение кабацких и таможенных денег при этом постепенно выравнивалось, и сокращение доли питейных поступлений при параллельном росте прибыльности торгового оборота можно объяснить увеличением товарообмена с сибирскими городами на фоне обнищания и оттока населения уезда в соседнюю Соль Камскую и Сибирь. Сокращение населения города и уезда подтверждается динамикой сборов за стрелецкий хлеб. В 1625/26 г. в уезде числилось 5,5 сох, а в 1627/28 г. — всего 2,5⁵⁹.

Сложившиеся обстоятельства побудили кайгородцев вновь просить о ликвидации кабака, который и был закрыт с 1631/32 г. Жители города и уезда обязывались ежегодно платить в казну компенсацию — 351 руб.⁶⁰ В 1634/35 г. кабак восстановили, и на протяжении следующих девяти лет он находился в коллективном откупе за всем посадом за прежнюю сумму. Собрать питейную прибыль на уровне конца 1620-х гг. получалось далеко не всегда⁶¹. Закрытие в Кайгородке кабака дало краткосрочный положительный эффект: в 1632/33 г. общая сумма взятых в казну с города и уезда денег составила 1,2 тыс. руб. Однако завершающий год Смоленской войны резко ухудшил

⁵⁵ Там же, ф. 141, оп. 2, д. 81 (1636 г.), л. 25–26; д. 39 (1649 г.), л. 224–228.

⁵⁶ Там же, д. 38 (1642 г.), л. 151.

⁵⁷ ПРК. С. 92–94, 277; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 15, л. 356.

⁵⁸ РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 16, л. 362; ф. 141, оп. 1, д. 71 (1628 г.), л. 424, 426–428.

⁵⁹ Там же, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 16, л. 357 об.–358, 365–365 об.; кн. 18, л. 1013; ф. 141, оп. 1, д. 61 (1628 г.), л. 147.

⁶⁰ Там же, ф. 396, оп. 1, д. 40672, л. 50.

⁶¹ Там же, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 28, л. 455–462.

ситуацию. По итогам 1633/34 г. собрали только 714 руб.⁶² В условиях финансового кризиса правительство объявило о сборе «пятинных денег», и уже в октябре 1633 г. крестьяне четырёх волостей Кайгородского уезда демонстрировали неподчинение: «Во всякие доходы ни одной деньги не плачивали... и во всяких... делах и в денежных доходах... отказали они, учинились силны». Когда в апреле 1634 г. в Кайгородок из Москвы для сбора пятины приехали выборные, крестьяне платить новую подать не стали: «по окладу пятинных и запросных денег собрать с себя не дали»⁶³. В соседней Чердыни дела обстояли ещё хуже, хотя поступления с кабака и торгов росли: таможенные сборы увеличились вдвое, питейные — втрое. Объявление в 1634 г. второй пятины вызвало в городе сначала пассивное сопротивление, а потом и серьёзные волнения: «Уездные торговые люди... ныне... в пятинных деньгах отказали, а назвались все пашенными крестьяны... а прошлого 141-го году пятинного збору книги назвали воровскими... на зборщиков приходили шумом, хотели побить»⁶⁴. Обострение социального противостояния в Пермской земле пришлось на 1635 г., когда из Соли Камской в Москву сообщали, что «чердынцы... посадские люди и уездные крестьяны в Чердыни воеводу хотели убить и от... дела отставили, и во дворе его осадили; и кайгородцы... тож воеводу изгоняют»⁶⁵.

Горячую фазу народного недовольства удалось подавить, но экономическая ситуация не улучшалась. В 1638 г. власти ввели подворный налог на жалованье ратным людям. С Кайгородка и «окологородья» следовало собрать 1982 руб.; к весне 1640 г., однако, в Москву доставили лишь 305 руб.⁶⁶ Имелись и серьёзные трудности со стрелецкими деньгами: с 1634/35 г. Кайгородский уезд постоянно фигурировал в числе должников по этой подати, и правительству пришлось списать долги за 1632/33–1636/37 гг. «для пустоты»⁶⁷. Общая задолженность Кайгородка с уездом перед казной к концу царствования Михаила Фёдоровича превысила 2 тыс. руб. Местное население не сумело удержать за собой кабак, и на 1643/44–1644/45 гг. его отдали в откуп московскому торговому человеку при относительно небольшой (20 руб.) наддаче⁶⁸. Зато в самый значительный источник денег превратились таможенные доходы. В начале 1630-х гг. они преодолели рубеж в 600 руб., а ещё десятилетием позже вдвое превзошли и этот уровень⁶⁹. Следуя логике сопоставления поступлений в бюджет по хронологическим срезам, необходимо сделать вывод, что Кайгородок в годы царствования Михаила Фёдоровича, несмотря на сокращение податного населения, представлял собой динамично развивающийся регион. За четверть века он удвоил свой фискальный потенциал, и есть соблазн вслед за И.В. Пугачем поставить под сомнение выводы П.П. Смирнова о том, что к концу царствования Михаила Фёдоровича Кайгородок пе-

⁶² Там же, кн. 22, л. 215–217 об.

⁶³ Там же, ф. 396, оп. 1, д. 50394, л. 22–23.

⁶⁴ Там же, ф. 141, оп. 1, д. 49 (1634 г.), л. 3.

⁶⁵ Там же, оп. 2, д. 81 (1636 г.), л. 281. См. также: Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. III. СПб., 1841. № 204. С. 358–360.

⁶⁶ РГАДА, ф. 137, оп. 1, Владимир, кн. 4, л. 125, 126.

⁶⁷ Там же, ф. 141, оп. 2, д. 38 (1642 г.), л. 1–2.

⁶⁸ Там же, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 28, л. 462.

⁶⁹ Там же, кн. 22, л. 215 об.; кн. 28, л. 463; кн. 29, л. 176 об.–177; кн. 30, л. 177–177 об.

реживал сильный упадок, потеряв почти 40% своих дворов⁷⁰. Львиную долю доходов Кайгородка, однако, составляли таможенные сборы, указывающие не на процветание местных жителей, а на активизацию торгового обмена в городах на сибирской дороге. Увеличение фискальной нагрузки вызывало массовое разорение, бегство и вооружённое сопротивление населения. Такой была цена увеличения денежных поступлений в государеву казну. И если при взгляде из Кремля действительно могло возникнуть ощущение экономического подъёма, то на местах ситуация накалялась, суля в перспективе серию крупных социальных взрывов.

Годы правления первого представителя династии Романовых для уездов Русского Севера в экономическом плане прошли под знаком постепенного преодоления последствий Смутного времени, ликвидировать которые полностью, однако, так и не удалось. В Пскове и Псковском уезде, например, в благоприятном для региона 1644/45 г. удалось собрать около 12 тыс. руб. таможенных, кабацких и четвертных денег, тогда как аналогичные сборы здесь в 1597/98 г. были втрое больше — почти 38 тыс. руб.⁷¹ По сравнению с уровнем конца Смутного времени поступления с торгов и кабаков в приказ Новгородской четверти к финалу царствования Михаила Фёдоровича выросли на 90%, что, на первый взгляд, должно свидетельствовать об экономическом росте и хозяйственном восстановлении. Однако имеющаяся в распоряжении исследователя статистика оставляет меньше поводов для оптимизма: три четверти этого впечатляющего роста пришлось на первую половину 1620-х гг. и обеспечивались не оживлением хозяйственной жизни, а усилением контроля за взиманием пошлин на местах. С этого момента динамика поступлений в казну стала более скромной: кабацкие и таможенные сборы приказа Новгородской четверти к середине 1640-х гг. в сравнении с уровнем двадцатилетней давности выросли лишь на четверть, а доля прочих (четвертных) доходов оставалась незначительной, менее 10% от общей суммы. Отразившийся в приходе-расходной документации московских приказов факт увеличения собираемости денег в городах и уездах Севера на 25–30% не должен вводить в заблуждение — рост поступлений в казну обеспечивался зачастую силами откупщиков и оборачивался быстрым разорением посадского и уездного населения, что, в свою очередь, провоцировало протестные движения в северных городах 1630-х гг. и готовило почву для череды более мощных восстаний 1647–1650 гг., развернувшихся в Соли Вычегодской, Великом Устюге, Каргополе, Тотье, Кайгородке, Чердыни, Соли Камской, Великом Новгороде и Пскове. Между тем анализ статистики сборов в городах Русского Севера позволяет делать выводы не только о степени наполняемости государственной казны. Ставший заметным со второй половины 1630-х гг. упадок городов Крайнего Севера при одновременном стремительном подъёме Вологды, Каргополя, Соли Вычегодской и Пермских городов свидетельствует о возросшей торгово-экономической активности на путях, связывавших европейскую часть Московского государства с Сибирью.

⁷⁰ Смирнов П.П. Города Московского государства в первой половине XVII в. Т. 1. Вып. 2. Киев, 1917. С. 70; Пугач И.В. Города Русского Севера... С. 81.

⁷¹ РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 30, л. 30 об.–40; ф. 396, оп. 1, д. 52536, л. 12.

Таможенные и кабацкие сборы в городах Русского Севера 1620–1640-х гг.
(Суммы указаны в рублях и округлены до целого количества рублей)

Архангельск

Год	1620/21	1621/22	1624/25	1625/26	1626/27	1627/28	1628/29	1629/30
Таможня	17 519	18 282	21 164	22 246	25 448	24 556	22 903	26 575
Кабаки	4 188		9 135	9 495	9 515	9 426	11 395	11 046
Всего	21 707		30 299	31 741	34 963	33 982	34 298	37 621
	1630/31	1632/33	1633/34	1634/35	1635/36	1636/37	1637/38	1638/39
Таможня	22 786	24 192	25 395	27 639	31 658	30 354	31 719	31 442
Кабаки		9 899	8 061					
Всего		34 091	33 456					
	1639/40	1640/41	1641/42	1642/43	1643/44	1644/45		
Таможня	23 143	28 730		31 133	27 832	26 213		
Кабаки		9 836	9 698	9 100	8 697	7 831		
Всего		38 566		40 233	36 529	34 044		

Составлено по: ПРК. С. 62–65, 254, 255; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 15, л. 204–210; кн. 16, л. 46–48, 61 об., 70, 71; кн. 18, л. 689 об., 703 об., 709, 710; кн. 22, л. 131 об., 158–161 об.; кн. 28, л. 243 об., 244, 251, 259, 276, 276 об., 279, 337, 337 об., 339–345; кн. 29, л. 124–126 об.; кн. 30, л. 124, 125 об.; ф. 141, оп. 2, д. 41 (1636 г.), л. 7, 24, 115; д. 86 (1640 г.), л. 99; д. 38 (1642 г.), л. 128, 130–137; ф. 396, оп. 1, д. 40274, л. 104–109, 112, 115, 116, 208, 388, 390, 391, 617–622, 633–635; д. 40631, л. 32, 33, 37, 96, 97, 135–137, 154, 243; д. 40772, л. 91, 181.

Великий Новгород

Год	1619/20	1620/21	1621/22	1624/25	1625/26	1626/27	1627/28	1628/29
Таможня	776	1 084		1 575	1 588	1 651	1 849	2 338
Кабаки	1 415	2 007	2 322	2 868	2 985	3 027	3 106	3 137
Всего	2 191	3 091		4 443	4 573	4 678	4 955	5 475
	1629/30	1630/31	1631/32	1632/33	1633/34	1634/35	1635/36	1636/37
Таможня	1 945	1 757	2 290	1 862	2 378			
Кабаки	3 281	3 326	3 517	3 622	4 389	4 452	4 588	4 693
Всего	5 226	5 083	5 807	5 484	6 767			
	1637/38	1638/39	1639/40	1640/41	1641/42	1642/43	1643/44	1644/45
Таможня						2 361	2 378	2 595
Кабаки	4 746	4 746	4 746	4 746	4 746	4 746	4 746	4 798
Всего						7 107	7 124	7 393

Составлено по: ПРК. С. 8; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 12-а, л. 12 об., 33 об.; кн. 13-б, л. 14, 14 об., 84 об.–85; кн. 15, л. 11, 13; кн. 18, л. 16 об.–18; кн. 19, л. 19 об., 55; кн. 20, л. 19 об.; кн. 21, л. 76 об.; кн. 22, л. 10, 17 об., 19, 19 об., 114 об., 115; кн. 23, л. 1, 33, 33 об., 114 об., 115, 149 об., 150, 224, 224 об., 297, 297 об., 412–413; кн. 24, л. 134 об.–136, 259–260 об., 339 об.–340 об.;

кн. 28, л. 3, 12 об.; кн. 29, л. 84–84 об.; кн. 30, л. 16 об.; ф. 141, оп. 1, д. 4 (1621 г.), л. 116; д. 61 (1628 г.), л. 10, 11, 21; д. 75 (1634 г.), л. 33; ф. 233, оп. 1, кн. 5, л. 75 об.; кн. 11, л. 254, 352; кн. 15, л. 251; кн. 17, л. 200–200 об.; кн. 19, л. 239; кн. 25, л. 191; кн. 31, л. 56 об.; кн. 671, л. 255 об.–256; ф. 371, оп. 2, д. 9, л. 82; д. 37, л. 170 об.; ф. 396, оп. 1, д. 40274, л. 169, 171.

Великий Устюг

Год	1620/21	1621/22	1626/27	1627/28	1628/29	1629/30	1630/31	1631/32
Таможня	1756	1867	3904	4266	4415	4300	4130	2952
Кабаки	5048	6642	7513	8243	8248	8439	7986	8280
Всего	6804	8509	11417	12509	12663	12739	12116	11232
	1632/33	1633/34	1634/35	1636/37	1637/38	1638/39	1639/40	1640/41
Таможня	3879	3750	3929	3535	3975	3778	4070	4127
Кабаки	7258	9252	8847	8691	7740	6709	5986	7345
Всего	11137	13002	12776	12226	11715	10487	10056	11472
	1641/42	1642/43	1643/44	1644/45				
Таможня	5357	5379	5644	4043				
Кабаки	8338	10115	8715	5808				
Всего	13695	15494	14359	9851				

Составлено по: ПРК. С. 329, 336–338; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Устюг, кн. 6, л. 14, 16, 18–32 об., 77, 79; кн. 9, л. 1–4; кн. 14, л. 41, 43, 46–79; кн. 16, л. 39, 43, 46–78; кн. 17, л. 16, 21, 25 об., 27, 27 об., 31, 31 об., 34–67 об., 169, 171; кн. 21, л. 18, 31, 35; кн. 22, л. 25, 25 об., 29, 29 об., 33–67 об.; кн. 28, л. 5 об., 13 об., 25, 65, 65 об., 70, 70 об., 74–101, 188; кн. 43, л. 40, 45, 45 об., 49 об.–75; кн. 45, л. 36, 47, 80 80 об., 84, 85, 87–98, 229, 230; кн. 51, л. 21, 22, 27, 27 об., 30–37, 133; кн. 72, л. 22–42; Суздаль, кн. 2, л. 20, 21, 26, 26 об., 29–38, 149; ф. 141, оп. 1, д. 76 (1627 г.), л. 3, 92; д. 74 (1628 г.), л. 150; д. 66 (1636 г.), л. 12; оп. 2, д. 37 (1641 г.), л. 45, 227, 233, 543, 544.

Вологда

Год	1619/20	1624/25	1625/26	1626/27	1627/28	1628/29	1629/30	1631/32
Таможня	3273	5786	5616	5556	5813	5962	6265	
Кабаки	2359	4548	4680	4734	5036	5133	5432	5642
Всего	5632	10334	10296	10290	10849	11095	11697	
	1632/33	1633/34	1634/35	1635/36	1636/37	1637/38	1638/39	1639/40
Таможня	7723	7576	6864	7490	8328	7026	10194	9413
Кабаки	6215	6770	6791	6823		6646	7416	8263
Всего	13938	14346	13655	14313		13672	17610	17676
	1640/41	1641/42	1642/43	1643/44	1644/45			
Таможня	9996	9499	10921	11000	13167			
Кабаки	8738	9312	9922	8977	8035			
Всего	18734	18811	20843	19977	21202			

Составлено по: ПРК. С. 28, 33; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 15, л. 97, 98, 99, 99 об.; кн. 16, л. 379–380; кн. 18, л. 410 об.–412; кн. 22, л. 75 об.–76 об., 77 об.; кн. 23, л. 59 об.–61, 181,

182, 341–343; кн. 28, л. 114–116, 122–123 об.; кн. 30, л. 59–60 об., 282; ф. 141, оп. 1, д. 4 (1621 г.), л. 240; д. 1 (1628 г.), л. 58; д. 61 (1628 г.), л. 59; оп. 2, д. 41 (1636 г.), л. 11, 31–32, 64; д. 89 (1639 г.), л. 72–74; д. 38 (1642 г.), л. 122, 123, 180, 181, 183–187, 189, 190, 195, 638, 639; ф. 233, оп. 1, кн. 16, л. 123; кн. 17, л. 187 об.; кн. 20, л. 81; кн. 26, л. 165 об.; ф. 396, оп. 1, д. 40208, л. 2, 11, 51; д. 40274, л. 442, 489, 494, 537; д. 40631, л. 26, 27; д. 40672, л. 6; д. 40922, л. 64, 66 об., 67; д. 41504, л. 8.

Вятка (Хлынов, Слободской, Котельнич, Орлов, Шестаков)

Год	1620/21	1621/22	1624/25	1625/26	1626/27	1627/28	1628/29	1632/33
Таможня	374		1 231	1 148	1 097	1 291	1 237	
Кабаки	2 507		3 589	2 621	2 080	2 015	2 447	
Всего	2 881	3 431	4 820	3 769	3 177	3 306	3 684	3 221
	1633/34	1636/37	1637/38	1638/39	1639/40	1640/41	1641/42	1642/43
Таможня								2 032
Кабаки								4 498
Всего	3 020	3 846	5 146	5 485	5 745	5 457	6 368	6 530
	1643/44							
Таможня	2 039							
Кабаки	3 941							
	5 980							

Составлено по: ПРК. С. 280, 282, 284, 285, 287; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 15, л. 372, 373, 373 об., 381, 382, 382 об., 390, 390 об., 400, 401, 409, 410; кн. 16, л. 382 об., 383 об., 384, 396 об., 397, 400 об., 401 об., 411, 411 об., 412 об., 413, 474, 474 об., 475, 480 об., 481; кн. 18, л. 1034 об., 1035 об., 1036 об., 1046 об., 1047 об., 1048 об., 1059, 1059 об., 1060 об., 1137 об., 1138, 1139, 1145, 1146; кн. 22, л. 225 об.–227 об.; кн. 28, л. 489, 490, 508, 509, 515, 516, 521, 522 об., 539, 540; кн. 29, л. 186–188 об.; ф. 141, оп. 1, д. 61 (1628 г.), л. 155, 156; оп. 2, д. 82 (1639 г.), л. 183–185, 252, 290, 291; д. 38 (1642 г.), л. 193–196; ф. 396, оп. 1, д. 40274, л. 88, 89, 208; д. 40631, л. 208, 261, 361.

Кайгородок

Год	1620/21	1624/25	1625/26	1626/27	1627/28	1628/29	1632/33	1633/34
Таможня	119				320		603	609
Кабаки	305				355		351	351
Всего	424	601	657	706	675	674	954	960
	1642/43	1643/44	1644/45					
Таможня	1 053	985	1 233					
Кабаки	351	372	372					
Всего	1 404	1 357	1 605					

Составлено по: ПРК. С. 277; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 15, л. 356; кн. 16, л. 361–363; кн. 18, л. 1010–1011 об.; кн. 22, л. 215, 215 об.; кн. 28, л. 455–462, 463; кн. 29, л. 176–177; кн. 30, л. 177–177 об.; ф. 141, оп. 1, д. 61 (1628 г.), л. 142, 144; оп. 2, д. 81 (1636 г.), л. 10; ф. 233, оп. 1, кн. 7, л. 181 об.; кн. 39, л. 1155 об.; ф. 396, оп. 1, д. 40258, л. 91; д. 40631, л. 253, 303; д. 40672, л. 51.

Каргополь и Турчасов

Год	1620/21	1624/25	1625/26	1626/27	1627/28	1628/29	1631/32	1632/33
Таможня	412	888	915	873	883	935		
Кабаки	1 106	1957	2 860	3 187	3 066	2988		
Всего	1 518	2 845	3 775	4 060	3 949	3 923	4 131	3 814
	1633/34	1634/35	1637/38	1638/39	1640/41	1641/42	1642/43	1643/44
Таможня			869	1 275	1 397	1 802	1 859	1 711
Кабаки			3 513	2 513	4 105	4 333	4 414	3 813
Всего	4 288	4 288	4 382	3 788	5 502	6 135	6 273	5 583
	1644/45							
Таможня								
Кабаки								
Всего								

Составлено по: ПРК. С. 298–301; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 15, л. 476, 477, 534, 535; кн. 16, л. 538 об., 539 об., 559, 559 об., 569 об.; кн. 18, л. 1193–1194, 1215, 1216 об., 1225 об., 1226 об.; кн. 22, л. 245 об.–246 об.; кн. 23, л. 160–161; кн. 28, л. 574, 579, 579 об., 581, 616, 617, 630; кн. 29, л. 205 об.; кн. 30, л. 206 об.; ф. 141, оп. 1, д. 61 (1628 г.), л. 174, 175; оп. 2, д. 82 (1639 г.), л. 296–299; д. 38 (1642 г.), л. 106–108, 112; ф. 233, оп. 1, кн. 19, л. 263; ф. 396, оп. 1, д. 40258, л. 67; д. 40274, л. 406, 419; д. 40631, л. 228, 229, 266.

Кольский острог

Год	1619/20	1620/21	1621/22	1622/23	1624/25	1625/26	1626/27	1627/28
Таможня	851	1241	2013	949	1 421	1 927	1 490	1 352
Кабаки	860	1 266	1 015	840	1 507	1 408	1 593	1 539
Всего	1 711	2 507	3 028	1 789	2 928	3 335	3 083	2 891
	1628/29	1629/30	1630/31	1632/33	1633/34	1642/43	1643/44	1644/45
Таможня	3 742	3 040	1 650			800		
Кабаки	2 323	1 017				1 023		
Всего	6 065	4 057		4 258	4 221	1 823	2 117	2 150

Составлено по: ПРК. С. 133, 318; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 15, л. 654, 655; кн. 16, л. 675 об.–676; кн. 18, л. 1335, 1336 об.–1338, 1342–1343, 1344 об.–1345 об.; кн. 22, л. 269 об.–270 об.; кн. 28, л. 729, 731, 732, 738, 740, 746; кн. 29, л. 226, 227 об., 228 об.–229; кн. 30, л. 229 об., 234, 234 об.; ф. 396, оп. 1, д. 40274, л. 203–205, 265, 270, 315, 328–332; д. 40631, л. 87, 88; д. 40772, л. 123, 126.

Мезень и Кеврола

Год	1619/20	1620/21	1623/24	1625/26	1626/27	1627/28	1628/29	1629/30
Таможня	290	250	920	966	595	482	592	471
Кабаки	876	459	1839	2058	2162	2196	2178	1485
Всего	1166	709	2759	3024	2757	2678	2770	1956
	1632/33	1633/34	1634/35	1636/37	1637/38	1638/39	1639/40	1640/41
Таможня			682	701	929	428		
Кабаки			1518	1580	1663	849		
Всего	1645	1551	2200	2281	2592	1227	1506	1756
	1641/42	1642/43	1643/44	1644/45				
Таможня	441	360	428					
Кабаки	1272	1335	1503					
Всего	1713	1695	1931	1347				

Составлено по: ПРК. С. 78, 85–87, 267, 268; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 15, л. 285 об., 288 об., 290, 290 об.; кн. 16, л. 222, 223 об., 304; кн. 18, л. 875–877 об., 955 об.; кн. 22, л. 187–189; кн. 23, л. 51 об.–52 об., 124, 124 об., 169 об., 309, 309 об., 418–422; кн. 24, л. 405 об.–407; кн. 28, л. 267, 363, 363 об., 366, 368, 371, 373 об., 374, 401–404; кн. 29, л. 150–151; кн. 30, л. 148 об.; ф. 141, оп. 1, д. 61 (1628 г.), л. 105, 106; оп. 2, д. 81 (1636 г.), л. 66, 177, 259; д. 82 (1639 г.), л. 188; д. 38 (1642 г.), л. 196, 644–646, 649; д. 72 (1646 г.), л. 122; ф. 233, оп. 1, кн. 7, л. 470; кн. 9, л. 186; кн. 11, л. 282; кн. 16, л. 52; кн. 17, л. 245; кн. 25, л. 229 об.; кн. 29, л. 113 об.–114; кн. 38, л. 97, 274; кн. 39, л. 854; ф. 396, оп. 1, д. 40258, л. 75–76; д. 40631, л. 79–80, 164–167.

Псков

Год	1619/20	1622/23	1623/24	1624/25	1625/26	1626/27	1627/28	1628/29
Таможня	2701	3213	4668	3205	2430	2840	1899	2653
Кабаки	4337	4552	5099	4942	4958	4342	4262	4478
Всего	7038	7765	9767	8147	7388	7182	6161	7131
	1629/30	1630/31	1631/32	1632/33	1633/34	1634/35	1635/36	1636/37
Таможня	3075			2323	2174	3243	3296	3296
Кабаки	4531	4583	4583	4625	4730	4820	5166	5240
Всего	7606			6948	6904	8063	8462	8536
	1637/38	1638/39	1639/40	1640/41	1641/42	1642/43	1643/44	1644/45
Таможня	3296	3296	3296	3296	3296	3233	3233	3565
Кабаки	5240	5240	5240	5240	5240	5303	5345	5397
Всего	8536	8536	8536	8536	8536	8536	8578	8962

Составлено по: ПРК. С. 18, 19; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Псков, кн. 4, л. 6 об.–9 об.; Новгород, кн. 15, л. 48, 48 об., 52, 52 об.; кн. 16, л. 178, 179, 262 об.; кн. 18, л. 121 об., 123–126; кн. 22,

л. 44 об., 46 об., 47; кн. 23, л. 6–7, 22, 22 об., 43 об.–46 об., 116, 117, 159, 159 об., 234–235, 242, 242 об., 246 об., 295–296, 356 об.–360 об., 426–426 об.; кн. 24, л. 136 об.–137 об., 264 об., 265 об., 349–351 об.; кн. 28, л. 57, 60; кн. 29, л. 36 об.; кн. 30, л. 32 об.; ф. 141, оп. 1, д. 61 (1628 г.), л. 29–31, 37; оп. 2, д. 89 (1639 г.), л. 44, 54; д. 38 (1642 г.), л. 16–21; д. 83 (1642 г.), л. 7–7 об.; ф. 233, оп. 1, кн. 11, л. 351 об.–352 об.; кн. 15, л. 294; кн. 17, л. 210 об.; кн. 19, л. 238 об.; кн. 22, л. 134; кн. 23, л. 59; кн. 25, л. 191–191 об.; кн. 29, л. 157 об.–158; кн. 41, л. 428; кн. 671, л. 256; ф. 396, оп. 1, д. 40774, л. 120, 128, 138, 140, 141, 207, 347, 356–365, 378, 380, 424; д. 40772, л. 88.

Пустьозерск

Год	1620/21	1624/25	1625/26	1626/27	1627/28	1628/29	1629/30	1632/33
Таможня	79	251	201	181	300	379	294	
Кабаки	150	252	390	235	495	536	380	
Всего	229	503	591	416	795	915	674	564
	1633/34	1642/43	1643/44	1644/45				
Таможня								
Кабаки								
Всего	352	377	347	342				

Составлено по: ПРК. С. 322; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 15, л. 682, 683, 686, 688; кн. 16, л. 718, 720 об.; кн. 18, л. 1375, 1376, 1379–1379 об., 1382, 1385–1387 об., 1388; кн. 22, л. 280, 280 об.; кн. 28, л. 756, 757, 761–764; кн. 29, л. 236–236 об.; кн. 30, л. 242 об.; ф. 396, оп. 1, д. 40631, л. 234–237.

Соль Вычегодская

Год	1620/21	1621/22	1622/23	1624/25	1625/26	1626/27	1627/28	1628/29
Таможня	1 149	760	924	1 009	1 334	1 311	1 678	1 560
Кабаки	1 894	2 493	2 941	2 753	2 714	2 530	2 579	3 432
Всего	3 043	3 253	3 865	3 762	4 048	3 841	4 257	4 992
	1629/30	1630/31	1631/32	1632/33	1633/34	1634/35	1636	1637
Таможня	1 425	1 503	1 089	1 100	1 259	1 116		
Кабаки	3 050	2 348	2 424	2 575	2 567	2 821		
Всего	4 475	3 851	3 513	3 675	3 826	3 937	4 124	4 124
	1638	1639	1639/40	1640/41	1641/42	1642/43	1643/44	1644/45
Таможня	1 150	727	1 756	1 737	1 635	1 862	2 244	2 140
Кабаки	3 725	2 352	4 357	4 187	3 715	4 737	5 491	4 743
Всего	4 875	3 079	6 113	5 924	5 350	6 599	7 735	6 883

Составлено по: ПРК. С. 357, 358; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Устюг, кн. 6, л. 34, 35 об., 37–41 об., 37 об., 41, 192, 193, 195–199 об.; кн. 9, л. 78, 103, 104, 106–110, 245 об.; кн. 12а, л. 144, 145, 147–151; кн. 14, л. 81, 83, 86–93; кн. 16, л. 81, 83, 86 об., 92; кн. 17, л. 76, 76 об., 83 об.–90, 245; кн. 21, л. 73, 73 об., 75; кн. 22, л. 68, 68 об., 71, 75–81, 83, 199; кн. 28, л. 7, 17 об., 105 об., 107, 110–118, 261–264 об., 267, 269 об., 270 об.–271 об., 272 об., 274 об.; кн. 43, л. 81, 82, 83–86, 88–90; кн. 45, л. 114, 101–102, 103, 105–114, 346 об.; кн. 51, л. 52, 52 об., 54, 54 об., 54 а, 54а об., 57–62; кн. 72, л. 64–66 об., 69, 69 об., 73–80; Суздаль, кн. 2, л. 54, 54 об., 56, 56 об., 59–66, 269; ф. 141, оп. 1, д. 74 (1628 г.), л. 97; д. 57 (1631 г.), л. 468; д. 38 (1632 г.), л. 393; ф. 233, оп. 1, кн. 26, л. 214 об.; ф. 396, оп. 1, д. 39987, л. 15 об.

Соль Камская

Год	1619/20	1620/21	1621/22	1624/25	1625/26	1626/27	1627/28	1628/29
Таможня	382	418		1325	1013	783	876	1239
Кабаки	1915	1844		3019	2492	1831	1776	2122
Всего	2297	2262	2707	4344	3505	2614	2652	3361
	1629/30	1632/33	1633/34	1635/36	1636/37	1637/38	1638/39	1639/40
Таможня	1345	1401	1753	2380	2395	2733	3162	3164
Кабаки	3114	4728	3862	2758	3083	3565	3621	3684
Всего	4459	6129	5615	5138	5478	6298	6783	6848
	1640/41	1641/42	1642/43	1643/44	1644/45			
Таможня	2960		3275	3320	3320			
Кабаки	4163		4315	4375	4375			
Всего	7123		7590	7695	7695			

Составлено по: ПРК. С. 90, 91, 273, 275; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 15, л. 342, 343; кн. 16, л. 340, 341; кн. 18, л. 989–989 об., 991; кн. 22, л. 206–207; кн. 24, л. 377 об.–378 об.; кн. 28, л. 419, 420 об., 422, 423 об., 424 об., 427 об., 440, 446, 447; кн. 29, л. 167; ф. 141, оп. 1, д. 61 (1628 г.), л. 131, 132; оп. 2, д. 81 (1636 г.), л. 86, 105, 292, 293, 308; д. 82 (1639 г.), л. 247–251; д. 38 (1642 г.), л. 148–150; ф. 233, оп. 1, кн. 29, л. 50 об.; кн. 36, л. 126 об.; кн. 671, л. 12 об.; ф. 396, оп. 1, д. 40258, л. 20; д. 40631, л. 172.

Тотьма

Год	1620/21	1621/22	1622/23	1624/25	1625/26	1626/27	1627/28	1628/29
Таможня	874	789	1204	1582	1748	1748	1634	1659
Кабаки	1236	1044	1502	1842	1846	1846	1488	1270
Всего	2110	1833	2706	3424	3594	3594	3122	2929
	1629/30	1630/31	1631/32	1632/33	1633/34	1634/35	1636	1637
Таможня	2094	3328	2845	1900	1770	2040		
Кабаки	1718	2000	2298	1762	1556	1300		
Всего	3812	5328	5143	3662	3326	3340	3523	3523
	1639	1640/41	1641/42	1642/43	1643/44	1644/45		
Таможня	2265	2803	2391	1140	1684	2267		
Кабаки	1355	1645	1548	1163	1121	1187		
Всего	3620	4448	3939	2303	2847	3454		

Составлено по: ПРК. С. 376; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Суздаль, кн. 2, л. 70, 71, 74, 75, 79–83, 336; Тотьма, кн. 1, л. 18–19 об., 20 об.; Устюг, кн. 6, л. 44–46, 303–305; кн. 9, л. 227–229; кн. 12а, л. 123–125; кн. 14, л. 94, 98, 101–104, 407; кн. 16, л. 22, 22 об.; кн. 17, л. 96, 98, 100–103, 329, 330, 418 об.; кн. 21, л. 89, 89 об., 91, 91 об., 93, 94, 95, 96, 99; кн. 22, л. 85, 88, 90 об., 91 об., 92, 93, 96; кн. 28, л. 39, 130, 130 об., 133, 133 об., 136, 137, 138, 139, 141, 381–385, 387 об., 388 об., 389 об., 390 об.; кн. 43, л. 94, 102, 103, 103 об.; кн. 45, л. 116–117 об., 123, 123 об., 125, 125 об.; кн. 51, л. 67, 67 об., 70, 70 об., 72 об.–74; кн. 72, л. 86, 88, 95, 96, 99, 99 об., 105–108; Чаронда, кн. 2, л. 50 об., 51 об.; ф. 141, оп. 2, д. 37 (1641 г.), л. 545; ф. 233, оп. 1, кн. 26, л. 233 об.; ф. 396, оп. 1, д. 50394, л. 30.

Чердынъ

Год	1620/21	1624/25	1625/26	1626/27	1627/28	1628/29	1632/33	1633/34
Таможня	133	154	135	165	99	78		
Кабаки	822	1139	1172	1013	1029	1024		
Всего	955	1293	1307	1178	1128	1102	1289	1463
	1642/43	1643/44	1644/45					
Таможня	291	263						
Кабаки	2470	2385						
Всего	2761	2648	1027					

Составлено по: ПРК. С. 88, 89, 270, 271; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 15, л. 324, 325; кн. 16, л. 313, 316 об.; кн. 18, л. 962; кн. 22, л. 197, 197 об.; кн. 28, л. 412, 413; кн. 29, л. 158–159; кн. 30, л. 157 об.; ф. 141, оп. 1, д. 61 (1628 г.), л. 119, 120; оп. 2, д. 81 (1636 г.), л. 161; ф. 233, оп. 1, кн. 10, л. 89; ф. 396, оп. 1, д. 40258, л. 3.

Яренский городок

Год	1620/21	1624/25	1625/26	1626/27	1627/28	1628/29	1629/30	1630/31
Таможня	359	495	629	946	791	561	639	569
Кабаки	367	625	697	827	1005	1039	877	657
Всего	726	1120	1326	1774	1796	1600	1516	1226
	1632/33	1633/34	1635/36	1636/37	1637/38	1642/43	1643/44	1644/45
Таможня						757	795	
Кабаки						1062	984	
Всего	1122	1147	1304	2154	2260	1819	1779	1779

Составлено по: ПРК. С. 291; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 15, л. 428, 429; кн. 16, л. 503, 504 об.–505; кн. 18, л. 1175 об.–1177; кн. 22, л. 236 об.–237; кн. 23, л. 313–314 об.; кн. 28, л. 549, 550, 552, 569 об.–572; кн. 29, л. 196 об.–197; кн. 30, л. 197–197 об.; ф. 141, оп. 1, д. 61 (1628 г.), л. 164; ф. 233, оп. 1, кн. 4, л. 522 об.; кн. 25, л. 158; кн. 30, л. 36 об., 103 об.; кн. 41, л. 322 об.; ф. 396, оп. 1, д. 40274, л. 200; д. 40631, л. 57–60; д. 40672, л. 46.

«Государя не хотели прямо лечить»: к истории опалы Артамона Матвеева

Алексей Морохин

«They didn't want to treat the sovereign directly»:
to the history of Artamon Matveev's disgrace

Alexey Morokhin

(National Research Lobachevsky State University
of Nizhni Novgorod, Russia; Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X23020037, EDN: BNXBNC

История опалы известного государственного деятеля второй половины XVII в. «канцлера» Артамона Сергеевича Матвеева (1625–1682) не раз становилась предметом исследования¹. Однако причины немилости, в которой оказался влиятельный боярин вскоре после вступления на престол юного царя Фёдора Алексеевича, равно как и причина его гибели в ходе стрелецкого восстания 1682 г. нуждаются в уточнении. Представляется, что исследователи не уделяли должного внимания «медицинскому» аспекту опалы царедворца.

Сын дьяка, Артамон Матвеев, начав службу стряпчим, сделал успешную карьеру при дворе, проявив себя как незаурядный дипломат и администратор, снискал известность как один из самых образованных людей своего времени, находившийся «в близости крайней» к царю Алексею Михайловичу. К середине 1670-х гг. Матвеев имел думный чин боярина и являлся руководителем нескольких приказов, включая Малороссийский, Посольский и Аптекарский. Его положение при дворе изменилось вскоре после кончины в январе 1676 г. царя Алексея Михайловича, на которого боярин имел большое влияние. Смерть монарха была внезапной, и на этот факт обратили внимание

© 2023 г. А.В. Морохин

¹ Аристов Н. Московские смуты в правление царевны Софии Алексеевны. Варшава, 1871. С. 59–60; Матвеев П.А. Опала и ссылка боярина А.С. Матвеева // Исторический вестник. 1902. № 9. С. 780–818; Волкова Е. Боярин Артамон Сергеевич Матвеев и его время. М., 1903. С. 64–75; Щепотьев Л. Ближний боярин Артамон Сергеевич Матвеев как культурный политический деятель XVII века. СПб., 1906. С. 28–33; Старостина Т.В. Политическая борьба в начале царствования Фёдора Алексеевича и ссылка А.С. Матвеева в связи с сыскным делом 1676–1677 гг. о хранении заговорных писем // Учёные записки Карело-финского государственного университета. Т. 2. Вып. 1. Петрозаводск, 1947. С. 44–89; Самарин А.Ю. Политическая борьба в начале царствования Фёдора Алексеевича и ссылка А.С. Матвеева // Россия в IX–XX веках: проблемы истории, историографии и источниковедения. Сборник статей и тезисов докладов Вторых чтений, посвящённых памяти А.А. Зимина. М., 1999. С. 408–410; Рогожин Н.М. У государевых дел быть указано... М., 2002. С. 199–204; Седов П.В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 226–233, 241–249; Бушкович П. Пётр Великий: борьба за власть, 1671–1725. СПб., 2008. С. 85–108; Berelowitch A. A Different Use of Literacy: The 1676 Witchcraft Allegations against A.S. Matveev // Russian History. 2013. Vol. 40. P. 331–351.

современники², а в последние недели жизни Алексея Михайловича при нём постоянно находился именно Матвеев.

В начале января 1676 г. царь был активен, что проявилось и в его деятельном участии в публичных церемониях. 5 января, накануне праздника Богоявления, самодержец «изволил вечернего пения, и литоргию, и всенощного слушать у себя... в Верху». 6 января Алексей Михайлович в полном царском облачении «в третьем часу дни» посетил Успенский собор, где патриарх Иоаким «молебное пение совершал»; затем царь «изволил... идти за кресты, на иердань»³. Видимо, там государь и простудился. Источники отметили, что самодержец «генваря от начала месяца... почуял в телеси своем скорбь»⁴. Надо полагать, из-за недомогания 9 января Алексей Михайлович не присутствовал на церковной службе в Успенском соборе, а «слушал... малыя вечерни, и всенощного бдения, и божественныя литургии в церкви преподобномученицы Евдокеи»⁵. Болезнь, впрочем, не мешала царю заниматься делами: 9 января последовало его распоряжение «о взятии про свой великого государя обиход товаров кафимских зерен да бархатов алого, жаркого, червчатого цветов у иноземцов или в рядах, у кого мочно сыскасть». 10 января Матвеев «кафимский жемчуг взнес к великому государю в Верх»⁶.

Видимо, уже в первых числах января недомогание царя вызвало у его окружения серьёзные опасения: в эти дни началась рассылка по городам гонцов с повелением «петь молебен о государском многолетном здравии»⁷. Новгородский летописец начало болезни Алексея Михайловича отнёс к 16 января – времени, когда в Новгороде, очевидно, было получено известие о царском недуге⁸. 12 января, в день именин сестры, царевны Татьяны Михайловны, государь жаловал именинными пирогами «бояр и околничих, и думных и ближних людей, и голов, и дьяков, и гостей, и иных чинов»⁹. Возможно, после этого самочувствие его ухудшилось, что и сыграло роль в решении вопроса о перенесении аудиенции голландскому посольству, которую монарх намеревался провести 14 января¹⁰. 15 января у царя в Передней «славили властелинские певчие и подьяки». В тот день Алексей Михайлович одному из подьяков, Алексею Любимову, пожаловал рубль «из своих государских рук». Тогда же самодержец

² Записки Андрея Артамоновича графа Матвеева // Рождение империи. М., 1997. С. 372; Галанов М.М. Донесение Л. Ринхубера как источник по истории политической борьбы в России в царствование Фёдора Алексеевича // Исследования по истории средневековой Руси. К 80-летию Юрия Георгиевича Алексеева. М.; СПб., 2006. С. 484.

³ Выходы государей царей и великих князей Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича, Феодора Алексиевича, всея Руси самодержцев (с 1632 по 1682 год). М., 1844. С. 613; РГАДА, ф. 210, оп. 9, д. 508, л. 85, 88.

⁴ Туманский Ф. Собрание разных записок и сочинений, служащих к составлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. Ч. 1. СПб., 1787. С. 243; Записки русских людей. СПб., 1841. С. 13.

⁵ Выходы государей... С. 613.

⁶ ОР РГБ, ф. 178, д. 8424, л. 250–251 об.

⁷ 17 января 1676 г. киевский воевода боярин кн. Ю.П. Трубецкой «с товарищи» ездили на молебен в Никольский Пустынный монастырь и пожертвовали игумену Герману с братией 5 руб. 94 коп. (Оглоблин Н. «Расходная книга» киевской приказной избы за 1675–1676 гг. Киев, 1896. С. 18).

⁸ Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 323; Седов П.В. Закат Московского царства... С. 193–194, примеч. 16.

⁹ Выходы государей... С. 613.

¹⁰ РГАДА, ф. 50, оп. 1, д. 9, л. 167 об.

рассматривал челобитье окольничего М.М. Боборыкина и «для ево старости в Большом приходе быти ему не велел». На эту должность назначили царского тестя боярина К.П. Нарышкина, одновременно возглавившего Большую казну и Устюжскую четверть. 16 января Алексей Михайлович распорядился служить литургию по покойной первой супруге Марии Ильиничне, и в тот же день «кормлены в Верху... нищих 100 человек». В тот же день последовало распоряжение государя «написать по дворянскому списку» стольника кн. И.П. Козловского «за ево неистовство, что он мимо жены своей жил беззаконно з жонкою со вдовою»¹¹.

После 16 января Алексей Михайлович, судя по всему, почувствовал себя лучше, что позволило ему дать несколько аудиенций. 17 января царь принимал «в столовой» посланников от гетмана П. Дорошенко, которые были «у великого государя у руки»¹². 17 и 19 января состоялись встречи Алексея Михайловича с дипломатической делегацией Голландии. В записной книге приёма послов отмечено, что 17 января 1676 г. у царя «Галанских статов посол Кондратей Клинкин был на приезде в столовой, а при великом государе были бояря, и околничие, и думные и ближние люди, и столники, и дворяня большие, и стряпчие в золотах и в шапках горлатных». 19 января «как посол у великого государя был, и после того указал великий государь быть ему у бояр в ответе в Золотой в ответной полате»¹³. Из других источников известно, что во время встречи 17 января Алексей Михайлович был «во своем царском венце и в диадиме с кимфетром в большом наряде» и у посла «изволил листы принять сам»¹⁴. На последней аудиенции царь, по словам дипломата Б. Койета, «был свеж и здоров, и мы не могли ожидать ничего дурного». На следующий день, 20 января, Алексей Михайлович даже слушал игру одного из пажей из свиты голландского дипломата и смотрел театральные постановки¹⁵. Этот факт подтверждает и неизвестный автор-старообрядец, отметивший, что монарх «до болезни той, как схватило его, тешился всяко, различными утешении и играми»¹⁶.

В тот же день, 20 января, Алексей Михайлович почувствовал себя хуже. Б. Койет сообщал, что недомогание царя несколько дней держали в тайне. Дипломат также отметил, что после усиления болезни государя «по просьбе духовных лиц многие из должников его величества были освобождены от обязательств... В этот же день его величество принял последнее помазание елеем

¹¹ Дела Тайного приказа. Кн. 3. СПб., 1904. С. 1408–1409; РГАДА, ф. 210, оп. 9, д. 508, л. 95, 103.

¹² Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. XII. СПб., 1882. С. 450–451, 453.

¹³ РГАДА, ф. 210, оп. 6, д. 69, л. 284 об.–286 об., 288.

¹⁴ Там же, ф. 50, оп. 1, д. 9, л. 212, 221 об.

¹⁵ Посольство Кунраада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. СПб., 1900. С. 430. Судя по сохранившимся документам, подготовка к «камидейной потехе» началась уже в первых числах января. В готовящихся постановках были задействованы 78 человек. 15 января боярин Матвеев распорядился «дву камедей, первой а Давыде з Галиядом, другой а Бахусе с Венусом, камидиантом зделать платье». Опубликовавший эти материалы С.К. Богоявленский ошибочно считал, что представления могли проходить 23 и 24 января. Между тем в эти дни царь уже слёг и явно не мог смотреть постановки (*Богоявленский С.К.* Московский театр при царях Алексее и Петре. М., 1914. С. XIV, XVI, 67–68, 71–75).

¹⁶ Бубнов Н.Ю., Демкова Н.С. Вновь найденное послание из Москвы в Пустозерск «Возвешение от сына духовнаго ко отцу духовному» и ответ протопопа Аввакума (1676 г.) // Демкова Н.С. Сочинения протопопа Аввакума и публицистическая литература раннего старообрядчества. Материалы и исследования. СПб., 1998. С. 298.

и причастился». Судя по всему, слух о смертельной болезни царя быстро распространился по Москве, и «на рынке массами закупали чёрное сукно и другие [траурные] ткани»¹⁷. По сведениям датского дипломата М. Ге, Алексей Михайлович слёг в постель 22 января. Отметил датчанин и тот факт, что больной отказался принимать лекарства и посвятил всё время горячей молитве¹⁸. Ухудшение самочувствия царя в начале 20-х чисел января подтверждается и другими источниками. 22 января были взяты 1 тыс. хлебов «для розвозки по улицам». Через два дня, 24 января, на раздачу милостыни выделили 300 руб. Наконец, 26 января 250 руб. отправили опальному патриарху Никону в Ферапонтов монастырь; в тот день вновь раздавали деньги нищим¹⁹. Возможно, что в эти дни Алексей Михайлович составил завещание, в котором отметил: «От отца моего духовнаго Великого Господина, Святейшаго Никона, Иерарха и Блаженного Пастыря, аще и не есть ныне на престоле сем, Богу так изволившу, прощения прошу и разрешения»²⁰.

28 января Б. Койет узнал, что царь находится при смерти. В Новгородском хронографе XVII в. содержатся сведения, что Алексей Михайлович в эти дни «повеле призвати премудра знателя и ведуща их одр лекаря и вопросы о сем, мочно ли сея болезни лечба учинити и быти мне здраву. Той же лекарь, видя великого государя вельми болезненна, на одре лежаща, и восплакался горце и ничто ж проглагола о сея болез(ни)»²¹. Насколько достоверны эти сведения, кто был тем медиком — судить сложно. Остаётся открытым и вопрос о том, обладал ли достоверными сведениями на этот счёт находившийся в Новгороде хронист. 29 января, «приблизительно за час до смерти», Алексей Михайлович велел выпустить из тюрем заключённых за казённые долги и вновь приказал раздать милостыню нищим в размере четырёх тысяч рублей»²². Я. Рейтенфельс сообщал, что правитель России умер «после девятидневной болезни», т.е. также относил начало последнего царского недуга к 20 января. Он же привёл информацию о том, что перед смертью царь простил долги «всем своим должникам», приказал освободить из тюрем 300 заключённых и раздать нищим 6 тыс. венгерских червонцев²³.

Дополнительные натуралистические сведения о последней болезни Алексея Михайловича содержатся в письме неизвестного старообрядца. Он сообщал, что царя лечили «лекарствами и волшебными хитростями, и ничто же успели. Так уже схватились за ризу Господню, однако смертного часа не отстояли». По

¹⁷ Посольство Кунраада фан Кленка... С. 430.

¹⁸ *Щербачёв Ю.Н.* Из донесений первого датского резидента в Москве (1672–1676 гг.) // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете (далее — ЧОИДР). 1917. Кн. 2. Смесь. С. 40. Голландец Н. Витсен, посетивший Россию в 1664–1665 гг., отметил, что «царь редко принимает лекарства, бояре ещё реже» (*Витсен Н.* Путешествие в Московию. СПб., 1996. С. 106). Факт отказа Алексея Михайловича принимать лекарства во время последней болезни подтверждается и другим источником — книгой записей безденежного отпуска лекарств из Аптекарского приказа за сентябрь 1675 — август 1676 г. В документе нет записей о выдаче лекарств в царские хоромы в январе 1676 г. (ОР РГБ, ф. 178, д. 1243).

¹⁹ Дела Тайного приказа. Кн. 3. С. 1409, 1411, 1412; *Севастьянова С.К.* Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона». СПб., 2003. С. 313.

²⁰ *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря // ЧОИДР. 1874. Кн. 3. С. 26.

²¹ *Тихомиров М.Н.* Указ. соч. С. 323.

²² *Щербачёв Ю.Н.* Указ. соч. С. 40; *Бушкович П.* Пётр Великий... С. 85–86.

²³ *Рейтенфельс Я.* Сказание светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. М., 1905. С. 75.

словам того же автора, Алексей Михайлович «до смерти тое ж за день за другой крепко тосковал, четверг-от и пятницу-ту, да без зазору кричал... И после того субботу ту уже не говорил ничего, лише тосковал, и пены изо рта пушал. Да сидя в креслах и умер»²⁴. Как явствует из этого свидетельства, в качестве последнего средства лечения царя использовалась и христианская святыня, хранившаяся в Москве — «риза Господня» (часть легендарного хитона Иисуса Христа), подарок персидского шаха царю Михаилу Фёдоровичу²⁵. Однако и это средство не помогло: 29 января 1676 г. около 8 часов вечера Алексей Михайлович скончался. Официальные источники и разосланные по стране грамоты сообщали о смерти царя в ночь с 29 на 30 января 1676 г. «в четвертом часу нощи»²⁶. Один из летописных источников дополнил эти сведения указанием, что Алексей Михайлович скончался «в нощи в 4-м часу в 1-й четверти»²⁷.

Современники называли разные причины смерти царя. Придворный медик Л. Ринхубер считал, что Алексей Михайлович скончался от «острой лихорадки»²⁸. Б. Койет отмечал, что врачи первоначально диагностировали у царя цингу, «к которой несколько лет тому назад присоединилась водянка». Он же сообщал, что Алексей Михайлович «незадолго перед кончиною... немного простудился, а затем к простуде присоединилась лихорадка, с каждым днём всё увеличивавшаяся, так что доктора наконец отчаялись в благополучном исходе болезни». Привёл голландец и уже известные подробности лечения царя, отметив, что «никаким образом не удавалось убедить его величество, человека очень тучного, принять какие-нибудь лекарства». Самодержец «вместо лекарств... при сильнейшем жаре всё время пил лишь квас, до того холодный, что в нём плавали кусочки льда, которые он глотал; кроме того, для умерения жара он велел класть на живот толчёный лёд, а также и в руки брал лёд»²⁹. По предположению

²⁴ Бубнов Н.Ю., Демкова Н.С. Вновь найденное послание... С. 297, 303. В старообрядческой письменной традиции тезис о смерти Алексея Михайловича как Божьей каре за разгром Соловецкого монастыря, захваченного царскими войсками в ночь на 22 января 1676 г., получил дальнейшее развитие (Авакум Петров. Житие и другие сочинения. М., 1960. С. 254–255; Материалы для истории раскола за первое время его существования. Т. 6. М., 1881. С. 219–220; Бубнов Н.Ю. Незвестная челобитная дьякона Игнатия Соловецкого царю Фёдору Алексеевичу // Рукописное наследие Древней Руси. Л., 1972. С. 101–102; Духовная литература староверов Востока России XVIII–XX вв. Т. 2. Новосибирск, 2005. С. 24; Чумичева О.В. Соловецкое восстание 1667–1676 годов. М., 2009. С. 183).

²⁵ Ченцова В.Г. «Персидские мотивы» в международной политике начала XVII в.: история появления в Москве Ризы Христовой и мощей св. Иакова Персянина // Историк и источник. Сборник статей к юбилею С.Н. Кистерева. М.; СПб., 2018. С. 402–438.

²⁶ Древняя российская вивлиофика. Ч. XI. М., 1789. С. 202; Ч. XVI. М., 1791. С. 306; Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел. Ч. IV. М., 1826. № 104. С. 336; ПСЗ-I. Т. 2. № 619. С. 1; № 624. С. 6; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. Т. IV. СПб., 1836. № 209. С. 281; Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии (далее — ДР). Т. III. СПб., 1852. Стб. 1635; Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Т. I. СПб., 1857. № 55. С. 300; ОР РГБ, ф. 7, д. 50, л. 40; Фёдора Грибоедова история о царях и великих князьях земли Русской. М., 1896. С. 67; Богданов А.П. «Хронографец» Боголепа Адамова // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом). Т. 41. Л., 1988. С. 399.

²⁷ Буганов В.И. Краткий московский летописец конца XVII в. из Ивановского областного краеведческого музея // Летописи и хроники. М., 1976. С. 293.

²⁸ Галанов М.М. Донесение Л. Ринхубера... С. 484.

²⁹ Посольство Кунраада фан Кленка... С. 431.

ряда авторов, сведения о лечении царя во время его последней болезни Койет заимствовал у участвовавшего в лечении придворного медика И. Розенбурга³⁰.

К этому следует добавить, что в последние годы жизни Алексей Михайлович страдал ожирением³¹. Тучность царя, в свою очередь, привела к гипертонии. Видимо, он осознавал, что проблемы со здоровьем возникают у него из-за чрезмерной полноты. Об этом самодержца предупреждал уже в 1665 г. его лечащий врач С. Коллинс. Медик писал, что полнота вызывает массу болезней, в том числе и водянку: «Излечение или паче предохранение состоит в умерении ядения и пития, во обучении и лекарстве». Коллинс, по сути, предложил царю жёсткую диету, «умеренный сон» и приём лекарств, которые «мокроту изсучают»³². Нередко Алексея Михайловича в ходе его поездок на богомолья и загородные резиденции сопровождала «шкатула всяких лекарств»³³, что также косвенно подтверждает его плохое самочувствие. Частые недомогания монарха были заметны в последние годы его жизни. Он болел в начале 1675 г., когда недуг мешал ему участвовать в публичных мероприятиях³⁴. Современные историки медицины считают, что смерть Алексея Михайловича последовала от хронической сердечной недостаточности, осложнившей запущенную гипертоническую болезнь, которая протекала на фоне общего ожирения с поражением сердца и печени³⁵.

События, развивавшиеся у смертного одра самодержца, попытался реконструировать в начале XX в. историк Е.Ф. Шмурло. По его мнению, «у постели умирающего царя боролись две системы: первоначально лечил по-своему Розенбург, когда же болезнь продолжала не поддаваться его усилиям, то иноземного доктора устранили и начали прибегать к “домашним” средствам, быть может, уже как к последней мере спасения — к квасу и ко льду». Исследователь считал, что вина за неправильное лечение и смерть Алексея Михайловича косвенно была возложена на царского любимца — «канцлера», так как «борьба партии Милославских с Матвеевым велась исключительно на почве медицинской, из-за недостаточно заботливой охраны государева здоровья»³⁶. Претензии

³⁰ Рихтер В. История медицины в России. Ч. II. М., 1820. С. 240, примеч. 1; Шмурло Е.Ф. Критические заметки по истории Петра Великого // Журнал министерства народного просвещения (далее — ЖМНП). 1900. № 10. С. 363.

³¹ Современники отмечали тучность царя уже в 1660-е гг. (Витсен Н. Указ. соч. С. 118; Майерберг А. Путешествие в Россию. М., 1874. С. 114; Любименко И. Врачебное и лекарственное дело в Московском государстве // Русский исторический журнал. 1917. Кн. 3–4. С. 35). Проблемы со здоровьем возникали у Алексея Михайловича и раньше. С 1662 г. царь принимал чепучинные (хинные) ванны от нарывов. Сам чепучинный корень применялся при лечении разных болезней — от сифилиса до ревматизма (Орленко С.П., Шамин С.М. Личная гигиена в московском Кремле XVII столетия: к постановке проблемы // Историк и источник. Сборник статей к юбилею С.Н. Кистерева. М.; СПб., 2018. С. 491–492).

³² Материалы для истории медицины в России. Вып. 3. СПб., 1884. С. 787–788; Андреев И.Л. Алексей Михайлович. М., 2003. С. 610.

³³ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. VI. СПб., 1857. № 94. С. 323. Во время поездок царь неоднократно приказывал прислать ему «в поход» книги-травники (Змеев Л.Ф. Русские врачевники. Исследование в области нашей древней врачебной письменности. СПб., 1895. С. 97; РГАДА, ф. 143, оп. 2, д. 1152, л. 6, 11, 13.

³⁴ ДР. Т. III. Стб. 1178, 1202, 1214, 1222, 1230, 1231, 1234; Барсуков А.П. Род Шереметевых. Кн. 8. СПб., 1904. С. 95–96.

³⁵ Молин Ю.А. Романовы. Путь на Голгофу. Взгляд судебно-медицинского эксперта. СПб., 2002. С. 51; Зимин И.В. Врачи двора Его Императорского Величества, или Как лечили царскую семью. М., 2016. С. 864.

³⁶ Шмурло Е.Ф. Указ. соч. С. 363, 356.

к Матвееву, надо полагать, были неофициальными: ни документы, ни другие свидетельства современников событий конца января — начала февраля 1676 г. не содержат упоминаний о том, что некогда влиятельного боярина формально обвиняли в том, что он плохо оберегал здоровье Алексея Михайловича³⁷. Несмотря на отсутствие официальных обвинений, уже 8 февраля Матвеева лишили должности руководителя Аптекарского приказа. Его сменил престарелый боярин кн. Н.И. Одоевский, занимавший «первостатейное положение при дворе»³⁸.

По мнению того же Шмурло, в дни болезни Алексея Михайловича лечившие его врачи «метались из стороны в сторону. То хватались за лекарства, указанные медиками, то давали больному квас, обкладывали его льдом. Среди всеобщего хаоса и смущения не слышно было твёрдого решительного голоса; а таковой... мог раздаться со стороны одного лишь Матвеева... Чем меньше доверяли иноземцам-докторам, тем большая поэтому ответственность возлагалась на Матвеева». Отнятие у бывшего царского любимца руководства Аптекарским приказом Шмурло объяснял тем, что тот «оказался не на высоте своей задачи... возможно ли было, после всего происшедшего, оставить главное наблюдение над лечением царственного больного в руках того, кто уже доказал свою неспособность к выполнению столь важной обязанности»? Историк предположил, что вина некогда влиятельного боярина в нерадении о здоровье скончавшегося царя была сильно преувеличена и даже раздута недругами Матвеева при дворе³⁹.

Между тем претензии к Матвееву как руководителю придворной медицины в начале 1676 г. выдвигались, но касались они не халатного отношения к здоровью скончавшегося Алексея Михайловича, а лечения нового царя Фёдора Алексеевича. Суть этих обвинений остаётся не совсем ясной. В одной из своих челобитных 1677 г. Артамон Сергеевич сообщал, что его обвиняли в том, что «во время бывшая ваша Государския скорби, лекарства составляли ваши Государския доктора, Костериус, Стефан, Симон, по рецепту, и те рецепты и ныне в вашей, Великого Государя, палате. А лекарства де накушивали прежде доктора, потом я, холоп твой, а после де меня ваши, Великого Государя, дядьки, бояре князь Федор Федорович Куракин да Иван Богданович Хитров; а повреждения де вашему Государскому здоровью от того лекарства быти отнюдь было не от чего». Он же утверждал, что обвинения «в нерадении» о здоровье юного царя против него выдвинули всё те же кн. Ф.Ф. Куракин и И.Б. Хитрово⁴⁰. Сын Матвеева Андрей главными недоброжелателями отца называл другого представителя клана Хитрово — Богдана Матвеевича, а также И.М. Милославского, стараниями которых его отец и был оклеветан⁴¹.

Смена руководства Аптекарского приказа сказалась на положении его отдельных сотрудников. По наблюдениям Шмурло, вскоре после опалы Матвеева Россию были вынуждены покинуть придворные медики, принимавшие непосредственное участие в лечении Алексея Михайловича — врачи И.К. Розенбург,

³⁷ Бушкович П. Указ. соч. С. 100.

³⁸ РГАДА, ф. 210, оп. 9, д. 508, л. 126. О кн. Н.И. Одоевском см.: Светова Е.А. Двор Алексея Михайловича в контексте абсолютизации царской власти. М., 2013. С. 79–81.

³⁹ Шмурло Е.Ф. Указ. соч. С. 356, 357, 359.

⁴⁰ История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергиевича Матвеева. М., 1776. С. 6–8, 140.

⁴¹ Записки Андрея Артамоновича графа Матвеева... С. 372–373.

М. Грамон и аптекарь П.Д. Понтанус (Понтан)⁴². Немецкая исследовательница С. Думшат корректировала это утверждение, назвав имена Л. Рингубера, М. Грамона и П. Понтануса, лишённых занимаемых должностей в ходе борьбы за власть вследствие падения Матвеева, покровительствовавшего этим лицам⁴³.

Все указанные персоны (может быть, за исключением Л. Рингубера, более известного в качестве дипломата и писателя)⁴⁴ были неплохими медиками. Иоганн Кастериус Розенбург (1614–1685) родился в Любеке, учился в Штеттине и Гамбурге, степень доктора медицины получил в Лондоне. Затем он был лечащим врачом шведского короля Карла X Густава и, имея репутацию «доктора доброго и ученого», в 1667 г. «из Свицкие земли» приехал с семьёй в Россию⁴⁵, где стал придворным медиком и участвовал в лечении Алексея Михайловича. Розенбург выписывал различные лекарства царю и членам его семьи⁴⁶. К середине 1670-х гг. он являлся первым медиком при дворе, имея самый большой денежный оклад — 250 руб. в год⁴⁷. Михель Грамон был уроженцем Тюрингии и приходился племянником доктору Гартману Грамону, служившему ещё царю Михаилу Фёдоровичу. Грамон-младший получил степень доктора медицины в 1666 г. после обучения «в Цесарской земле», в 1667 г. вернулся в Россию с женой и детьми и начал службу в Аптекарском приказе⁴⁸.

По мнению Шмурло, недовольство действиями Розенбурга проявилось в том, что у него был отнят дом — подарок Алексея Михайловича. Грамон, по словам историка, «поплатился 300 рублей (видимо, имелся ввиду его оклад. — А.М.), вынужденный довольствоваться разрешением на свободный выезд за границу»⁴⁹. Однако эти сведения являются ошибочными. Никаких официальных претензий к медикам не выдвигали. Не содержат источники и данных о признаках опалы врачей. Что касается упомянутого Шмурло дома Розенбурга, пожалованного ему по приезде в Россию, то это каменное здание в Белом городе у Яузских ворот в сентябре 1677 г. врач продал стольнику Н.И. Акинфову за 1900 руб.⁵⁰ В конце 1676 г. Розенбург отправил младшего сына Адольфа для учёбы в Пруссию. Вряд ли бы эта поездка состоялась, если бы врач находился в опале. Сам же Розенбург попросился в отставку 20 января 1678 г., мотивировав это тем, что «к шестьдесят пятому лету живота достигнув, также болезнью и различным счастьем применения предан, понеже те вещи исполнять не могу». Оставив царскую службу, Розенбург сохранил связи с Россией. В 1679 г. он рекомендовал дьяку А. Виниусу окулиста Иоганна Эриксона, с которым по-

⁴² Неясным остается вопрос, на основании каких данных Е.Ф. Шмурло считал, что именно эти врачи лечили в январе 1676 г. Алексея Михайловича. Видимо, учёный исходил из факта их последующей опалы, которая, как будет показано ниже, источниками не подтверждается. Документы не содержат указаний на то, что М. Грамон и П. Понтанус принимали участие в лечении царя. Самодержцу могли оказывать помощь и другие медики-специалисты.

⁴³ *Dumschat S. Ausländische Mediziner im Moskauer Rußland.* Stuttgart, 2006. S. 267.

⁴⁴ *Брикнер А.Г.* Лаврентий Рингубер // ЖМНП. 1884. № 2. С. 396–421.

⁴⁵ *Новомбергский Н.И.* Материалы по истории медицины в России. Т. 1. СПб., 1905. С. 158–163; РГАДА, ф. 150, оп. 1, д. 2 (1666 г.), л. 1–3.

⁴⁶ *Рихтер В.* Указ. соч. Ч. II. С. 193, 197, 200.

⁴⁷ Материалы для истории медицины... Вып. 2. СПб., 1883. С. 473.

⁴⁸ РГАДА, ф. 150, оп. 1, д. 1 (1666 г.), л. 1–10; *Новомбергский Н.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 145; *Рихтер В.* Указ. соч. Ч. II. С. 235.

⁴⁹ *Шмурло Е.Ф.* Указ. соч. С. 362.

⁵⁰ *Арсенев Ш.* Очерки из быта докторов-иноземцев в древней Москве (по бумагам Аптекарского приказа) // Русская старина. 1895. № 5. С. 143–144.

знакомился в Колывани. Эриксон был очень хорошим специалистом, ценность его, по словам Розенбурга, заключалась в том, что он «сверх той своей науки лечит болезни каменные и всякие тяжкие раны». Медика пригласили на службу в Москву⁵¹. Сам же Розенбург вернулся в Ревель, где и скончался в 1685 г.

Не совсем ясным видится и дело с отставкой в апреле 1677 г. Грамона, которому, по его собственным словам, «из Аптекарского приказу отказано», но причины этого отказа в документах не обозначены. При отъезде ему указали дать жалованье — «соболей на триста рублей» и «подводы до рубежа»⁵². Остаются неизвестными причины отставки в апреле 1677 г. аптекаря П.Д. Понтануса. По крайней мере, сам он указывал, что не знает, «за какие проступки» его отстранили от царской службы⁵³. Добавлю, что если бы в отношении Розенбурга и Грамона выдвигались обвинения в их профнепригодности, то они вряд ли бы приняли участие в состоявшемся 14 февраля 1676 г. консилиуме медиков в связи с болезнью царя Фёдора Алексеевича. В совещании помимо них участвовали и другие врачи — Л.А. Блюментрост, С. Гаден, С. Зоммер и аптекарь К. Эйхлер. 15 февраля медики в присутствии патриарха Иоакима и бояр провели осмотр юного царя и пришли к единому диагнозу — цинга. 22 февраля 1676 г. И. Розенбург «с товарищи» подготовили Фёдору Алексеевичу «о лекарстве рецепт»⁵⁴.

Отсутствие претензий к медикам не означало того, что опала Матвеева не коснулась близких к нему сотрудников Аптекарского приказа. Ситуация явно осложнялась и тем, что уже весной 1676 г. в Аптекарском приказе испытывали дефицит врачей-специалистов. В этой связи одного из сотрудников — Б. Ганцеланта отправили «для прииску в российскую службу окулиста». Руководство медицинской службы России обратилось с призывом вернуться в Москву к некогда популярному в столице немецкому доктору А.М. Энгельгардту, который ранее «служил истинно многие годы» и вернулся на родину в 1666 г.⁵⁵

Из-за близости к бывшему царскому любимцу пострадал один из придворных врачей — Даниил Гаден (в источниках он именуется по-разному: Фунгаданов, Фунгавин, Жидовинов). Уроженец Бреславля и сын итальянского врача-еврея, он в 1656 г. во время Русско-польской войны попал в плен и в 1657 г. был принят на царскую службу цирюльником. Уже с 1659 г. он служил лекарем в Аптекарском приказе, где сделал успешную карьеру. Медик знал латынь, польский и русский языки. По некоторым данным, Гаден быстро завёл нужные знакомства при дворе. Англичанин доктор С. Коллинс, описывая состояние России в конце 1650-х — 1660-х гг., отметил, что «лекарь-жид... помогает в любовных делах Богдану Матвеевичу (Хитрово. — А.М.), заведующему домовыми делами царя, и жил долго в Польше, доставляет ему полек». Уже при поступлении на службу в 1657 г. Гаден крестился по лютеранскому обряду, а в 1667 г.

⁵¹ Материалы для истории медицины... Вып. 3. С. 895–896, 967, 977, 1154–1156.

⁵² Там же. С. 911, 915–916, 944; РГАДА, ф. 143, оп. 2, д. 826, л. 1; д. 1180, л. 11; ф. 150, оп. 1, д. 2 (1677 г.), л. 2.

⁵³ *Dumschat S. Ibid. S. 268, 659.*; Материалы для истории медицины... Вып. 4. СПб., 1885. С. 962–966.

⁵⁴ *Замысловский Е.Е.* Царствование Фёдора Алексеевича. Ч. 1. СПб., 1871. Приложение 1. С. I–III; ОР РНБ, ф. 532, оп. 2, д. 4619, л. 3.

⁵⁵ ОР РГБ, ф. 344, карт. 440, д. 1, л. 1–1 об. Об А.М. Энгельгардте см.: *Ретлингер А.Р.* Исследования по истории медицины XVII века в России // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1906. № 7. С. 1059; *Богданов А.П., Симонов Р.А.* Прогностические письма доктора Андреаса Энгельгардта царю Алексею Михайловичу // Естественно-научные представления Древней Руси. М., 1988. С. 151–204.

перешёл в православие и получил новое имя — Степан (Стефан). В том же году он получил звание «поддоктора», а в 1672 г. его назначили доктором (при этом диплома он не имел)⁵⁶. У Гадена была успешная медицинская практика и широкий круг пациентов. Он являлся одним из покровителей еврейской общины в Москве, благодаря чему его неоднократно обвиняли в «жидовстве»⁵⁷.

Врач был близок к Матвееву и тесно контактировал с боярином по службе. В 1675 г. С.Г. Жегальскому выдали 130 руб. «за водосвятную серебряную позолоченную чашу про государев обиход, приказали записать и деньги дать словом боярина Артамона Сергеевича Матвеева дохтур Стефан фон Гаден да Иван Федоров сын Рыначев»⁵⁸. С влиятельным царским любимцем медик, судя по обвинениям, предъявленным Матвееву, общался и вне работы. Сохранилось свидетельство одного из современников, что боярин и врач вместе «черную книгу, запершись, чли»⁵⁹. Если верить современникам, Гаден был близок и к самому Алексею Михайловичу. И.Ф. Кильбургер, перечисляя в 1674 г. московских врачей, отметил, что Гаден «более всего принимается при дворе»⁶⁰. Я. Рейтенфельс утверждал, что врач «пользуется необыкновенным расположением царя и один свободно посещает внутренние покои дворца (так как вместе с тем был и старшим спальником)»⁶¹. Можно предположить, что Гаден принимал участие и в лечении Алексея Михайловича в январе 1676 г.⁶²

После отставки с поста руководителя Аптекарского приказа Матвеева в положении его любимца-врача произошли серьёзные изменения. Уже 18 февраля 1676 г. последовало распоряжение от имени царя «дохтуру Степану Фунгадину к нему, Великому Государю, в хоромы не ходить»⁶³. Лекарства для царя при-

⁵⁶ Подробнее о Гадене см.: *Галанов М.М.* «Дело врачей» в XVII веке. Царский доктор и борьба за власть в России // *Родина*. 1995. № 9. С. 56; *Думшат С.* Карьера придворного врача Даниила Фунгаданова в свете современных культурно-исторических исследований об иностранных медиках в Московском государстве 15–17 веков // *Иноземцы в России в XV–XVII веках. Сборник материалов конференций 2002–2004 гг.* М., 2006. С. 356–367; *Dumschat S.* Op. cit. S. 161–162, 486–487, 535–539, 611–613; *Фельдман Д.З.* Придворный врач Даниил Фунгаданов: между иудаизмом и христианством (по материалам Аптекарского приказа) // *Средневековая личность в письменных и археологических источниках: Московская Русь, Российская империя и их соседи: материалы научной конференции*. М., 2016. С. 208–215. Сведения о происхождении медика содержатся в его «расспросных речах» (ОПИ ГИМ, ф. 375, д. 3, л. 5–6; РГАДА, ф. 143, оп. 2, д. 987, л. 1–4).

⁵⁷ *Фельдман Д.З.* О роли выкрестов в следствии и суде над патриархом Никоном (по материалам РГАДА) // *Памяти Лукичёва. Сборник статей по истории и источниковедению*. М., 2006. С. 475–476.

⁵⁸ *Богоявленский С.К.* Научное наследие о Москве XVII века. М., 1980. С. 109.

⁵⁹ История о невинном заточении... С. 10.

⁶⁰ *Куриц Б.Г.* Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915. С. 180.

⁶¹ *Рейтенфельс Я.* Сказание светлейшему герцогу... С. 98. С. Думшат считает, что под царём, покровительствующим Гадену, подразумевается Фёдор Алексеевич (*Думшат С.* Карьера придворного врача... С. 357). Однако из контекста сочинения следует, что речь идёт об Алексее Михайловиче. Шведский дипломат К. Кох уже после убийства медика в мае 1682 г. назвал его человеком, «бывшим ранее у царя в большой милости». Здесь автор под царём, видимо, подразумевал уже Фёдора Алексеевича (Донесения шведских агентов о Хованщине. 1682–1683 гг. / Подгот. текстов, перевод, примеч. и послесл. Г.М. Казакова и А.С. Лаврова. СПб., 2022. С. 33).

⁶² Известно, что ранее врач оказывал царю медицинские услуги. Документы зафиксировали, что 3 ноября 1674 г. «ис приказу Новые аптеки взял дохтур Стефан Фунгаданов полфунта ватки апоплектики да полфунта ватки гуляфной смешено вместе, сказал, что в поход к великому государю... в Преображенское» (ОР РНБ, ф. 641, оп. 1, д. 14, л. 11).

⁶³ Примечательно, что этот указ, видимо, носил устный характер, так как в январе 1677 г. при проверке документации Аптекарского приказа оказалось, что данное распоряжение «в записной книге не записано» (РГАДА, ф. 143, оп. 2, д. 1152, л. 6).

казали готовить С. Зоммеру, которого 26 июля 1676 г. указом Фёдора Алексеевича произвели в доктора. Этот же врач поздней осенью — зимой 1676 г. сопровождал царя в богомольных походах⁶⁴. 27 января 1677 г. после допроса боярином кн. Н.И. Одоевским доктора С. Зоммера и аптекарей И. Гутменша и К. Эйхлера было принято решение отстранить Гадена от составления лекарств и ограничить его функции лишь написанием рецептов⁶⁵. Врач сохранил доступ в покои к царице Наталье Кирилловне, царевичам Ивану, Петру и к царевнам «с лекарствами», он же сопровождал последних в походах⁶⁶. Продолжал Гаден оказывать медицинскую помощь и служащим царского двора. В мае 1677 г. он лечил крестового священника царевича Ивана Прова Иванова, осматривал певчих дьяков Ф. Андреева и Г. Степанова. В июне того же года медик лечил карлика царевича Петра Никиту Гаврилова, боярина кн. И.А. Воротынского, а в январе 1679 г. — боярыню Дарью Мясную и стольника кн. Я.И. Лобанова-Ростовского. Гаден неоднократно осматривал больных стрельцов, стольников и др.⁶⁷ С изменением положения этого любимца Матвеева, думается, возможно связать и инициативу с возвращением на русскую службу вышеупомянутого А.М. Энгельгардта, который был враждебно настроен к Гадену. В марте 1665 г. по инициативе последнего началось следственное дело, начало которому положил сам доктор, обвинивший своего коллегу Энгельгардта в распространении слухов о том, что Гаден «жидовствует и малых детей жидовству учит». В ходе следствия обвинения «в жидовстве» не были доказаны, а Энгельгардт отказался от своих слов⁶⁸. Вскоре медик оставил Россию, однако в сентябре 1677 г. вернулся в Москву и трудился здесь доктором вплоть до смерти в 1680 г.⁶⁹ Возвращение на царскую службу Энгельгардта было символично: доктор ранее принимал участие в лечении Алексея Михайловича. В 1663 г. они с Зоммером «отворяли жилную» царю, по его «рописям» готовились лекарства. Важно отметить, что даже после отъезда медика из России в 1666 г. царь отдавал распоряжения о приготовлении лекарств по его рецептам. 20 марта 1674 г. по приказу Алексея Михайловича «велено в Аптекарском приказе составить составы против прежних составов прописи дохтура Андрея Энгелгарта»⁷⁰. Дан-

⁶⁴ Материалы для истории медицины... Вып. 3. С. 840, 892, 894.

⁶⁵ *Замысловский Е.Е.* Указ. соч. С. V–VI. Тогда же, в январе 1677 г. лекарство для царя «имали к Верху дохтур Симон Зимер да аптекарь Еган Гутминш». Гаден же 29 сентября 1678 г. «подал о лекарствах рецепт», по которому лекарство для Фёдора Алексеевича готовил аптекарь К. Эйхлер (ОР РНБ, ф. 532, оп. 2, д. 4619, л. 14, 64).

⁶⁶ Материалы для истории медицины... Вып. 3. С. 897, 893. Сохранившиеся документы свидетельствуют, что Гаден с того времени участвовал в лечении царицы Натальи Кирилловны, царевен Марфы, Евдокии, Софьи, Екатерины и Марии. Документы содержат упоминания и о лечении им царевича Петра Алексеевича. Врач оказывал медицинские услуги и царевне Татьяне Михайловне, которая заказывала через него новые иконы для своих хором (РГАДА, ф. 143, оп. 2, д. 1337, л. 4а, 5 об., 8, 9а, 12, 13а, 16, 22, 60 об., 67 об., 89, 96 об., 97 об., 101 об., 103 об., 107 об., 113 об., 114 об., 117, 118 об., 138 об., 139 об., 150 об., 178 об.; д. 1373, л. 123 об.; *Викторов А.В.* Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. Вып. 2. М., 1883. С. 445).

⁶⁷ *Викторов А.В.* Описание записных книг... Вып. 2. С. 919, 940, 948, 961, 1086; РГАДА, ф. 143, оп. 2, д. 1246, л. 11 об., 23 об., 26 об., 47, 62 об., 63 об., 131 об., 133 об., 141, 142 об., 147 об., 149, 159 об.; д. 1280, л. 1. С. Думшат отмечает, что в 1679 г. Гаден работал наиболее активно (*Dumschat S.* Op. cit. S. 330).

⁶⁸ Подробнее см.: *Фельдман Д.З.* Придворный врач... С. 213–215.

⁶⁹ РГАДА, ф. 150, оп. 1, д. 1 (1683 г.), л. 4, 6; ф. 143, оп. 2, д. 1196, л. 1–2; д. 1313, л. 1; оп. 3, д. 83, л. 2; ф. 150, оп. 1, д. 2 (1683 г.), л. 1.

⁷⁰ Там же, ф. 143, оп. 2, д. 826, л. 16; д. 669, л. 2.; д. 580, л. 1–8; д. 1093, л. 45.

ный факт свидетельствует о полном доверии царя к медику. После кончины Алексея Михайловича его старший сын и преемник вновь продемонстрировал это отношение, пригласив Энгельгардта вернуться на службу в Россию. Уже 12 ноября 1677 г. вернувшийся в Москву врач вместе с Зоммером составили рецепт для Фёдора Алексеевича. Давал Энгельгардт и другие медицинские рекомендации больному государю. Некоторые лекарственные средства — «травы устроенные», он советовал «принимать бы в пиве или молоке, а лучше, чтоб и пиво с травой, и молоко кушать изволит, и от того великое признавает дохтур от цынги ползу». Врач не рекомендовал царю употребление перца, «и ук-сус он не позволяет, разве самую малою часть в ухе»⁷¹. Видимо, лишь после кончины Энгельгардта Гаден смог вернуть былое расположение властей, сохранив на протяжении второй половины 1670-х — начала 1680-х гг. авторитет одного из лучших медиков⁷², и вновь стал принимать участие в лечении царя. В последние дни жизни Фёдора Алексеевича он вместе с другими медиками, Л.А. Блюментростом и И. Гутменшем, составлял для больного царя рецепты лекарств⁷³.

В противовес ставленникам Матвеева в Аптекарском приказе с февраля 1676 г. среди придворных медиков на первый план начали выходить лица, не пользовавшиеся расположением некогда влиятельного царского любимца, в частности доктор Блюментрост, у которого отношения с боярином явно не сложились. Приехав в Россию в 1668 г., он стал врачом царя, однако уже в июне 1672 г., через три месяца после назначения Матвеева на должность руководителя Аптекарского приказа, был отправлен в отставку вместе с аптекарями Х. Эйхлером, Ф. Шлятором и алхимистом Б. Ганслантом. Причина увольнения остаётся неизвестной, но медики вновь были зачислены в штат Аптекарского приказа к 1 апреля 1673 г., при этом Блюментрост долгое время не получал жалованья⁷⁴. Восстановление в должности не привело к улучшению отношений между боярином и доктором. Судя по книге записей безденежного отпуска лекарств с 1 сентября 1675 по 31 августа 1676 г., подавляющее большинство рецептов в то время выписывал любимец Матвеева Гаден. Лишь с опалой Артамона Сергеевича и изменением положения Гадена, с 26 февраля 1676 г., Блюментрост вышел на первенствующие позиции среди докторов Аптекарского приказа, что проявилось в составлении им рецептов для членов царской семьи и представителей правящей элиты⁷⁵. Новое положение проявилось и в увеличении жалованья медика. По приезду в Россию Блюментрост получал 130 руб. в год, в июне 1676 г. — уже 182 руб., а в 1682 г. его годичный оклад вместе со столовыми деньгами составлял 730 руб.⁷⁶ Свои первенствующие

⁷¹ ОР РНБ, ф. 532, оп. 2, д. 4619, л. 36, 62.

⁷² Косвенно об этом свидетельствует челобитная Гадена, поданная в августе 1680 г. В ней он, жалуюсь на большие долги, просил выдать ему авансом жалованье за полгода вперед. Просьбу врача удовлетворили (РГАДА, ф. 143, оп. 2, д. 1308, л. 1–2).

⁷³ *Замысловский Е.Е.* Указ. соч. Приложение 1. С. III; Материалы для истории медицины... Вып. 3. С. 1294–1295. Неизвестно, что способствовало изменению отношения к врачу. Документы Аптекарского приказа не сообщают, при каких обстоятельствах его допустили к лечению царя в 1682 г.

⁷⁴ *Старостина Т.В.* Указ. соч. С. 60.

⁷⁵ ОР РГБ, ф. 178, д. 1243, л. 109 об., 130, 138 об., 143 об., 145 об., 149 об., 153, 156 об., 157, 159, 160–160 об., 163, 166 об.–167, 171 об.–172, 197, 207 об.–208.

⁷⁶ Материалы для истории медицины... Вып. 3. С. 869; *Рухтер В.* Указ. соч. Ч. II. С. 19, 50; РГАДА, ф. 143, оп. 3, д. 37, л. 1; д. 55, л. 47.

щие позиции в Аптекарском приказе Блюментрост сохранял и позднее, вплоть до кончины в 1705 г.⁷⁷

Отстранение Матвеева от руководства Аптекарским приказом было лишь первым звеном в череде событий, приведших к опале любимца царя Алексея Михайловича. В начале июля 1676 г. его отстранили от дел и отправили на воеводство в Верхотурье, затем обвинили в колдовстве и «чернокнижии», лишили боярского чина и имущества и сослали в Пустозёрск, где он и находился до 1680 г. Затем бывшего «канцлера» перевели в Мезень, а в начале 1682 г. — в Лух. В Москву Артамон Сергеевич вернулся в мае 1682 г. после смерти царя Фёдора Алексеевича. Возвращение Матвеева привело к возобновлению разговоров о его «нерадении о государевом здравии»⁷⁸. Сведения об этом нашли отражение в донесениях иностранных дипломатов. Польский резидент в Москве главным виновником смерти царя Алексея Михайловича назвал Гадена, который, по его информации, под пыткой признался в том, что отравил царей Алексея Михайловича и Фёдора Алексеевича, супругу последнего Агафью Семёновну и их сына царевича Илью. Врача якобы подговорили это сделать бояре. Гаден «тайно пришёл в царские покои и взял в одну руку со стоявшего на столе золотого подноса прекрасное яблоко, а в другую — нож, намазанный с одной стороны ядом, подошёл к царю и сказал: “Праведный государь! Твоему величеству — правую половину, а мне, холопу твоему, — левую”. Сказав так, он разрезал его пополам и дал царю правую половину, намазанную ядом с ножа, а сам съел неядовитую половину». Царица Агафья, по признанию Гадена, также якобы была им отравлена вскоре после того, как родила царевича Илью — «мать должна была его кормить, а он тотчас умер»⁷⁹. Другой польский автор также приводил сведения о том, что в 1682 г. перед выступлением стрельцов царевна Софья обвиняла вернувшегося из ссылки Матвеева в том, что «будто он и Алексея отравил»⁸⁰. По словам царевны, боярин «подкупил врачей и влил яду в заздравную чашу»⁸¹. Все эти толки, пересуды и негласные обвинения усугубились весной 1682 г. распространением информации об отравлении царя Фёдора Алексеевича лечившими его придворными врачами, в число которых входил всё тот же Гаден⁸². В услови-

⁷⁷ Морохин А.В. Л.А. Блюментрост — основатель династии придворных медиков конца XVII — первой половины XVIII вв. // Сборник статей по русской истории в честь Александра Ивановича Гамаюнова к его 60-летию от друзей и коллег. М., 2019. С. 279–290.

⁷⁸ Шведский дипломат К. Кох ещё до возвращения А.С. Матвеева в столицу 16 мая 1682 г. отметил: «Об Артамоне Сергеевиче стрельцы и простой народ не хотят даже и слышать и открыто говорят, что как только он приедет в Москву, они порубят его на мелкие куски» (Донесения шведских агентов... С. 19).

⁷⁹ Галанов М.М. Иностранные источники по истории политической борьбы в России в 1682 г. // Клио. 2000. № 2. С. 252. Примечательно, что и в других польских источниках того времени отмечалось, что бояре, ненавидя царя Фёдора за его желание помочь Речи Посполитой против турок, а также за то, что царица Агафья была полькой по происхождению, отравили сначала её, а затем и самого царя. Отправленному в Россию польскому дипломату С. Бентковскому предписывалось выяснить обстоятельства смерти царицы (Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 113, 124).

⁸⁰ Повествование о московских происшествиях по кончине царя Алексея Михайловича, посланное из Москвы к архиепископу Франциску Мартелли, флорентийцу, нунцию апостольскому при Иоанне III, короле Польском, найденное, переписанное с подлинника и изданное Себастьяном Чьямпи // ЖМНП. 1835. Ч. 5. № 1. С. 77; Галанов М.М. Иностранные источники... С. 255.

⁸¹ Повествование о московских происшествиях... С. 71.

⁸² Сведения об этом содержатся в сочинениях современников — как россиян, так и иностранцев (Архив князя Ф.А. Куракина. Кн. 1. СПб., 1890. С. 46; Буганов В.И. Повесть о московском вос-

ях развернувшейся борьбы за власть эти разговоры легли на благодатную почву, были оформлены восставшими стрельцами в официальные обвинения и стоили жизни и Матвееву, и его протеже Гадену.

Медицинские подробности случившегося содержатся лишь в одном источнике — «Повести о московском восстании 1682 года». Пойманного Гадена стрельцы пытали и спрашивали, кто были его сообщники: «или по Артемонову научению, или... умыслом Иоанна Языкова, како смертное зелие составлявали»? Признавшийся под пытками в отравлении царя Фёдора Алексеевича медик, если верить современникам, заявил: «Аз убо которыми водками составными его, государя, лечил, и тех составных водок стклянка осталася и есть в оптеке, стоит в погребце, в наугольном заднем гнезде». И для того послаша в оптеку, и тое стклянку принесоша и даша ему, дохтуру; он сказа пред всеми: тою водкою его, государя, лечил»⁸³. Другие очевидцы событий также зафиксировали признание Гадена и других «изменников» (в ходе майского восстания погиб ещё один царский медик — И. Гутменш)⁸⁴ в том, что «они прежних царей и царевичев таким зелием изводили и многие пакости чинили»⁸⁵. Позже в челобитной 6 июня 1682 г. стрельцы объясняли свои действия тем, что «Артемона Матвеева, и Данила дохтура, и Ивана Гутменша и сына Данилова [побили за то], что они на ваше царское пресветлое величество злоотравное зелье, меж себя стакався, составлявали»⁸⁶. Эти обвинения и стали одной из главных причин гибели Матвеева и Гадена. В.Н. Татищев считал, что врачей убили за то, что они «государя не хотели прямо лечить, не розсудя, что болезнь была неизлечимая»⁸⁷. Примечательно, что из трёх медиков, лечивших царя Фёдора Алексеевича в последние месяцы его жизни, в ходе стрелецкого восстания выжил лишь один Блюментрост. По одним данным, жизнь врачу спасла царевна Софья, по другим — его помиловали сами стрельцы⁸⁸. В любом случае, не сложившиеся рабочие отношения Блюментроста с Матвеевым, а следовательно, и отсутствие у врача возможности быть задействованным в инициативах боярина, способствовали сохранению ему жизни. Таким образом, опала А.С. Матвеева в 1676 г., как и его гибель спустя шесть лет в мае 1682 г., во многом были связаны сначала с негласными, а затем и официальными претензиями со стороны восставших стрельцов в связи с неправильными, с их точки зрения, методами лечения царей Алексея Михайловича и Фёдора Алексеевича.

стании 1682 года // Древнерусская литература и её связи с Новым временем. М., 1967. С. 346–347; Татищев В.Н. История Российская. Т. VII. Л., 1968. С. 181; Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 252–253; Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей. М., 1990. С. 96; Такер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. // ЧОИДР. 1891. Кн. 3. С. 128; Рассказ очевидца о жизни Московии конца XVII века // Вопросы истории. 1970. № 1. С. 110; Де ла Невиль. Записки о Московии. М.; Долгопрудный, 1996. С. 134; Галанов М.М. Политическая борьба в России в 1682 году. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000. С. 84.

⁸³ Буганов В.И. Повесть о московском восстании... С. 347.

⁸⁴ Он начал службу в России в 1667 г. и был «в Старой и в Новой аптеках у приему всяких лекарств» (Материалы для истории медицины... Вып. 3. С. 1092–1093).

⁸⁵ Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 253.

⁸⁶ Восстание в Москве 1682 года. Сборник документов. М., 1976. С. 37, 40.

⁸⁷ Татищев В.Н. История Российская. Т. VII. Л., 1968. С. 181.

⁸⁸ Цветаев Д.В. Протестантство в России в правление Софьи // Русский вестник. 1883. № 11. С. 37–38; Галанов М.М. Политическая борьба... С. 145; Dumschat S. Op. cit. S. 514. Шведский дипломат К. Кох упоминал в донесении от 23 мая 1682 г., что «доктора Блюментроста держат в аптеке под арестом» (Донесения шведских агентов... С. 44, 128).

Историческая хронология и начальное древнерусское летописание

Игорь Данилевский

Historical chronology and the initial Old Russian chronicle

Igor Danilevsky

(Sophia, Bulgaria)

DOI: 10.31857/S2949124X23020049, EDN: BHXTSD

Системы летосчисления, которыми пользовались древнерусские летописцы, редко становятся предметом дискуссий современных исследователей. Бытует мнение, что едва ли не все основные вопросы хронологии древнерусского летописания давно решены в классической монографии Н.Г. Бережкова¹. Между тем по крайней мере две историко-хронологические проблемы остались нерешёнными. Первая из них — использование летописцами до конца XV в. сентябрьских датировок². Методика Бережкова не позволяет отделить сентябрьские даты от мартовских и ультрамартовских: первые шесть месяцев сентябрьского года совпадают со второй половиной ультрамартовского года, а сентябрьские даты с марта по август — с первой половиной мартовских годов. Вторая проблема связана с изучением хронологических систем, использовавшихся в Повести временных лет (ПВЛ): в архиве Бережкова не удалось найти её подробного анализа, хотя основную часть такой работы исследователь, видимо, проделал³. В последнее время к её результатам обращаются чаще всего для уточнения дат тех или иных конкретных событий, в то время как системы летосчисления составителей ПВЛ и их предшественников рассматриваются гораздо реже. Единственная попытка комплексного решения этой проблемы — интересная, но во многом спорная монография С.В. Цыба⁴. Особые затруднения вызывало и вызывает установление эр, по которым первые летописцы указывали годы. В настоящей статье предлагается один из возможных подходов к решению этого вопроса.

Ещё в середине XIX в. П.В. Хавский обратил внимание на то, что Кирик Новгородец (XII в.), пользовавшийся «Летописцем вскоре» патриарха Никифора, от Адама до Рождества Христова насчитывал 5500 лет⁵ (позднее это же

© 2023 г. И.Н. Данилевский

¹ Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963.

² Данилевский И.Н. Повседневные практики древнерусских переписчиков книг и датировка Остромирова Евангелия // Многоликая повседневность: микроисторические подходы к изучению прошлого. Материалы конференции памяти Ю.Л. Бессмертного (1923–2000). М., 2014. С. 6–32; Данилевский И.Н. Потерянный сентябрьский стиль // Казус: индивидуальное и уникальное в истории: 2010–2013 / Под общ. ред. И.Н. Данилевского и О.И. Тогоевой. Вып. 10. М., 2015. С. 239–246.

³ Улащик Н.Н. Предисловие // Бережков Н.Г. Указ. соч. С. 5–6.

⁴ Цыб С.В. Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». СПб., 2011.

⁵ «Кирик полагает от Сотв. Мира до Р.Х. 5 500 л... 1-я половина таблицы Кирика проведена по такому счёту, при котором от Сотв. Мира до Р.Х. считается 5 500 лет» (Степанов Н.В. Заметка

отметил Н.В. Степанов), хотя затем даты давались по константинопольской эре в 5508 лет от Сотворения мира до Рождества Христова по эре Дионисия Малого⁶. Годовые датировки по «александрийской»⁷ эре (в 5500 лет) Хавский обнаружил и в ПВЛ⁸. Впоследствии это наблюдение подтвердили и развили М.Н. Тихомиров, Б.А. Рыбаков, Э.Г. Зыков, А.Г. Кузьмин, О.М. Рапов, С.В. Цыб⁹. Часто аннианские датировки в ПВЛ связаны с сообщениями, заимствованными из греческих и болгарских хроник. В то же время некоторые исследователи полагают, что летописцы могли сознательно использовать эру в 5500 лет до Рождества Христова¹⁰.

В значительной степени слабая изученность хронографических (годовых) указаний в раннем древнерусском летописании объясняется ограниченными возможностями традиционных методик работы с прямыми временными данными источников. Чаще всего она сводится к математической обработке так называемых полных календарных дат, содержащих число месяца и день недели, или сочетания непереходящего церковного праздника и дня недели, либо переходящего праздника и числа месяца, на которое он приходился, а также упоминаний солнечных и лунных затмений. Едва ли не единственным примером, когда полная календарная дата даёт достаточные основания для предположения об использовании для датировки аннианской эры в оригинальном сообщении ПВЛ, является упоминание под 6609 годом кончины Всеслава Брячиславича Полоцкого: «В лѣтъ . ꙗꙋ . ѿѿ¹¹ . Престависѧ Всеславъ Половъцкыи¹² князь . мѣца . априла . въ . дѣ . днѣ . въ . ѿ . ча^ѣ . днѣ . въ среду»¹³.

о хронологической статье Кирика (XII в.) // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1910. Т. 15. Кн. 3. С. 145, 148).

⁶ Хавский П.В. Дополнительная выписка из вычислений Кирика XII века // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете (далее — ЧОИДР). 1847. № 6. С. 38.

⁷ Эту эру принято также называть «аннианской» (Кузенков П.В. Христианские хронологические системы. История летосчисления в святоотеческой и восточнохристианской традиции. М., 2014. С. 100). В дальнейшем я буду придерживаться именно такого названия.

⁸ Хавский П.В. Примечания на русские хронологические вычисления XII века // ЧОИДР. 1847. № 6. С. 35; Хавский П.В. Взгляд на хронологию еврейскую, христианскую вообще и русскую в особенности. СПб., 1849. С. 9.

⁹ Тихомиров М.Н. Начало Русской земли // Вопросы истории. 1962. № 9. С. 40–42; Рыбаков Б.А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 165, 174, 231; Зыков Э.Г. Известия о Болгарии в Повести временных лет и их источник // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом). Т. 24. Л., 1969. С. 49–53; Кузьмин А.Г. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969. С. 70–71, 79–82; Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 223–225, 248–277; Рапов О.М. О датировке народных восстаний на Руси XI века в Повести временных лет // История СССР. 1979. № 2. С. 137–139; Цыб С.В. Древнерусское времяисчисление... С. 60, 127.

¹⁰ Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 169–188; Кузьмин А.Г. Начальные этапы... С. 248–295; Цыб С.В. Древнерусское времяисчисление... С. 59–60, 119–128.

¹¹ В Радзивилловском списке — «ѿ . ѿ».

¹² В Радзивилловском и Московско-Академическом списках — «полоцкии».

¹³ ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стб. 274. В Радзивилловском и Московско-Академическом списках календарная часть даты отсутствует, как и в Новгородской первой летописи старшего извода («Въ лѣто 6609. Прѣстависѧ Всѣславъ, Полоцкыи князь» (ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 19). Ср.: «В лѣтъ . ꙗꙋ . ѿ . Престависѧ Всеславъ . Полоцкыи князь . мѣца . априла . въ . дѣ . днѣ . оу . ѿ . днѣ въ среду» (Там же. Т. II. М., 1998. Стб. 250). Здесь даётся двойное противоречивое указание: кончина Всеслава Брячиславича датирована одновременно 14 и 9 апреля. Видимо, поэтому в Хлебниковском и Погодинском списках такой текст отсутствует. Судя по всему, упоминание «оу . ѿ . днѣ въ среду» появилось в результате ошибки: при переписке пропустили слово «час». Однако в 1102 г. 9 апреля

Дело в том, что в 1101 г. (традиционный условный перевод летописного 6609 года) 14 апреля приходилось не на среду, а на субботу (если дата дана по ультрамартовскому стилю), либо на воскресенье (по сентябрьскому или мартовскому стилю). Поэтому уже первые публикаторы предположили, что 14-е число здесь проставлено по ошибке, вместо верного 4 или 11 апреля¹⁴. Альтернативное решение этого противоречия предложил Н.В. Степанов. Он исходил из того, что «русские не понимали двойного счёта от Сотв. мира до Р.Х.; по одному счёту этот интервал равняется 5500 годам, по другому — 5508 годам. До нас дошло немало памятников, где фигурирует число 5500. Даже в Лаврентьевской летописи в рассказе о происхождении и сущности христианской религии говорится об этих 5500-х годах (г. 6494...)». Из этого следовал вывод: «Не умер ли Всеслав в 1109 году? Этот год есть 6609-й по тому счёту; да и 14 апреля 1109 года приходилось в среду»¹⁵. Такая гипотеза снимает видимое противоречие в летописной датировке и представляется логичной¹⁶.

Однако, если кто-то из летописцев пользовался аннианской эрой, вряд ли её следы должны сохраниться лишь в одном-единственном сообщении. Дополнительные аргументы в пользу гипотезы Степанова предоставляет, судя по всему, заключительная часть ПВЛ. На рубеже XI–XII вв. здесь встречаются статьи, совпадающие по содержанию, но разделённые восемью годами. К их числу относятся летописные рассказы 6611 и 6619 гг. о совещаниях («снечах») в Долобске князей Владимира Всеволодовича (Мономаха) и Святополка Изяславича, обсуждавших сроки похода на половцев. В них совпадают не только имена участников, место проведения, обстоятельства встречи и аргументация обеих сторон¹⁷. Они близки текстуально, на что обратил внимание А.А. Шахматов. Исследователь объяснил это тем, что Сильвестр под 1103 г. продублировал рассказ о событии, в действительности происшедшее в 1111 г., заменив им какое-то сообщение Нестора, неблагоприятное Мономаху¹⁸. Затем уже статью 1103 г. якобы использовали для описания княжеского съезда 1111 г.¹⁹ Впрочем, такая догадка даже самому Шахматову представлялась слабой: «Мог ли

действительно приходилось на среду, и такое упоминание могло стать результатом сознательного редактирования текста (*Цыб С.В. Древнерусское времяисчисление...* С. 25).

¹⁴ Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1897. Стб. 265.

¹⁵ Степанов Н.В. К вопросу о календаре Лаврентьевской летописи // ЧОИДР. 1910. Кн. 4. С. 10.

¹⁶ Кузьмин А.Г. Русские летописи... С. 80; Кузьмин А.Г. Начальные этапы... С. 248 (в обоих случаях — без ссылки на Н.В. Степанова); Проништейн А.П., Данилевский И.Н. Вопросы теории и методики исторического исследования. М., 1986. С. 72; Цыб С.В. Древнерусское времяисчисление... С. 28.

¹⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 252–253, 264–265; Т. I. Стб. 277.

¹⁸ С тем, что статья 1103 г. является вставкой, дублирующей известие 1111 г., согласился — хотя и с оговоркой — М.Х. Алешковский: «В статьях 1103 и 1111 гг. имеется необычайно сходное описание двух княжеских съездов этих лет. Эта повторность описаний свидетельствует о дублировании одного текста другим, но каким именно, мы пока не знаем. Наличие в статье 1103 г. хронологического противоречия... [после рассказа об августовских событиях следует сообщение о мартовском сражении Ярослава Святополковича с мордвой] позволяет отнести дублирующую вставку к тексту именно этой статьи» (Алешковский М.Х. «Повесть временных лет». Из истории создания и редакционной переработки. М., 2015. С. 58). К такому же выводу, но на других основаниях, склоняется и Д.М. Котышев (*Котышев Д.М. О заголовках статей 6611-го и 6619 года и гипотезе А.А. Шахматова // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. История. 2002. № 1(13). С. 23–26*).

¹⁹ Шахматов А.А. Повесть временных лет // Шахматов А.А. История русского летописания: В 3 т. Т. I. Кн. 2. СПб., 2003. С. 545–547.

составитель третьей редакции [ПВЛ] говорить о княжеском съезде в Долобске весной 1111 г., если такого съезда на самом деле не было, если Долобский съезд имел на самом деле место в 1103 г.? ... Правдивость рассказчика может быть заподозрена: рассказ может быть опровергнут участниками события»²⁰. Эти сомнения поддержали и многие его последователи²¹. Впрочем, иных объяснений, помимо странного использования описания одного события для отображения другого, пусть и близкого по сути, но произошедшего на восемь лет раньше (или позже), предложено не было.

Гипотеза Степанова о датировке каким-то летописцем кончины Всеслава Брючиславича Полоцкого аннианским годом от Сотворения мира позволяет высказать предположение о том, что и здесь мы имеем дело с одной и той же датой одного и того же события, но выраженной в разных эрах, поскольку 6619 г. константинопольской эры и 6611 г. эры аннианской соответствуют одному и тому же 1111 г. в нашей системе летосчисления. Именно к такому выводу пришёл в свое время А.Г. Кузьмин, хотя прежде он считал использование эры в 5500 лет в XI–XII вв. маловероятным²². Такое предположение может получить дополнительные основания, если в Повести существуют другие, пусть и не столь очевидные, случаи дублирования летописных сообщений, разделённые всё теми же восемью годами.

К их числу можно отнести повторяющиеся упоминания «знамений». Речь в них идёт, как правило, о неких природных явлениях, определение сути которых может вызывать трудности. На первый взгляд, их вряд ли можно идентифицировать, поскольку текстуальной близости между ними не наблюдается. В то же время некоторые из них вполне могут трактоваться как атмосферные или биологические события, поддающиеся в наше время довольно точному датированию. Многие природные явления опосредованно связаны с уровнем солнечной активности: с увеличением или, напротив, сокращением числа вспышек на Солнце. К косвенным проявлениям солнцедейтельности, в частности, относятся: увеличение числа полярных сияний и возможность их наблюдения в низких широтах²³, интенсивность формирования в верхних слоях тропосферы перистых облаков²⁴, кристаллы льда которых, в свою очередь, вызывают появление кругов (гало и венцов) вокруг Солнца и Луны²⁵, вспышки эпидемий²⁶.

²⁰ Там же. С. 547.

²¹ «Эта литературная зависимость отнюдь, однако, не означает, что одного из этих Долобских съездов (1103 или 1111 г.) вовсе не было. Летописец просто воспользовался описанием первого съезда для описания близкого к первому по смыслу и содержанию второго... Вряд ли есть необходимость в таком сложном объяснении» (*Лихачёв Д.С.* Комментарии // *Повесть временных лет*. СПб., 1996. С. 542); «Совсем неубедительно выглядит... невероятно сложная конструкция А.А. Шахматова литературной зависимости летописных описаний княжеских съездов 1103 и 1111 гг., обсуждавших вопросы подготовки похода на половцев русских князей... Зачем было летописцу (Нестору или Сильвестру) придумывать съезд 1103 г. и описывать его на основании реального 1111 г.? Во всём ведь должен быть свой смысл. Такой нелепый фальсификат мог быть легко замечен современниками, в том числе и участниками этих событий» (*Толочко П.П.* Редакция Повести временных лет игумена Сильвестра: историческая реальность или учёная фикция? // *Ruthenica*. Вып. 7. Київ, 2008. С. 135–136).

²² *Кузьмин А.Г.* Начальные этапы... С. 248–249; *Кузьмин А.Г.* Русские летописи... С. 80.

²³ *Эдди Дж.* Исторические свидетельства солнечного цикла // Поток энергии Солнца и его измерения. М., 1980. С. 71.

²⁴ *Крутzen П.* Стратосфера – мезосфера // Поток энергии Солнца... С. 26.

²⁵ *Чижевский А.Л.* Земное эхо солнечных бурь. М., 1976. С. 103; С. 97. Рис. 20.

²⁶ Там же. С. 181.

Периоды солнечной активности регулярны, но колеблются в определённых пределах. Тем не менее специалистам удалось по ряду признаков (остаточному содержанию изотопа углерода C^{14} в датированных годовых кольцах деревьев, упоминаниям в китайских и европейских хрониках наблюдений полярных сияний и солнечных пятен) надёжно реконструировать циклы солнцедельности в прошлом²⁷. Благодаря этому мы располагаем точными датами максимумов и минимумов солнечной активности. Привлечение таких данных даёт возможность вполне достоверно датировать сообщения письменных источников о наблюдении косвенных проявлений солнечной активности в атмосфере и биосфере Земли. Однако историки до настоящего времени не использовали такие сведения для датировок и изучения времяисчислительных систем, применявшихся летописцами, в то время как их привлечение позволило бы расширить методический арсенал историко-хронологических исследований.

Так, в ПВЛ сообщается, что в 6610 г. «бы^с знаменье на нѣси мѣца генвара . въ . кѣ . дѣнь по . ѿ . дѣни . Акы пожарнаа зарѣ . ѿ вѣстока . и оуга . и запада . и сѣвера . и бы^с так свѣтъ всю ночь . акы ѿ луны полны свѣтащѣся»²⁸. Д.О. Святский, собравший и проанализировавший все летописные сообщения такого рода, полагал, что в данном случае летописец зафиксировал наблюдение полярного сияния²⁹. Трёхдневная продолжительность «знамения» свидетельствовала о его интенсивности. Как отметил М.Л. Городецкий, «это, без сомнения, описание п[олярного] с[ияния], которое иногда можно наблюдать и в средних широтах в периоды повышенной солнечной активности»³⁰. Он же предложил датировку данного сообщения, обратив внимание на то, что в Китае и Корее 31 января 1101 г. также наблюдались полярные сияния³¹. Однако такая дата не соответствует ни одному из возможных традиционных переводов годовой даты — ни по ультрамартовскому, ни по мартовскому или сентябрьскому стилю. Поэтому высказана догадка, что «составитель (статьи в ПВЛ. — И.Д.) систематически переправлял добавлением к году 1, как он считал, мартовский стиль, имевшегося у него протографа, на ультрамартовский, хотя на самом деле запись была в самом древнем, сентябрьском стиле, пришедшем из Византии. При этом январь 6609 года по сентябрьскому стилю превратился в январь 6610 года»³².

Столь сложные допущения связаны с тем, что исследователь предположил, будто полярные сияния в Китае, Корее и на Руси наблюдались в один и тот же год. Однако это необязательно. Полярные сияния, возникающие при взаимодействии солнечного ветра с магнитным полем Земли, достигают максимальной интенсивности за два года до пика солнечной активности и продол-

²⁷ О методах реконструкции солнечной активности в прошлом см., например: *Eddy J.A. The Maunder Minimum // Science: New Series. 1976 (Jun. 18). Vol. 192. № 4245. P. 1189–1202; Eddy J.A. Climate and the Role of the Sun // The Journal of Interdisciplinary History. 1980. Vol. 10. № 4: History and Climate: Interdisciplinary Explorations. P. 725–747; Usoskin I.G. A History of Solar Activity over Millennia // Living Reviews in Solar Physics. 2013. Vol. 10:1. P. 7–94.*

²⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 276.

²⁹ *Святский Д.О. Астрономия Древней Руси. С Каталогом астрономических известий в русских летописях, составленным М.Л. Городецким. М., 2007. С. 262.*

³⁰ *Городецкий М.Л. Примечания // Святский Д.О. Астрономия Древней Руси... С. 277.*

³¹ *Wills D.W., Stephenson F.R. Simultaneous auroral observations described in the historical record of China, Japan and Korea from ancient times to AD 1700 // Annales Geophysicae. 2000. Vol. 18(1). P. 1–10.*

³² *Городецкий М.Л. Примечания. С. 277.*

жаются в течение ещё трёх лет после него³³. Максимумы солнцедетельности в интересующий нас период установлены в 1098, 1110 и 1118 гг.³⁴ Именно с них начинается полувековой *Средневековый Максимум* солнечной активности, признаваемый «самым значительным за исследуемый период времени, его амплитуда в ~3 раза больше амплитуд остальных максимумов»³⁵. Полярные сияния, упоминающиеся в китайских и корейских хрониках под 1101 г., связаны с максимумом 1098 г. и приходились на заключительную дату возможности их наблюдения в низких широтах. С не меньшей и даже большей вероятностью свечение верхних слоёв атмосферы в южных регионах Восточной Европы могло приходиться на максимум 1110 г. В таком случае хронографическая дата летописного сообщения под 6610 г. вполне может быть дана по аннианской эре и соответствовать 1110 г. нашей эры. Это тем более вероятно, что в той же годовой статье ПВЛ упоминаются и другие «знамения», также связанные с солнечным максимумом: «в то же лѣтъ . быѣ знаменье в лунѣ . мѣца . ѿевра^л . въ . ѿ . днѣ . того^к . мѣца . въ . з . днѣ Быѣ знаменье в солнѣци . ѿгородилоса баше слѣце . в три дуги . и быша другыа дугъ хребты к собѣ . и сиа видаше знаменья блговѣрнии чернцы»³⁶.

Это «замысловатое описание» С.В. Цыб интерпретировал как «частичное солнечное затмение начала февраля 1106 г.»³⁷. Однако такая трактовка данного летописного сообщения представляется ошибочной, поскольку в 1106 г. частичное солнечное затмение наблюдалось не в феврале, а 1 августа, в среду. В том же году произошло и затмение Луны, но не 5 февраля, а 17 июля³⁸. Скорее всего, летописец здесь упоминает гало, наблюдавшиеся вокруг Солнца и Луны, что возможно в годы того же максимума солнечной активности 1110 г. Если это так, то оба сообщения — о полярном сиянии и о гало — датированы по аннианской эре. Такой перевод тем более вероятен, что упомянутые «знамения» летописец прямо связывает с уже рассмотренным походом на половцев 1111 г.³⁹

Предложенная гипотеза о датировке «знамений» 6610 г. получает дополнительные основания, поскольку ровно через восемь лет, под 6618 г. в ПВЛ встречается сообщение о наблюдении подобного явления, но датированное по константинопольской эре: «томже . лѣтъ . быѣ знаменье в Печерьстѣ^м монастырѣ . въ . аї . днѣ . февра^л . мѣца . явиса столпъ ѿгнень ѿ земли до нбси . а молныа ѿсвѣтиша всю землю . и в небеси погремѣ в ча^с . а . ноши . и весь миръ видѣ . се же столпъ первѣе ста на трапезници каменѣи . яко не видѣти быѣ крѣта . и постоаявъ мало . съступи на цркви . и ста надъ гробомъ ѿсѣдосьевы^м . и пото^м ступи на верхъ акы ко востоку лицъ . и пото^м невиди^м быѣ . се же бѣаше не ѿгненьи столпъ . но видѣ англескъ»⁴⁰.

³³ Витинский Ю.И. Цикличность и прогнозы солнечной активности. Л., 1973. С. 70–71.

³⁴ Shove D.J. Sunspots cycles. Stroudsburg, 1983. P. 135.

³⁵ Птицына Н.Г., Дёмина И.М. Новая реконструкция солнечной активности в 1000–1700 гг. // Труды XXIII всероссийской ежегодной конференции по физике Солнца: «Солнечная и солнечно-земная физика — 2019» (Санкт-Петербург, Пулковое, 7–11 октября). СПб., 2019. С. 336.

³⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 276.

³⁷ Цыб С.В. Древнерусское времяисчисление... С. 27.

³⁸ Городецкий М.Л. Дополнения к книге Даниила Святского «Астрономия Древней Руси» // Святский Д.О. Астрономия Древней Руси. С. 603, 608, 625. Ср.: «того же лѣта [6614 (1106)] . помрачение быѣ въ слнѣци . августа» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 258).

³⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 276.

⁴⁰ Там же. Стб. 284. Ср.: «В то же лѣто бы знаменье в Печерьскомъ монастыри . февраля . въ . аї . днѣ . явиса столпъ ѿгнень ѿ земли до нбси . а молныа ѿсвѣтиша всю землю . и на нбси погремѣ в часть .

Ещё В.Н. Татишев, а вслед за ним и Н.М. Карамзин, расценили это сообщение как описание полярного сияния⁴¹. Однако Святский посчитал, что здесь речь идёт о метеоре либо о «каком-нибудь грозовом явлении»⁴². Такая трактовка порождена упоминаниями молнии и грома, якобы сопровождавшими наблюдение «огненного столпа». При этом оставалось непонятным, как метеор или метеорит мог сначала «ста», а затем, «постояв мало», перемещаться. Это противоречие не позволило Городецкому однозначно определить, о каком именно явлении писал летописец: «(?) Полярное сияние / (?) Метеорит 1110 г.»⁴³.

Не исключено, однако, что упоминания о молнии и грома были вставкой, разорвавшей рассказ об огненном столпе: «явися столпъ ѿгнень ѿ земли до небеси... се же столпъ первѣе ста на трапезници каменѣи . ѿко не видѣти бы^ѣ кр^ѣта . и постояѣвъ мало . съступи на цр^квь . и ста надъ гробомъ Феодосьевы^м . и пото^м ступи на верхъ акы ко востоку лицъ . и пото^м невиди^м бы^ѣ». Показательно, что в более поздних летописных сводах текст о молнии и грома в данной годовой статье отсутствует: «[В лѣто 6618]... Бысть знаменіе в Печерскомъ монастырѣ, мѣсяца февраля въ 11 день: явися столпъ огнень отъ земля и до небеси»⁴⁴; «В лѣто 6619 бысть знаменіе въ Печерскомъ монастырѣ февраля 11, явися столпъ огня отъ земля и до небеси»⁴⁵; «В лѣто 6618. Бысть знаменіе в Печерскомъ монастыри, февраля 11, явися столпъ огнень отъ земля и до небеси»⁴⁶; «В лѣто 6617... Быс(ть) знаменіе в Печерскомъ монастырѣ м(е)с(я)ца фев(раля) 11 д(ень): явис(я) столпъ огнен отъ земля до н(е)б(е)се»⁴⁷. Без упоминаний молнии и грома сообщение об «огненном столпе» вполне соответствует описанию так называемой *лучистой дуги* — одной из форм полярного сияния, напоминающей вертикальный прямой луч (может наблюдаться в южных регионах, вплоть до 50–65° с.ш.)⁴⁸.

Итак, имеются достаточные основания полагать, что в сообщениях под 6610 и 6618 гг. в ПВЛ речь идёт о наблюдениях оптических атмосферных явлений одного и того же порядка. Поскольку они фиксировались в разных летописных центрах, календарные даты этих «знаменій» близки, но не совпадают: 28 января и 11 февраля, соответственно⁴⁹. Различие в хронографической (годовой) части дат этих сообщений тогда объясняется использованием аннианской (6610 г.) и константинопольской (6618 г.) эр от Сотворения мира.

В ПВЛ встречаются и другие сообщения, которые могут быть связаны с солнечным максимумом. Так, под 6600 г. в Лаврентьевском списке читаем:

ѿ . нощи . весь миръ видѣ . сесь же столпъ ста на трапезници каменѣи . ѿко не видити хрста баше . и стоа мало ступи на цр^квь . и ста надъ гробомъ Феодосьевомъ . и потомъ надъ верхъ съступи . акы ко востоку лицемъ . и потомъ невидимо бы^ѣ . се же баше не ѿгнь . но видѣ англьскыи . англь бо сице являеть т.а . ѿво столпомъ ѿгненомъ . ѿво же пламеномъ... ѿкоже рекохомъ прѣже зынаменье се бы^ѣ . мѣца февраля . въ . ѿ . днѣ . исходаще сему лѣту . ѿи» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 260–261, 264).

⁴¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 2. СПб., 1818. Примеч. 204. С. 105–106.

⁴² Святский Д.О. Астрономия Древней Руси... С. 242, 262.

⁴³ Городецкий М.Л. Каталог астрономических явлений в русских летописях // Святский Д.О. Астрономия Древней Руси... С. 511.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. М., 2000. С. 140–141.

⁴⁵ Там же. Т. VI. Вып. 1. М., 2000. С. 157.

⁴⁶ Там же. Т. XLII. СПб., 2002. С. 99.

⁴⁷ Там же. Т. XLIII. М., 2004. С. 63.

⁴⁸ Акасофу С.И., Чепмен С. Солнечно-земная физика. Ч. 2. М., 1975. С. 425.

⁴⁹ Такое отождествление допускал и Городецкий (Городецкий М.Л. Каталог астрономических явлений... С. 262 — со ссылкой на: Лайоша В.А., Краковецкий Ю.К., Попов Л.Н. Полярные сияния. Каталог IV–XVIII вв. М., 1989. С. 32).

«В лѣѣ . ꙗко . ꙗко... в си же времена быѣ знаменье въ ѿбси ꙗко кругъ быѣ . посреде ѿба превеликъ . в се лѣто ведро баше ꙗко изга[ра]ше земла . и мнози борове възгарахуса сами . и болота . [и] многа знаменья бываху по мѣстомъ»⁵⁰. Упоминаемый здесь «кругъ превеликъ», который видели «посреде ѿба», имеет параллель в Ипатьевском списке, но под 6607 г.: «В се же лѣто быѣ знаменье . надъ Володимиремъ . мѣца априла . два . круга . а в нею аки слѣнце . и до шестаго часа . а ночь . аки . ꙗко . стази свѣтлѣ . ꙗко до зорь»⁵¹. Помимо гало («кругов») здесь упоминаются какие-то «стяги» — скорее всего, так летописец описал полярное сияние. И в том и в другом случае речь идёт об оптических явлениях, которые можно было наблюдать в годы солнечных максимумов. Но на 1092 г., которым традиционно переводится летописный 6600 г. от Сотворения мира, выпадал не максимум, а минимум активности Солнца. Ближайший же максимум фиксировался только в 1098 г., к нему и могут быть «привязаны» оба сообщения, если в ПВЛ упоминаются наблюдения одного порядка (утверждать, что это одно и то же явление, невозможно, поскольку в Лаврентьевском списке не приведена календарная дата). При этом их годовые даты даны по разным системам летосчисления: в Лаврентьевской летописи — по аннианской эре, а в Ипатьевской — по константинопольской.

В Лаврентьевском списке под 6600 г. есть ещё два сообщения, несомненно связанные с солнечным максимумом 1098 г. В первом из них речь идёт о сильной засухе: «в се лѣто ведро баше ꙗко изгараше земла . и мнози борове възгарахуса сами . и болота»⁵². Засушливые годы также обусловлены максимальной солнечной деятельностью. Именно в годы повышенной солнечной активности в Восточной Европе отмечались продолжительные периоды резкого повышения летних температур, сокращение выпадения осадков и массовые природные пожары⁵³. Так что все негативные природные явления, упоминаемые в этой статье, были возможны, скорее всего, именно в 1100, но не в 1092 г. Косвенным подтверждением этого предположения является то, что как раз в 1102–1103 гг. дендрохронологи фиксируют минимальный прирост годовых колец деревьев в Новгороде и Пскове⁵⁴.

На 1100 г. указывает и начало статьи 6600 г., где повествуется о необычном событии в Полоцкой земле: «Предивно быѣ [чюдо] Полотьскѣ въ мечтѣ ны бываше в нощи тутнь»⁵⁵ станаше по улици . ꙗко члѣвци рищюще бѣси . аще кто

⁵⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 215. В Ипатьевском списке такое сообщение отсутствует.

⁵¹ Там же. Т. II. Стб. 248. В Лаврентьевском списке такое сообщение отсутствует.

⁵² Там же. Т. I. Стб. 215.

⁵³ *Покровская Т.В.* Синоптико-климатические и гелиогеофизические долгосрочные прогнозы погоды. Л., 1969. Аналогичная связь прослеживается и для территории США (*Мирошниченко Л.И.* Солнечная активность и Земля. М., 1981. С. 82–83).

⁵⁴ *Колчин Б.А., Черных Н.Б.* Дендрохронология Восточной Европы. М., 1977. С. 81. В Полоцке, находящемся в той же природно-климатической зоне, зафиксировано 138 образцов, пригодных для дендрохронологического анализа, но только для периода 1139–1300 гг. (Там же. С. 77). Тесная взаимосвязь метеорологических условий и прироста годовых колец деревьев с солнечной активностью давно установлена и доказана (*Douglass A.E.* Climatic Cycles and Tree-Growth: A Study of the Annual Rings of Trees in Relation of Climate and Solar Activity. Vol. 1–3. Washington, 1919–1936). Именно дендрохронологические показатели — угнетение древесных колец в 1029–1032 гг. — дали основание О.М. Рапову считать, что сообщение в ПВЛ под 6532 г. о восстании в Суздальской земле также датировано летописцем по эре в 5500 лет, и его годовое указание должно переводиться как 1032 г. (*Рапов О.М.* Указ. соч. С. 138–140).

⁵⁵ Шум, грохот (*Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб., 1912. Стб. 1040; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 30. М., 2015. С. 233).

вылѣзаше ис хоромины . хотя видѣти . абые оуязвенъ будаше невидимо ѿ бѣсовъ . ѣзвою и с того умираху . и не смыху излазити ис хоромъ . посемъ же начаша в дѣе явлатися на конихъ и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ . но конь ихъ видѣти копыта . и тако ѣязваху люди Плотьскыя и ѣго ѡбласть . тѣмъ и члѣвци глѣху . ѣко наавѣ⁵⁶ быють Полочаны . се же знаменье поча быти отъ Дрютьска... в си же времена мнози члѣвци омираху различнымъ недугъ . ѣкоже глѣху продающе корсты . ѣко продахомъ корсты . ѿ Филипова дѣе до масопуста . . 3 . тысячъ . Се же бы^е за грѣхы наша . ѣко умножишася грѣси наши [и] неправды . се же наведе на ны Бѣ . велѣ на^м имѣти покаенье . и встѣгнутися ѿ грѣха . и ѿ зависти . и ѿ прочихъ злыхъ дѣлъ неприазни⁵⁷.

Такое описание соответствует традиционным образам чумы, широко бытовавшим на всем пространстве Евразии. Считалось, что чума разносится невидимыми стрелами, которыми людей поражают боги или мертвецы. Например, у Гомера это стрелы Аполлона, а у монголов — стрелы багатура, оскорбившего местного божка, за что тот обратил его в тарбагана⁵⁸. В средневековой Западной Европе получили распространение образы Бога, ангелов, смерти или всадников-мертвецов, поражающих чумными стрелами или копьями людей⁵⁹. В то же время детали летописного описания чумной эпидемии в Полоцке и его окрестностях напоминают фольклорный образ дикой охоты: развезжающие верхом невидимые «бесы» и/или мертвецы, невидимая «язва», поражающая жителей города, попытавшихся посмотреть на них, необычный шум, а также мотив наказания⁶⁰. Подобно многим другим эпидемическим заболеваниям, «большинство дат чумных эпидемий за время с VI по XVII в. хорошо совпадают с датами эпох солнечных максимумов»⁶¹. Это позволяет с полным основанием перевести летописную дату и данного сообщения 1100 г. Таким образом, все три упомянутые под 6600 г. необычные явления, которые летописец называет

⁵⁶ В Ипатьевском списке: «ѣко наавѣ быють Полочаны» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 206). «Навь, навье, навья, навий, навей... мертвец, покойник, усопший, умерший...» (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. СПб.; М., 1905. Стб. 1017); «Навь — мертвец, funus, труп, cadaver, векоръ» (*Срезневский И.И.* Материалы для словаря... Т. 2. СПб., 1902. Стб. 272); «Навь... Мертвец» (Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.: в 10 т. Т. 5. М., 2002. С. 133); «Навь (навъ) и навье... Покойник» (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 10. М., 1983. С. 45). Ср.: «Навье, навь — древние мифические существа, насылавшие смерть; кроме того, слово Н. означает мертвеца» (*Сумцов Н.Ф.* Навье // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. 20(39). СПб., 1897. С. 419); «Навь (др.-рус. «навъ»), в славянской мифологии воплощение смерти... У... славянских народов к представлениям о Н. восходят целые классы мифологических существ, связанных со смертью)... В «Повести временных лет» эпидемия в Полоцке приписывается мертвецам, скачущим на невидимых конях по улицам» (*Иванов В.В., Топоров В.Н.* Навь // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М., 1988. С. 195).

⁵⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 214–215.

⁵⁸ *Дорждагва Т., Туринцева Е.А., Вишняков В.А.* Чума в тезаурусах монголов, европейцев и русских: биосоциологическое и культурологическое исследование // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 2. С. 30.

⁵⁹ *Деломо Ж.* Ужасы на Западе. М., 1994. С. 87–91.

⁶⁰ *Meisen K.* Die Sagen vom Wütenden Heer und Wilden Jäger. Münster, 1935; *Юсим М.А.* Дикая охота // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 1. М., 1987. С. 378; *Платов А.В.* Дикая Охота королей Севера // Мифы и магия индоевропейцев: Альманах. Вып. 11. М., 2002. С. 7–29; *Плахова О.А.* Отражение народных представлений о Дикой Охоте в сказочной картине мира // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2013. № 3(25). С. 376–380.

⁶¹ *Чижевский А.Л.* Указ. соч. С. 181.

«знамениями» и «чудом», скорее всего приходились именно на 1100 г., а их летописная дата дана по аннианской эре.

Итак, под 6600, 6609, 6610 и 6611 гг. в ПВЛ можно выделить ряд сообщений, даты которых, судя по всему, даны в эре, насчитывавшей 5 500 лет от Сотворения мира до Рождества Христова. Возможно, её составитель позаимствовал их из одного источника, автор которого использовал аннианскую эру. Некоторые из этих известий имеют содержательные, но не совпадающие с ними текстуально дубликаты, датированные в константинопольской эре. Такой вывод совпадает с наблюдением М.Х. Алешковского, что «во многих статьях “Повести временных лет” под 1090–1115 гг. встречаются хронологические противоречия в пределах одной и той же статьи, в пределах одной и той же погодной записи». Подобные нарушения могли объясняться «совмещением в пределах одной погодной статьи погодных записей нескольких летописных источников. Это совмещение происходило при работе по составлению летописных сводов или при их редактировании, то есть при пополнении одного летописного свода сведениями, имевшимися в другом своде или у самого летописца»⁶². Теперь это предположение можно подкрепить не только календарными несоответствиями, замеченными Алешковским, но и хронографическими расхождениями. Следует согласиться с Цыбом, что «форма записи хронологических артефактов может являться... самым надёжным аргументом в пользу того или иного хронологического расслоения летописных известий»⁶³. Историко-хронологические данные, дошедшие в ранних летописных текстах, дают важный материал, позволяющий уточнить источники, использованные создателями ПВЛ.

В нашем случае анализ прямой и косвенной датирующей информации даёт возможность высказать и обосновать гипотезу, что в заключительной части Повести имеются следы некоего летописного текста, чей автор (или авторы) при датировке событий придерживались аннианской эры от Сотворения мира, согласно которой до Рождества Христова насчитывалось не 5 508, а 5 500 лет. Обращает на себя внимание, что, по крайней мере, два сообщения, заимствованные из него, связаны с Полоцком. Судя по всему, отдельные статьи, взятые из этого источника и частично совпадающие со вставками, зафиксированными Алешковским, включены в состав ПВЛ при её создании. Дальнейшее специальное исследование может доказать или опровергнуть эту гипотезу. Во всяком случае, расширение методических приёмов анализа летописных датирующих данных и привлечение для этого естественно-научных методик позволит уточнить и дополнить наши представления об источниках и составе раннего древнерусского летописания.

⁶² Алешковский М.Х. Указ. соч. С. 53.

⁶³ Цыб С.В. Древнерусское времяисчисление... С. 22.

Распространение кириллической печатной книги XVI–XVII вв. в регионах России

Татьяна Кокорева, Ирина Поздеева

Distribution of the Cyrillic printed book of the 16th–17th centuries in the regions of Russia

Tatiana Kokoreva, Irina Pozdeyeva
(*Lomonosov Moscow State University, Russia*)

DOI: 10.31857/S2949124X23020050, EDN: BHZBRG

В конце прошлого века благодаря многолетней работе сотрудников археографической лаборатории исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова была пересмотрена господствовавшая в историографии концепция, отрицающая историческое и культурное значение ранней московской печати. Основные выводы новой концепции были сформулированы в коллективной монографии¹; доказано и показано важнейшее объединяющее, духовное, нравственное и государственное значение деятельности московских печатников, а затем Московского печатного двора (МПД) на всём протяжении XVII в., а также его ведущее значение в подготовке Петровских реформ.

Список изданий московских типографий XVI и XVII вв. по сравнению с каталогом А.С. Зерновой (498 изданий)², составленным по сохранившимся в шести главных библиотеках России памятникам, увеличен до 631, установлены значительно расширенный список названий и форм изданий Печатного двора, их точные тиражи, себестоимость и цена, по которой книги шли «в мир» (сначала развозились по епархиям, а с 1632 г. свободно продавались в лавке при МПД). Ещё ранее было осознано серьёзное, а нередко и уникальное значение экземпляра кириллической печатной книги как исторического источника³; разработана, улучшена и неоднократно публиковалась методика научного описания именно экземпляра старопечатного издания⁴.

Однако в науке пока нет доказательной альтернативы представлениям, что продукция МПД даже в XVII в. не расходилась далее Москвы и столичной округи, не пользовалась спросом и нередко выдавалась сотрудникам типографии вместо заработной платы. Для того чтобы показать реальное значение ранней кириллической печатной книги в жизни российских регионов, началась многолетняя коллективная работа, в которой приняли участие московские университетские археографы, подготовленные ими в регионах специалисты му-

© 2023 г. Т.А. Кокорева, И.В. Поздеева

¹ Поздеева И.В., Пушков В.П., Дадыкин А.В. Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1618–1652 гг. Исследования и публикации. М., 2001; Поздеева И.В., Дадыкин А.В., Пушков В.П. Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры: 1652–1700. Исследования и публикации. Кн. 1. М., 2007; Кн. 2. М., 2011.

² Зернова А.С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках: сводный каталог. М., 1958.

³ Поздеева И.В. Методика описания экземпляров старопечатных изданий кириллического шрифта // Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976. С. 125–132.

⁴ Поздеева И.В. Описание экземпляров старопечатных изданий кириллического шрифта: Методические рекомендации. Изд. 5. Ростов Великий, 2006.

зеев, архивов и библиотек, работавшие с кириллическими книжными памятниками, а также студенты и аспиранты исторического факультета МГУ. Впервые была поставлена и решена задача поэкземплярного описания сохранившихся в регионах России памятников ранней кириллической печати.

Стали очевидными возможности анализа территориальных собраний ранней российской книжности как исторического источника. Их значение трудно переоценить. Они не только во многом определяли специфику традиционной культуры регионов, но и позволяют сегодня выявить характер складывающейся общерусской книжности и книжной культуры. В Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ собраны два территориальных книжных собрания и 16 территориальных коллекций.

Для эксперимента были выбраны регионы, уже обследованные полевыми археографами, при этом имеющие максимально разные исторические судьбы: Ростовско-Ярославская земля, один из самых ранних просвещённых центров Российского государства, и Пермский край, освоенный экономически и культурно только в XVII в. Третий регион — Тверская земля — был одним из самых ранних культурных и государственных центров России, обладал богатейшими фондами рукописных и печатных древних памятников, однако сильно пострадал в годы Великой Отечественной войны. Найденные здесь материалы и сохранившиеся в государственных хранилищах памятники не могут быть представлены как репрезентативное Тверское территориальное собрание, хотя они и сохранили специфические черты тверской истории⁵. В перечисленных регионах впервые обследовались все государственные хранилища, описывались памятники кириллической печати XVI и XVII вв.⁶, а в Пермском крае и Тверской обл. также изучены и описаны рукописи XIV–XVII вв.⁷

Работа по обследованию старообрядческих общин была проведена в регионе Ветки — крупнейшего центра русского старообрядчества, так называемого беглопоповства (западная часть Брянской обл., Гомельская обл. и граничащая с ней часть Черниговской обл.). Здесь составлено Ветковско-Стародубовское территориальное книжное собрание. Университетскими археографами в 1970–1990-х гг. обследованы также большинство старообрядческих общин Украины и Молдавии, однако остались не изучены государственные хранилища, поэтому полученные результаты, как и результаты тверских работ, используются не как территориальные собрания, а как важнейшая дополнительная информация о сохранившихся памятниках ранней печатной книги.

В Ярославской обл. обследованы 13 государственных хранилищ в шести городах. Здесь описаны и вошли в каталоги печатные книги XVI–XVII вв. из трёх частных собраний, Русской православной старообрядческой церкви и одного из монастырей Русской православной церкви. Научные описания этих памятников опубликованы в двух каталогах⁸. В Пермском крае в 12 государственных

⁵ Гадалова Г.С., Перелевская Е.В., Цветкова Т.В. Кириллические издания в хранилищах Тверской земли (XVI век — 1725 год). Каталог. Тверь, 2002.

⁶ Кириллические издания XVI–XVII вв. в государственных хранилищах Пермской области. Каталог / Под ред. И.В. Поздеевой. Пермь, 2003.

⁷ Славяно-русские рукописные книги XIV–XVI веков в хранилищах Тверской земли. Каталог / Под ред. И.В. Поздеевой. Тверь, 2012; Кириллические рукописи XV–XVII вв. в хранилищах Пермского края. Каталог / Под ред. И.В. Поздеевой, Ю.С. Белянкина. Пермь, 2015.

⁸ Кириллические издания Ростово-Ярославской земли (1493–1652 гг.). Каталог / Под ред. И.В. Поздеевой. Ярославль; Ростов, 2004; Кириллические издания в хранилищах Ростово-

ных хранилищах семи городов выявлены и описаны 21 экземпляр 7 изданий книг XVI в. и 536 экземпляров 249 изданий XVII столетия. Их описания опубликованы и в данной статье анализируются вместе с находками московских археографов в старообрядческих общинах Пермского края. Только Ростовско-Ярославское и Пермское собрания могут рассматриваться как достаточно полно представляющие местную кириллическую книжность. Книжные памятники, собранные на Ветке, Молдавско-Украинская коллекция и книги из хранилищ Тверской обл. рассматриваются лишь как коллекции, в которых кириллические печатные книги XVI и XVII вв. точно «привязаны» к определённому историческому региону и в нём сохранились⁹.

Комплекс памятников, сохранившихся на территории Ярославской обл., репрезентативно представляет книжную культуру региона, а также доказывает, что во второй половине XVII в. в России имела доступная информация о репертуаре типографий, печатавших на кириллице. Всего же описаны и анализируются 2947 печатных книг XVI–XVII вв., в том числе в Ярославской обл. – 1728 экземпляров (63 – XVI в., 1665 – XVII в.), в Пермском крае – 617 (36 – XVI в., 581 – XVII в.). Эти цифры удивили даже опытных археографов, поскольку значительно превышают самые оптимистические представления о сохранности в России древних памятников национальной книжной культуры (табл. 1).

Таблица 1

Количество печатных книг XVI–XVII вв., сохранившихся в регионах

Типографии XVI и XVII вв.		Ростов, Ярославль, Переславль	Ветка	Тверь	Пермь	Молдавия, Украина	Всего
XVI в.	Московские	28/7*	5/3	4/3	21/7	11/7	69/11
	Виленские	26/11	11/6	7/5	12/10	15/10	71/19
	Украинские	9/6	4/3	1/1	3/2	7/4	24/9
	Всего	63	20	12	36	33	164
XVII в.	Московские	1522/351	165/114	179/125	536/249	112/80	2514/919
	Виленские	10/9	8/5	8/7	9/8	7/5	42/34
	Украинские	133/59	16/11	28/21	36/19	14/14	227/124
	Всего	1665/419	189/130	215/153	581/275	133/99	2783/1077
Всего XVI–XVII вв.		1728	209	227	617	166	2947

* Количество экземпляров / количество изданий.

Ярославской земли (1652–1700 гг.). Каталог / Под ред. И.В. Поздеевой. Ярославль; Ростов, 2009; Кириллические издания XVII века в собрании Переславского музея-заповедника. Каталог / Под ред. И.В. Поздеевой. М.; Переславль-Залесский, 2012.

⁹ Поздеева И.В., Кашкарова И.Д., Леренман М.М. Каталог книг кириллической печати XV–XVII вв. Научной библиотеки Московского университета. М., 1980; Поздеева И.В., Ерофеева В.И., Шитова Г.М. Кириллические издания (XVI век – 1641 г.) Научной библиотеки Московского университета. М., 2000; Смилянская Е.Б. Список книг кириллической печати и старообрядческих изданий, вошедших в Верхокамское собрание МГУ // Рукописи Верхокамья XV–XX вв. Каталог. Из собрания НБ МГУ. М., 1994. С. 246–252; Дадыкин А.В., Ерофеева В.И. Книги кириллической печати XVI–XVII веков в Научной библиотеке Московского университета. Каталог. М., 2021.

Из 16 известных московских изданий XVI в. в названных регионах сохранилось 11 (69 экземпляров), в ярославских хранилищах и Перми — по семь (соответственно 28 и 21 экземпляр).

Прежде чем говорить о распространении продукции МПД в XVII в., важно установить, поступали ли книги, изданные в Москве в середине и конце XVI в., в другие уезды. Только при положительном ответе на этот вопрос можно рассчитывать, что книжные связи центра с регионами могли быстро восстановиться в XVII в. после Смуты. Продолжаются споры о месте расположения первой (или трёх первых) типографий. Мы считаем, что в любом случае работа этих типографий, связанная с поисками Иваном IV и митрополитом Макарием «искусства книг печатного дела», контролировалась или координировалась из Москвы. В 1553/54–1600 гг. в так называемых анонимных типографиях, Иваном Фёдоровым, Андроником и Иванцом Невежами и иными печатниками были напечатаны 16 изданий (в том числе и так называемая Слободская Псалтырь, вышедшая в Александровской слободе, когда там находился двор Ивана Грозного). При дальнейшем исследовании важен не только факт обнаружения в регионах московских изданий XVI в., но и их количество (то, что мы называем «экземплярностью», доказывающей целенаправленные поступления книг из Москвы и особую популярность некоторых из них). Для решения поставленной задачи необходимо проанализировать, насколько полно сохранившиеся книги отражают репертуар московских типографий XVI–XVII вв., и какие издания, напечатанные в зарубежных типографиях, поступили и сохранились в указанных регионах.

Если говорить о чрезвычайно редких анонимных изданиях, то их сохранилось шесть книг четырех изданий из семи ныне известных. Напомним, что был известен только лист анонимной Триоди цветной, а ныне найдена одна тетрадь этого издания. В обследованных регионах обнаружены все три анонимных Евангелия, в том числе и самое раннее из них (так называемое узкошрифтное) 1553–1554 гг. По каталогу А.А. Гусевой¹⁰ сохранилось 36 экземпляров, из которых шесть описаны в каталогах университетских археографов. Найдена широкошрифтная Псалтырь, вышедшая около 1564 г. Это издание, известное в пяти экземплярах, обнаружено в г. Верещагино Пермской обл. в 1974 г. Книга принадлежала старообрядческой «монахине в миру», учившей детей церковнославянскому языку. Поскольку речь идёт именно об учебной Псалтыри, можно предположить, что книга выполняла свои функции на протяжении столетий. В ней сохранился первый лист, которого не было в единственном известном Зерновой экземпляре. В эту Псалтырь вплетена гравюра из александровской Псалтыри, которая в обследованных регионах не найдена.

Первое издание Ивана Фёдорова в Москве — Апостол 1564 г. — обнаружен в одной из ветковских слобод — Тимошкин Перевоз. Интересна его судьба: ночью книгу (не видя какую) вытащила из кучи, приготовленной на утилизацию, пожилая женщина-старообрядка. Это один из 62 сохранившихся экземпляров этого издания.

Московские издания Андроника Невежи Триоди постная (1589) и цветная (1591) обнаружены как минимум в десяти экземплярах каждая, при этом в Ярославской обл. и Пермском крае их сохранилось соответственно 11 и 6.

¹⁰ Гусева А.А. Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века. Сводный каталог. Кн. 2. М., 2003.

Две части московского Октоиха 1594 г. дошли до нас в 22 экземплярах (десять — в Ярославской обл., семь — в Пермском крае). Один из Октоихов поступил в чердынский Вознесенский монастырь в качестве вклада уже в 1596 г. В развернутой записи на нём после полного названия монастыря, говорится: «положил Клим Есипов сын, подписал своею рукою лета 7105-го октября в 20 день»¹¹.

Апостол, напечатанный Андроником Невежей в 1597 г., сохранился в восьми экземплярах (в Ярославской обл. — в двух, в Пермском крае — в четырёх). В Ветковско-Стародубовском регионе эта книга найдена с многочисленными миниатюрами, иллюстрирующими апостольские послания. Сохранились и обе Минеи общие 1600 г.: первая в одном экземпляре, вторая — в шести. Обнаружены также несколько Миней служебных, начиная с сентябрьской 1607, октябрьской 1609 и ноябрьской 1610 гг. Все остальные служебные Минеи (четыре годовых круга 1620-х, 1640-х и 1690-х гг.) сохранились полностью в значительном количестве.

Важнейшей книгой русского Средневековья было Евангелие. Как уже отмечалось, сохранились экземпляры всех трёх его анонимных изданий XVI в. Вызывало недоумение отсутствие новых публикаций Евангелия в Москве в течение полувека (после анонимных и до издания 1606 г., предпринятого Анисимом Радишевским). Объяснить это сложностью подготовки или отсутствием в них потребности невозможно. Поиск ответа на этот вопрос приводит к логичному выводу о тесных связях печатников Русского государства с другими славянскими типографиями. Отсутствие в то время новых московских изданий Евангелия объясняется тем, что четыре его издания были осуществлены в 1575 и 1600 гг. в Вильно в типографии Мамоничей, созданной соратником Ивана Фёдорова, работавшим с ним в Москве Петром Тимофеевым Мстиславцем. Виленская типография, как и созданные самим Иваном Фёдоровым типографии во Львове и Остроге, печатали книги и для Русского государства. Этот факт доказывают результаты региональных описаний: виленское Евангелие 1575 г. зафиксировано во всех обследованных регионах в 13, а Евангелия 1600 г. — в 11 экземплярах.

Работа в Ярославской обл. позволила установить, что виленские кириллические издания конца XVI в. поступали в Россию через Ярославль. В регионе обнаружено семь Евангелий 1575 г. и десять — 1600 г. На Евангелиях 1575 г. записи, свидетельствующие о том, что книги уже в год их выхода были вложены в ростовские и ярославские церкви. В записи на Евангелии 1575 г., которую Гусева считала самой ранней, говорится: «Лето 7084 положена бысть сия книга Евангелие тетр на престол во храм Иоанна Предотечи... на волжской берег... а положил Никифор Григорьев сын, а прозвище Богдан Самария»¹². В Пермском крае обнаружено одно Евангелие 1575 г. и четыре книги 1600 г.

Всего же в обследованных российских регионах описаны 19 изданий (71 экземпляр) трёх виленских типографий XVI в., в том числе 26 экземпляров 11 виленских изданий XVI в. — в Ярославской обл., 12 книг десяти изданий — в Пермском крае. Интересно, что в Тверской обл. найдены экземпляры Трибунала Великого княжества Литовского (Вильно, 1586) и Статута Великого княжества Литовского (Вильно, 1594–1595). Несомненно, что и книги Ивана

¹¹ Кириллические издания XVI–XVII вв. ... № 8.

¹² Кириллические издания Ростово-Ярославской земли (1493–1652 гг.)... № 8.

Фёдорова, напечатанные им во Львове и Остроге, также предназначались для России: львовское издание Апостола 1574 г. обнаружено в четырёх экземплярах, Библия 1581 г. — в шести. Найдены острожские книги 1580 г. — Новый Завет с Псалтырью и Собрание вещей нужнейших Тимофея Михайловича, львовская Грамматика доброглаголивого еллино-словенского языка (1591), Книга о постничестве Василия Великого (1594) и Маргарит (1595). Последние две сохранились в восьми экземплярах. Львовские издания XVI в. (всего девять) зафиксированы в 24 экземплярах. Это свидетельствует о том, что уже в последней четверти XVI в. российские регионы систематически и последовательно снабжались книгами не только московских типографий, но также изданиями, выпущенными в Вильно, Львове и Остроге. Ситуация изменилась в XVII в., когда московские печатники смогли в достаточном количестве выпускать необходимую литературу.

Естественно, что больше всего сохранилось московских печатных Евангелий. В XVII в. на МПД вышло 22 издания этой книги, которые сохранились в рассматриваемых регионах в 309 экземплярах, т.е. в среднем более чем в 13 экземплярах. Но некоторые издания Евангелия XVII в. описаны в значительно большем количестве. Так, Евангелие 1677 г., сохранилось в 38 экземплярах; издание 1653 г. — в 30, 1681 г. — в 29, 1648 г. — в 10 экземплярах. Больше или меньшее количество сохранившихся книг всегда можно объяснить. Так, Евангелие 1677 г. вышло не одним обычным тиражом в 1 200 экземпляров, а двумя, поэтому оказалось дешевле и доступнее. Оно было отпечатано с новыми гравюрами, рисунки для которых выполнили известные рисовальщики того времени, в том числе Фёдор Zubov; граверами выступили резчики А. Нефедьев, Г. Аврамов и иеромонах Иоасаф. Текст книги украшен орнаментами: четырьмя большими инициалами с четырёх досок, 80 малыми с 23 досок, 44 заставками, 12 концовками и 21 рамкой на полях; 974 страницы книги набраны шрифтом 127 мм (высота десяти строк). Всё это определило особый спрос на книгу и её особую сохранность¹³.

Евангелие 1651 г. напечатали после неудачного эксперимента МПД, издавшего в 1648 г. Евангелие не в половину печатного листа, а в четвертую его долю, что было непривычно и неудобно для чтения в храме. Как следствие, книга не раскупалась и сохранилась в регионах всего в десяти экземплярах. Издатели выпустили два Евангелия в короткие сроки — в 1651 и в 1653 гг., но книги 1651 г., судя по всему, тоже раскупали плохо, они зафиксированы в регионах всего в восьми экземплярах. Необычно быстро увидевшее свет новое издание (1653) ситуацию на книжном рынке исправило. Видно, что количество книг, зафиксированных в регионах, чётко соответствует характеру деятельности московской типографии и легко объясняется.

Поразительно, что в исследованных регионах сохранилось 12 Евангелий 1689 г. Книга была напечатана всего в 150 экземплярах и представляла собой самое роскошное московское издание XVII в. Это единственная книга столетия, напечатанная в полный лист самым крупным специально вылитым шрифтом 254 мм; на полосе помещалось всего 16 строк. На 323 листах книги отпечатано 396 инициалов, 9 заставок, 3 концовки, 682 рамки вокруг полос¹⁴. Количество сохранившихся Евангелий можно объяснить тем, что книги московской типо-

¹³ РГАДА, ф. 1182, оп. 1, д. 74, л. 23, 68 об., 74.

¹⁴ См.: *Зернова А.С.* Указ. соч. № 419.

графии поступали в уезды систематически и в достаточном количестве, а также особенно тщательно сохранялись в течение нескольких веков.

С 1564 по 1699 г. увидели свет 22 издания Апостола, 20 из которых вышли в XVII в. Все они сохранились в обследованных регионах в пяти–семи экземплярах. Наибольшее их количество — 13 — сохранилось издания 1648 г. Всего же дошло до наших дней 110 экземпляров 20 изданий Апостола. Самой востребованной книгой для богослужения после книг Священного Писания является Триодь постная, которая в Москве с 1607 до 1699 г. издавалась 17 раз. В регионах не найдено только издание 1640 г., в то время как 16 остальных зафиксированы в 97 книгах.

Хуже всего сохранились книги, которые использовались как для богослужения, так и для обучения вере и грамоте. Многие издания учебных Псалтырей, Часовников (Часословов) утрачены или зафиксированы А.С. Зерновой только в одной из шести крупнейших библиотек. При этом Часовники и Псалтыри лучше сохранились именно в регионах.

В Ярославском музее-заповеднике сохранился единственный экземпляр из 58 изданий Азбуки («Первоначального учения детям») XVII в., более четверти миллиона которых напечатала московская типография. До последнего времени в библиографии не было описано ни одного экземпляра этого первого учебного пособия. Азбуки продавались по цене «почем в деле стали» — по одной, максимум двум коп.; торговые люди обычно раскупали их по несколько сотен и развозили по разным городам. Среди 14 изданий книг для обучения, которые не учтены в Каталоге Зерновой или известны ей в одном–двух экземплярах, в регионах найдены два Часовника 1650 г., Часовник 1651 г. (в Перми)¹⁵. Учебная Псалтырь 1649 г. в Каталоге Зерновой отмечена в одном экземпляре, в Пермской земле она сохранилась в двух. Филологический сборник с учебником Грамматики Мелетия Смотрицкого (1648) сохранился в восьми экземплярах: в шести в Ярославле и в одном — в Перми¹⁶.

Четвероевангелий и Апостолов вместе с Библией сохранилось 40 изданий (более 400 экземпляров). Не менее полно представлены и другие богослужебные книги. Среди них особое значение имеет единственное издание Трефологиона, содержащее основные праздничные службы года. Кроме четырёх томов, каждый на три месяца, был издан дополнительный том на первую четверть года, в основном посвящённый службам русским святым. Все пять частей Трефологиона 1637–1638 гг. зафиксированы в обследованных регионах в количестве 60, в том числе в Ярославской обл. — в 32 и в Пермском крае — в 16. В XVII в. в Москве вышло только одно издание Библии (1663); в регионах сохранилось 12 её экземпляров.

При работе с Архивом Приказа книг печатного дела установлено, что Трефологион намеревались издать ещё в 1634 г., но почти готовый тираж сгорел во время пожара на МПД. При проверке типографии в 1642 г. выяснилось, что 900 экземпляров книги обгорели лишь немного и в том же году были допечатаны¹⁷. Через год после публикации этих сведений в Российскую государственную библиотеку поступила именно эта книга 1642 г. Так стало известно ещё одно издание XVII в. с необычной историей.

¹⁵ Кириллические издания XVI–XVII вв. ... № 350.

¹⁶ Зернова А.С. Указ. соч. № 206; Кириллические издания в хранилищах Ростово-Ярославской земли (1652–1700 гг.). № 522–527; Кириллические издания XVI–XVII вв. ... № 154.

¹⁷ РГАДА, ф. 1182, оп. 1, д. 37, л. 300, 324–328.

Сохранились и другие очень редкие книги, например, учебник Вальхаузена «Учение и хитрость ратного строения пехотных полков», вышедший в 1647 г. тиражом 1 200 экземпляров. Книга сохранилась в одном из хранилищ Ярославской обл., как и напечатанная в 1654 г. Таможенная грамота¹⁸. Зафиксированы и экземпляры Соборного уложения 1649 г. и Кормчей книги. Два издания Уложения обнаружены в регионах в 12 книгах, а Кормчая книга, как выяснилось из архивных документов, была напечатана только один раз — в 1653 г. Их обнаружено 11¹⁹.

Хорошо сохранились учительные книги и сборники: все издания Учительного Евангелия, Лествица, Книга о вере и др. Сборник Скрижалъ 1655–1656 гг., куда вошли материалы, объясняющие справедливость церковных реформ патриарха Никона, обнаружен в Ярославской обл. в семи, в Пермском крае — в трёх экземплярах. Вопреки представлениям о непопулярности продукции Верхней типографии Симеона Полоцкого, в регионах сохранились все шесть её изданий в 58 экземплярах. Сборник переводов Епифания Славинецкого, куда вошли труды Григория Богослова, Василия Великого, Афанасия Александрийского и Иоанна Дамаскина, найден в хранилищах четырёх регионов в количестве 23 книг, в том числе в Ярославской обл. — 14, в Пермском крае — 5.

Необходимо отметить, что несколько изданий 1664–1665 гг., предпринятых в связи с церковным расколом, сохранились в значительном количестве, вероятно, благодаря тому что частично бесплатно рассылались по епархиям, как, например, Поучения Иоанна Златоуста. Его книга «О священстве» (1664)²⁰ обнаружена в 18 экземплярах, Беседы на евангелиста Матфея — в 17, Беседы на евангелиста Иоанна — в 13. Особенно хорошо сохранились выпущенные Верхней типографией труды Симеона Полоцкого, в которых содержались тексты для составления священнических проповедей. Обед душевный (1681) и Вечера душевная (1683) представлены в 17 и 22 экземплярах соответственно.

Подчеркнуть удивительную сохранность московской печатной книги XVII в. в регионах России можно, перечислив издания, которые в них не обнаружены. Отсутствуют 100 московских изданий того времени. Более половины из них составляют книги для обучения — Псалтыри, Часовники, Канонники, Буквари, Азбуки. Не найдены и редкие книги другого типа: два издания Служебника 1650 и 1658 гг. В регионах не оказалось трудов патриарха Никона — Грамоты о Крестном монастыре и Поучения о моровой язве, а также экземпляров Поучения святительского к новопоставленному иерею.

Интересно проследить, какие книги XVII в., вышедшие в типографиях, расположенных за пределами Московского государства, поступали на его территорию. В рассматриваемых пяти регионах обнаружено 213 экземпляров 78 изданий XVII в., напечатанных в типографиях Киева, Львова, Унева и Чернигова и 42 экземпляра 18 белорусских книг. Как правило, это книги, которые не издавались в Москве. В их числе два издания первого печатного учебника истории — «Синописис» Иннокентия Гизеля (Киев, 1674 и ок. 1700 г.); книга «Мир с Богом человеку» того же автора (Киев, 1669) найдена в семи экzem-

¹⁸ Там же, д. 44, л. 31 об.—32.

¹⁹ Из документов Архива Приказа книг печатного дела следует, что были предприняты два издания Уложения, т.е. вышли 2 400 экземпляров, которых, очевидно, хватило для местной и центральной администрации (Там же, д. 39, л. 584 об., 655 об.—730; д. 52, л. 635—710).

²⁰ Первая книга напечатана на Московском печатном дворе (Книга о священстве) двойным тиражом в 2 400 экземпляров (Там же, д. 67, л. 24 об.; д. 69, л. 8 об., 12).

плярах; «Мессия правдивый» Иоанникия Галятковского (Киев, 1669) — в пяти. В хранилищах Ярославской обл. обнаружены два издания «Патерика или Отченика Печерского», единственные в России экземпляры изданий Жития князя Владимира (не позднее 1673 г.) и «Сказания о обретении честных мощей сия святых богоугодных княжны Юлианы» (не позднее 1698 г.)²¹, первые киевские издания Житий святых Димитрия Ростовского, а также первые три издания (Чернигов, 1683, 1691, 1696) книги того же автора «Руно орошенное». Также в регионах обнаружены киевские Апостол (1695) и Псалтырь (1697). Скорее всего, как показал и анализ состава поступавших в Россию зарубежных книг XVI в., уже тогда все славянские типографии в определённом смысле «специализировались» на изданиях, не выходивших в Москве.

Важнейшим доказательством систематического распространения московских книг по уездам является их экзemplарность — т.е. количество сохранившихся. Это доказывает не случайное обнаружение данных книг в регионе, а их целенаправленное приобретение. Ещё одним признаком того, что зафиксированные в XXI в. книги действительно отражают характер печатной книжности своего времени, является динамика выхода из печати найденных в регионах московских изданий конца XVI — первой половины XVII в. Московские издания XVI в. и 1601–1610 гг. представлены в хранилищах Ярославской обл. и Пермского края достаточно полно (табл. 2)

Таблица 2

**Количество печатных книг в Ростово-Ярославской и Пермской землях
в конце XVI — первой половине XVII в.**

Годы	Количество изданий по А.С. Зерновой	Ростов, Ярославль, Переславль	Пермь	Найдено в пяти регионах
XVI в.	16	28/7*	21/3	69/11
1601–1610	13	20/9	18/9	51/11
1611–1620	10	20/3	9/5	39/8
1621–1630	44	129/27	57/26	250/34
1631–1640	68	217/54	127/49	435/64
1641–1652**	93	262/74	141/65	550/88

*Первая цифра — количество экземпляров, вторая — количество изданий.

**Учтён период до патриаршества Никона.

Из 16 известных изданий XVI в. в регионах найдено 11 в 69 экземплярах; из 13 вышедших в Москве в 1601–1610 гг. изданий — 51 экземпляр. Во время Смуты и ликвидации её последствий из 10 напечатанных изданий в регионах найдены 8 в 39 экземплярах. Зато издания следующих десятилетий возрождения и расцвета Московского государства представляют нам совершенно другую картину: от 1620-х гг. из 44 изданий МПД в регионах обнаружено 34 в 250 экземплярах, от 1630-х гг. — 64 (из 68) в 435 экземплярах, а от 1640-х гг. — даже 88 изданий из 93 вышедших (550 экземпляров).

²¹ Кириллические издания в хранилищах Ростово-Ярославской земли (1652–1700 гг.). № 362, 451, 452, 800.

Уникальная сохранность Ростово-Ярославской книжности первой половины XVII в., в большинстве епархий изъятой вследствие запрета богослужения по «дониконовским книгам», объясняется тем, что такие книги из церквей и монастырей поступали в библиотеку архиерейского дома, откуда в XX в. переместились в фонды Ярославского музея-заповедника. Об удивительно бережном отношении к древним книгам в этом регионе говорит то, что даже Общество воинствующих безбожников и сельские священники передавали церковные книги в музеи. Все 18 книг, пожалованных 24 января 1694 г. царями Иоанном и Петром Алексеевичами в церковь Димитрия царевича в Угличе, сохранились до нашего времени в той же церкви²². На Пермской земле наличие ранних печатных книг во многом объясняется широким распространением здесь старообрядчества, сохранившего их, а также использованием в храмах Русской православной церкви богослужебных книг первой половины XVII в. вплоть до XIX в.

Как видно, количество изданий и их экзemplарность в обследованных регионах России соответствуют динамике количества публикаций МПД. Необходимо напомнить, что в первой половине 1620-х гг., когда ещё не была открыта книготорговая лавка Печатного двора, издания доставлялись в 36 городов Московского государства, причём с декабря 1621 г. до января 1624 г. силами сотрудников Печатного двора были развезены 3755 книг шести изданий. Из них на Двину и в Холмогоры — 205 книг (5 изданий), в Соль Вычегодскую — 65(5), Великий Устюг — 205 книг, Псков — 160, Юрьевец — 66. В Пермь Великую доставили 30 ноябрьских Миней 1623 г. Возможно, что три этих книги, обнаруженные в Пермском крае, как раз и входили в это число²³.

Однако эти впечатляющие цифры не дают представления о том, как распространялись книги, напечатанные в XVII в. внутри регионов. Это можно в той или иной мере установить по записям на них. Так, в Ростовском уезде во второй половине XVII в. отмечены 54 населённых пункта, где находились экземпляры этих изданий. Они принадлежали 14 монастырям (семь в самом городе и семь в уезде) и 63 церквям²⁴. Московские издания, зафиксированные в Пермском крае, их распространение и характер многочисленных записей на них позволили доказательно говорить об особой демократичности пермской книжной культуры XVII в. Об этом свидетельствуют собственноручные записи крестьян, мещан, работников горнозаводской промышленности и младших членов церковного клира на этих книгах²⁵.

Всеобщее распространение московских печатных книг XVII в. также доказывают данные географического указателя к тому описаний книг XVI–XVII вв.,

²² Кириллические издания в хранилищах Ростово-Ярославской земли (1652–1700 гг.). № 620, 625, 626, 678, 680, 692, 696, 698, 703, 705, 707, 710, 712, 714, 716, 717, 722, 724.

²³ Поздеева И.В. Историко-культурное значение деятельности Московского печатного двора в первой половине XVII в. // Поздеева И.В., Пушков В.П., Дадыкин А.В. Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1618–1652 гг... С. 42.

²⁴ Указатель географических названий, монастырей и церквей, упомянутых в записях // Кириллические издания Ростово-Ярославской земли (1493–1652 гг.)... С. 570–604; Указатель географических названий, монастырей и церквей, упомянутых в записях // Кириллические издания Ростово-Ярославской земли (1652–1700 гг.). С. 760–799; Указатель географических названий, монастырей, церквей и учреждений, упомянутых в записях // Кириллические издания XVI–XVII вв. ... С. 451–462.

²⁵ Поздеева И.В. Раннепечатная кириллическая книга Пермской земли // Кириллические издания XVI–XVII вв. ... С. 5–24.

обнаруженных в Пермской земле²⁶. В географическом указателе зафиксированы книги, принадлежавшие церквям Соликамска, резиденции Строгановых Орла-городка, монастырям Чердыни, а также десяткам церквей и крестьянских семей. Из записей на книгах Пермского края мы узнаем, что жители Соликамского и Чердынского уездов специально ездили приобретать книги в Москву, а позднее московскими печатными книгами торговали и в самом Соликамске. Можно назвать церкви в сёлах Искор, Усолье, Новоусолье, Вильгорт, Кушмангорт, Бондюг, Кольчуг, Лекмартово. Поскольку столь широко печатная книга была распространена в самых далёких уездах Пермской земли, едва ли можно сомневаться, что не меньшую распространённость эти книги имели в центре и западных её районах.

В XVII в. московские печатные книги сравнительно быстро доставлялись в эти дальние места. На обнаруженной в Чердыни московской Минее, напечатанной в августе 1681 г., имеется запись: «Лета 7190 года мая в 31 день сию книгу Минеею общую купил города Чердыни с посаду... поп Димитрий Марков... за 3 рубли»²⁷. Это значит, что из Москвы в Чердынь книга поступила менее чем за десять месяцев, но стоила здесь не 1 руб. 70 коп., как в Москве, а заметно дороже. Очевидно, с тех пор книга постоянно находилась в Чердыни и в 1964 г. поступила в Чердынский музей от его директора И.А. Лунегова, собиравшего древние книги в родных местах. Можно утверждать, что кириллические книги последней четверти XVI и всего XVII в. распространялись по всей территории Русского государства. Очевидно, что во второй половине XVII столетия большую роль в снабжении духовных корпораций на местах литературой стали играть архиерейские дома. Косвенно на это указывает то, что Евангелия конца XVII в., обнаруженные в Ярославле и Перми, зафиксированы в одном и том же количестве. По крайней мере, московские Евангелия 1686, 1689, 1694 и 1697 гг. найдены в регионах каждое в 10 экземплярах.

Приведённые сведения доказывают не только удивительную сохранность кириллических книг, которые русские люди читали, хранили и берегли в течение сотен лет, но также позволяют говорить о сложившемся (по крайней мере уже в середине XVII в.) общерусском книжном рынке. Печатные книги составляли основу как региональной, так и общерусской православной культуры, национального менталитета.

Записи, оставленные на книгах, свидетельствуют о высочайшем уважении к ним их владельцев. Например, жители г. Порхова, отец и сын Спякины, «отполонили» вложенный царём Михаилом Фёдоровичем на престол порховского собора Апостол 1633 г., когда ходили в поход «на Литву»; прочитав запись на книге, они вернули её в храм. Именно книгой крестовый поп Иван Титов благодарил Бога за удачный выход «из далекие земли Сибирские и Тобольские с пресловущия реки Лены» ради счастливого окончания «страшного путевого шествия» и «выхода к Русскому государству Московскому царству»²⁸. Священник Несмеян на томе Трефологиона возмущенно выговаривал крестьянину Ивану Попову за то, что он не дал денег для покупки книги, и за его слова, дескать книга эта ему «не надобе, и вообще не дорога», и написал «слово его Богу

²⁶ Указатель географических названий, монастырей, церквей и учреждений, упомянутых в записях // Кириллические издания XVI–XVII в. ... С. 451–462.

²⁷ Кириллические издания XVI–XVII вв. ... № 261.

²⁸ Там же. № 173.

мерзко»²⁹. Десятки записей говорят о важности книжного чтения и его спасительности. Глубокое уважение к книге и обеспечивало её удивительную сохранность, несмотря на сложности и трагедии, окружавшие человека в жизни.

Таким образом, эксперимент по выявлению, определению, описанию и публикации описаний экземпляров кириллических печатных памятников в нескольких российских регионах, изначально ставивший задачей исследовать распространение изданий книг XVI–XVII вв., позволил сделать ряд более широких выводов. Удалось доказать, что продукция московских типографий, а затем и Московского печатного двора в XVI–XVII в. достаточно быстро попадала даже в дальние уезды России. В конце XVI – начале XVII в., пока в Москве не издавались или издавались в недостаточном количестве важнейшие книги, они распространялись в изданиях белорусских и украинских типографий. Выявленные и описанные печатные книги XVI–XVII вв. сохранялись в течение трёхсот лет в тех же регионах в весьма значительном количестве. Проведённые работы показали, что составленные региональные комплексы могут репрезентативно представлять книжную культуру регионов, например, Ярославской обл. и Пермского края XVII в. Выявленные издания и экземпляры каждого из них позволили установить книги, наиболее востребованные в России XVII в., и те, которые пользовались меньшей популярностью. Анализ кириллических изданий, вышедших за рубежом и обнаруженных в регионах, показал, что, скорее всего, уже с конца XVI в. в Московской Руси была доступна информация о предстоящих или вышедших изданиях основных типографий, печатавших кириллическими шрифтами. Публикация научных описаний тысяч экземпляров кириллических книг XVI–XVII вв. с тысячами записей этого времени является не только серьёзным вкладом в развитие истории, культуры и краеведения регионов, но и в создание общегосударственного реестра этих памятников.

²⁹ Поздеева И.В. Человек. Книга. История // Язык, книга и традиционная культура позднего русского Средневековья в науке, музейной и библиотечной работе. Труды IV международной научной конференции «Мир старообрядчества». Вып. 10. М., 2019. С. 324–334.

Имперские травелоги И.К. Бабста и К.П. Победоносцева

Фёдор Мелентьев

Imperial travelogues by I.K. Babst and K.P. Pobedonostsev

Fedor Melentyev

(HSE University, Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X23020062, EDN: BIAYPE

Поездки и путешествия особ Императорской фамилии вызывают интерес в основном у исследователей русского самодержавия и специалистов по локальной истории¹, но практически не рассматриваются при изучении литературы путешествий². Конечно, они, как правило, носили официальный характер и не оказывали прямого влияния на развитие литературного процесса, и всё же игнорирование различных текстов, возникавших при этом (дневников, писем, мемуаров, газетных сообщений, путеводителей, публицистики, стихотворений и т.д.), едва ли оправданно. Не случайно знакомство наследников престола с Россией в последнее время всё чаще рассматривается как неотъемлемая часть их образования, что позволяет лучше понять их взаимоотношения с родителями, наставниками и будущими подданными³.

© 2023 г. Ф.И. Мелентьев

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ «Высшая школа экономики».

¹ Определённым итогом изучения этой темы является вышедший под редакцией М.В. Лескинен и О.В. Хавановой сборник: Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу. Сборник статей. М.; СПб., 2016.

² См., например: *Соловьёв А.Ю.* Русская литература путешествий в исследованиях последних лет // *Русская литература.* 2021. № 3. С. 254–262. Весьма характерно, что в концептуальной статье Е.Р. Пономарёва «Русский имперский травелог» почти не говорится о представителях царствовавшей династии. Лаконично упомянуто только путешествие цесаревича Николая Александровича 1890–1891 гг., которое, по мнению автора, наряду с другими визитами русских в Индию, Сиам, Китай и Японию, демонстрировало «потенциальную экспансию империи на Дальний Восток», но в то же время воспринималось «как продвижение европейской цивилизации, частью которой оказывается Россия» (*Пonomарёв Е.Р.* Русский имперский травелог // *Новое литературное обозрение.* 2017. № 2(144). С. 33–44).

³ *Гузаиров Т.* Сценарий и непредсказуемость. Впечатления и размышления участников путешествия по России 1837 г. // *Имагология и компаративистика.* 2017. № 8. С. 499–540; *Ардашева М.Е.* От Grand-тура до «венчания» с Россией: образовательные путешествия наследников российского престола // *Вестник государственного университета «Дубна».* Сер. Науки о человеке и обществе. 2019. № 4. С. 26–37; *Горская Н.И.* Местная администрация и «высочайшие путешествия» 1830–1850-х гг. в Смоленской губернии // *Российская история.* 2020. № 1. С. 26–36; *Бельчикова С.В.* Образовательные путешествия великих князей Дома Романовых // *Путешествия и паломничества представителей Императорского Дома Романовых. XXIII Елисаветинско-Сергиевские чтения.* М., 2021. С. 142–152; и др. Анализ этих сюжетов заметно облегчают появившиеся с конца XX в. научные публикации и переиздания: *Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год* / Сост. Л.Г. Захарова, Л.И. Тютюнник. М., 1999; *Бабст И.К., Победоносцев К.П.* Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма. СПб., 2010; *Восточный дневник цесаревича. Собственноручные дневниковые записи государя наследника цесаревича великого князя Николая Александровича о путешествии на Восток в 1890–1891 годах с примечаниями и комментариями* / Публ. А.Ю. Хвалина. М., 2020.

Большие путешествия цесаревичей по России организовывались с периодичностью примерно в четверть века. И лишь в 1860-е гг. этот промежуток составил всего шесть лет, поскольку старший сын Александра II вел. кн. Николай Александрович, пересекший страну с севера на юг в июне—октябре 1863 г., скончался менее чем через два года, а его брат вел. кн. Александр Александрович (будущий Александр III) совершил вояж по России уже в 1869 г., причём их маршруты во многом совпадали.

Но если поездку 1863 г. сопровождавшие вел. кн. Николая Александровича профессора И.К. Бабст и К.П. Победоносцев подробно описали на 568 страницах, то анонимная брошюра «Путешествие государя наследника цесаревича и государыни цесаревны в 1869 году» заняла всего 84 страницы⁴. Неудивительно, что, в отличие от профессорских «Писем», она оказалась практически забытой⁵. Между тем сравнение этих текстов не только позволяет уточнить атрибуцию одного из них, но и показывает, как развивался канон августейшего травелога⁶.

В 1837 г. В.А. Жуковский (наставник вел. кн. Александра Николаевича) и К.И. Арсеньев, преподававший будущему императору историю и статистику, составили «Указание важнейших примечательностей на пути его императорского высочества государя наследника цесаревича»⁷. Этот путеводитель, отпечатанный в Военной типографии за некоторое время до поездки (маршрут которой с тех пор успел измениться), являлся своеобразным конспектом, откуда молодой великий князь даже заимствовал характеристики посещаемых мест, например, называя в письме к отцу город Судиславль Костромской губ. гнездом раскольников⁸. Сам же Николай I в специально написанном им «наставлении» в определённом смысле «программировал» впечатления своего сына, а в письмах раз за разом напоминал ему о значении совершаемого путешествия по «матушке России»⁹.

Для публики в булгаринской «Северной пчеле» в разделе «Внутренние известия» печатались неподписанные статьи, составлявшиеся, по мнению краеведа Н.С. Стромиллова, спутниками цесаревича А.А. Кавелиным, С.А. Юрьевичем и К.И. Арсеньевым¹⁰ и сообщавшие о том, чем наследник престола «изволил» заниматься, что осматривал «во всех подробностях», откуда «проследовал» и куда «благополучно прибыл» в тот или иной день и час¹¹. Однако под

⁴ [Бабст И.К., Победоносцев К.П.] Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма. М., 1864; Путешествие государя наследника цесаревича и государыни цесаревны в 1869 году. М., 1869.

⁵ В частности, она даже не попала в вышедший под редакцией Т.И. Печерской аннотированный указатель «Русский травелог XVIII — начала XX веков» (Новосибирск, 2018), тогда как «Письма о путешествии» упомянуты в нём дважды (С. 99–100, 221).

⁶ Лишь в справочнике, изданном под редакцией А.А. Либермана, высказано предположение о том, что автором анонимной брошюры являлся Победоносцев (Государственная власть дореволюционной России в биографиях её представителей (XIX — начало XX в): указатель трудов, литературы о жизни и деятельности. Ч. 2. Кн. 2. М., 2013. С. 487).

⁷ Указание важнейших примечательностей на пути его императорского высочества государя наследника цесаревича. СПб., 1837; Жизнь и поэзия В.А. Жуковского. 1783–1852. По неизданным источникам и личным воспоминаниям К.К. Зейдлица. СПб., 1883. С. 161.

⁸ Указание важнейших примечательностей... С. 35; Венчание с Россией... С. 41.

⁹ Венчание с Россией... С. 24–26, 132, 143.

¹⁰ Стромиллов Н.С. Путешествие государя наследника цесаревича Александра Николаевича в 1837 году по Владимирской губернии. [Владимир.] 1887. С. 2.

¹¹ См., в частности, публикации за май: Северная пчела. 1837. 11 мая. № 103. С. 409–410; 20 мая. № 111. С. 441–442; 21 мая. № 112. С. 445–447; 26 мая. № 116. С. 461.

одной обложкой их печатать не стали. Опыт, приобретённый великим князем во время этой поездки, эмоционально изложил в своей статье его преподаватель П.А. Плетнёв¹², хотя он и не сопровождал в 1837 г. своего ученика. В различных периодических изданиях о данном событии рассказывали также образованные местные жители¹³.

Официозные публикации 1837–1838 гг., казалось, должны были сформировать определённый канон описания подобных поездок. Взрослым спутникам наследника престола полагалось вести путевые записи и периодически размещать их в столичной прессе (как утверждал Стромиллов, это происходило «по высочайшему соизволению» после прочтения императором¹⁴). При этом путевой журнал, который вели сверстники вел. кн. Александра Николаевича, предназначался только для царской семьи и до сих пор не опубликован¹⁵.

В 1863 г. всё как будто повторялось. Попечитель вел. кн. Николая Александровича гр. С.Г. Строганов пригласил в путешествие по России профессора Московского университета Победоносцева, прочитавшего наследнику престола в 1862 г. курс гражданского права. По-видимому, не случайно среди спутников цесаревича оказался и московский профессор Бабст, преподававший ему в 1862–1863 гг. статистику. Книга Ивана Кондратьевича «Речная область Волги»¹⁶ могла служить своего рода путеводителем по части намеченного маршрута, а для описания поездки трудно было найти лучшего кандидата. В обществе «приглашение в свиту учёных» (Бабста и Победоносцева) воспринималось тогда как своего рода нововведение¹⁷, указывавшее на преимущественно образовательный характер путешествия царского сына. От их записей явно многого ожидали.

Формально очерки Бабста и Победоносцева напоминали публикации в «Северной пчеле» 1837 г. Они печатались без подписи (имена авторов появились в предисловии к изданной в следующем году книге), как поступившие от «корреспондента» или «корреспондентов» «Московских ведомостей». Газета М.Н. Каткова стала тогда, в обстановке продолжавшегося польского восстания, одним «из самых читаемых и авторитетных российских общественно-политических изданий»¹⁸. Между тем, если в 1837 г. спутники великого князя составляли описание его поездки, то в 1863 г. Бабст и Победоносцев пространно рассуждали не столько о действиях своего ученика, сколько о том, «что сами видели и слышали, чего сами были свидетелями», хотя, конеч-

¹² Путешествие по России е.и.в. государя наследника цесаревича // Современник. 1838. Т. 9. [Кн. 1]. С. 1–26.

¹³ См., например: Письмо из Твери о пребывании его императорского высочества великого князя цесаревича наследника престола // Северная пчела. 1837. 20 мая. № 111. С. 442–444; Письмо о пребывании его императорского высочества государя наследника цесаревича и великого князя в Казани // Там же. 19 июля. № 169. С. 635–636; *Караманский Я.* Три письма (Отрывок из путешествия по России). 1837, августа 1 // Современник. 1837. Т. 7. № 3. С. 267–290.

¹⁴ *Стромиллов Н.С.* Указ. соч. С. 2.

¹⁵ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 1774, ч. 1.

¹⁶ *Бабст И.* Речная область Волги. М., 1852.

¹⁷ *Чичерин Б.Н.* Воспоминания. Московский университет. Земство и Московская дума. М., 2010. С. 65.

¹⁸ *Перевалова Е.В.* «Московские ведомости» М.Н. Каткова в 1863–1864 гг. — политический официоз или орган независимого общественного мнения? // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 4(36). С. 164. См. также: *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М., 1978. С. 24–73; *Чернуха В.Г.* Правительственная политика в отношении печати 60–70-е годы XIX века. Л., 1989. С. 151–154.

но, речь шла о предметах, на которых «останавливалось внимание высокого путешественника»¹⁹.

Первая статья профессоров начиналась словами: «Мы выехали 11-го июня с пристани С.-Петербургско-волжского пароходства»²⁰. Однако за этим скрывалось небольшое лукавство: Бабст и Победоносцев присоединились к свите путешествовавшего цесаревича только 22 июня в Рыбинске²¹, и в две первые свои статьи включили значительные фрагменты из путевого журнала, который писал и время от времени отправлял Александру II состоявший при наследнике полковник О.Б. Рихтер²². Кроме того, в тексте корреспондентов цитировались различные записки, подносившиеся цесаревичу и посвящённые округу Олонецких заводов, мнению рыбинского купечества о проекте Рыбинско-Бологовской железной дороги, описанию села Павлова Нижегородской губ., состоянию коневодства в Оренбургском крае и т.п.²³ Бабст и Победоносцев явно стремились по возможности неформально рассказать о том, «что встретил и что видел государь наследник на пути своём»²⁴, в чём и состояло главное отличие их текстов от сложившегося канона официозного описания августейшего вояжа.

Историки не раз пытались определить, кому из профессоров принадлежало авторство того или иного фрагмента книги²⁵. Это требует прежде всего сравнительно-текстологического анализа сохранившихся дневников Бабста и Победоносцева и их сопоставления с «Письмами о путешествии»²⁶. Однако нельзя не согласиться с А.Ю. Полуновым, утверждающим, что в «Письмах о путешествии» Победоносцев «нащупывал элементы новой идеологии, которая должна была лечь в основу политического курса будущего царствования. Важнейшим из них было представление о непосредственной связи самодержавия с интересами основной массы населения страны (“простого народа”). Связь эта проявлялась во время явления наследника престола народу и выражалась в том восторженном приёме, который массы оказывали отпрыску царского семейства»²⁷.

Мало-помалу роль истолкователей путевых впечатлений великого князя переходила от императора к профессорам. Об этом свидетельствовал даже объём переписки: если в 1837 г. Николай I отправил своему путешествовавшему

¹⁹ [Бабст И.К., Победоносцев К.П.] Письма о путешествии... С. III.

²⁰ Путешествие его императорского высочества наследника цесаревича. От корреспондента «Московских ведомостей». I // Московские ведомости. 1863. 5 июля. № 146. С. 2.

²¹ ГА РФ, ф. 704, оп. 1, д. 12, л. 20.

²² Там же, л. 3–19. Путешествие... I; Путешествие его императорского высочества наследника цесаревича (от корреспондентов «Московских ведомостей»). II // Московские ведомости. 1863. 9 июля. № 149. С. 2.

²³ [Бабст И.К., Победоносцев К.П.] Письма о путешествии... С. 7–23, 45–53, 219–222, 269–286.

²⁴ Там же. С. III–IV.

²⁵ Эвенчик С.Л. Победоносцев и дворянско-крепостническая линия самодержавия в пореформенной России // Учёные записки МГПИ им. В.И. Ленина. 1969. № 309. С. 105; Бабст И.К. Избранные труды. М., 1999. С. 298; Кондаков Ю.Е. Цесаревич Николай Александрович (1843–1865): воспитание, учёба, образовательные поездки по России // Бабст И.К., Победоносцев К.П. Указ. соч. С. 22.

²⁶ Подробнее см.: Мелентьев Ф.И. «Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма»: краткая характеристика источника и обзор современных переизданий // Историческая экспертиза. 2017. № 1. С. 216–219.

²⁷ Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010. С. 79.

сыну 23 письма, то Александр II в 1863 г. — всего шесть²⁸. Тем важнее становилось для цесаревича общение с преподавателями и чтение их текстов, благодаря которым он учился видеть и понимать Россию. Поэтому главным адресатом «Писем о путешествии» смело можно назвать самого вел. кн. Николая Александровича. Однако и в обществе вышедшую в 1864 г. книгу «читали на-расхват»²⁹. Даже несколько десятилетий спустя Б.Б. Глинский констатировал, что отрывки из неё «до сих пор помещаются в наших хрестоматиях как лучшие образцы русской прозы и отечественной стилистики»³⁰.

Между тем в 1865 г. цесаревич Николай Александрович скончался и наследником престола был объявлен вел. кн. Александр Александрович. В 1866 г., перед свадьбой, назначенной на осень, ему так же, как и старшему брату, предстояло совершить большую поездку по стране. «Путешествие наше по России должно начаться 29 июля», — писал Победоносцев соиздателю «Московских ведомостей» П.М. Леонтьеву 20 июля. Предполагалось «ехать прямо из Москвы по жел[езной] дороге в Нижний, оттуда в Казань, потом прямо в Царицын, на Дон, заехать в Тамань и Екатеринодар и вернуться сухим путём около 10 сентября»³¹. Однако в августе великие князья Александр и Владимир Александровичи добрались по Волге только до Казани, откуда возвратились в Царское Село через Нижний Новгород и Москву³².

Полностью воплотить первоначальный замысел удалось лишь в 1869 г. «Маршрут путешествия, кажется, уже определился, — сообщал Победоносцев камер-фрейлине императрицы Марии Александровны гр. А.Д. Блудовой 17 мая 1869 г., — начиная с Нижнего, по Волге, с Царицына на Дон, до Новочеркасска, оттуда через Ростов и Керчь до Крыма, из Крыма через Одессу на Киев». По словам Константина Петровича, с этим маршрутом «было много хлопот» и его несколько раз изменяли³³. Если судить по карикатуре А.П. Боголюбова, которую Е.А. Чиркова атрибутировала как «обсуждение плана путешествия»³⁴, Победоносцев принимал в этом деле активное участие.

²⁸ Венчание с Россией... С. 129–154; ГА РФ, ф. 665, оп. 1, д. 13, л. 35–46 об.

²⁹ Мемуары графа С.Д. Шереметева / Публ. Л.И. Шохина. М., 2001. С. 199.

³⁰ Глинский Б.Б. Константин Петрович Победоносцев (Материалы для биографии) // Исторический вестник. 1907. № 4. С. 252. Возможно, имелось в виду издание «Русская школа», составители которого, наряду с выдержками из произведений Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева и др., привели фрагмент «Из путешествия наследника цесаревича (в 1863 г.)» с описанием народного восторга от встречи с великим князем по дороге от Костромы до села Иванова (*Бубликов М., Гольденберг Н.* Русская школа. Систематический сборник статей образцовых русских писателей для классного и домашнего чтения. Изд. 2. СПб., 1903. С. 76–77). См. также: *Баранов А.* Наше родное. Книга для классного и домашнего чтения в сельских народных школах с трёхлетним курсом. Третий год обучения. Изд. 7. СПб., 1894 С. 186–187.

³¹ ОР РГБ, ф. 120, к. 40, д. 9, л. 49.

³² Полный послужной список наследника цесаревича Александра Александровича, 1881 г. / Публ. С.С. Атапина, В.М. Лупановой // Великий князь Александр Александрович: Сборник документов. М., 2002. С. 571.

³³ Победоносцев К.П. «Будь твёрд и мужествен...». Статьи из еженедельника «Гражданин» 1873–1876. Письма / Публ. В.В. Ведерникова. СПб., 2010. С. 305. Действительно, отношение гофмаршала двора цесаревича В.В. Зиновьева таврическому губернатору Г.В. Жуковскому, отправленное 8 июля 1869 г., свидетельствует о том, что даты посещения тех или иных городов (в частности, Ялты) менялись буквально накануне отъезда (Государственный архив Республики Крым, ф. 327, оп. 1, д. 1661, л. 2).

³⁴ ГА РФ, ф. 1463, оп. 3, д. 612, л. 1; Чиркова Е.А. Путешествие по Волге и Дону наследника цесаревича Александра Александровича в 1869 году в карикатурах А.П. Боголюбова (Альбомы Боголюбова в собрании ГА РФ) // Бабст И.К., Победоносцев К.П. Указ. соч. С. 564.

Цесаревич и цесаревна путешествовали с 10 июля по 10 сентября 1869 г., отправившись сначала по железной дороге в Москву, а затем в Нижний Новгород, где к ним присоединился вел. кн. Алексей Александрович. Плывая по Волге, они проследовали через Казань, Симбирск, Самару, Саратов и Царицын, побывали в Земле войска Донского и добрались до Крыма, а на обратном пути посетили Одессу и Киев³⁵.

Как в 1866 г., так и три года спустя в свиту наследника престола включили преподававшего ему Победоносцева, а также Бабста, который, вопреки утвердившемуся в историографии мнению, второго сына Александра II не обучал³⁶, но пользовался особым доверием нового цесаревича. Однако Иван Кондратьевич, занявший в 1867 г. пост управляющего Московским купеческим банком, не мог позволить себе двухмесячное отсутствие. «Сегодня был у меня И.К. Бабст, — писал вел. кн. Александр Александрович Победоносцеву 3 июня 1869 г., — и мы с ним говорили о путешествии, и он согласен ехать с нами до Ростова; он очень занят своим банком, и правда: у него достаточно работы»³⁷. В действительности же Бабст покинул путешественников ещё в Царицыне 26 июля³⁸.

Тем временем в «Московских ведомостях» с 22 июля по 20 сентября³⁹ появились шесть статей, вошедших затем в брошюру «Путешествие государя наследника цесаревича и государыни цесаревны в 1869 году». Любопытно, что повествование в них начиналось с отъезда 13 июля августейших особ из Москвы, где к их свите присоединились профессора⁴⁰. Согласно заголовку первой статьи, она поступила «от наших корреспондентов»⁴¹, но в дальнейшем авторство уже не оговаривалось. Установить его помогает письмо Победоносцева к Леонтьеву, отправленное 18 августа из Ливадии: «Почтеннейший Павел Михайлович. Посылаю Вам последнюю статью о путешествии. Она замедлилась потому, что писать было просто нестерпимо — жар здесь невыносимый и общее томление»⁴². По-видимому, речь шла о четвёртой статье цикла, опубликованной 3 сентября и рассказывавшей о переезде от Царицына до Ялты с 26 июля по 6 августа⁴³. Очевидно, что пятую и шестую статьи (о событиях 27–28 августа и 29 августа — 8 сентября) написал также Победоносцев⁴⁴.

Впрочем, его характерный стиль проявился уже в первых фразах данного цикла. «Если есть в мире хор без фальшивой ноты, то здесь можно его услы-

³⁵ Полный послужной список наследника цесаревича Александра Александровича, 1881 г. С. 573–576.

³⁶ Подробнее см.: *Мелентьев Ф.И.* Россия в лекциях для наследников престола (1860-е годы) // *Российская история*. 2017. № 5. С. 151.

³⁷ К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. Т. 1. Полумтом 2-й. М.; Пг., 1923. С. 1008.

³⁸ Путешествие по Волге и Дону наследника цесаревича Александра Александровича (Из его дневника за 1869 год) / Публ. Е.А. Чирковой // *Бабст И.К., Победоносцев К.П.* Указ. соч. С. 545.

³⁹ *Московские ведомости*. 1869. 22 июля. № 160; 2 августа. № 169; 8 августа. № 173; 3 сентября. № 191; 10 сентября. № 196; 20 сентября. № 205.

⁴⁰ Путешествие по Волге и Дону... С. 532–533; Путешествие государя наследника цесаревича... С. 3.

⁴¹ Известия о путешествии государя наследника цесаревича и государыни цесаревны (от наших корреспондентов) // *Московские ведомости*. 1869. 22 июля. № 160. С. 3.

⁴² ОР РГБ, ф. 120, к. 9, д. 46, л. 1.

⁴³ Известия о путешествии... // *Московские ведомости*. 1869. 3 сентября. № 191. С. 3; Путешествие государя наследника цесаревича... С. 47–66.

⁴⁴ Известия о путешествии... // *Московские ведомости*. 1869. 10 сентября. № 196. С. 3; 20 сентября. № 205. С. 3.

шать, — говорилось при описании пересечения на поезде Владимирской губ. 13 июля. — Русская душа, народная душа радуется. В живом лице царя и сына царского она себя узнаёт и видит, и слышит жизнь и судьбу свою»⁴⁵. Мотивы «фальшивой ноты» и связи самодержавия с интересами «простого народа» часто звучали в творчестве Победоносцева⁴⁶. Свойственный ему «культ простоты», отличающей народ от образованной публики⁴⁷, также нашёл отражение в брошюре. «При всей простоте убранства, — говорилось там о посещении 16 июля дома священника И.Ф. Спасского в с. Кокшайске Казанской губ., — приятно было найти в нём совершенную чистоту и порядок»⁴⁸.

Особое внимание уделялось в статьях безвестным провинциальным подвижникам⁴⁹. В частности, автор подробно описывал «казанскую школу для детей крещёных татар, одно из тех скромных и, к сожалению, ещё мало известных учреждений, обязанных своим существованием исключительно энергии и глубокому убеждению в пользе начатого дела нескольких частных людей»⁵⁰. Речь шла о миссионерско-просветительском начинании, тесно связанном с именами профессора Казанского университета Н.И. Ильминского и старокрещёного татарина В.Т. Тимофеева⁵¹. Из-за этого рассказа вторая статья оказалась значительно объёмнее остальных⁵².

Проявилось в статьях и скептическое отношение Победоносцева к преобразованию «учреждений», которое противопоставлялось им изменению нравов⁵³. Так, заявлялось, что для утверждения крещёных в православии «необходимы не административные меры, а христианское образование». Вместе с тем ав-

⁴⁵ Путешествие государя наследника цесаревича... С. 3–4; Известия о путешествии... // Московские ведомости. 1869. 22 июля. № 160. С. 3.

⁴⁶ Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев... С. 75, 121, 138, 150, 163–164, 267, 304.

⁴⁷ Полунов А.Ю. К истории церковного просвещения в России второй половины XIX — начала XX в. (Победоносцев, Рачинский, Ильминский) // Ортодоксия. 2021. № 3. С. 296–297.

⁴⁸ Путешествие государя наследника цесаревича... С. 15; Известия о путешествии... // Московские ведомости. 1869. 22 июля. № 160. С. 3; Люстрицкий В. Цесаревич Александр Александрович в селе Кокшайске в 1869 году. СПб., 1901. С. 8–12.

⁴⁹ Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев... С. 122–125.

⁵⁰ Путешествие государя наследника цесаревича... С. 20.

⁵¹ Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М., 2013. С. 83–84, 89, 152–155, 169, 297. В историографии существует небольшая путаница по поводу посещения школы особами Императорской фамилии (Лунаков Е.В. Ильминский Николай Иванович // Православная энциклопедия. Т. 22. М., 2009. С. 370). Ещё 19 мая 1868 г. с данным учебным заведением познакомился вел. кн. Александр Александрович (ГА РФ, ф. 678, оп. 1, д. 1004, л. 29–29 об.), а 18 июля 1869 г. он побывал в нём уже вместе с цесаревичем и цесаревной. «Мы отправились с Минни (цесаревной Марией Фёдоровной. — Ф.М.) и Алексеем в народную школу для крещёных татарских детей, — отметил вел. кн. Александр Александрович в дневнике. — Она устроена профессором университета Ильминским (так в тексте. — Ф.М.) и замечательно идёт хорошо. Мальчики делают громадные успехи, и родители начинают отдавать с удовольствием своих детей. Мы пожертвовали на это училище 500 р. в год, и надеюсь, что оно расширится и укрепит в своём благом деле» (ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 303, л. 2). В отличие от своего ученика, Победоносцев запомнил фамилию Ильминского, и с тех пор до самой смерти Николая Ивановича в 1891 г. они сотрудничали и дружили (Победоносцев К.П. Н.И. Ильминский. СПб., 1892; Письма Николая Ивановича Ильминского. Казань, 1895).

⁵² Известия о путешествии... // Московские ведомости. 1869. 2 августа. № 169. С. 2–3. Примечательно, что в церковной периодике, перепечатававшей статьи из «Московских ведомостей», подробное описание казанской крещёно-татарской школы опускалось, причём даже в местной прессе. См.: Путешествие государя наследника и государыни цесаревны // Известия по Казанской епархии. 1869. № 15. 1 августа. С. 466.

⁵³ Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев... С. 106–107, 122–123.

тор напоминал о том, насколько важно «противодействовать исламу, ведущему сильную пропаганду среди инородцев завожских и зауральских губерний»⁵⁴.

В статье о плавании от Самары до Саратова 22–25 июля много говорилось о торжественных встречах путешественников в Сызрани, Хвалынске и Вольске 23 июля. Автор явно находился под сильным впечатлением от массы людей, стоявших «на холмистом берегу за пристанью, на судах, в самой воде: и всё это махает платками, бросает шапками». По мере приближения к ним можно было различить отдельные лица, имевшие индивидуальное выражение, но объединённые чувством любви к царскому дому. «Подходишь ближе, — делился своим восторгом очевидец, — цесаревич и цесаревна выходят вперёд на палубу: каким могучим аккордом, каким страстным порывом разразился хор народный!»⁵⁵.

Между тем вел. кн. Александра Александровича, которому «страшно надоели все эти остановки»⁵⁶, раздражала необходимость отвечать на проявления народных чувств: он не желал задерживаться в небольших поволжских городках, отказывался выходить к ожидавшим на берегу толпам и огрызался на своих спутников и супругу, призывавших его к этому⁵⁷. Архангельский губернатор Н.А. Качалов, сопровождавший тогда цесаревича, много лет спустя вспоминал, будто нежелание делать остановки 23 июля объяснялось необходимостью точно следовать заранее составленному маршруту⁵⁸. Однако если Сызрань действительно в нём отсутствовала, то Хвалынский был включён изначально, а в Вольске и вовсе предполагался ночлег⁵⁹. В статьях же наследнику престола растолковывался истинный смысл столь утомительных для него церемоний. Тем самым имперский травелог и в 1863, и в 1869 г. помогал сыновьям Александра II, в той или иной степени ощущавшим дистанцию между собой и населением страны, охватить и структурировать её пространства, понять эмоции её жителей, освоиться в этой среде и осмыслить её как свою.

⁵⁴ Путешествие государя наследника цесаревича... С. 22, 26.

⁵⁵ Там же. С. 38–39; Известия о путешествии... // Московские ведомости. 1869. 8 августа. № 173. С. 3.

⁵⁶ Путешествие по Волге и Дону... С. 542.

⁵⁷ Мелентьев Ф.И. Почему наследник престола швырнул лампу? Сравнительный анализ описания путешествия цесаревича Александра Александровича по России в 1869 г. // Взгляд чужеземца: дипломаты, публицисты, учёные-путешественники между Востоком и Западом в XVIII–XXI вв. М., 2020. С. 43–54.

⁵⁸ Качалов Н.А. Записки тайного советника. М., 2012. С. 417.

⁵⁹ Маршрут путешествия их императорских высочеств государя наследника цесаревича, государыни великой княгини цесаревны и великого князя Алексия Александровича в 1869 году. СПб., [1869]. С. 1. Этот документ с собственноручными пометками цесаревича сохранился в его дневнике: ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 303, л. 32–33 об.

Предварительное следствие по делу о томском погроме 1905 г. и сибирская юстиция

Евгений Крестьянников

Preliminary investigation into the case of the Tomsk pogrom of 1905 and Siberian justice

Evgenii Krestiannikov

(Tyumen State University, Russia; HSE University, Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X23020074, EDN: BICRIS

20–22 октября 1905 г. в результате бойни в Томске погибли 66 человек, ещё 126 получили ранения, был нанесён огромный ущерб имуществу частных лиц, сгорело несколько зданий, одно из которых — городской театр — уже не восстанавливалось¹. Но несмотря на столь тяжкие преступления, по итогам предварительного расследования, судебного процесса, проходившего в Томском окружном суде 17–28 августа 1909 г., и последовавшего затем Высочайшего помилования фактическое наказание постигло всего пятерых погромщиков: один из них подлежал аресту на месяц «при волости» и четверо осуждались на незначительные сроки тюремного заключения (от четырёх месяцев до года). Так закончилось основное «дело о томском погроме», а дополнительный обвинительный акт, незамеченный современниками и неизвестный историкам, рассматривался в Томском окружном суде 21 июля 1910 г. Тогда трёх обвиняемых отправили в тюрьму на четыре месяца каждого².

Репрессии оказались явно неэквивалентны чудовищности совершённых деяний. Преступники либо избежали уголовной ответственности, либо карались чрезвычайно мягко. Показательно, что на судебных заседаниях в августе 1909 г. ни один подсудимый не преследовался за содеянное в самый кровопролитный день погрома — 20 октября; все они нарушили закон в следующие сутки³. Это свидетельствовало о серьёзном сбое в судебной системе, на которую влияли как политическая обстановка, так и разнообразные трудности, возникавшие перед следственными органами. Многие участники и очевидцы тех событий отмечали, что уже на стадии предварительного следствия справедливость судопроизводства вызывала сомнения. Возглавлявший Томск во время кровавого бедствия городской голова А.И. Макушин, избранный позднее депутатом Государственной думы, с её трибуны сообщил 29 июня 1906 г. о давлении на

© 2023 г. Е.А. Крестьянников

Исследование выполнено при поддержке РФФИ и Тюменской области в рамках научного проекта № 20-49-720019.

¹ Подробнее см.: *Шиловский М.В.* Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Новосибирск, 2019.

² Государственный архив Томской области (далее — ГА ТО), ф. Ф-11, оп. 4, д. 7, л. 190–190 об., 196, 232–234, 247–248.

³ Государственный исторический архив Омской области (далее — ГИА ОО), ф. 190, оп. 1, д. 133, л. 67.

органы, производившие расследование. Он указал на спорное с точки зрения законности отстранение от должностей ключевых для следственных действий фигур: судебного следователя Я.Е. Иващенко, судмедэксперта А.А. Грацианова, председателя Томского окружного суда А.В. Витте⁴. Томский юрист С.В. Александровский, вспоминая об устранении чиновников и других манипуляциях, констатировал: «Следствие, переходившее после этого от одного следователя к другому, наконец, заглохло»⁵. Проведение его в полном соответствии с законом угрожало многим силам, проявившимся в октябрьские дни. Разумеется, было что скрывать административным и полицейским структурам, продемонстрировавшим, как минимум, неспособность предотвращать и подавлять беспорядки. Активность частных лиц и объединений также зачастую повышала напряжённость в городе и способствовала наступлению хаоса.

Томск фактически остался без полиции⁶, оказавшейся в решающий момент полностью деморализованной. Томский губернатор В.Н. Азанчевский-Азанчеев в рапорте министру внутренних дел 16 ноября 1905 г. утверждал, что его подчинённые перед погромом подвергались «со стороны революционеров угрозам насилия» и поддались панике, а «нижние полицейские чины не только прекратили с 19 октября наружную службу, но боялись даже показываться в форменной одежде на улице»⁷. При этом обстановку в Томске дестабилизировали как демонстрации и митинги, так и конфликт между «интеллигентной» городской думой под руководством Макушина, которая, узнав о Манифесте 17 октября 1905 г., активизировала тянувшееся с августа создание милиции («городской охраны») и начала вооружать её револьверами, и полицмейстером П.В. Никольским, пользовавшимся поддержкой губернской администрации.

20 октября монархически настроенные жители (их именовали тогда «патриотами»), объединившись, провели шествие в поддержку императора, которое сопровождалось избиением людей, по каким-то признакам казавшихся противниками царской власти. Тогда же толпой были совершены первые убийства. Чуть позже главной ареной расправ стала Соборная площадь. Один из спасшихся милиционеров, Г.Б. Кляцкин, в воспоминаниях, названных «Кровавый эпизод», писал: «Я тогда стоял в боевой дружине городской милиции. Соборная площадь в этот день олицетворяла собой два насторожившихся, смертельно ненавидевших друг друга лагеря. С одной стороны высшие учебные заведения и железнодорожное управление... и с другой — громадный собор, символ самодержавия, и дом губернатора»⁸. Там толпа окончательно рассвирепела, оказавшись под выстрелами из рядов милиции и почувствовав, что прибывшие войска не будут препятствовать её действиям. Противники манифестантов, спасаясь, забаррикадировались в административном корпусе железной дороги, где в тот день работникам выдавали жалованье. Некоторые из

⁴ Государственная дума. Стенографические отчёты. 1906 год. Сессия первая. Т. II. СПб., 1906. С. 1811.

⁵ Александровский С.В. Октябрьские дни 1905 г. в Томске (воспоминания томского старожила) // Сибирские огни. 1925. № 4–5. С. 156.

⁶ Начальник томского гарнизона 22 октября докладывал: «За время беспорядков в г. Томске замечается полнейшее отсутствие чинов полиции на улицах города» (ГА ТО, ф. Ф-3, оп. 70, д. 2643, л. 105).

⁷ Государственный архив Новосибирской области (далее — ГА НО), ф. П-5, оп. 2, д. 152, л. 2 об.—3.

⁸ Там же, ф. Р-1612, оп. 1, д. 76, л. 1.

тех, кто попытался оттуда выйти, были растерзаны, а вечером здание охватило пламя, и многие, оставшиеся в нём, сгорели заживо. 21 и 22 при пассивности властей и солдат Томск погрузился в стихию насилия, грабежей и разрушений, от которых особенно часто страдали евреи.

Расследование этих событий сильно затруднялось тем, что незадолго до них горожане получили разрешение иметь и носить оружие⁹, а из местных тюрем освобождались лица, содержащиеся под стражей за политические преступления¹⁰. Город наполнили чужеродные для него элементы. Основу гарнизона составляли роты из новобранцев и резервистов, с нетерпением ожидавших демобилизации после окончания русско-японской войны. Они отличались низким уровнем дисциплины и нежеланием служить¹¹.

Вместе с тем с весны 1905 г. в Томске скапливались пришлые люди, которых никто не знал в лицо (возможно, это стало одной из причин того, что в следственных материалах и в описаниях погрома постоянно использовалось обезличенное понятие «толпа»¹²). Криминогенную обстановку обостряло присутствие «сахалинцев»¹³ — ссыльных, которым после Портсмутского мира и уступки Японии юга Сахалина правительство разрешило отправиться домой. Незадолго до погрома «Сибирская жизнь» сообщала об их безвыходном положении. 13 октября несколько таких семейств с маленькими детьми, не найдя пристанища, расположились на тротуаре около Томского полицейского управления. По их словам, местные жители относились к ним «хуже японцев»¹⁴. Между тем 27 октября губернатор просил командира одного из батальонов прислать на железнодорожную станцию 60 солдат «на случай возникновения там беспорядков вследствие прибытия партии сахалинцев»¹⁵.

Характер преступлений, совершённых в ходе погрома, усложнял сбор доказательств и проведение криминалистических экспертиз. Даже на фоне многочисленных в то время расправ¹⁶ случившееся в Томске выделялось беспощадностью и истреблением улик. Некоторые трупы, вероятно, оказались полностью уничтожены. Следствию приходилось иметь дело с обгорелыми костями¹⁷, «изуродованными до неузнаваемости» мертвецами с «выбитыми зубами, разбитыми в лепёшку носами и губами»¹⁸. 9 ноября, по данным Томского губернского управления, 11 человек числились пропавшими без вести¹⁹.

Неудивительно, что под свежим впечатлением современники многократно преувеличивали число жертв побоища, ставя его на первое место в ряду анало-

⁹ Ларьков Н.С., Чернова И.В. Полицмейстеры, комиссары, начальники (руководители правоохранительных органов Томской губернии, округа и области в XIX–XX вв.). Томск, 1999. С. 90.

¹⁰ События в Томске // Сибирский вестник. 1905. 26 октября.

¹¹ Шиловский М.В. Томский погром... С. 15.

¹² О заметном стремлении «свалить ответственность на толпу» см.: Александровский С.В. Указ. соч. С. 156.

¹³ Это слово являлось синонимом каторжника (Ремнёв А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX вв. Омск, 2004. С. 434).

¹⁴ Томская хроника // Сибирская жизнь. 1905. 16 октября.

¹⁵ ГА ТО, ф. Ф-3, оп. 70, д. 2643, л. 129.

¹⁶ Историки насчитывают в начале XX в. более шести сотен погромов: Будницкий О.В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М., 2005. С. 57; Lambroza Sh. The Tsarist Government and the Pogroms of 1903–1906 // Modern Judaism. Vol. 7. 1987. № 3. P. 287.

¹⁷ Томская хроника // Сибирские известия. 1905. 28 октября.

¹⁸ Хроника октябрьских событий. Приложение к «Праву» // Право. 1905. № 48–49. Стб. 157.

¹⁹ ГА ТО, ф. Ф-3, оп. 70, д. 2643, л. 237.

гичных эксцессов Первой русской революции. Писали про 1150 убитых и сгоревших при 76 тяжелораненых²⁰, про 1200 пострадавших²¹. Тобольский «Сибирский листок» по «частным» каналам узнал о тысяче погибших²². Томский корреспондент сообщал в иркутском «Восточном обозрении» о «200 перебитых на улице», ещё столько же будто бы скончались в огне²³.

Информационный голод в городе и его удалённость от внешнего мира лишь распяли воображение и усиливали страхи. Наиболее популярные местные газеты — «Сибирский вестник» и «Сибирская жизнь» — перестали выходить ещё 16 октября и возобновили выпуск только 25 и 26 октября соответственно, железнодорожное сообщение восстановилось 24 октября²⁴, почта и телеграф работали с перебоями. Дефицит сведений и доверие слухам, зачастую недостоверным и утрированным, не могли не воздействовать на психику жителей²⁵. По свидетельству очевидца, город пережил «что-то вроде Варфоломеевской ночи»²⁶. В результате, как вспоминал Г.С. Рассохин, томичи надолго потеряли взаимное доверие: «Встречаясь на улице, люди подозрительно оглядывали друг друга, держа в кармане наготове оружие. Каждый видел в другом зверя, готового броситься на тебя без всякой причины»²⁷. Испуг, разумеется, вредил результативности следствия. 29 октября один из наблюдавших за томской трагедией предупредил прокурорских чиновников о том, что её участники едва ли дадут откровенные показания, поскольку слишком боятся мести погромщиков²⁸.

При этом ранее судебные деятели края практически не сталкивались с преступлениями, связанными с проявлениями антисемитизма. В губернии, находившейся далеко за чертой оседлости, иудеи мирно сосуществовали с представителями иных конфессий. П.В. Вологодский — адвокат, которого томские жандармы считали одним из виновников кровопролития²⁹, представлявший затем интересы гражданских истцов на процессе 17–28 августа 1909 г.³⁰, — уже будучи главой правительства А.В. Колчака, заявлял, что в Сибири «никогда не было и нет еврейского вопроса». Антисемитскую истерию, характерную для томской бойни 1905 г., он объяснял не укоренившейся ненавистью сибиряков к евреям, а случайным стечением обстоятельств, «искусственно созданным чёрной сотней»³¹.

²⁰ Обнинский В.П. Полгода русской революции. Сборник материалов к истории русской революции (октябрь 1905 — апрель 1906 г.). Вып. 1. М., 1906. С. 42, 44.

²¹ Октябрьские дни в Томске. Описание кровавых событий 20–23 октября. Томск, 1905. С. 64.

²² Городская хроника // Сибирский листок. 1905. 30 октября.

²³ Томское преступление // Восточное обозрение. 1905. 1 ноября.

²⁴ ГА НО, ф. П-5, оп. 3, д. 4, л. 200.

²⁵ Говоря о последствиях знаменитого кишинёвского погрома 1903 г., Э. Джадж отметил: «Страх, гнев и возмущение охватили жителей. Нельзя было стереть из памяти то, что одна часть населения набросилась на другую с дикой яростью, нельзя было также вернуться к нормальной жизни, не ответив на болезненные вопросы. Почему это случилось? Что нужно сделать, чтобы не допустить этого вновь? И наиболее волнующий: кто виноват в том, что произошло?» (Джадж Э. Пасха в Кишинёве. Анатомия погрома. Кишинёв, 1998. С. 88).

²⁶ Томское преступление // Восточное обозрение. 1905. 1 ноября.

²⁷ Рассохин Г.С. События в Томске в октябре 1905 г. Томск, 1917. С. 15.

²⁸ ГА ТО, ф. Ф-11, оп. 4, д. 7, л. 15 об.

²⁹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб), ф. 2297, оп. 1, д. 18, л. 1.

³⁰ Подробнее см.: Крестьянников Е.А. К «истории человеческих жертвоприношений»: П.В. Вологодский и томский погром 1905 г. // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 472. С. 115–127.

³¹ ГА РФ, ф. Р-193, оп. 1, д. 2, л. 29.

На расследование, безусловно, сильнее всего влияло то, что служащие судебных учреждений являлись непосредственными участниками столкновений, происходивших в те трагические дни. Ещё 18 октября на Соляной площади, где размещался Томский окружной суд, они вступились за антиправительственно настроенных учащихся, защищая их от казацких нагаек. Тогда казаки избили Вологодского, а Витте, дабы избежать дальнейших побоев, лично провожал молодёжь до городского управления. На следующий день на совещании у губернатора именно Витте ультимативно потребовал от Азанчевского-Азанчеева создания милиции и затем обсуждал вместе с ним, городским головой и прокурором Томского окружного суда А.Г. Беляевым кандидатуру нового полицмейстера, который занял бы место Никольского, дискредитировавшего себя применением насилия³².

Из донесений начальника Томского губернского жандармского управления С.А. Романова известно, что Беляев накануне кровопролития настоял на освобождении политических арестантов³³. 20 октября Беляеву и Витте, проходившим вместе с Азанчевским-Азанчеевым сквозь «патриотическую» манифестацию на Соборной площади, угрожали расправой³⁴. Та же толпа требовала выдать ей для самосуда Вологодского³⁵, дом которого чудом избежал разгрома³⁶.

Грандиозное преступление потребовало масштабного расследования. По данным прокуратуры, к 9 февраля 1906 г. было вскрыто 56 трупов и произведён осмотр обгоревших костей и останков, осмотрено около 50 разорённых зданий, допрошено около 800 потерпевших и свидетелей, а 19 человек привлечены в качестве обвиняемых. К 13 апреля 1907 г. опрошенными считались свыше тысячи свидетелей, а в представлении товарища прокурора Х.Д. Брюхатова прокурору Томского окружного суда Н.А. Русанову 16 июля 1908 г. говорилось про 106 обвиняемых. Материалы предварительного следствия при передаче их Русанову следователем Н.Ф. Бончковским 18 июля того же года составили 20 томов³⁷. Ожидалось, что в августе 1909 г. перед судом предстанут 85 человек³⁸, хотя в действительности на скамье подсудимых их оказалось всего 68³⁹.

Со всех концов страны звучали призывы провести следствие как можно быстрее и, строго соблюдая законность, обнаружить истинных виновников беспорядков. Известный в Тобольске В.Ф. Костюрин писал: «Только суд, суд скорый, правый, открытый, не потворствующий ни подстрекателям, ни попустителям, ни несчастным участникам этого злодеяния, не ведавшим, что творят, может успокоить возмущённую общественную совесть»⁴⁰. «Сибирский вестник» напоминал, что «общественная совесть Томска взволнована, она измучена и ищет успокоения в правдивом суде над виновниками ужасов»⁴¹.

³² ГА НО, ф. П-5, оп. 2, д. 179, л. 3, 6.

³³ Там же, ф. Д-144, оп. 1, д. 33, л. 5.

³⁴ Там же, ф. П-5, оп. 2, д. 152, л. 6.

³⁵ Там же, д. 166, л. 2.

³⁶ По свидетельству Макушина, у Вологодского находились на постое несколько солдат, которые дали отпор грабителям (Государственная дума. Стенографические отчёты. 1906 год. Сессия первая. Т. II. Стб. 1811).

³⁷ ГА ТО, ф. Ф-11, оп. 4, д. 7, л. 26–26 об., 35, 59, 60.

³⁸ Дело о погроме в г. Томске в 1905 году (Отчёт о судебном заседании Томского окружного суда). Томск, 1909. С. 2.

³⁹ ГИА ОО, ф. 190, оп. 1, д. 133, л. 32.

⁴⁰ Костюрин В.Ф. Томская трагедия // Сибирский листок. 1905. 27 октября.

⁴¹ К суду // Сибирский вестник. 1905. 16 ноября.

Никогда ещё судебная система не сталкивалась в Сибири со столь резонансным и болезненным делом.

Между тем первые шаги демонстрировали растерянность и даже беспомощность предварительного следствия. Формально оно началось 21 октября⁴², хотя отдельные следственные действия производились уже 20 октября. Так, по воспоминаниям Александровского (в момент бойни являвшегося членом Томского окружного суда), чудом выжившего в тот день железнодорожного архитектора Б.Ф. Татарчука сразу же допросил в районе Соборной площади участковый судебный следователь Иващенко. Спасшийся рассказал об убийстве у здания железнодорожного управления двух инженеров — М.У. Шварца и И.Ф. Клионовского⁴³.

Дело сразу же было возбуждено «по непосредственному усмотрению судебного следователя» (ст. 297 Устава уголовного судопроизводства), но из-за эскалации насилия 20 октября Иващенко ничего больше предпринять уже не мог. На следующий день губернатор предложил ему возобновить следствие, действуя на основании «сообщений полиции, присутственных мест и должностных лиц»⁴⁴. Но в формах «уведомления о начатии нового дела» Иващенко, скорее всего, по инерции записал «по предложению прокурора суда»⁴⁵, придерживаясь тем самым одного из наиболее распространённых способов дать ход расследованию. Однако прокурор, якобы давший такую санкцию, вряд ли мог это сделать. По наблюдениям Макушина, 20 октября Беляев в панике «бегал, схватясь за голову», вокруг губернатора⁴⁶, а затем, как утверждал профессор юридического факультета Томского университета И.А. Малиновский, самовольно спешно покинул город⁴⁷. Согласно воспоминаниям Г.Н. Потанина, это произошло в ночь на 21 октября⁴⁸. Действительно, после кровавых событий имя Беляева исчезло из документов, а его обязанности временно исполнял А.К. Висковатов. В середине ноября в Томск из Семипалатинска приехал Русанов⁴⁹, исправлявший с тех пор должность прокурора Томского окружного суда. Именно он выступал с обвинением на процессе над погромщиками в августе 1909 г.⁵⁰

Обстановку, в которой начиналось расследование, передаёт рапорт Азанчевского-Азанчеева министру внутренних дел. Когда 20 октября на Со-

⁴² ГА ТО, ф. Ф-11, оп. 4, д. 7, л. 60; ГА НО, ф. П-5, оп. 2, д. 154, л. 15.

⁴³ Александровский С.В. Указ. соч. С. 154–155. В донесении начальника Сибирской железной дороги В.А. Штукенберга в Министерство путей сообщения, направленном 30 октября, они действительно числились среди раненых и убитых (ГА НО, ф. П-5, оп. 2, д. 147, л. 4–4 об.).

⁴⁴ ГА НО, ф. П-5, оп. 2, д. 154, л. 15.

⁴⁵ ГА ТО, ф. Ф-11, оп. 4, д. 7, л. 8–9.

⁴⁶ ГА НО, ф. П-5, оп. 2, д. 179, л. 9.

⁴⁷ Малиновский, безусловно, хорошо знал, что происходило в местном судебном сообществе. В своих воспоминаниях он упоминал среди «близких» ему людей Витте, Вологодского, Александровского и др. (Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / Сост. С.Ф. Фоминых. Томск, 2014. С. 294–295). К тому же с 8 ноября 1905 г. профессор стал также одним из редакторов «Сибирской жизни» (Жиякова Н.В., Шевцов В.В., Евдокимова Е.В. Периодическая печать Томской губернии (1857–1916): становление журналистики и формирование регионального самосознания. Томск, 2015. С. 136). См. также: Малиновский И.А. Кровавая месть и смертные казни. Вып. 2 Томск, 1909 С. 70.

⁴⁸ Рассказ Григория Николаевича Потанина о томских событиях в октябре 1905 г. (записано с его слов М.Х. Свентицкой) // Каторга и ссылка. Историко-революционный сборник. 1925. № 7. С. 64.

⁴⁹ ГИА ОО, ф. 190, оп. 1, д. 133, л. 31 об., 72–72 об.

⁵⁰ Дело о погроме в г. Томске в 1905 году. С. 1.

борной площади губернатор обещал манифестантам предать милиционеров суду, он этим только «раздражал» толпу, отвечавшую выкриками о недоверии юстиции⁵¹. Некоторые судебные служащие в те дни просили выделить им охрану. В частности, один из мировых судей Томска И.В. Михайловский (в последующем профессор Томского университета и выдающийся юрист-теоретик, внесший существенный вклад в разработку либеральной теории уголовного процесса как системы гарантий личности⁵²) 21 октября обратился с таким ходатайством к военным властям, но получил отказ⁵³. Для охраны здания окружного суда, где располагалась камера Иващенко, губернатор выставил два воинских караула, ещё один находился у квартиры судебного следователя⁵⁴.

«Патриоты» долго ещё продолжали нагнетать страх. В начале зимы 1905 г. в Томске стали обнаруживаться рукописные прокламации, призывавшие горожан 6 декабря собраться и устроить погром, дав отпор «крамольникам», которые будто бы планировали убить губернатора и архиерея, сжечь некоторые районы города и его предместья и т.п. Говорилось также, что революционеры «следователя Соболева (почему-то именно фамилия прокурора Омской судебной палаты ассоциировалась у обывателей с расследованием. — Е.К.) просили побольше черни и мещан посадить в тюрьму»⁵⁵. Панические настроения быстро распространялись, но на деле ничего не произошло, и А.П. Явцев, исполнявший после отставки Никольского обязанности полицмейстера, увидел в листовках провокацию, направленную на то, «чтобы вызвать и поддержать всеобщее волнение среди мирного населения города»⁵⁶.

По сообщениям газет, Иващенко вёл расследование «энергично», принимая потерпевших и свидетелей ежедневно с 10 часов утра до 6 вечера⁵⁷. Однако всё делалось в чрезвычайной спешке, и требования закона при составлении протоколов не всегда соблюдались. Как отмечал в феврале 1906 г. Рusanов, тогда «по приказанию следователя к нему являлись целые толпы народа для дачи показаний, последние записывались самими потерпевшими и свидетелями», и наблюдение прокуратуры за правильностью процедур было «совершенно невозможным»⁵⁸. Неразбериха на начальном этапе следствия вызвала позднее критику П.Ф. Булацеля, защищавшего погромщиков на судебном процессе в августе 1909 г.⁵⁹, стала одной из причин нечёткости обвинительного акта⁶⁰ и способствовала затягиванию всего дела. В итоге суд состоялся только через

⁵¹ ГА НО, ф. П-5, оп. 2, д. 152, л. 6.

⁵² *Чельцов-Бebutov М.А.* Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995. С. 823; Профессора Томского университета. Биографический справочник / Отв. ред. С.Ф. Фоминых. Вып. I. Томск, 1996. С. 165–167.

⁵³ ГА НО, ф. П-5, оп. 3, д. 4, л. 190.

⁵⁴ ГА ТО, ф. Ф-3, оп. 70, д. 2643, л. 91.

⁵⁵ ГА НО, ф. П-5, оп. 2, д. 232, л. 1.

⁵⁶ ГА ТО, ф. Ф-3, оп. 70, д. 2643, л. 249 об.–250.

⁵⁷ Томская хроника // Сибирские известия. 1905. 26 октября; Местная хроника // Сибирский вестник. 1905. 25 октября.

⁵⁸ ГА ТО, ф. Ф-11, оп. 4, д. 7, л. 23 об.

⁵⁹ Знаменитый адвокат и один из лидеров российских черносотенцев указал на заметные пробелы в информации о допросах на предварительном следствии (Дело о еврейском погроме в Томске 20–22 октября 1905 г. // Сибирская правда. 1909. 7 ноября).

⁶⁰ Например, «Биржевые ведомости» указывали на «некоторые неясности обвинительного акта» на августовском процессе 1909 г. (Томский погром // Биржевые ведомости (утренний выпуск). 1909. 3 сентября).

три года и десять месяцев, что явно не соответствовало нормам скорого правосудия и практике того времени. К примеру, процесс о кишинёвском погроме, вполне сопоставимом с томским, начался 6 ноября 1903 г. — ровно через полгода после кровавых событий⁶¹. Участников погрома 18 и 19 апреля 1905 г. в Мелитополе судили с 24 февраля 1906 г.⁶² Процесс о погроме в Симферополе, случившемся одновременно с томским и схожем по числу убитых, шёл в мае 1907 г.⁶³ Обвинительный акт, окончивший сложное предварительное следствие по делу о киевском погроме в октябре 1905 г., был готов 10 марта 1907 г.⁶⁴

В Томске ситуация заметно осложнялась из-за нехватки опытных и профессиональных кадров. В Министерстве юстиции в конце XIX в. на судебном штате в Сибири предпочли сэкономить⁶⁵. В частности, огромная губерния располагала лишь семью судебными следователями, что было совершенно недостаточно, поскольку количество расследуемых дел неуклонно и быстро увеличивалось⁶⁶. До передачи летом 1906 г. по предложению Соболева дела о погроме судебному следователю по особо важным делам при Омском окружном суде Бончковскому производство по нему вели местные участковые следователи и даже лица, лишь исполнявшие обязанности по этой должности. Так, в феврале 1906 г. оно оказалось в руках у добавочного мирового судьи А.В. Яблонского-Шавровского, занимавшегося им одновременно с другими делами по подведомственному ему участку⁶⁷. Его служебный опыт являлся мизерным и совершенно не гарантировал профессионализма. Родившись в 1878 г., он окончил в 1902 г. Томский университет и по-настоящему самостоятельную судебскую должность — мирового судьи 5-го участка Барнаульского уезда Томской губ. — занял только 25 мая 1905 г.⁶⁸ Впрочем, Бончковский был его старше всего на два года и к тому же пользовался незавидной репутацией. 7 апреля 1909 г. прокурор Омской судебной палаты В.В. Едличко даже вынужден был заявить в рапорте директору II департамента Министерства юстиции Н.М. Демчинскому: «Систематическое проявление лживости, как в личных объяснениях, так и в официальных уведомлениях г. Бончковского, я считаю недопустимым и несовместимым с дальнейшим исправлением г. Бончковским должности судебного следователя по особо важным делам»⁶⁹.

25 ноября 1905 г. министр юстиции С.С. Манухин разослал циркуляр, в котором требовал передать ведение предварительного следствия по делам, «сопряжённым с происходящими в различных местностях империи беспоряд-

⁶¹ Джадж Э. Указ. соч. С. 62, 88, 123.

⁶² Особое присутствие Одесской судебной палаты. Дело о погроме 18 и 19 апреля 1905 г. в г. Мелитополе. Мелитополь, 1906.

⁶³ Клейнершехет И. С. Дело об октябрьском погроме в Симферополе. Судебный отчёт с иллюстр. приложениями на отдельных листах. Симферополь, 1907.

⁶⁴ Коллекция печатных записок Научно-справочной библиотеки РГИА. № 309. Обвинительный акт [по делу о киевском погроме]. С. 56.

⁶⁵ См.: Крестьянников Е.А. Финансовые аспекты судебной реформы в Сибири (конец XIX — начало XX в.) // Российская история. 2018. № 2. С. 22–34.

⁶⁶ Сводную статистику см.: Крестьянников Е.А. Судебная реформа 1864 г. в Западной Сибири. Тюмень, 2009. С. 239. К 1909 г. в производстве у томских следователей оставалось дел больше, чем в любом другом судебном округе империи, каких насчитывалось более сотни (Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Вып. 24. Ч. 1. СПб., 1910. С. 132–135; Ч. 2. СПб., 1910. С. 40–41).

⁶⁷ ГА ТО, ф. Ф-11, оп. 4, д. 7, л. 24 об., 30–33.

⁶⁸ РГИА, ф. 1405, оп. 545, д. 16143, л. 91, 95 об.

⁶⁹ Там же, оп. 544, д. 1397, л. 43.

ками и смутами», членам окружных судов⁷⁰. Русанов, исполняя данное распоряжение, 21 декабря 1905 г. и 7 февраля 1906 г. обращался в окружной суд, добиваясь, чтобы тот, «ввиду сложности дела» об октябрьской трагедии, назначил для расследования кого-нибудь из своих членов. Однако прокурору оба раза категорически отказали, сославшись на чрезвычайную загруженность текущей работой.

18 августа 1908 г. прокуратура передала дело о погроме в Томский окружной суд, но рассмотреть его там смогли только через два с лишним месяца — 24 октября. Председатель суда гр. М.А. Подгоричани-Петрович объяснял задержку отсутствием судей, находившихся в служебных разъездах⁷¹.

Серьёзные затруднения возникли и при проведении судебно-медицинской экспертизы. Старший врач больницы общественного призрения уже утром 21 октября сообщил губернатору: «Мы все дошли до полного изнеможения. Не достаёт врачей, санитаров, перевязочных материалов, матрацев, провизии»⁷². В начале следствия вскрытием трупов занимался опытный и авторитетный врач Грацианов. По общему мнению мировых судей и судебных следователей Томска, «его блестящие, всегда ясно, вполне объективно изложенные заключения бесстрастно служили высоким целям правосудия»⁷³. Очевидцы констатировали, что он «заносил в протокол вскрытия фактические причины смерти, указывая у многих погибших пулевые и штыковые раны»⁷⁴. Однако подобные результаты экспертизы, указывавшие на причастность войск, могли дать следствию совершенно нежелательное для властей направление. 24 октября Азанчевский-Азанчеев потребовал от томского губернского врачебного инспектора уволить Грацианова и запросил у товарища министра внутренних дел Д.Ф. Трепова разрешение убитых «хоронить без вскрытия ввиду явного насилия»⁷⁵. По словам Потанина, Никольский также добивался отстранения Грацианова, а сменивший его доктор тотчас вступил в «войну» с Витте⁷⁶.

Среди заступников врача, увидевших в его увольнении «явную угрозу правосудию со стороны администрации», находился Ивашенко⁷⁷, который также установил, что солдаты стреляли по горожанам⁷⁸. Но и следователь продержался на своём посту ненамного дольше. Соболев счёл нежелательным поручать ему расследования по государственным преступлениям из-за политической неблагонадёжности⁷⁹ и настоял на его отстранении, о чём 14 февраля 1906 г. министр юстиции М.Г. Акимов официально уведомил старшего председателя Омской судебной палаты А.А. Кобылина. В сентябре 1909 г. Едличко указывал Демчинскому на то, что «заподозренного в пристрастии» Ивашенко отстранили от должности «неправильно». Об этом, по мнению прокурора, свидетельствовало

⁷⁰ ГА ТО, ф. Ф-11, оп. 3, д. 3, л. 281–282.

⁷¹ Там же, д. 7, л. 22, 27–29, 73. Подробнее о выездных сессиях см.: *Krestiannikov E.A. Along the Routes of Justice: Judicial Circuit Riding in Western Siberia during the Late Imperial Period // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 20. 2019. № 2. P. 315–344.*

⁷² ГА НО, ф. П-5, оп. 3, д. 4, л. 190.

⁷³ К событиям дней // Сибирский вестник. 1905. 26 ноября.

⁷⁴ ГА НО, ф. П-5, оп. 2, д. 170, л. 11.

⁷⁵ ГА ТО, ф. Ф-3, оп. 70, д. 2643, л. 111, 119.

⁷⁶ Рассказ Григория Николаевича Потанина... С. 64.

⁷⁷ К событиям дней // Сибирский вестник. 1905. 26 ноября.

⁷⁸ *Александровский С.В.* Указ. соч. С. 156.

⁷⁹ РГИА, ф. 1405, оп. 537, д. 235, л. 1–3 об.

уже то, что судебный следователь, удалённый из Томска, через несколько лет занимал точно такой же пост в Варшаве⁸⁰.

Лишился своей должности и Витте, убеждённый в том, что это случилось «в явное нарушение основного закона о несменяемости судей». 5 января 1906 г. находившийся в Омске степной генерал-губернатор и командующий войсками Сибирского военного округа Н.Н. Сухотин, наделённый к тому времени чрезвычайными полномочиями, по телеграфу распорядился устранить его на всё время действия военного положения от исполнения обязанностей председателя суда и предложил ему в течение 48 часов выехать из Сибири, грозя в случае промедления применить силу. Когда 14 января Витте добрался до столицы, он узнал, что уже 11 января состоялось его «увольнение от службы без прошения»⁸¹. Для сибирской юстиции это стало существенной потерей. Выпускник Императорского Училища правоведения⁸², о служебных и нравственных качествах которого лестно отзывались начальники (в том числе и будущие министры юстиции Н.В. Муравьёв и Акимов), он к тому же давно знал Томск, где уже побывал товарищем губернского прокурора в 1885–1887 гг. и губернским прокурором в 1894–1897 гг.⁸³ Сменивший его 10 февраля 1906 г. гр. Подгоричани-Петрович, за долгое время дослужившийся лишь до поста товарища прокурора Варшавского окружного суда⁸⁴, заметно уступал своему предшественнику.

Следует учитывать, что томский погром и начальная стадия его расследования происходили на пике революционных событий в стране. Само кровопролитие 20–22 октября в интерпретациях и монархистов, и их противников представлялось проявлением контрреволюции. Черносотенное «Вече» видело в томичах-погромщиках «честных русских людей, возмущённых дерзким поруганием своих заветных святынь, оскорблённых в лучших своих чувствах, обрушившихся в праведном гневе на врагов св[ятой] Церкви и царя и заставивших их стихнуть»⁸⁵. Правый «Свет» писал, что 20 октября в Томске «народ восстал против мятежной интеллигенции и учинил ей форменный погром»⁸⁶. По мнению же либералов, «громили тогда не здание железнодорожного управления, но то, что могло спасти Россию, сделать её культурным, конституционно-правовым государством, а россиян из бесправных рабов — полноправными гражданами, которые знают цену отечеству и готовы биться за неё до последней капли крови»⁸⁷.

При этом черносотенцы в томских судебных деятелях видели опору революционного движения. В.М. Пуришкевич, 4 мая 1912 г. вспоминая на трибуне Государственной думы о событиях 1905 г., назвал членов Томского окружного суда «носителями либеральных идей», а всех подчинённых ему служащих приписал к «левым»⁸⁸. В правой прессе после судебного процесса в августе 1909 г. утверждалось, что во главе местного революционного движения накануне погрома стояли «социал-демократы, а за ними шла в хвосте вся интеллиген-

⁸⁰ ГИА ОО, ф. 190, оп. 1, д. 133, л. 31–31 об., 72 об.

⁸¹ Хроника // Право. 1910. № 10. Стб. 617–618.

⁸² Памятная книжка Императорского Училища правоведения на учебный 1915–1916 г. Пг., 1915. С. 148.

⁸³ Государственный архив Иркутской области (далее — ГА ИО), ф. 245, оп. 5, д. 67, л. 1–8.

⁸⁴ ГИА ОО, ф. 25, оп. 2, д. 222, л. 71–72 об.

⁸⁵ Москва, 6 сентября // Вече. 1909. 6 сентября.

⁸⁶ Дело о томском погроме // Свет. 1909. 5 сентября.

⁸⁷ Розенберг Д. 20 октября 1905 г. // Народная газета. 1918. 2 ноября.

⁸⁸ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчёты 1912 г. Сессия пятая. Т. IV. СПб., 1912. Стб. 459, 461.

ция с судебными и иными чиновниками». Заявлялось даже, будто «судебные следователи, вооружавшие 19 октября республиканскую милицию, 23 октября вступили в исполнение своих служебных обязанностей и, как власть имеющие, обвиняли патриотов в погроме и отправляли их в тюрьму»⁸⁹. Витте изображался революционером, оказывавшим давление на расследование⁹⁰.

Основания для подобных предположений имелись. В Томске юристы, включая чиновников судебного ведомства, представляли собой достаточно сплочённое объединение, членов которого связывали не только организации, но и крепкие негласные конвенции. Сравнительно небольшой город имел молодой юридический факультет университета⁹¹ с либерально и даже революционно настроенными профессорами-правоведами⁹², окружной суд с квалифицированными судебными чиновниками, присяжных поверенных, мировых судей, прокуроров, судебных следователей. В удалении от столицы и от таких же профессиональных групп в других частях империи, не имея в Сибири собственных корпоративных органов (например, у адвокатуры отсутствовали советы присяжных поверенных⁹³), томские юристы демонстрировали устойчивое стремление к объединению друг с другом на основе обособленности и независимости судебного ведомства.

Многие из них входили в образованное в 1901 г. Юридическое общество при Томском университете⁹⁴, что делало его уникальным⁹⁵. Неудивительно, что оно включало и лиц, непосредственно причастных к погрому и его расследованию. В частности, Вологодский исполнял в нём важную обязанность казначея⁹⁶. Активнейшим деятелем этого союза являлся Витте. В 1902 г. обще-

⁸⁹ Эту версию излагали несколько черносотенных газет: Дело о томском погроме // Свет. 1909. 5 сентября; Москва, 6 сентября // Вече. 1909. 6 сентября; Дело о томском погроме // Русское знамя. 1909. 6 сентября.

⁹⁰ К делу о погроме // Томские епархиальные ведомости. 1909. 1 сентября.

⁹¹ Юридический факультет при Томском университете учреждён 29 декабря 1897 г. (ПСЗ-III. Т. 17. СПб., 1900. № 14841).

⁹² К примеру, профессор М.А. Рейснер в томский период деятельности эволюционировал из либерала в революционера, открыто поддержал студенческую забастовку в 1901 г. и через два года был уволен без права преподавания в России. Затем он сблизился с большевиками, став после их прихода к власти разработчиком ряда ключевых идей советской юриспруденции (Профессора Томского университета. С. 204–207; Юристы и революция: Pro et Contra / Сост. С.М. Шахрай, К.П. Крачковский. М., 2017. С. 218–243). Малиновский публично призывал к революции. В частности, 27 декабря 1908 г. на заседании Санкт-Петербургского юридического общества он настаивал на том, что «необходима ликвидация старого режима и установление такого нового строя, при котором права гражданина признавались бы за всем населением, и при котором была бы гарантирована охрана этих прав государством» (Доклад И.А. Малиновского «Кровавая месть и смертная казнь» // Труды Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. Т. 1. СПб., 1910. С. 52–71).

⁹³ Учреждение советов присяжных поверенных было приостановлено 5 декабря 1874 г. (ПСЗ-II. Т. 49. СПб., 1876. № 54130), а при организации в конце XIX в. адвокатуры в Сибири чиновники Министерства юстиции решили не предпринимать «отступлений от общих по сему предмету постановлений» (Государственный архив в г. Тобольске, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 138).

⁹⁴ О деятельности и составе общества см.: Некрылов С.А. Научные общества в Томском университете в дореволюционный период. Томск, 2013. С. 75–139, 243–245.

⁹⁵ О развитии юридических обществ в Российской империи см.: Tissier M. Les sociétés juridiques dans l'Empire Russe au tournant du XXe siècle. Professionnalisation des juristes et culture juridique // Cahiers du Monde Russe. Vol. 51. 2010. № 1. P. 5–34.

⁹⁶ Отчёт о состоянии Императорского Томского университета за 1901 г. Год пятнадцатый. Томск, 1902. С. 150.

ство направило его своим делегатом на Международный съезд криминалистов, а в феврале 1905 г., когда университет пришлось закрыть, Витте предоставил для заседаний общества помещение окружного суда. В мае он принимал участие в подготовке проекта о введении в Сибири земства⁹⁷, что в тот момент свидетельствовало об антиправительственном характере его деятельности.

Одним из основателей общества являлся профессор М.Н. Соболев⁹⁸, по словам его биографов — «заметная фигура либерального движения»⁹⁹. Он приходился родным братом прокурору Омской судебной палаты. Едличко и Русанов отмечали, что взгляды братьев Соболевых существенно различались, поскольку Николай Николаевич придерживался консервативных убеждений¹⁰⁰. Но для правой прессы их родственная связь являлась чуть ли не прямым доказательством пристрастности при расследовании томского погрома¹⁰¹.

Любопытно, что пути Н.Н. Соболева и А.В. Витте во многом совпадали. Оба окончили с интервалом в год Училище правоведения, и, прослужив несколько лет в разных местах, они потом одновременно занимали должности товарищей прокурора сначала Луцкого, а затем — Тверского окружного суда. После судебной реформы в Сибири оба оказались заместителями прокурора Иркутской судебной палаты Кобылина¹⁰². В 1901 г. он возглавил Омскую судебную палату¹⁰³, снова став начальником Соболева и Витте.

Впрочем, всё это не мешало Соболеву во время расследования томского погрома неоднократно жаловаться в Министерство юстиции на Кобылина, который будто бы «впал в совершенный рамолимент», «одрыхлел» и не способен управлять судебным округом. Дело дошло до того, что, по мнению Соболева, «в Омской судебной палате по преступным деяниям государственным правосудия не существовало»¹⁰⁴. Врачи 28 марта 1907 г. диагностировали у старшего председателя палаты склероз, эмфизему лёгких, гипертрофию предстательной железы и т.д., а за три недели до медицинского освидетельствования с ним даже случился апоплексический припадок. Поэтому чиновнику рекомендовалось отказаться от умственного труда и служебных обязанностей¹⁰⁵.

Вологодский, игравший видную роль в «мятежной» городской думе, в конце XIX в. служил в семипалатинской прокуратуре под руководством Висковатова, с 27 октября по 18 ноября 1905 г. исполнявшего обязанности прокурора Томского окружного суда (и специально командированного для этого из Омска). Пётр Васильевич всегда сохранял уважение к своему бывшему начальнику и незадолго до смерти вспоминал о нём как о «строгом и взыскательном прокуроре», перед которым «трепетали» полицейские и кого «высшие административные чины недолюбливали» и «побаивались»¹⁰⁶. В 1894–1896 гг. будущий

⁹⁷ Некрылов С.А. Научные общества... С. 103–104, 114, 119–120.

⁹⁸ 2 марта 1900 г. он вместе с другими профессорами-правоведами (включая Рейснера и Малиновского) подал в совет Томского университета прошение разрешить юридическое общество, тем самым начав процесс по учреждению этой организации (ГА ТО, ф. Ф-102, оп. 1, д. 227, л. 1–1 об.).

⁹⁹ Грузинов А.С., Савченко М.М. «История учит» // Соболев М.Н. Таможенная политика России во второй половине XIX в. Ч. 1. М., 2012. С. 18.

¹⁰⁰ ГИА ОО, ф. 190, оп. 1, д. 133, л. 31 об., 72 об.

¹⁰¹ Дело о томском погроме // Русское знамя. 1909. 6 сентября.

¹⁰² РГИА, ф. 1405, оп. 544, д. 2224, л. II; оп. 545, д. 12451, л. 5–8 об.

¹⁰³ ГИА ОО, ф. 25, оп. 2, д. 110, л. 30 об., 31 об.–32.

¹⁰⁴ РГИА, ф. 1405, оп. 537, д. 235, л. 4, 6 об.

¹⁰⁵ ГИА ОО, ф. 25, оп. 2, д. 110, л. 48–48 об., 62.

¹⁰⁶ ГА РФ, ф. Р-5881, оп. 2, д. 299, л. 53.

томский адвокат и политический деятель неоднократно заменял Висковатова, пока тот отъезжал по делам или бывал в отпуске¹⁰⁷.

Иными словами, заинтересованные в исходе следствия городской голова Макушин и думские гласные Витте, Вологодский и Грацианов имели возможность оказывать на него давление в силу своих должностей, связей и авторитета¹⁰⁸. Они были известны как филантропы и уважаемы добропорядочными горожанами. Так, Грацианов избирался председателем Общества попечения о начальном образовании¹⁰⁹, Вологодский стоял у руля Томской юридической консультации, где бедняки могли дёшево, а иногда и бесплатно получить помощь¹¹⁰. Витте в 1895 г., будучи томским губернским прокурором, инициировал создание Томского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов для забот о малолетних преступниках¹¹¹, чем прославился на всю страну как «гуманный администратор»¹¹².

Витте чтит независимость суда и мог дерзко вести себя с представителями администрации. В 1898 г., исполняя обязанности товарища прокурора Иркутской судебной палаты, он настроил против себя начальство Восточной Сибири. Иркутский губернатор И.П. Моллериус жаловался на его вызывающее поведение иркутскому генерал-губернатору А.Д. Горемыкину, и тому пришлось просить министра юстиции Муравьёва указать судейским чиновникам их место¹¹³. Весьма символично, что 24 декабря 1896 г. в своём первом письме Вологодскому (с которого началось их тогда ещё заочное знакомство) Витте неприязненно отзывался о семипалатинском губернаторе как о самодуре¹¹⁴.

Вологодский, имея огромное влияние на жизнь томского общества, активно участвовал в революционном движении. Он стал организатором банкета, состоявшегося 12 января 1905 г.¹¹⁵ и вызвавшего всплеск антиправительственных действий в городе. Местные жандармы считали адвоката главой томских эсеров¹¹⁶, а в его квартире видели штаб сторонников революции¹¹⁷. Именно в ней 28–29 августа в присутствии Витте прошёл съезд сепаратистской по духу организации — Сибирского областного союза¹¹⁸. А за десять дней до этого, 18 августа, Вологодский доказывал в думе, поддерживая её председателя, что «современная постановка института городской полиции не только не соответствует настоящим требованиям современной действительности, но даже

¹⁰⁷ РГИА, ф. 1405, оп. 544, д. 2205, л. 90, 97, 111.

¹⁰⁸ Характерно, что все они, как и ещё 37 человек, были включены, вероятно, жандармами в конце 1905 г. в список «Организаторы революционного движения в Томске» (ГА НО, ф. П-5, оп. 2, д. 351, л. 1–2).

¹⁰⁹ Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города / Под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2004. С. 90.

¹¹⁰ Крестьянников Е.А. П.В. Вологодский и дело юридической помощи в Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 113–122.

¹¹¹ Иванюков И.И. Очерки провинциальной жизни // Русская мысль. 1896. № 6. С. 162; Хроника // Журнал Министерства юстиции. 1897. № 6. С. 231–233.

¹¹² Корреспонденции «Енисей». Томск // Енисей. 1897. 7 декабря.

¹¹³ ГА ИО, ф. 25, оп. 6, д. 190, л. 1–13.

¹¹⁴ ЦГИА СПб, ф. 2297, оп. 1, д. 12, л. 22–23 об.

¹¹⁵ ГИА ОО, ф. 190, оп. 1, д. 55, л. 1.

¹¹⁶ ЦГИА СПб, ф. 2297, оп. 1, д. 18, л. 1.

¹¹⁷ Зиновьев В.П., Харусь О.А. Общественно-политическая жизнь в Томской губернии в 1880 – феврале 1917 г. Хроника. Томск, 2013. С. 20.

¹¹⁸ Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск, 2008. С. 162–163.

иногда противоречит им, а поэтому полиция должна быть выборной и существовать на основе общественного контроля»¹¹⁹.

После кровавых событий, как писал Трепову 24 октября Азанчевский-Азанчеев, «революционеры притихли, но озлоблены пожаром и еврейским погромом»¹²⁰. В тот же день губернатор, стремясь установить контроль над расследованием, уволил без всякого объяснения причин Грацианова¹²¹, а Никольский выписал постановление о «предварительном аресте при тюрьме» Макушина¹²², которого ещё 20 октября задержали, спасая от ярости толпы. Полицмейстер произвёл арест на основании ст. 29 Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия 14 августа 1881 г., т.е. по «подозрению в совершении государственных преступлений или в прикосновенности к ним»¹²³. Однако 30 октября приехавший из Омска прокурор Соболев немедленно освободил Макушина, и тот, по совету Витте, чтобы впредь не подвергаться полицейскому произволу, покинул город¹²⁴.

8 ноября 1905 г. император снял с должности Азанчевского-Азанчеева¹²⁵, и антиправительственные силы сразу же развернули кампанию против него. В этом особенно усердствовал «Сибирский вестник» — газета, которую жандармы считали подконтрольной Вологодскому¹²⁶. 16 ноября там вышли сразу три материала, обличавших виновников октябрьской катастрофы. В одной из публикаций прямо говорилось: «Мы обвиняем губернатора Азанчевского в том, что, желая помешать коронному суду в раскрытии правды о действиях представителей администрации, он удалил без объяснения причин городского врача Грацианова, дававшего при медицинской экспертизе правдивые показания о штыковых ранах и пулях солдатского калибра»¹²⁷. Тогда же Витте вопреки принципу презумпции невиновности возложил ответственность за организацию погрома на главу томского мещанского общества С. Самгина-Косицина. Тем самым, как позже возмущалась правая пресса, косвенно вина за беспорядки как-бы возлагалась на всех мещан Томска¹²⁸.

20 ноября «Сибирская жизнь» опубликовала резолюцию железнодорожных служащих, которые требовали предать суду Азанчевского-Азанчеева как «главного виновника» трагедии. Железнодорожники усматривали в кровопролитии «исполнение заранее составленного плана», задуманного местной администрацией, а губернатора называли «душой всего события»¹²⁹. В том же выпуске газеты в анонимной передовой статье (учитывая характер аргументации, напи-

¹¹⁹ Журналы и постановления Томской городской думы // Известия Томского городского общественного управления. 1905. № 35–36. С. 266–267.

¹²⁰ ГА ТО, ф. Ф-3, оп. 70, д. 2643, л. 119.

¹²¹ 26 ноября 1905 г. на собрании томских врачей даже было принято решение потребовать от администрации объяснения причин данного увольнения (Томская жизнь // Сибирская жизнь. 1905. 29 ноября).

¹²² ГА ТО, ф. Ф-11, оп. 4, д. 7, л. 1.

¹²³ ПСЗ-III. Т. 1. СПб., 1885. № 35.

¹²⁴ ГА НО, ф. П-5, оп. 2, д. 179, л. 8, 10.

¹²⁵ Яковенко А.В., Гахов В.Д. Томские губернаторы: биобиблиографический указатель. Томск, 2012. С. 165.

¹²⁶ ЦГИА СПб, ф. 2297, оп. 1, д. 18, л. 1.

¹²⁷ К суду // Сибирский вестник. 1905. 16 ноября.

¹²⁸ К делу о погроме // Томские епархиальные ведомости. 1909. 1 сентября.

¹²⁹ Резолюция представителей служащих всех служб и отделов Сибирской ж[елезной] д[ороги] по поводу событий 20–22 октября с[его] г[ода] в г. Томске // Сибирская жизнь. 1905. 20 ноября.

санной, скорее всего, Малиновским) российские погромы изображались как спровоцированный реакционными силами самосуд невежественной толпы над остальной частью общества и пример «грубого посягательства» на права судебной власти¹³⁰. 17 ноября последовало увольнение Никольского¹³¹, и уже 19 ноября «Сибирский вестник» потребовал отдать его под суд¹³².

Тем временем 23 декабря 1905 г. территория вдоль Транссиба была объявлена на военном положении, что предоставляло Сухотину чрезвычайные полномочия¹³³. 7 января 1906 г. в Томск приехал новый губернатор К.С. Нолькен. Как утверждало черносотенное «Русское знамя», при нём местным «интеллигентам так или иначе приходилось стесняться»¹³⁴. Помимо расследования обстоятельств погрома, сразу же началось административное дознание о действиях во время беспорядков должностных лиц городского самоуправления. Губернатор возбудил дело о предании Макушина и нескольких членов управы суду за превышение власти. Однако министр внутренних дел П.Н. Дурново не нашёл в их деятельности состава преступления¹³⁵.

Так или иначе, в конце 1905 — начале 1906 г. расследование окончательно пошло по желательному для правительства сценарию. В условиях военного положения городские газеты про побоище предпочитали молчать¹³⁶. Сухотин закрыл «Сибирский вестник»¹³⁷, лишил должности Витте, который впредь числился среди врагов монархии¹³⁸, Иващенко предписал выехать из Сибири¹³⁹. 11 февраля генерал-губернатор потребовал, чтобы Вологодский покинул Томск¹⁴⁰. Примерно тогда же в материалах следствия перестали упоминаться в качестве подозреваемых административные и армейские чины¹⁴¹. К моменту судебного процесса в органах юстиции не осталось никого из ключевых фигур, начинавших расследование томской бойни. Последним из них 12 января 1909 г. покинул свой пост Соболев¹⁴².

В итоге в обвинительный акт не попали имена ни тех, кто стоял во главе защитников монархии, ни тех, кто революционизировал обстановку в городе в 1905 г. Предварительное следствие завершилось негласным компромиссом, в результате которого судили второстепенных нарушителей закона. При этом обе стороны конфликта оказались одинаково недовольны правосудием и солидарно возмущались тем, что в зале Томского окружного суда в августе 1909 г. разыгралась «комедия»¹⁴³.

¹³⁰ Ещё к вопросу о причинах погромов // Сибирская жизнь. 1905. 20 ноября.

¹³¹ Ларьков Н.С., Чернова И.В. Полицмейстеры, комиссары, начальники... С. 95.

¹³² Серый С.Н. Пора, пора! // Сибирский вестник. 1905. 19 ноября.

¹³³ ПСЗ-III. Т. 25. СПб., 1908. № 27093.

¹³⁴ Дело о томском погроме // Русское знамя. 1909. 6 сентября.

¹³⁵ См.: Яковенко А.В., Гахов В.Д. Томские губернаторы... С. 172.

¹³⁶ Шиловский М.В. Томский погром... С. 79–80, 82.

¹³⁷ Томская хроника // Вестник Сибири. 1906. 1 января.

¹³⁸ В 1915–1916 гг. за Витте (в жандармской номенклатуре имел кличку «Тяжёлый») даже велось наружное наблюдение (ГА РФ, ф. 111, оп. 1, д. 598, л. 1–20; д. 599, л. 1–26).

¹³⁹ РГИА, ф. 1405, оп. 537, д. 235, л. 2.

¹⁴⁰ Томская жизнь // Сибирская жизнь. 1906. 14 февраля.

¹⁴¹ 13 февраля 1906 г. Русанов писал Соболеву, что в расследовании необходимо «правильно определить роль войск и властей» (ГА ТО, ф. Ф-11, оп. 4, д. 7, л. 24).

¹⁴² ГИА ОО, ф. 25, оп. 2, д. 84, л. 5 об.—6 об.

¹⁴³ Философ Чёрный. Суд томского погрома // Сибирская правда. 1909. 13 сентября; Рассохин Г.С. Указ. соч. С. 15.

Характерно, что ни в качестве подсудимого, ни даже в роли свидетеля перед судом не предстал Азанчевский-Азанчеев, в котором многие видели главного вдохновителя погромщиков. Впрочем, судьба его всё равно сложилась печально. С лета 1907 по 31 июля 1909 г. он числился земским начальником 3-го участка Корчевского уезда Тверской губ., что для бывшего губернатора означало карьерное фиаско. А 30 сентября 1908 г. Кашинский окружной суд признал его несостоятельным должником¹⁴⁴.

На процессе 1909 г. в Томском окружном суде адвокаты сторон тщетно пытались обратить внимание на то, что наиболее влиятельные виновники кровопролития отсутствуют на скамье подсудимых. Председательствовавший гр. Подгоричани-Петрович тотчас же прерывал рассуждения об ответственности за беспорядки неких «старых властителей жизни» словами: «Оставьте властителей жизни, господин Вологодский, и ближе к делу»¹⁴⁵.

¹⁴⁴ РГИА, ф. 1291, оп. 31, д. 286, л. 1, 32 об., 34.

¹⁴⁵ Дело о погроме 1905 г. // Сибирская жизнь. 1909. 28 августа.

Ректор Императорского Казанского университета профессор Н.П. Загоскин

Диляра Усманова

Professor N.P. Zagoskin – rector of the Imperial Kazan University

Diliara Usmanova

(Kazan (Volga region) Federal University, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X23020086, EDN: BINGZB

Учёный и педагог, знаток казанской жизни, издатель и редактор местных популярных периодических изданий, историограф университета и профессор, ректор, общественный деятель, гласный городской думы и член Государственного совета Российской империи Николай Павлович Загоскин (1851–1912) был творческой и многогранной личностью. Его ректорство, продолжавшееся всего несколько лет (1906–1909), пришлось на один из самых сложных периодов в истории высших учебных заведений России, который характеризовался необычайной активизацией студенческого движения, стремительным вовлечением учащихся и учащихся в общественно-политическую жизнь страны, конфликтами профессуры с чиновниками Министерства народного просвещения. В этих условиях фигура ректора как представителя и главы университетской корпорации получала особенное значение и играла особую роль, требующую пристального анализа.

Загоскин родился 20 июля 1851 г. в Санкт-Петербурге в семье потомственных дворян Пензенской губ., воспитывался в петербургском пансионе Фрея, в Висбадене и, наконец, в Пензенской гимназии, по окончании которой поступил в 1870 г. на юридический факультет Императорского Казанского университета, связав с ним 40 лет своей жизни¹. Его кандидатское сочинение «Служилые люди Московского государства от Иоанна III до Петра I» удостоилось золотой медали, и уже в июне 1875 г. подающий надежды молодой человек приступил к чтению лекций по истории римского права в статусе приват-доцента. Одновременно он продолжил изучение допетровской России, посвятив ей магистерскую и докторскую диссертации², а также ряд историко-правовых исследова-

© 2023 г. Д.М. Усманова

¹ Сведения о биографии Загоскина сохранились в архивных документах (Государственный архив Республики Татарстан (далее – ГА РТ), ф. 977, оп. Личные дела студентов, д. 988; оп. 619, д. 11; РГИА, ф. 1162, оп. 6, д. 697), в мемуарах его дочери (*Загоскина О.Н.* Воспоминания о Н.П. Загоскине. Казань, 2002) и в некрологах, написанных учениками (*Крыльцов И.И.* Николай Павлович Загоскин. Казань, 1912; *Тельберг Г.Г.* Н.П. Загоскин. Критико-биографические заметки. М., 1914). Довольно подробно эти данные изложены в справочниках: Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 306–308; Российский либерализм середины XVIII – начала XX века. Энциклопедия. М., 2010. С. 316–317; Государственный совет Российской империи. 1906–1917. Энциклопедия. М., 2008. С. 92–93. См. также: Ректоры Казанского университета, 1804–2004 гг. Очерки жизни и деятельности. Казань, 2004. С. 191–203.

² *Загоскин Н.П.* История права Московского государства. Т. 1. Казань, 1877; Т. 2. Вып. 1. Казань, 1879. Изучение данного периода он не прекращал и впоследствии. См., в частности:

ний, развивавших традиции и подходы государственной школы³. Не меньший интерес у него вызывали история Казанского Поволжья и краеведение. Его перу принадлежал один из лучших городских путеводителей⁴. Загоскин оказался среди создателей, а затем состоял секретарём и редактором «Известий общества археологии, истории и этнографии Казанского университета» (1878–1884), стал основателем и редактором газеты «Волжский вестник» (1883–1891), относившейся к числу наиболее ярких и содержательных провинциальных изданий своего времени⁵. В 1896–1898 гг. он издавал газету «Камско-Волжский край», продолжавшую традиции «Волжского вестника», и публиковал в ней многочисленные статьи и очерки. При этом Николай Павлович брал уроки пения и сольфеджио, увлекался разведением домашних животных, держал аквариумы и террариумы, занимался астрономией и литературным творчеством. Диапазон его интересов был исключительно широк: он читал лекцию о 50-летию оперы «Жизнь за царя», ездил в экспедицию наблюдать солнечное затмение, летал на аэростате, познавая новые ощущения⁶.

9 апреля 1880 г. Загоскин был утверждён ординарным профессором по кафедре истории римского права, а в июне 1885 г., воспользовавшись вакансией, занял кафедру истории русского права⁷. Одновременно он продолжал читать курс на вакантной кафедре энциклопедии и истории философии права. Уже в следующем году профессор напечатал свой курс⁸, а через несколько лет подготовил для студентов библиографический указатель⁹. В 1879–1882 и 1910–1911 гг. он также преподавал на Казанских высших женских курсах. Будучи одним из лидеров местной либеральной профессуры, Николай Павлович пользовался авторитетом в обществе и в студенческой среде. Как вспоминал его ученик Г.Г. Тельберг (1881–1954), популярности Загоскина способствовали «чисто товарищеские отношения к молодёжи, полная доступность и совершенная простота в общении, а отчасти, может быть, и то, что даже перешагнув за шестой десяток своей жизни, старый учёный и профессор хранил ещё в себе какую-то непогашенную искру молодости»¹⁰.

Загоскин Н.П. Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. Историко-географическое исследование. Казань, 1909.

³ Подробнее см.: *Астафьев В.В.* Историко-юридическое направление Казанской исторической школы (вторая половина XIX века) // Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. Т. 151. 2009. № 2. С. 100–105; *Апольский Е.А.* Государственно-правовые учения XIX столетия в диссертациях Казанского университета // Там же. Т. 159. 2017. № 2. С. 307–323.

⁴ Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города / Под ред. проф. Н.П. Загоскина. Казань, 1895.

⁵ В неё Загоскин вложил средства, полученные от продажи имения матери в Пензенской губ.

⁶ Камско-Волжская речь. 1912. 20 марта. № 64. См.: Пятидесятилетие оперы «Жизнь за царя». Речь, произнесённая профессором Казанского университета Н.П. Загоскиным 27 ноября 1886 г. в казанском театре перед юбилейным представлением. Казань, 1887; [Загоскин Н.П.] На солнечное затмение. Путевые наброски Н. Миролюбова. Казань, 1887; Загоскин Н.П. На аэростате (из впечатлений воздушного путешествия). Казань, 1889.

⁷ Характерно, что в годы учёбы экзамен по римскому праву Загоскин сдал «хорошо», тогда как по истории русского права показал отличные познания.

⁸ Загоскин Н.П. История русского права. Казань, 1886.

⁹ Загоскин Н.П. Наука истории русского права. Её вспомогательные знания, источники и литература. Казань, 1891. Подробнее см.: *Кожевина М.А.* Николай Павлович Загоскин и «Наука истории русского права...» // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 1(44). С. 53–59.

¹⁰ Тельберг Г.Г. Указ. соч. С. 4.

Наиболее известным и признанным сочинением Загоскина стала так и не завершённая им «История Императорского Казанского университета»¹¹. По богатству собранного материала, широте и тщательности освещения отдельных сюжетов этот труд представлял собой своеобразную энциклопедию Казани первой четверти XIX в.¹² Подготовка этого исследования достаточно полно отражена в протоколах Совета, поскольку Загоскин регулярно информировал коллег о своих планах и проделанной работе. Для занятий ему создали максимально благоприятные условия: предоставили полные комплекты «Учёных записок» и «Известий Казанского университета», свободный доступ к университетскому архиву, специальное помещение для хранения необходимых документов. Ни одна просьба профессора о командировке в столицу или выделении дополнительных средств не встречала отказа, хотя он практически полностью прекратил посещать заседания Совета и появлялся на них лишь тогда, когда это требовалось для решения возложенной на него задачи. Осенью 1900 г. Николай Павлович рассчитывал выпустить в 1901 г. первую часть, посвящённую событиям 1805–1827 гг., а в 1902–1903 гг. — ещё две, охватывающие 1827–1863 и 1863–1903 гг.¹³ Однако в четырёх томах университетской истории он смог довести её изложение лишь до февраля 1827 г., когда попечителем Казанского учебного округа был назначен гр. М.Н. Мусин-Пушкин и тем самым закончилась «эпоха Магницкого». В середине апреля 1903 г. Загоскин надеялся при благоприятном стечении обстоятельств и достойном финансировании завершить своё исследование в течение шести лет¹⁴. В 1904 г. юбилейные торжества отложили из-за русско-японской войны, и в университете готовились отметить столетие его полного открытия в 1914 г. Но продолжение «Истории» Загоскина так и не появилось. Сумма, выделенная на юбилей, оказалась на порядок меньше той, которая запрашивалась юбилейной комиссией, а ухудшавшаяся в начале XX в. общественно-политическая обстановка не способствовала кропотливым кабинетным изысканиям¹⁵.

В самые сложные для университета осенние месяцы 1905 г. Николай Павлович, будучи деканом юридического факультета и одним из старейших профессоров, фактически исполнял обязанности ректора, поскольку занимавший этот пост в 1905–1906 гг. Н.М. Любимов (1852–1906) часто находился в отлучке. В течение всего 1905 г. в университетских стенах вместо занятий зачастую шли студенческие сходки и митинги, на которых обсуждались царские манифесты, планы созыва Государственной думы и даже Учредительного собрания, велась пропаганда социалистических идей. Как сообщал начальник Казанского губернского жандармского управления, «с переустройством академической жизни высших учебных заведений на новых автономных началах неблагоприятные элементы сразу почувствовали свободу действий и не замедлили использовать это обстоятельство в своих целях»¹⁶.

¹¹ *Загоскин Н.П.* История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. Т. 1. Казань, 1902; Т. 2–3. Казань, 1903; Т. 4. Казань, 1904.

¹² Пожалуй, единственный отрицательный отзыв на юбилейное издание принадлежал казанскому профессору В.Ф. Залескому, враждовавшему с автором (ЖМНП. 1905. № 12).

¹³ Подробнее см.: *Усманова Д.М.* Н.П. Загоскин — историограф Казанского университета (К 150-летию со дня рождения) // Археографический ежегодник за 2001 год. М., 2002. С. 181–187.

¹⁴ ГА РТ, ф. 977, оп. Совет, д. 10752, л. 91–98 об.

¹⁵ Там же, д. 12707, л. 160–161; *Морозов О.В.* Несостоявшийся праздник: 100-летний юбилей Императорского Казанского университета // Российская история. 2016. № 2. С. 176–187.

¹⁶ Цит. по: *Корбут М.К.* Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет. Т. 2. Казань, 1930. С. 219.

С начала 1905/06 учебного года сходки шли практически ежедневно и иногда собирали тысячи человек. Так, 6 октября около 3 тыс. учащихся и сочувствующих им горожан добивались возвращения уволенных весной студентов. 16 октября на главном корпусе водрузили красный флаг, у западных и восточных ворот построили баррикады, которые исчезли лишь после применения конной полицией силы. 20–21 октября в результате столкновений погибли и получили ранения около 40 человек¹⁷. На следующий день университет пришлось закрыть на неопределённое время.

Видя превращение аудиторий в революционную арену, казанский губернатор издал ряд постановлений, согласно которым полиции и войскам предоставлялось право пресекать митинги, в том числе и в высшем учебном заведении. Совет, не имея возможности полностью воспретить студенческие сборы, разрешал сходки при условии неучастия в них посторонних лиц. Вместе с тем 17 февраля 1906 г., опасаясь вооружённых столкновений, он принял решение не возобновлять занятия вплоть до осеннего семестра. Таким образом, в 1905/06 учебном году лекции практически не читались¹⁸.

Между тем 20 февраля во время очередной служебной командировки в Петербург скоропостижно скончался Любимов. 7 марта в университете избрали его преемника. В соответствии с Временными правилами 27 августа 1905 г., восстановившими выборность ректора, деканов и секретарей факультетов и вернувшими инспекцию под контроль Совета, на голосование ставились кандидатуры ординарных профессоров, получивших не менее 10 инициативных записок. Но если за Загоскина их было подано 36, то за других претендентов — М.Я. Капустина и П.А. Никольского — только 8 и 5. Поэтому в баллотировочный лист внесли всего одну фамилию, которую поддержало затем подавляющее большинство профессорской корпорации (42 против 11)¹⁹. 28 апреля император утвердил Загоскина в должности.

14–15 августа 1906 г. все участники совещания ректоров, созванного министром народного просвещения М.П. фон Кауфманом, сочли возможным в начале учебного года вновь открыть университеты для учащихся. При этом Николай Павлович утверждал, что в Казани образовалась значительная группа студентов-академистов, желавших учиться, а не заниматься политикой. «Наш нравственный долг, — полагал он, — возобновить занятия. Тогда не будут говорить о забастовке профессоров. Если занятия не пойдут, то не по нашей вине»²⁰.

В сентябре 1906 г. в открывшийся после вынужденного перерыва Казанский университет поступило 1500 прошений. С 18 марта 1906 г. в число студентов разрешалось принимать выпускников духовных семинарий, снимались ограничения для приёма лиц, окончивших гимназии в иных учебных округах, в качестве вольнослушателей допускались женщины²¹.

¹⁷ *Исаков А.П., Исаков Е.П.* Летопись Казанского государственного университета (история в фактах, подтверждённых документами). Т. I. 1804–1945. Казань; Лондон, 2004. С. 216–218.

¹⁸ Очерки истории Казанского университета. Казань, 2002. С. 148. В последующие годы занятия также неоднократно прерывались и восстанавливались с большим трудом.

¹⁹ ГА РТ, ф. 977, оп. Совет, д. 11309, л. 6.

²⁰ Там же, д. 11308, л. 9–18.

²¹ *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М., 1991. С. 253–256. См. также: *Иванов А.Е.* Студенчество России конца XIX — начала XX в.: социально-историческая судьба. М., 1999.

Однако настроение студенчества осенью 1906 г. по-прежнему оставалось революционным, и сходки регулярно проводились в течение всего 1906/07 учебного года²². На одной из них 16 октября постановили организовать Совет старост (или союзный совет) — беспартийную академическую организацию, которая оказывала бы материальную поддержку политическим преступникам из бывших студентов.

20 декабря 1906 г. Кауфман принял делегацию казанских профессоров, в которую помимо ректора входили Е.Ф. Будде и А.А. Пионтковский. Пользуясь случаем, Загоскин изложил министру мнение либеральной профессуры о студенческом движении. Он не только не отрицал политизированности студенчества, но и признавал её естественной и неустранимой при том состоянии, в котором находилось русское общество. Преследуя и отчисляя студентов на этом основании, высшая школа, по мнению Николая Павловича, рисковала остаться без учащихся. Следовало, напротив, установить такой порядок, при котором увлечения молодёжи не мешали бы академической жизни. Опыт осеннего семестра в этом отношении казался ему обнадеживающим. Опасение вызывало только мнительное вмешательство местной администрации, опирающейся на ненадёжные сведения об университетских делах²³.

Во время революции профессорская корпорация, которая отличалась довольно сложными внутренними взаимоотношениями²⁴, также раскололась по партийному признаку. «Левым» сторонникам «Академического союза»²⁵ противостояла группа из 17 «правых профессоров», образованная в феврале 1905 г. (Д.И. Нагуевский, М.И. Догель, Д.А. Корсаков, В.Ф. Залеский и др.). Находясь в меньшинстве, правые активно демонстрировали своё несогласие с действиями университетского руководства и в феврале—марте 1907 г. неоднократно срывали заседания Совета. Загоскину оставалось только выражать «глубокое сожаление по поводу партийной борьбы и партийных счётов, вносимых в пределы университета как раз в ту тяжёлую пору его жизни, когда коллективные мысли и дело всех членов академической семьи, без различия политических фракций и воззрений, должны были бы быть направлены на сохранение не только достоинства, но и самого функционирования дорогого всем нам высшего учебного учреждения»²⁶. 3 сентября 1908 г. ректор обратил внимание членов Совета на то, что в 1907/08 учебном году более половины заседаний не состоялись из-за отсутствия кворума²⁷.

²² Подробнее см.: *Локтева А.Ю.* Влияние политических партий России на студенчество Казани начала XX века. Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2003.

²³ *Корбут М.К.* Указ. соч. Т. 2. С. 241. Кроме того, Загоскин встречался с Кауфманом 21, 25 и 26 декабря, а 29 декабря 1906 г. принял участие в совещании ректоров под председательством товарища министра О.П. Герасимова.

²⁴ Об одном из острых конфликтов конца XIX — начала XX в. см.: Дело отставного профессора Казанского университета А.Н. Хорвата. Оскорбление на бумаге чести ректора К.В. Ворошилова. С предисловием А.Н. Хорвата. М., 1904. Подробнее см.: *Усманова Д.М.* Профессора и выпускники Казанского университета в Думе и Госсовете России. 1906—1917. Казань, 2002. С. 40—43.

²⁵ 19 января 1905 г. 342 учёных, профессоров и приват-доцентов российских университетов опубликовали записку «О нуждах просвещения», требуя полного переустройства высшей школы, политических свобод и созыва народного представительства. Эти принципы и идеи легли в основу программы «Академического союза», первый учредительный съезд которого состоялся в марте. Весной 1905 г. он объединял в своих рядах более 1 550, в августе — 1 650, в ноябре — 1 800 человек (История Казанского университета. Казань, 2004. С. 223—224).

²⁶ ГА РТ, ф. 977, оп. Совет, д. 11447, л. 37—40.

²⁷ *Корбут М.К.* Указ. соч. Т. 2. С. 250.

Особую неприязнь у студенчества и либеральных коллег вызывал профессор В.Ф. Залеский (1861–1922), с декабря 1905 г. — создатель и бессменный председатель Казанского царско-народного русского общества. Этот «консерватор, монархист, русский националист и юдофоб», как он сам себя характеризовал, отличался чрезвычайно конфликтным характером²⁸. На юридическом факультете открыто поддерживать его осмеливался только Догель. Левые студенты бойкотировали его лекции и освистывали тех сокурсников, которые решались их посещать. На сходке 16 октября они приняли решение не вносить деньги через университетского казначея А.Т. Соловьёва (лидера казанского отдела «Союза русского народа») и не слушать Залеского. При этом собравшиеся просили Совет отстранить обоих от исполнения их обязанностей.

В 1906–1907 гг. Залеский опасался посещать университет, оказавшийся во власти разнузданной молодёжи, фактически перестал ходить на службу, игнорировал заседания Совета и другие общеуниверситетские мероприятия и читал лекции у себя дома. Там же, в нарушение всех правил, принимались экзамены, на которых присутствовали лишь Залеский и Догель. 29 мая 1907 г. на заседании совета юридического факультета трое из пяти профессоров высказались за признание их результатов недействительными²⁹. Однако Залеского поддерживал попечитель учебного округа, а в министерстве потребовали вторичного обсуждения проблемы, и в ноябре 1907 г. большинством голосов (против выступил лишь профессор В.В. Ивановский) было решено в виде исключения не оспаривать поставленные на дому оценки. Сторонники компромисса полагали, что «было бы несправедливо поставить студентов, подвергшихся испытаниям у профессора В.Ф. Залеского, в затруднительное положение, вследствие нарушения профессором определений факультета о порядке производства испытаний». В то же время члены совета юридического факультета постановили считать прочитанные Залеским на дому курсы несостоявшимися, а гонорары, внесённые за них, вернуть студентам, доведя до их сведения, что в дальнейшем занятия, проходящие на профессорских квартирах, будут рассматриваться как не имеющие отношения к университетским³⁰.

В сентябре 1908 г. на курс Залеского «Энциклопедия и история философии права» записались не более полутора десятка студентов, однако на его первую лекцию пришли свыше 700 человек, на вторую — около 200. Профессору не давали говорить, его антисемитские высказывания вызывали негодование, выражавшееся криком и свистом. Несмотря на шум, Залеский дочитал до конца и ушёл под оскорбительные выкрики³¹. «Обзорные лекции», включённые Залеским в данный курс, были посвящены таким сюжетам, как «либерализм», «парламентаризм», «франкмасонство», «иудейская золотая кабала», «о материализме и жизни духа», «учение славянофилов», «национальные конституции (английская, германская, русская/самодержавие)» и т.п. Декану юридического факультета Ю.Ф. Дормидонтову с трудом удалось убедить профессора на некоторое время приостановить эти чтения, пообещав защитить его от обструкции,

²⁸ Владислав Францевич Залеский. Опыт характеристики. Харьков, 1914. С. 2. Подробнее о столкновениях Залеского с одним из его «заклятых врагов» — кадетом Г.Ф. Шершеневичем см.: Усманова Д.М. Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России. 1906–1917. Казань, 2006. С. 405–407.

²⁹ ГА РТ, ф. 977, оп. Юридический факультет, д. 1130, л. 48–49.

³⁰ Там же, л. 86–87.

³¹ Там же, ф. 1, оп. 5, д. 1104.

когда возникшее возбуждение пройдёт³². Впоследствии слушатели допускались в аудитории на лекции Залеского исключительно по предварительной записи. Загоскин при обсуждении этого «казуса» на заседании Совета старался не вступать в открытый конфликт, проявляя такт и терпимость, несмотря на сильную личную взаимную неприязнь и периодические публичные выпады со стороны Залеского.

1 января 1908 г. Министерство народного просвещения возглавил А. Н. Шварц, по инициативе П. А. Столыпина выступавший за «деполитизацию» средней и высшей школы, против создания в учебных заведениях молодёжных организаций (не только революционных и либеральных, но и монархических) и допуска в университеты женщин. При этом он отстаивал сохранение процентной нормы для евреев. 16 мая циркуляром министра при приёме в университеты отменялись льготы для семинаристов, а женщинам воспрещалось поступать в число вольнослушателей (этот запрет был отменён уже 29 октября). Это вызвало острое недовольство общественности. Вместе с тем предписывалось установить «определённое количество студентов на всех факультетах, отделениях и курсах в зависимости от вместимости аудиторий и действительной возможности беспрепятственных занятий во всех учебно-вспомогательных учреждениях»³³.

На протяжении 1908 г. Казанский университет, как и другие, сотрясали студенческие волнения³⁴. Пытаясь вынудить правительство отменить введённые ограничения, радикальная молодёжь устраивала митинги и собрания, распространяла прокламации, бойкотировала занятия и экзамены, подвергала обструкции «отступников» из числа учащихся и «правых» профессоров. Наиболее многочисленные сходки состоялись 17 и 18 февраля (на них сошлось до тысячи протестовавших, из которых около 70 подверглись арестам), 29 февраля (её организовали в перерыве между двумя лекциями профессора Н. Н. Фирсова, собрав около 200 студентов), 31 марта (задержано и переписано 368 участников). 21 апреля беспорядки, инициированные сторонниками бойкота, закончились вызовом полиции, задержавшей 162 человека. Агитация постоянно росла, порождая агрессию, и вскоре, по донесениям ректора, служитель, пытавшийся снять со стены очередную прокламацию, «едва не был избит студентами»³⁵.

Впрочем, иногда Загоскину приходилось оправдываться перед начальством за вполне невинные мероприятия. Так, в феврале 1908 г. в университете были объявлены публичные лекции профессора Д. Н. Зейлигера по технической механике. Однако полиция и администрация сочли, что тем самым возникает «опасность вхождения улицы в университет». Ректор тщетно доказывал, что данный курс задуман для поощрения «трудолюбия производительного класса и распространения технических знаний», — его, как и другие публичные лекции, запретили читать в университетских стенах³⁶.

В 1908 г. положение Загоскина стало исключительно сложным. Его призывы к «благоразумной» части студенчества и его обращение к полиции за помощью в наведении порядка (в частности, для разгона сходки 29 сентября)

³² Там же, л. 31, 47–48.

³³ Там же, ф. 977, оп. Совет, д. 11564а, л. 188 об.—192.

³⁴ Практически ежедневные рапорты полиции о ситуации в университете см.: ГА РТ, ф. 1, оп. 5, д. 1102–1105.

³⁵ Там же, л. 1102, л. 31.

³⁶ Там же, л. 50–55.

вызывали ещё большее негодование и протесты учащихся и подорвали популярность и авторитет ректора в левых кругах. Одна из сходов постановила «выразить ректору порицание за неумение отстаивать права университета, требовать от ректора отставку его»³⁷. В «Открытом письме», датированном 30 октября 1908 г., отпечатанном гектографическим способом, говорилось: «Мы объявляем Вам, что нравственно Вы окончательно дискредитировали себя в глазах студенчества, и мы обращаемся к Вам как к обыкновенному представителю полицейской насильственной власти»³⁸. В других прокламациях «ректора-хулигана» осуждали ещё резче: «Вызвав полицейскую свору и солдат, наши выборные представители умывают руки, передавая расправу его опричникам»³⁹. Учащихся призывали протестовать «против такого поведения нашей университетской администрации, которая деморализует студенчество»⁴⁰. Завершить учебный год удалось с большим трудом. К этому времени Николай Павлович испортил отношения с попечителем учебного округа А.Н. Деревницким, сомневающимся в «лояльности» ректора и плохо скрывавшим недовольство его деятельностью. Руководя университетом в обстановке перманентных массовых студенческих сходов и забастовок, Загоскин старался сохранить шаткое равновесие, избежать репрессий и кровопролития, не роняя авторитет казанской профессуры и не доводя дело до нового прекращения учёбы на длительное время. Однако он оказался между двумя непримиримыми сторонами, и его попытки лавировать между администрацией и молодёжью вызывали раздражение и у одних, и у других.

Между тем ещё в конце 1907 г. в Казанском университете была произведена ревизия, которой руководил Г.К. Ульянов, занимавший пост ректора в Варшаве в 1899–1904 гг. 30 июля 1908 г. чиновники, завершив «обозрение делопроизводства», представили в министерство своё обширное заключение. В нём утверждалось, что с ноября 1906 по ноябрь 1907 г. Загоскин «проявил полное нерадение в отправлении должности, имевшее своим последствием видимые беспорядки во внутренней жизни учебного заведения, и оказал бездействие власти, не принимая в надлежащее время всех указанных и дозволенных законом средств, коими он имел возможность предупредить и своевременно прекратить незаконные студенческие сходы с участием лиц, университету посторонних, обсуждение на этих сходах вопросов политических» и т.п. Кроме того, как председателю Совета, ему инкриминировалось то, что он не опротестовывал постановлений, «в которых все случаи явного нарушения студентами порядка в университете оставались без всякого расследования и наказания виновных», а в своих докладах представлял положение дел «в виде неполном и неверном, умаляя значение и размер происходящих в университете студенческих беспорядков», не донося о них «своевременно, с возможною полнотой, ни попечителю, ни министру»⁴¹. Материалы ревизии не позволяли привлечь ректора к суду, но служили формальным основанием для неутверждения его в случае переизбрания на новый срок. По мнению М.К. Корбута, её проведение являлось предвыборным манёвром правой профессуры⁴².

³⁷ Там же, д. 1103, л. 14–16.

³⁸ Там же, д. 1104, л. 194–194 об.; *Корбут М.К.* Указ. соч. Т. 2. С. 261.

³⁹ ГА РТ, ф. 1, оп. 5, д. 1104, л. 151–151 об.

⁴⁰ Там же, л. 167–168.

⁴¹ Там же.

⁴² *Корбут М.К.* Указ. соч. Т. 2. С. 258–259.

Тем не менее Загоскин демонстрировал готовность к компромиссу. 18 августа 1908 г. он принял участие в работе Особого совещания по вопросам, связанным с постановкой дела в высших учебных заведениях Казани, в котором также заседали Деревницкий, вице-губернатор барон Н.А. Гревениц, директор Ветеринарного института Г.П. Кириллов, прокурор Казанской судебной палаты А.В. Степанов и полицмейстер А.И. Васильев. По настоянию попечителя, Совещание решило ограничить допуск в университет вольнослушателей и принимать их только при наличии свидетельства о благонадёжности, лишив каких-либо студенческих льгот и прав (в том числе возможности участвовать в собраниях, сдавать экзамены и т.п.). Студенты впредь должны были допускаться в университетские здания одетыми по форме и строго по входным билетам с фотографией. Их собрания ограничивались двумя в день во внелекционное время и с предварительной записью в книге предполагаемого предмета обсуждения, личных данных организатора и проч. Наблюдение за законностью этих сходов и за всем, происходящим на них, возлагалось на полицию. Все публичные лекции и мероприятия в стенах университета запрещались. Все землячества, советы старост и иные представительства распускались и уже не могли заниматься устройством концертов, спектаклей и прочих увеселений, проводить денежные сборы и т.п.⁴³ Но и такие уступки Загоскину не помогли.

В марте 1909 г. истек трёхлетний срок, на который Николай Павлович был избран ректором. На новых выборах, состоявшихся 4 февраля, за его переизбрание проголосовали 50 членов Совета против девяти. Это красноречиво свидетельствовало о его авторитете среди коллег, включая и умеренно-правую профессию. Однако министр, ссылаясь на данные, обнаруженные ревизией, отказался представить кандидатуру Загоскина на утверждение царя и просил произвести новые выборы. Профессора могли лишь высказать сожаление о том, что они лишены возможности и далее видеть Николая Павловича во главе университета. По предложению Д.А. Корсакова и Н.Ф. Высоцкого ему выразили глубокую благодарность «за высоко просвещённую и истинно гуманную деятельность его в должности ректора». В то же время все признали «выходящим за пределы компетенции Совета» обращение в министерство за разъяснением причин неутверждения избранного ранее кандидата⁴⁴. Характерно, что сменивший его на посту ректора Дормидонтов трижды без проволочек утверждался в должности — в 1909, 1912 и 1915 гг. Попытка же выбрать Загоскина проректором университета в 1910 г. вновь встретила сопротивление в министерстве⁴⁵.

В 1910/11 учебном году Николай Павлович преподавал на Казанских высших женских курсах и даже стал их директором. Но уже осенью 1911 г. его избрали членом Государственного совета от Академии наук и университетов (вместо утратившего ценз А.А. Мануйлова). Заседавший в Государственном совете с 1907 г. бывший казанский профессор А.В. Васильев вспоминал: «Для Казанского университета и для Казани этот день был днём не только радости, но и гордости. В Государственном совете открывалась для Николая Павловича возможность приложить и свои глубокие историко-юридические познания,

⁴³ ГА РТ, ф. 1, оп. 5, д. 1104, л. 1–3 об.

⁴⁴ Там же, ф. 977, оп. Совет, д. 11867, л. 15.

⁴⁵ *Исаков А.П., Исаков Е.П.* Летопись Казанского государственного университета... Т. I. С. 242–243.

и своё прекрасное и детальное знакомство с жизнью провинции в её многообразных проявлениях»⁴⁶.

На последнем заседании юридического факультета с участием Загоскина 20 октября 1911 г. исполнявший обязанности декана Ивановский заявил: «Университет выборами Николая Павловича в члены Государственного совета не может не гордиться, однако это сознание не заглушает в нас чувства сожаления, что в лице хотя бы и временно покидающего Казань Николая Павловича университет лишается талантливого профессора и старейшего товарища, с которым факультет связан многолетними прочными узами». В ответ Николай Павлович признал, что ему трудно навсегда порвать с учреждением, в стенах которого он учился и преподавал более 35 лет. Поэтому ему хотелось сохранить с ним связь, оставшись членом общеуниверситетского и факультетского советов⁴⁷.

Едва оправившись от перенесённой болезни и сложной операции (актиномикоза), 26 октября Загоскин с семьёй переехал в Петербург. В Государственном совете он вошёл в Левую (академическую) группу (в ней состоял и Васильев), был включён в ряд комиссий и энергично готовился к дебатам о реформах в Финляндии и выделении Холмщины в отдельную губернию, неоднократно посещая заседания Думы, посвящённые обсуждению этих проблем⁴⁸. Товарищи возлагали на него большие надежды, ожидая ярких выступлений. Васильев полагал, что «он говорил бы в Государственном совете, вероятно, и в защиту приказчиков от обременения их продолжительным рабочим временем, и по вопросу о мерах по ограничению пьянства, и по вопросу о преобразовании городских училищ, и по многим другим вопросам городской жизни, с которыми он познакомился в последнее время как гласный городской думы ещё ближе»⁴⁹.

В конце декабря, на рождественские каникулы, Николай Павлович в последний раз побывал в Казани. Ученики и друзья нашли его тогда замечательно выглядевшим и вполне оправившимся от болезни. В лаконичных, но образных и остроумных выражениях он создавал удивительно похожие портреты видных думцев и сановников, делился впечатлением от «чарующего воздействия» А.Ф. Кони и Н.С. Таганцева. О Казани Загоскин говорил теперь с некоторым разочарованием, его очаровал Петербург, представший перед ним истинно «европейским» городом, в котором чувствовался особый ритм жизни. По словам И.И. Крыльцова, провожавшего своего учителя 29 декабря, тот «положительно рвался» в столицу, говоря, что «в Петербурге жизнь»⁵⁰. Уезжая «в Европу», Загоскин обещал вернуться в Казань на пасхальные каникулы. Однако 6 февраля 1912 г. в 6 часов утра на 61-м году жизни он скончался от воспаления лёгких. Похоронили его на Малоохтинском кладбище Петербурга.

Казанская и столичная пресса откликнулась на смерть Загоскина серией мемуарных статей его друзей, коллег и учеников⁵¹. Открывая ближайшее февральское заседание факультетского совета, Ивановский констатировал: «В лице

⁴⁶ Камско-Волжская речь. 1912. 12 февраля. № 33.

⁴⁷ ГА РТ, ф. 977, оп. Юридический факультет, д. 1240, л. 80 об.—81.

⁴⁸ Крыльцов И. Памяти учителя // Камско-Волжская речь. 1912. 11 февраля. № 32.

⁴⁹ Камско-Волжская речь. 1912. 12 февраля. № 33.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Н.П. Загоскин (некролог) // Камско-Волжская речь. 1912. 8 февраля. № 29; Хвостов М.М. Николай Павлович Загоскин и Казанский университет // Там же; Корсаков Д.А. Памяти Н.П. Загоскина // Там же. 11 февраля. № 32; Крыльцов И. Памяти учителя // Там же; Профессор

Николая Павловича юридический факультет потерял не только солидного и талантливую учёного, но и такого члена факультета, который всегда в особенности ревниво старался сохранять достоинство факультета... он был глубоко проникнут чувством коллегиальности и корректности... В лице Николая Павловича мы потеряли глубоко симпатичного товарища, сердечного и одинаково благожелательного ко всем своим коллегам. Будучи в высшей степени отзывчивым в отношении всех, кто имел случай к нему обращаться, Николай Павлович в то же время обладал сильной волей и нравственной стойкостью, благодаря которой переживаемые им душевные драмы он никогда не делал предметом внимания посторонних и всегда неизменно казался жизнерадостным. В лице почившего товарища мы лишились человека нравственного и гуманного. Помянем же его добрым словом и пожелаем, чтобы добрая память о нём навсегда осталась в нашем университете и в особенности в нашем факультете»⁵². В марте на заседании Юридического общества, посвящённом памяти Н.П. Загоскина, с речами и воспоминаниям о нём выступили М.М. Хвостов и И.И. Крыльцов⁵³. Г.Г. Тельберг, ставший к тому времени профессором Томского университета, предложил собрать и издать все труды Николая Павловича, рассыпанные по различным провинциальным изданиям. Но данный замысел, несмотря на общее сочувствие, так и не удалось реализовать. Возможно, эта задача будет решена исследователями творчества Н.П. Загоскина, которых ждёт ещё много интересных находок и открытий.

А.В. Васильев о Н.П. Загоскине // Там же. 12 февраля. № 33; *Болдов М.* Памяти Н.П. Загоскина // Там же. 7 апреля. № 77.

⁵² ГА РТ, ф. 977, оп. Юридический факультет, д. 1273, л. 15–15 об.

⁵³ Камско-Волжская речь. 1912. 20 марта. № 64.

Борьба с незаконными рубками леса на Европейском Севере России в конце XVIII – первой половине XIX в. (на материалах Вологодской губернии)

Олеся Плех

The fight against illegal logging in the European North of Russia
in the end of the 18th – first half of the 19th century
(on the materials of the Vologda province)

Olesya Plekh

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X23020098, EDN: BIREDA

Европейский Север России всегда славился запасами ценнейшей древесины. Государству он представлялся как «запасной магазин», который «с избытком и постоянно может снабжать различные части империи лесом», чему способствовали «многие реки, прорезающие этот край в разных направлениях»¹. Для населения региона, суровые климатические условия которого ограничивали развитие хлебопашества, лес являлся важнейшим ресурсом жизнедеятельности, а связанные с ним промыслы составляли неотъемлемую часть хозяйственной культуры². Между тем осознание необходимости бережного отношения к этому природному ресурсу появилось далеко не сразу.

Впервые состояние лесного хозяйства обратило на себя внимание Петра I, которого, впрочем, заботила прежде всего сохранность корабельных пород деревьев. Однако инициированные им и его преемниками меры оказались недостаточны для обеспечения рационального лесопользования³. В царствование Екатерины II предпринимались попытки внести в лесоустройство новшества, основанные на научных знаниях. Но заведывание лесами на местах оказалось в ведении казённых палат, а частным владельцам предоставлялось полное право собственности на лесные угодья и разрешалась свободная торговля лесом внутри и вне государства. В результате частные леса, освободившиеся от государственной опеки, начали стремительно опустошаться. Положение дел

© 2023 г. О.А. Плех

¹ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. II. Ч. 3. Вологодская губерния / Сост. П.К. Услар. СПб., 1850. С. 316.

² Кроме заготовки леса и постройки разного рода барок и речных судов развивались дегтярное, пековаренное, смолокурное, сажекопильное, скипидарное, лесопильное производства. Полученная продукция не только реализовывалась внутри страны, но и отправлялась за границу.

³ Подробнее см.: *Врангель В.В.* История лесного законодательства Российской империи с присоединением очерка истории корабельных лесов России. СПб., 1841. С. 10–37; *Шелгунов Н.В.* История русского лесного законодательства. СПб., 1857. С. 51–164; *Истомина Э.Г.* Лесоохранительная политика России в XVIII – начале XX в. // Отечественная история. 1995. № 4. С. 34–51; *Гребенищикова Г.А.* Проблема сохранности корабельного леса в XVIII веке // Вопросы истории. 2007. № 12. С. 136–141; *Лупанова Е.М.* История закрепощения природного ресурса. Лесное хозяйство в России 1696–1802 гг. СПб., 2017. С. 125–220.

осложнялось ещё и тем, что оставались неопределёнными границы казённых и частных владений⁴. Всё это создавало благоприятные условия для противоправной деятельности⁵, наносившей значительный урон лесному фонду. В последующие десятилетия борьба с этим явлением стала одной из важнейших задач правительства.

В центре внимания настоящей статьи — незаконные рубки леса в Вологодской губ. в конце XVIII — первой половине XIX в., а также реакция на них верховной власти и местных учреждений. В современной историографии уделяется всё больше внимания подобным сюжетам, однако публикации, основанные на делопроизводственных материалах, по-прежнему единичны⁶. Между тем исследование правонарушений, совершавшихся на Европейском Севере, позволит заполнить многие лакуны в изучении правоприменительной практики в области охраны леса.

«Неистощимые запасы» древесины составляли главное богатство края⁷. Капитан Генерального штаба П.К. Услар, участвовавший в 1840-х гг. в военно-статистическом описании Российской империи, отметил, что «если бы можно было окинуть взором Вологодскую губернию, то вся необъятная поверхность её представилась бы нам в виде одного непрерывного леса»⁸. Он занимал, по разным оценкам, от 36 до 40 млн га⁹, или более 95% её общей площади.

⁴ В ходе генерального межевания удалось снять только «окружные» межи.

⁵ В научной литературе утвердилась традиция негативной оценки лесоохранной политики времён Екатерины II (см., например: *Шелгунов Н.В.* Указ. соч. С. 213–314; *Чубинский В.Г.* Историческое обозрение устройства управления Морским ведомством в России. СПб., 1869. С. 99; *Цветков М.А.* Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 год. М., 1957. С. 32–33; *Тяпкин М.О.* Государственная лесоохранная политика в Западной Сибири в XVIII — начале XX в. Барнаул, 2019. С. 92–94). Однако ряд исследователей считают такой подход не вполне обоснованным, полагая, что указы императрицы были нацелены прежде всего на сохранение лесного фонда, а рубки обуславливались развитием торговли и промышленности, несоблюдением законных требований подданными, отсутствием ресурсов для обеспечения охранных мероприятий, а также халатностью и взяточничеством чиновников, которым вверялся надзор за лесными угодьями (см., например: *Гребенщикова Г.А.* Проблема сохранности корабельного леса... С. 136–141; *Лупанова Е.М.* История закрепощения природного ресурса... С. 232–236; *Истомина Э.Г.* Леса России: экологическая и социальноэкономическая история (XVIII — начало XX в.). М., 2019. С. 64–65).

⁶ Проблема незаконных рубок конца XVIII — первой половины XIX в. затрагивается главным образом в ходе изучения государственной лесоохранной политики и истории лесного хозяйства (см.: *Молчанов Б.А.* Законодательство об охране природы Европейского Севера России XVIII — начала XX вв. Дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2002; *Каримов А.Э.* Докуда топор и соха ходили: очерки истории земельного и лесного кадастра в России XVI — начала XX века. М., 2007; *Насонова А.В.* Правовое регулирование охраны природы в Российской империи (XVIII — начало XX вв.). Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012; *Чураков Д.Б.* Уголовно-правовая охрана леса в дореволюционном законодательстве // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 2. С. 103–109; *Лупанова Е.М.* История закрепощения природного ресурса...; *Истомина Э.Г.* Леса России...; *Тяпкин М.О.* Государственная лесоохранная политика...). Незаконные рубки лесных насаждений как таковые редко выступают в качестве предмета исследования (см., например: *Тяпкин М.О., Демчик Е.В.* Характеристика самовольной порубки леса в исторической ретроспективе // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 2. С. 145–152), а архивные материалы, позволяющие оценить масштабы преступной деятельности, остаются практически неизученными.

⁷ По официальным данным, в Вологодской губ. находилось около 17–18% лесных ресурсов Европейской части России (подробнее см.: *Цветков М.А.* Указ. соч. С. 90, 92).

⁸ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. II. Ч. 3. С. 315.

⁹ Там же; Взгляд на Вологодскую губернию // Иллюстрация. 1847. № 27. Т. 5. С. 39.

«Господствующими» породами являлись сосна, ель, лиственница, кедр¹⁰. На протяжении первой половины XIX в. все эти природные богатства оставались практически необследованными и неизмеренными.

В научной литературе принято считать¹¹, что к началу XIX в. Вологодская губ. относилась к территориям, где леса «приведены в известность»¹². Это представление основывается на результатах работы, проделанной по запросу генерал-прокурора А.Б. Куракина: 20 января 1798 г. вологодский губернатор Н.Д. Шетнев получил предписание предоставить «обстоятельнейшее сведение о количестве лесов, состоящих в губернии... дабы для сбережения всех лесов в России лучшие предприняты были меры». Требовалось подготовить «ведомость» об адмиралтейских казённых и корабельных, строевых, дровяных лесах, «к селениям казённым примежёванным», и состоявших в помещичьих владениях («при пустошах и других порозжих и отрезных по разным случаям от дач землях»)¹³. Иными словами, запрашивалась информация о лесах, прилежавших к сёлам и землям, включённым в хозяйственный оборот. Формулярные списки землемеров, исполнявших это поручение, позволяют увидеть, что работа проводилась исключительно в губернской чертёжной, где хранились не отличавшиеся большой точностью описания лесных участков. Под руководством губернского землемера А.А. Точнева все эти сведения попросту свели в две таблицы — о казённых и о частновладельческих лесах¹⁴. Попытки выехать на место и выделить границы участков «в натуре» для уточнения данных даже не предпринимались. Тем не менее поручение Куракина исполнили «самым поспешнейшим образом». К 10 марта ведомости «сочинили»¹⁵, и хотя касались они лишь небольшой части лесного фонда губернии¹⁶, центральное правительство посчитало леса «приведёнными в известность» и не требовавшими дополнительного обследования¹⁷.

В последующие десятилетия необходимость картирования и описания лесных массивов губернии становилась всё более очевидной. Но решение этой задачи по-прежнему осложнялось многими факторами: бездорожьем, нехваткой квалифицированных кадров, ограниченностью финансовых ресурсов, техническим несовершенством и эпизодичностью проводимых работ и проч. Современники отмечали, что даже к середине XIX в. «измерений, сообразных с требованиями науки, в Вологодской губернии произведено было весьма немного», «огромные [лесные] дачи... оставались необойдёнными, да и межевых ям, по топкости грунта, утвердить не было возможности»¹⁸. Отсутствие точных данных

¹⁰ Взгляд на Вологодскую губернию... С. 39.

¹¹ См., например: *Истомина Э.Г.* Леса России... С. 66; *Лупанова Е.М.* История закрепощения природного ресурса... С. 310.

¹² Этот тезис впервые озвучили дореволюционные исследователи (См.: *Арнольд Ф.К.* История лесоводства в России, Франции и Германии. СПб., 1895. С. 215; Столетие учреждения Лесного департамента. 1798–1898. СПб., 1898. С. 25).

¹³ Государственный архив Вологодской области (далее — ГА ВО), ф. 18, оп. 1, д. 18, л. 1–3.

¹⁴ РГИА, ф. 1349, оп. 4, 1803 г., д. 63, л. 119 об.—120, 122 об.—123, 127 об.—128, 132 об.—133.

¹⁵ ГА ВО, ф. 18, оп. 1, д. 18, л. 8.

¹⁶ Даже к середине XIX в. земли, занятые населёнными пунктами и пашнями, составляли только 2% от общей площади губернии.

¹⁷ После обнародования указов от 12 марта и 26 мая 1798 г. на места направили землемеров в «потребном числе» для описания казённых лесов, составления планов и генеральных карт. Губерний, в которых леса считались «приведёнными в известность», эти мероприятия не касались. Подробнее см.: Столетие учреждения Лесного департамента... С. 25.

¹⁸ Взгляд на Вологодскую губернию... С. 39; Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. II. Ч. 3. С. 9.

о количестве и качестве лесов, вкупе с неразвитой системой лесоустройства и охраны природных ресурсов, а также слабым надзором центральных учреждений открывали широкие возможности для незаконной деятельности.

Способствовало этому и состояние лесного законодательства. Непродолжительный период царствования Павла I отмечен активным законотворчеством в области лесного управления. Именно в это время в центре внимания оказалась проблема истребления казённых лесов в результате незаконных рубок. Наблюдая в ходе инспекционных поездок за их масштабами, император ограничил отпуск казённого леса для частных «надобностей» и запретил его вывоз за границу¹⁹. Вологодской губ. ограничения на экспорт касались в первую очередь: наличие здесь удобного водного пути для доставки леса к Архангельскому порту обусловило широкий размах деятельности лесопромышленников²⁰. Незаконная добыча леса «для отпуска за море» «не встречала почти никакого препятствия». И хотя производилась она в основном «только по берегам рек, наиболее удобных к сплаву», и почти не затрагивала «заветной глуши»²¹, вырубки не бросались в глаза из-за слабой заселённости восточных уездов.

Не последнюю роль играли и местные чиновники, потворствовавшие лесопромышленникам. Так, в мае 1797 г. удельный крестьянин Вельского уезда И. Щучев подал на имя императора донос, в котором отметил, что с 1786 г. крестьянами производятся «непозволительные» рубки «мачтовых и других казённых лесов»²². В качестве заказчиков указывались купцы, дворяне и даже земский исправник. Следствие подтвердило факт преступления, однако показания «рубщиков-крестьян» относительно количества похищенного леса и причин, «побудивших к вырубке», оказались «разнообразными». Кроме того, следователи допрашивали крестьян без приведения к присяге, а такие показания теряли доказательственную силу в суде. Дело затянулось, а 22 апреля 1801 г., сразу после издания манифеста, объявившего амнистию «по делам, не заключающим в себе важных преступлений»²³, Вологодская палата уголовного суда освободила подсудимых от «суда и следствия». Дело отправили на утверждение в Сенат, который не согласился с таким решением и 19 декабря предписал палате пересмотреть его. Поскольку «прощению» подлежали только «казённые взыскания до 1000 рублей», то следовало «привести в известность» количество и стоимость вырубленного леса и, если ущерб превысит обозначенную сумму, обязать рубщиков и заказчиков его возместить. В случае, если имущества последних окажется недостаточно, взыскание налагалось на земских чиновников и сельских начальников.

Дальнейшее движение этого дела являет собой яркий пример судебной волокиты. В 1804 г. Вологодская уголовная палата запросила у Сената разъяснения, какими указами нужно руководствоваться при определении размера штрафа «за порубку», а новый приговор вынесла только 20 декабря 1813 г. (и то

¹⁹ См.: ПСЗ-I. Т. 25. № 18616, 18641, 18659, 18679, 19227.

²⁰ Среди архивных материалов удалось обнаружить сведения о рубках леса в казённых и помещичьих дачах Вологодской губ. за 1791–1792 гг. В общей сумме на законных основаниях вырубали более 217 тыс. деревьев, что рассматривалось государством как весьма внушительное число (ГА ВО, ф. 13, оп. 1, д. 344, л. 22–26).

²¹ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. II. Ч. 3. С. 316.

²² ГА ВО, ф. 177, оп. 1, д. 55, л. 953.

²³ ПСЗ-I. Т. 26. № 19814. С. 604.

лишь потому, что больше не было возможности тянуть с решением). Признав значительные «упущения при следствии» и то, что точное количество вырубленного леса выявить невозможно, казённый убыток определили в 179 890 руб. С рубщиков-крестьян взять было нечего, поэтому взыскание наложили в первую очередь на заказчиков, в том числе 45 020 руб. с И.Г. Лукина (с 1790 г. занимал должность земского исправника) и 50 000 руб. с дворянина М.М. Зубова. Остальные деньги полагалось истребовать с прикосновенных к делу лиц — служивших в 1786—1797 гг. чиновников и сельских начальников (среди них значился брат Зубова — бывший директор экономии Вологодской казённой палаты Н.М. Зубов)²⁴. Дело снова отправилось на утверждение в Сенат, где пять лет пролежало без движения, а 15 марта 1819 г. вернулось на пересмотр со ссылкой на манифест от 30 августа 1814 г., согласно которому «всякого рода взыскания» по уголовным и казённым делам, длившиеся более 10 лет, подлежали прощению²⁵. В итоге приговором уголовной палаты от 29 декабря 1822 г. подсудимых освободили²⁶.

Представленный эпизод из судебной практики не только показателен, но и типичен: схожим образом затягивались и другие дела, связанные с масштабными рубками леса, по которым в качестве подсудимых проходили должностные лица. По всей видимости, «сотрудничество» лесопромышленников с чиновничеством предоставляло возможность не только вести многолетнюю незаконную деятельность, но и уходить от ответственности в случае её обнаружения.

В период правления Павла I государство задумалось также о предотвращении истощения природных ресурсов²⁷ и о поддержке нуждавшегося в лесных угодьях населения, в особенности жителей северных регионов²⁸. Однако слишком активное законотворчество имело и негативную сторону: указы, устанавливавшие новые правила управления лесами, не синхронизировались с действовавшим порядком на местах. Они предусматривали весьма ограниченную численность лесных чинов, полномочия которых не получили чёткой регламентации, более того, во многом пересекались с должностными обязанностями других чиновников, которым также вверялся надзор в сфере лесопользования.

Известно, что по инициативе императора в составе Адмиралтейств-коллегии появился Лесной департамент²⁹ и каждая губерния получила штат по лесному управлению. Так, в Вологодской губ. появились обер-форстмейстер, которому передавались «в точное ведение» все казённые леса на её территории, 4 форстмейстера и 8 форстмейстерских учеников, а также лесные надзиратели. Правительство рассчитывало, что корпус обер-форстмейстеров и форстмейстеров будет формироваться из лиц, сведущих в лесном деле. Однако в конце XVIII в. таких людей в России практически не было, не существовало и профильного учебного заведения, которое могло бы обеспечить подготовку кадров³⁰. Как следствие вакансии начали заполнять отставными военными чинами, которые

²⁴ ГА ВО, ф. 177, оп. 1, д. 55, л. 953—957 об.

²⁵ ПСЗ-I. Т. 32. № 25671. С. 909.

²⁶ ГА ВО, ф. 177, оп. 1, д. 92, л. 1135—1229.

²⁷ ПСЗ-I. Т. 25. № 18334, 18348, 18527, 18638, 18641, 18666, 18816, 18992, 18995, 19085, 19237; Т. 26. № 19509, 19618.

²⁸ Там же. Т. 25. № 18875, 18887, 19004, 19086, 19236; Т. 26. № 19262а.

²⁹ Там же. Т. 25. № 18534. С. 255.

³⁰ Столетие учреждения Лесного департамента... С. 25—27.

не только ничего не понимали в лесоводстве, но и не были знакомы с гражданской службой. Не лучше обстояло дело и с лесными надзирателями, призванными охранять казённый лес. Их число определялось обер-форстмейстером «соразмерно с настоящею надобностию и с дозволения гражданского губернатора». Выбирались надзиратели крестьянскими обществами из поселян «ближайших к лесам казённых селений... через всякий год по очереди», т.е. охрана леса вошла в число натуральных повинностей³¹. При всём этом местный надзор и ответственность за соблюдение указов «о сбережении лесов» возлагались на губернское правление и земские суды, а за «порядочным отправлением должности» обер-форстмейстера наблюдал гражданский губернатор³². Таким образом создавалась двойственность лесного управления, с трудом встраивавшаяся в административную практику на местах.

Одной из первых проблем стала степень подчинённости обер-форстмейстеров³³. Они состояли при губернаторах и должны были сообщать им обо всех своих распоряжениях и выявленных нарушениях порядка лесоохраны, но при этом губернскому начальству не подчинялись и напрямую взаимодействовали с Лесным департаментом. Естественно, эта ситуация вызвала недовольство губернаторов. Прояснить её должен был указ от 18 марта 1799 г., запретивший губернаторам требовать «от обер-форстмейстеров того, чтоб они о распоряжениях, которые они по должности своей почитают нужными к произведению, не прежде доносили Лесному департаменту, как по получении от них разрешений». Подчёркивалось, что губернаторы обязаны оказывать лесным чиновникам «всякое начальническое пособие», а обер-форстмейстеры — «немедленно» доносить обо всём Лесному департаменту, «не дожидаясь» чьего-либо одобрения³⁴.

Не менее сложно выстраивалось взаимодействие и на низовом уровне. Земскую полицию, наделённую широкими полномочиями, обязали проявлять «неусыпное старание за целостью и охранением лесов»³⁵. Но, находясь в подчинении губернской администрации, она не считала нужным оказывать содействие чиновникам, выполнявшим предписания Лесного департамента. В свою очередь действовавшие в уездах форстмейстеры имели весьма ограниченную компетенцию: наблюдали за сохранностью казённых лесов, но при обнаружении самовольных рубок не имели права самостоятельно принимать меры³⁶. Предполагалось, что в их «ведении»³⁷ должны состоять лесные надзиратели и пожарные старосты³⁸, но те, являясь казёнными крестьянами, признавали только власть земских исправников и подчиняться форстмейстерам отказывались. Отсутствие должной конкретизации прав и обязанностей должностных лиц, на которых возлагались задачи по охране леса и на губернском, и на уездном уровнях, уже в скором времени обернулось чередой конфликтов. Кре-

³¹ ПСЗ-I. Т. 25. № 18429. С. 143.

³² Там же. № 18666, 18688, 18737, 18817, 18931, 18992.

³³ Там же. № 18429.

³⁴ Там же. № 18895. С. 590.

³⁵ Там же. № 18666. С. 384.

³⁶ Обо всех происшествиях и правонарушениях форстмейстеры обязаны были сообщать земской полиции, а в случае отсутствия её реакции — доводить до сведения губернского начальства.

³⁷ ПСЗ-I. Т. 25. № 18429. С. 143.

³⁸ Должность учреждена в казённых поселениях указом от 9 августа 1800 г. Пожарный староста избирался «чрез каждые три года из поселян трезвых и доброго поведения» (ПСЗ-I. Т. 26. № 19509. С. 256).

стьяне, действуя «по внушению земской полиции», не только не выполняли распоряжения форстмейстеров, «но ещё и устраивали их побоями, дабы не осмеливались ездить по лесу»³⁹.

Не последнюю роль сыграло и то, что Александр I распорядился передать в «ведение и распоряжение» волостных правлений леса, «в надел казённым поселянам доставшиеся». Манифест от 2 апреля 1801 г. провозгласил, что крестьяне получили право использовать их «как для собственного употребления, так и на продажу»⁴⁰. Таким образом, лесные дачи казённых крестьян (за исключением корабельных) изымались из управления Адмиралтейств-коллегии. И хотя указывалось, что перед вступлением этого положения в силу требуется привести угодья «в известность», разделив дачи на лесосеки, неконтролируемые рубки начались практически сразу⁴¹. Как отмечалось в указе от 30 декабря 1801 г., «поселяне, получа в своё ведение леса... не токмо к селениям принадлежащие, но и собственно казённые и корабельные заповедные в казённых даже рощах клеймённые чрезмерно истребляют сечами и огнями на знатные пространства, не вникая запрещениям форстмейстеров», а лесные надзиратели и пожарные старосты вовсе «вышли из повиновения»⁴².

В сложившейся ситуации лесные чины могли действовать по-разному. Не имея властных рычагов, они должны были приспособливаться. Судебная практика свидетельствует, что при этом не все избирали законный путь. В Вологодской губ. в первое десятилетие XIX в. под судом оказались двое форстмейстеров. Один, М. Тимоев, «сам собою» выдавал крестьянам билеты на рубку из казённых и примежёванных к их селениям дач «без платежа в казённый доход денег», оправдываясь тем, что деревья вырубаются не на продажу, а для собственных нужд поселян (постройка домов, заготовка дров и т.п.)⁴³. Возможно, деятельность Тимоева не привлекла бы внимание обер-форстмейстера, если бы не рапорт его коллеги И. Волсогорова⁴⁴, обнаружившего, что только за январь–февраль 1800 г. Тимоев выдал 14 билетов на рубку 5890 деревьев⁴⁵. Несмотря на довольно значительный ущерб, чиновника уволили, не подвергнув строгому наказанию, поскольку суд пришёл к заключению, что «сие им соделано не из намерения какого-либо злоупотребительного, а единственно из невыразумления своей должности» и неспособности к её исправлению⁴⁶. В 1804 г. дважды судили уже Волсогорова — за попытки заставить «нерадивых» лесных надзирателей исполнять свои обязанности. В первом случае крестьянин пожаловался, что форстмейстер схватил его за волосы и бил палкой по голове и плечам «бесчеловечно»⁴⁷, во втором — чиновник обругал и избил лесного надзирате-

³⁹ Там же. № 20095. С. 873.

⁴⁰ Там же. № 19812.

⁴¹ Там же. № 20095; Т. 27. № 20417.

⁴² Там же. Т. 26. № 20095. С. 873.

⁴³ См., например: ГА ВО, ф. 177, оп. 1, д. 36, л. 275–294 об.; д. 48, л. 174–176 об.

⁴⁴ После отставки с военной службы в 1799 г. Тимоева назначили яренским форстмейстером, а через год перевели на аналогичную должность в Великоустюжский и Никольский уезды. Заступивший на его место Волсогоров обнаружил незаконно выданные билеты, о чём и сообщил начальству (Там же, д. 36, л. 275–275 об., 282 об.).

⁴⁵ Причём в трёх билетах отсутствовало указание на количество вырубаемого леса (Там же, д. 36, л. 275 об.).

⁴⁶ Там же, л. 293 об.

⁴⁷ Там же, д. 16, л. 633–635.

ля в ответ на грубости⁴⁸. Оба дела закончились вынесением «подтверждения» впредь не допускать самоуправства.

Все эти проблемы не оставались незамеченными верховной властью. Пресечь истребление лесов казёнными крестьянами пытались предписаниями о скорейшем отводе участков волостным правлениям⁴⁹. В 1803 г., когда стало очевидно, что работа затягивается, приняли решение направить «особенных чиновников» с «потребным числом землемеров» и учредить в ряде губерний особые лесные комиссии⁵⁰, в задачи которых входило размежевание казённых и крестьянских лесов и «удовлетворение недостаточных поселян» землями и прочими угодьями⁵¹. В 1804 г. губерниям, в которых «по причине худой почвы» жители издревле имели «пропитание от лесного промысла и от смолокурения», предоставили возможность свободно «пользоваться лесами не только на домашний обиход, но и на промыслы»⁵². В связи с этим учреждённым лесным комиссиям предписывалось, «не упуская времени», приступить к выделению участков для этих нужд. В Вологодской губ., обладавшей огромными лесными массивами и значительным количеством казённых крестьян, комиссия действовала «с великой медленностью»⁵³. Сказывалась нехватка квалифицированных и способных к службе кадров. В частности, члены комиссии жаловались на работу прикомандированных к ней землемеров, часто «обращавшихся в пьянство»⁵⁴.

Верховная власть попыталась разграничить сферы управления и выстроить взаимодействие учреждений и служащих на высшем и местном уровнях. В 1802 г. Лесной департамент подчинили министру финансов и Сенату⁵⁵, а обер-форстмейстеров с 1803 г. — губернаторам⁵⁶. В 1811 г. департамент упразднили, управление всеми казёнными имуществами перешло к учреждённому в составе Министерства финансов Департаменту государственных имуществ⁵⁷. Таким образом, контроль за использованием и сохранностью казённых лесов сосредоточился в руках министра финансов. Что же касается местного управления, то обер-форстмейстеры оказались в двойном подчинении — новый порядок не отменил действие указа, ставившего их в зависимость от губернаторов.

В целом Александр I продолжил курс, намеченный его отцом, несмотря на то что одним из первых указов смягчил запретительные постановления (в частности, снял ограничения на вывоз из России леса)⁵⁸. Ещё в работах дореволюционных историков отмечалось, что предпринятые в годы его правления меры имели положительный эффект: «самовольные порубки уменьшились»⁵⁹. Сложно сказать, так ли это, поскольку неясно, на чём основывалось суждение. По документам видно, что в период войны, когда ослаб контроль за местным ап-

⁴⁸ Там же, л. 659—661 об.

⁴⁹ Там же, ф. 18, оп. 1, д. 118, л. 1—2 об.

⁵⁰ В 1803 г. комиссии появились в качестве «опыта» в трёх губерниях — Санкт-Петербургской, Казанской и Олонекской, с 1804 г. — ещё в девяти губерниях, в том числе Вологодской.

⁵¹ ПСЗ-I. Т. 27. № 20898. С. 837—838.

⁵² Там же. Т. 28. № 21133а. Приложения. С. 2.

⁵³ ГА ВО, ф. 18, оп. 1, д. 118, л. 6—34.

⁵⁴ Там же, ф. 177, оп. 1, д. 36, л. 996—997 об.; д. 40, л. 1157—1160 об.

⁵⁵ ПСЗ-I. Т. 27. № 20538. С. 382.

⁵⁶ Там же. № 20849. С. 742.

⁵⁷ Там же. Т. 31. № 24688, 24937.

⁵⁸ Там же. Т. 26. № 19783.

⁵⁹ Столетие учреждения Лесного департамента... С. 238; Шелгунов Н.В. Указ. соч. С. 249.

паратом управления, ситуация изменилась не в лучшую сторону. По окончании заграничных походов проблема охраны казённого леса вновь заявила о себе. Её решение виделось в установлении «ясных границ» между государственными и частными владениями.

В сентябре 1816 г. циркуляром Департамента государственных имуществ всем обер-форстмейстерам предписывалось обеспечить охрану лесов, оспариваемых казённым ведомством и частными лицами, «ибо, без сомнения, всякой хозяин предпочитает для экономических своих потребностей рубить сперва тот лес в своём имении, на который считает право своё сомнительным, не имея притом запрещения оным пользоваться». Требовалось «обо всех спорных у казны с частными людьми лесах... составить ведомость, дабы никакой спорный лес не мог оставаться безгласным», с указанием на то, «какое каждый лес занимает пространство», «с кем именно находится в споре», «в каком судебном месте под рассмотрением дело находится», «у кого из спорящихся тот лес поныне во владении». Рубки и отпуск леса из спорных участков запрещались до принятия судебного решения (в первой инстанции на решение дела полагался шестимесячный срок). «Присмотр» за спорными лесами поручался земской полиции «совокупно с местным лесным управлением»⁶⁰.

В годы войны незаконная добыча леса «для отпуска за море» не прекращалась. Об этом свидетельствует переписка с местными учреждениями по поводу доноса крестьянина Великоустюжского уезда И. Попова, полученного в 1817 г. В нём сообщалось, что «казённые крестьяне, по найму от устюжских купцов... производят ежегодно в казённых дачах самовольную порубку соснового леса, годного на корабельное строение, без всякой в казну платы, и оный лес, распиливая на тёс и вытёсывая в брусья, отправляют в Архангельск, а оттуда за море». Крестьянин указал и размеры ущерба: «Отпущено ими в 1811 г. до 20000 [деревьев], в 1812-м до 15000, в 1813-м до 11000, в 1814-м до 12000, в 1815-м до 13000, в 1816-м до 17000 и в 1817-м до 17000, а всего до 105000 дерев, длиною от 3-х до 7-ми сажень, толщиною в отрубе от 8-ми до 12-ти вершков». Обо всём этом Попов сообщил местному форстмейстеру, а тот — в Устюжский земский суд. Но никакой реакции не последовало. Как оказалось, чиновники земского суда покрывали незаконные рубки. В этой ситуации Попов подал донос в Устюжский уездный суд, а затем губернскому обер-форстмейстеру. Понимая, что и в этот раз «никакого запрещения в порубке лесов не предвидится» и что весной для сплава 1818 г. к Архангельску купцами уже заготовлено 28 тыс. деревьев, крестьянин решил обратиться в Адмиралтейств-коллегию. Последняя перенаправила донесение в Департамент государственных имуществ. Делом заинтересовался министр финансов Д.А. Гурьев, который 29 июля 1818 г. предписал вологодскому губернатору И.И. Винтеру направить в Великоустюжский уезд доверенного чиновника «вместе с вологодским обер-форстмейстером и губернским казённым дел стряпчим» с целью провести расследование⁶¹.

Как и следовало ожидать, местные чиновники пришли к выводу, что донос неоснователен. Однако Департамент внимательно ознакомился с отчётной документацией с мест и обнаружил, что в Архангельской и Вологодской губерниях «ежегодная пропорция казённых лесов», выделяемая на продажу частным

⁶⁰ ГА ВО, ф. 18, оп. 1, д. 330, л. 2–4.

⁶¹ Там же, д. 355, л. 1–2.

лесопромышленникам, в полном объёме не реализовывалась, при этом число досок, вывозившихся за границу из Архангельского порта, из года в год увеличивалось⁶². Становилось очевидным, что незаконная добыча леса процветала не только в Великоустюжском, но и в других восточных уездах Вологодской губ., откуда наиболее удобен сплав древесины к порту.

Всё это подтверждалось и другими частными донесениями. Так, новый губернатор И.И. Попов (вступил в должность 4 июня 1819 г.) в ходе первого осмотра губернии получил от отставного губернского секретаря П.Ф. Бибикова донос на служащих Сольвычегодского земского суда, в котором среди преступных действий указывалось сокрытие незаконных рубок казённых лесов в 1815–1816 гг.⁶³ С деятельностью учреждения Бибиков был знаком не понаслышке, поскольку некогда служил в его канцелярии, но в 1815 г. попал под суд за вынос дел из присутствия и пьянство и в 1817 г. вынужденно вышел в отставку⁶⁴. Обидевшись на бывших сослуживцев, которые под присягой подтвердили его вину, он решился на донос. По его утверждению, чиновники земского суда подписывали билеты на сплав леса к Архангельску «без предварительного тем дачам и вырубленному на них лесу местного свидетельства». Они знали о вывозе казённой древесины, но ставили отметки о том, что «владельцы дач в билетах поименованных таковые в тех местах имеют и написанное количество точно вырублено в их дачах»⁶⁵.

Расследование не привело к «открытию» злоумышленников, но губернатор счёл действия следователей «несправедливыми» и уведомил об этом Сенат. Последний 19 марта 1820 г. предписал Вологодскому губернскому правлению провести повторное расследование «через особых чиновников», «исключая тех, на кого Бибиковым сделаны доносы». На сей раз губернский стряпчий уголовных дел М.И. Богданов и «лесные чиновники» пришли к выводу, что служащие суда способствовали «незаконной рубке и сплаву леса», поскольку обнаружили среди тех частновладельческих дач, откуда якобы вывозились брёвна, такие участки, где строевого леса никогда и не было. Палата уголовного суда расценила действия подсудимых как ненадлежащее исполнение должностных обязанностей; выявить факты взяточничества не удалось. Приговор вынесли 29 февраля 1824 г. К этому времени двое из трёх подсудимых умерли, третьему (земскому исправнику) в качестве наказания определили увольнение с запретом впредь занимать подобные должности⁶⁶.

Пресечь преступления силами местных чиновников, которые, по всей видимости, принимали самое активное участие в незаконной деятельности, не представлялось возможным. Результаты расследований не позволяли увидеть масштабы хищений, а судебные решения не внушали страха злоумышленникам⁶⁷. С целью предупредить незаконные рубки и усилить контроль за вывозом древесины за границу 22 января 1820 г. был издан указ, разрешавший впредь вырубать из казённых дач Архангельской и Вологодской губерний не более 50 тыс. деревьев ежегодно, «дозволив распиливать оные в доски и отпускать от

⁶² ПСЗ-I. Т. 37. № 28110. С. 25.

⁶³ ГА ВО, ф. 177, оп. 1, д. 92, л. 511–544; д. 100, л. 197–217 об.

⁶⁴ Там же, д. 69, л. 221–226.

⁶⁵ Там же, д. 100, л. 197–197 об.

⁶⁶ Там же, л. 197–217 об.

⁶⁷ См., например: Там же, д. 117, л. 419–443 об.; д. 124, л. 76–94 об.

Архангельского порта»⁶⁸. Земские суды и местных лесных чиновников обязали в кратчайшие сроки описать все имеющиеся частновладельческие дачи, откуда может сплавляться лес. Помимо прочего от вологодских лесопромышленников, намеревавшихся продать древесину за море, отныне требовалось сначала уведомить об этом губернатора, которому затем предстояло поручить «доверенному чиновнику обще с обер-форстмейстером освидетельствовать их лесные дачи, в таком ли они состоянии, что можно вырубать из них предположенное число деревьев», а после вырубки — «освидетельствовать оные на местах земскому суду с форстмейстером и понятыми и доносить о том губернатору, который должен уведомлять Архангельскую таможеню, кому из владельцев, какое число лесов и досок отпустить дозволить можно»⁶⁹.

Этот многоступенчатый порядок «освидетельствования» приживался медленно. Особенно трудной задачей для местных чиновников оказалось подробное описание частных владений, требовавшее больших организационных усилий. Между тем Департамент госимуществ пытался отслеживать ход работы на местах и внимательнейшим образом относился к поступавшей от вологодского обер-форстмейстера отчётной документации, указывая на все замеченные нарушения «как со стороны гражданской, так и со стороны лесного управления», и требуя «немедленно привести в известность» частные леса в соответствии с указом от 22 января 1820 г.⁷⁰

В 1826 г. министр финансов Е.Ф. Канкрин инициировал изменения в управлении лесным хозяйством: на местах учреждались лесничества, взамен обер-форстмейстеров, форстмейстеров, форстеров и унтер-форстеров появились должности губернских, окружных, учёных и младших лесничих и подлесничих, а в составе казённых палат — лесные отделения. Сначала такое устройство ввели «для пробы» в четырёх губерниях⁷¹, а затем распространили на остальные⁷².

Несмотря на изменения, казённый доход от продажи леса значительно не увеличился. Не прекратились и доносы на незаконные рубки, что стало одним из оснований для назначения сенаторской ревизии. По обыкновению в ходе «снаряжения» ревизии сенаторам передавали все жалобы и доносы последних лет на служащих губернии, с тем чтобы на месте проверить их обоснованность. Сообщений о хищениях леса на Вологодчине набралось немало. Участие в них, по слухам, принимал сам губернатор Н.П. Брусилов. В частности, штаб-офицер Корпуса жандармов подполковник А.Ф. Дейер в апреле 1827 г. сообщил, что в Вологодском и Грязовецком уездах пошехонским купцом Шатихиным в 1825–1826 гг. «сделана была большая порубка казённого леса». Предприниматель купил пустошь, где имелось «некоторое количество строевого леса», и «под сим предлогом» производил рубки из близлежащих казённых участков. Позднее Дейер «точно узнал, что порубка сия весьма значительна», и подчеркнул: «Вообще говорят, что по этой части были всегда большие злоупотребления. Теперь лесные чиновники прибегли к покровительству губернатора, особенно бывший форштмейстер Баграков»⁷³. Трудно представить, что крупные

⁶⁸ ПСЗ-I. Т. 37. № 28110.

⁶⁹ ГА ВО, ф. 18, оп. 1, д. 428, л. 3; д. 429, л. 50–51.

⁷⁰ Там же, д. 443, л. 1–1 об., 4–6 об.

⁷¹ Санкт-Петербургская, Олонецкая, Казанская и Псковская губернии.

⁷² ПСЗ-II. Т. I. СПб., 1830. № 415.

⁷³ ГА РФ, ф. 109, оп. 3а, д. 1138, л. 6, 12–12 об.

лесозаготовки в примыкавших к губернскому городу маленьких по площади и густонаселённых уездах, где сосредотачивались дворянские имения, могли на протяжении нескольких лет оставаться незамеченными чиновниками и самим губернатором.

В апреле 1830 г. император распорядился произвести общую ревизию Вологодской и Архангельской губерний. Предписывалось начать проверку с первой. Ревизорами назначили сенаторов А. М. Корнилова и В. Ф. Мертенса⁷⁴, которые прибыли в Вологду 5 июня⁷⁵. За проведённые в губернии полгода они совершили общий осмотр, посетив уездные города, изучили материалы делопроизводства, собрали и рассмотрели обращения населения (всего к ним поступило 690 жалоб)⁷⁶. В ходе ревизии пристальное внимание обратили на работу лесного отделения казённой палаты, что позволило выявить впечатляющий размах незаконной деятельности.

Сначала ревизоров заинтересовали жалобы сольвычегодских крестьян, в которых указывалось на «выгон их по наряду для сплавки по р. Вычегде прогоняемых комиссионерами лесов без всякой за то платы». В ходе расследования подтвердилось не только это — открылись также массовые незаконные рубки, нанёсшие казне значительный ущерб. Ревизоры предположили, что в преступлениях участвовали не только вологодские, но и архангельские чиновники. Бумаги на вырубку леса подписывал губернатор. Брусилов пытался убедить сенаторов, что все разрешения выдавались только на законном основании и в соответствии с процедурой, закреплённой в указе от 22 января 1820 г. Однако при внимательном рассмотрении документов выяснилось, что на некоторых частных лесных участках количество вырубаемого леса в 8–10 раз превысило разрешённое законом. Так, «в лесной даче лальских мешан Абрамовой, Саватеевой и проч. найдено было, что из оной можно вырубить до 3,5 тыс. деревьев от 4,5 до 5 вершков, а по свидетельству у корней... оказалось, что в сей даче вырублено 16,5 тыс. деревьев от 5 до 11 вершков»⁷⁷. В результате «приведения в известность» частных-владельческих дач в начале 1820-х гг. на их территории выявили 172 860 деревьев, «годных к заморскому отпуску»⁷⁸, из которых с 1821 по 1831 г. на законном основании можно было вырубить только 61 750⁷⁹. Однако лесопромышленникам выдали разрешения на 687 321, а позднее выяснилось, что из Архангельского порта за эти годы «отпустили» 854 бруса и 2 159 806 досок⁸⁰. Сенаторы пришли к выводу, что в случае беспристрастной выдачи разрешений и соблюдения всех необходимых процедур губернатор не мог не заметить эту неимоверную разницу, тем более что частные дачи не были опустошены и находились «почти в том же положении, как прежде»⁸¹. Это обстоятельство свидетельствовало, что Брусилов либо сам причастен к преступлениям, либо халатно относился к своим обязанностям. И в том и в другом случае его вина была очевидна.

⁷⁴ РГИА, ф. 1405, оп. 28, д. 2513, л. 1, 10.

⁷⁵ Там же, л. 51.

⁷⁶ Там же, ф. 1341, оп. 32, д. 768а, л. 1–81 об.

⁷⁷ Там же, л. 20 об., 21 об.—22.

⁷⁸ ПСЗ-II. Т. 10. Отд. 1. СПб., 1836. № 8142. С. 426.

⁷⁹ Ограничения имели целью предупредить оскудение лесных массивов.

⁸⁰ Из 687 321 брёвен, за вычетом 854 пошедших на брус и брака среднего значения (фаут в брёвнах составлял около 10%, в досках — 15%), могло получиться только 1 801 976 досок (РГИА, ф. 1409, оп. 2, д. 5585, л. 61, 76–76 об.).

⁸¹ Там же, л. 61.

По завершении ревизии Мертенс и Корнилов инициировали создание в Великом Устюге следственной комиссии для расследования злоупотреблений⁸². Её цель заключалась в скорейшем «собрании надлежащих сведений, в местном освидетельствовании владельческих дач и в отобрании показаний от промышленников и заготовлявших для них леса крестьян»⁸³. Комиссия приняла от сенаторов все материалы, которые им удалось собрать в двух губерниях, и начала работу 15 июля 1831 г.⁸⁴ За её деятельностью наблюдал министр финансов, который спустя год, в октябре 1832 г., выразил обеспокоенность затянувшимся производством и предложил министру юстиции возложить на губернского прокурора ближайший надзор («посредством уездного стряпчего»), дабы побудить к скорейшему окончанию дела⁸⁵.

Комиссия выяснила, что масштабы вырубki лесов оказались гораздо больше, чем полагали сенаторы: из 79 частновладельческих дач, «заключающих в общей сложности более 50 000 дес[ятин] лесу, исчислено оставшихся пней до полутора миллиона». Следовательно, не имелось разрешающих документов на рубку более половины деревьев. При этом чиновники пришли к любопытному выводу: «Дачи были в таком состоянии, которое позволяло владельцам делать заготовки леса с избытком противу назначения для заморского отпуска». Иными словами, они вдруг обнаружили, что на частных землях деревьев, «годных к заморскому отпуску», произрастало 1,5 млн вместо 170 тыс. по официальным документам (т.е. почти в 9 раз больше!). Найти доказательства незаконной рубки казённого леса комиссия не смогла: документы у лесопромышленников не сохранились, а «все спрошенные рубщики и пильщики показали, что они без позволения или тайным образом в казённых дачах порубок не производили»⁸⁶. Более того, в феврале 1833 г. «вовремя» сгорели архивы губернских учреждений, где хранилась документация по лесозаготовкам.

В 1834 г. Канкрин распустил комиссию, ссылаясь на то, что следствие зашло в тупик, и выявить доказательства незаконных рубок не удалось, и предложил Комитету министров «оставить без последствий» обстоятельства, касавшиеся частновладельческих дач. Николай I с этим не согласился⁸⁷ и распорядился «послать на место доверенного чиновника узнать истину». В январе 1835 г. в Вологду прибыл чиновник особых поручений Министерства финансов Б.И. Крок, который, впрочем, ничего нового не открыл. Незаконные порубки казённых лесов подтвердились, но выявить их объёмы и виновных в них

⁸² В состав комиссии сенаторы назначили, как им казалось, «благонадёжных» лиц: отставного подполковника Рындина, чиновников 7-го класса Фомина и 10-го класса Макарова, а также штаб-офицера Корпуса жандармов подполковника Кокушкина (Там же, л. 59 об.).

⁸³ ПСЗ-II. Т. 10. Отд. 1. СПб., 1836. № 8142. С. 426.

⁸⁴ ГА ВО, ф. 806, оп. 2, д. 3, л. 2; РГИА, ф. 1286, оп. 4, д. 426в, л. 3–3 об.; ф. 1405, оп. 2, д. 5585, л. 69–71 об.

⁸⁵ ГА ВО, ф. 806, оп. 2, д. 3, л. 2–3.

⁸⁶ ПСЗ-II. Т. 10. Отд. 1. СПб., 1836. № 8142. С. 426–427.

⁸⁷ Причины этого поступка можно объяснить известной принципиальностью императора, но, на мой взгляд, более важен другой фактор. Согласие с мнением министра финансов означало бы признание необоснованности выводов Мертенса и Корнилова, доказывавших, что в Вологодской губ. «наиболее гнездится зло по лесной части» (см.: РГИА, ф. 1286, оп. 4, д. 426, л. 3–4, 7; д. 426, л. 4). Учитывая обстоятельства, при которых завершилась сенаторская ревизия, такие итоги расследования незаконных рубок были бы восприняты не иначе как порочащие честь сенаторов и свидетельствующие об их некомпетентности (о ревизии Архангельской губ. см.: *Ефимова В.В.* Генерал-губернаторы Европейского Севера: место и роль в системе органов государственной власти и управления Российской империи (1820–1830 гг.). СПб., 2018. С. 702–708).

не представлялось возможным из-за отсутствия документов и нежелания частных лиц (рубщики, пильщики, сплавщики и т.п.), получавших от данного промысла «большие выгоды», давать показания.

Однако чиновник уточнил выводы сенаторов относительно схемы незаконной деятельности⁸⁸: лесопромышленники одновременно вырубали лес в частных дачах по билетам «к заморскому отпуску» и в казённых за попенные деньги «под видом внутреннего употребления» в Архангельской и Вологодской губерниях, а затем и та и другая древесина сплавлялась в порт и продавалась за границу. Лесные чиновники и члены земских судов либо не производили свидетельства дач вовсе, либо производили не «с должной верностью», а потому истинное число вырубленных деревьев значительно превышало разрешённое. Рапорт Крока приняли к сведению, он послужил основанием для завершения расследования в соответствии с мнением Канкрин. При этом Министерство финансов поддержало идею запретить сплавлять в Архангельск лес, вырубленный для внутреннего употребления, и увеличило «пропорцию» для заморского отпуска на 25 тыс. деревьев⁸⁹.

Любая сенаторская ревизия для «нечистых на руку» местных чиновников являлась потрясением, поскольку никто не мог спрогнозировать её итоги. Приезд сенаторов в 1830 г., как и возбуждавшиеся до этого уголовные дела об истреблении леса, снижали масштабы рубок. Анализируя данные, Мертенс и Корнилов заметили, что, хотя «из года в год количество отпущенных брёвен увеличивалось», в 1827 г., «когда происходили розыски о казённых лесах, число сие уменьшено», в 1828 и 1829 гг. — «вновь до чрезвычайности увеличено» и, наконец, в 1830 г. — «опять уменьшено»⁹⁰.

К слову, начавшееся в 1827 г. расследование в отношении «вольных промышленников» также закончилось ничем. Министр финансов поручил его генерал-губернатору Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний С.И. Миницкому, который сначала дал следствию ход, но затем прекратил его, по мнению сенаторов, «под ничтожным предлогом»: якобы «когда идёт дело о порубке из казённых» дач, «не должно простираť притязания к частным владельцам». Ввиду того что сообщившие о незаконных рубках комиссионеры не смогли предоставить «юридических доказательств», Миницкий счёл возможным закрыть дело и лишь после «продолжительной и бесполезной переписки» соизволил отправить его на рассмотрение в Архангельскую палату уголовного суда, которая, впрочем, не имея материалов следствия, не касалась дела вплоть до приезда в город сенаторов⁹¹. Во время ревизии Вологодское губернское правление демонстрировало особое внимание к соблюдению порядка свидетельства рубок. В 1831 г. впервые по инициативе губернской администрации за нарушение установленных правил предали суду чиновника — вельского исправника Л.А. Стофельса. Он свидетельствовал лес, вырубленный из владельческой дачи, без участия лесничего, за что по приговору уголовной палаты получил выговор и подтверждение⁹².

⁸⁸ РГИА, ф. 1409, оп. 2, д. 5585, л. 61 об.—62.

⁸⁹ ПСЗ-II. Т. 10. Отд. 1. СПб., 1836. № 8142. С. 427—430, 432.

⁹⁰ В 1821 г. владельцам частных лесных дач выдали разрешение за подписью вологодского губернатора вырубить на заморский отпуск 4734 бревна, в 1822 г. — 5 тыс., 1823 г. — 14 650, 1824 г. — 68 955, 1825 г. — 95 443, 1826 г. — 91 654, 1827 г. — 35 473, 1828 г. — 122 597, 1829 г. — 174 297, в 1830 г. — 74 518 брёвен (РГИА, ф. 1409, оп. 2, д. 5585, л. 60 об., 72).

⁹¹ Там же, л. 62 об.—63.

⁹² ГА ВО, ф. 177, оп. 1, д. 142, л. 53—55 об.

Ревизоры доставили немало волнений вологодским служащим. Так, устюжский земский исправник А.И. Дружинин, узнав «неприятные вести» об открытии следственной комиссии в Великом Устюге, «положил непременно выйти в отставку до окончания дел оной»⁹³, опасаясь увольнения по суду. Это не помогло избежать разбирательства, но заставило задуматься о «доброй совести» и необходимости обратиться к Всевышнему с просьбой «о подкреплении нас в минуту свращения с пути истинного»⁹⁴. Донос о получении больших взяток с лесопромышленников за продажу «казённого леса вместо своего» по итогам расследования не подтвердился, сам Дружинин ни в чём не сознался и в 1838 г. был оправдан⁹⁵.

Находясь в губернии, Мертенс и Корнилов способствовали возбуждению ряда уголовных дел. В первую очередь они обратили внимание на лесных чиновников, полагая, что значительные вырубки не могли осуществляться без их ведома⁹⁶. В случаях очевидного нарушения закона ревизоры инициировали следственные действия, проводили допросы. Под суд попали сольвычегодский, устьысольский, яренский и грязовецкий окружные лесничие, члены устьысольских уездного и земского судов, в обязанности которых входила проверка документации, выдача бумаг и свидетельство лесных дач, а также чиновники, проводившие расследование незаконных рубок⁹⁷. Однако вины подсудимые не признали, а суд в целом отнёсся к ним благосклонно, не назначив строгих наказаний. Уволили только сольвычегодского лесничего, и то лишь потому, что на этом настоял Департамент государственных имуществ, признавший его «неблагонадёжным к лесной должности»⁹⁸.

На общем фоне выделяется дело против грязовецкого лесничего Н. Зубова. По поручению сенаторов его действия расследовал чиновник 7-го класса Фомин, который пришёл к выводу, что лесничий не осматривал вверенную ему дистанцию, на донесения лесных надзирателей о незаконных рубках не реагировал, самовольных «порубщиков» к ответственности не привлекал, штрафные деньги в пользу лесных доходов не взыскивал и т.п. Однако в 1833 г. дело Зубова сгорело при пожаре. Губернское правление поручило новое расследование дворянскому заседателю Грязовецкого уездного суда, который уже не смог открыть злоупотреблений. Он сообщил лишь о показаниях крестьян, что при получении билетов на рубку леса для их домашних надобностей лесные надзиратели всегда собирали за это для Зубова по 10 коп. с души. Но тут же уточнил, что крестьяне не смогли доказать, что лесничий действительно получал эти деньги, к тому же они не вспомнили, кто именно производил сборы. В марте 1839 г. палата уголовного суда полностью его оправдала, основываясь на материалах повторного расследования⁹⁹.

⁹³ Там же, ф. 671, оп. 1, д. 46, л. 112 об.

⁹⁴ Об этом можно прочесть в его дневнике (*Плех О.А.* «В нашем месте... с честностью и благородством умрём с голоду»: размышления о службе провинциального чиновника 1820-х гг. на страницах его дневника // *История России с древнейших времён до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. Сборник статей участников VIII международной научно-практической школы-конференции молодых учёных (24–25 ноября 2020 г.). М., 2020. С. 158–167).*

⁹⁵ ГА ВО, ф. 177, оп. 1, д. 157, л. 580а–580б об.

⁹⁶ РГИА, ф. 1409, оп. 2, д. 5585, л. 77 об.

⁹⁷ ГА ВО, ф. 177, оп. 1, д. 142, л. 184–188, 525–535; д. 146, л. 511–517 об.; д. 160, л. 136–141 об.

⁹⁸ Там же, д. 142, л. 184–188.

⁹⁹ Там же, д. 160, л. 136–141 об.

Любопытным также выглядит дело по обвинению помощника грязовецкого окружного лесничего Васильевского. В 1830 г. его прикомандировали депутатом с лесной стороны к дворянскому заседателю губернской палаты уголовного суда К.И. Белову, расследовавшему незаконные рубки казённых лесов в Вельском уезде. По просьбе архангельского купца Онегина Васильевский утаил из следственного дела бумаги, доказывавшие преступления, за что получил взятки на сумму 610 руб. от заказчика и причастных к делу лиц — вельского подлесничего Петровского и поставщика леса Абрамова. В феврале 1831 г. Васильевский сознался в содеянном на допросе, но позднее, находясь в остроге, попытался отказаться от своих слов и подал «извет» на Белова, который якобы способствовал сокрытию преступления и вымогал деньги у Петровского. Суд не принял это в расчёт и, основываясь на признании вины, в ноябре 1832 г. приговорил его к двадцати ударам плетью и ссылке на каторжные работы¹⁰⁰. Петровскому же удалось избежать суровой кары, несмотря на то что сенаторы нашли его «собственноручное» письмо Васильевскому с просьбой «о закрытии истины по делу о злоупотреблениях его при сплаве лесов»¹⁰¹. Уголовная палата «не увидела» доказательств «лиходательства», а прочие его «упущения» по службе нашла маловажными и совершёнными без умысла. Сенат, не согласившись с приговором, возвратил дело на пересмотр, но и в этот раз местные судьи ограничились подтверждением Петровскому, «чтоб впредь при отправлении должности был осмотрительнее»¹⁰².

Материалы уголовных дел, выявленные в ходе настоящего исследования, показывают, что чиновники могли провести расследование так, чтобы виновный избежал наказания либо отделался выговором или предупреждением. В умелых руках даже многочисленные свидетельства утрачивали доказательственную силу (для этого, к примеру, достаточно было не привести свидетеля к присяге). В такой ситуации, по сути, единственным основанием, которое суд не мог проигнорировать, являлось чистосердечное признание, встречавшееся крайне редко. Сенат, ревизовавший отдельные дела¹⁰³, пытался напомнить о правосудии, возвращая оправдательные приговоры на пересмотр, но переломить ситуацию не мог. Делопроизводство лишь затягивалось и, в конечном счёте, всё равно подсудимых освобождали. К примеру, пять уголовных дел, возбуждённых по итогам работы следственной комиссии в Великом Устюге, долго находились на стадии расследования и рассмотрения в судах первой инстанции, которые пришли к выводу, что незаконных рубок без билетов практически не проводилось, доказанные единичные случаи не нанесли значительно ущерба казне, а виновные лица не установлены¹⁰⁴. Затем эти дела поступили на ревизию в уголовную палату, где были соединены в одно производство и закрыты решением от 28 декабря 1845 г. Подписанный губернатором приговор

¹⁰⁰ Там же, д. 134, л. 1286–1290 об.

¹⁰¹ РГИА, ф. 560, оп. 7, д. 537, л. 3.

¹⁰² ГА ВО, ф. 177, оп. 1, д. 154, л. 119–123.

¹⁰³ Сенат ревизовал дела с обвинительными приговорами, по которым чиновникам грозило ограничение или лишение прав состояния, а также дела, начавшиеся с предложения ревизовавших губернию сенаторов и по итогам их проверок. Приговоры по прочим делам вступали в силу после их подписания губернатором.

¹⁰⁴ Мнение никольских уездного суда и городской ратуши от 15 июня 1836 г., Тотемского уездного суда от 31 августа 1836 г., Вельского уездного суда от 28 июля 1837 г., сольвычегодских уездного суда и городского магистрата от 25 февраля 1838 г., устюжских уездного суда и городского магистрата от 22 марта 1844 г.

направили в Сенат на утверждение. Там с ним не согласились, и в июне 1847 г. дело вернулось на пересмотр с предписанием «присовокупить» к нему вновь поступившие в уездные суды доносы о незаконных рубках. Спустя год уголовная палата это распоряжение исполнила, но итог остался прежним: «Обстоятельства на счёт злоупотреблений по заготовке лесов во владельческих дачах с 1821 по 1831 г. оставить без последствий»¹⁰⁵.

Определённый результат ревизия всё же дала: сменившие Брусилова¹⁰⁶ губернаторы внимательнее относились к своим обязанностям по лесной части. Но для пресечения незаконных рубок этого было недостаточно. Со своей стороны местные суды по-прежнему не стремились строго наказывать чиновников. Так, в 1836 г. в губернскую администрацию поступило очередное донесение о «самовольной вырубке сверх билетов» казённых лесов в Никольском уезде разными помещиками и экономическими крестьянами. Вырубка оказалась значительной, лес сплавляли к порту. Собранная по распоряжению губернатора следственная комиссия выявила получение взяток и прочие незаконные действия не только лесных чиновников (подлесничего и чиновника Правления Северного округа корабельных лесов), но и членов Никольского и Кологривского земских судов. Приговор был вынесен в 1840 г.: подсудимые не признались, а собранные комиссией материалы суд не принял как доказательство вины и всех оправдал¹⁰⁷.

В центральном правительстве к проблеме охраны и использования лесов вернулись в середине 1830-х гг., во время обсуждения вопроса об учреждении Министерства государственных имуществ. Его будущий глава П.Д. Киселёв, в ходе обозрения ряда губерний лично убедившийся, что опустошение лесов имеет огромные размеры, обозначил главные проблемы, которые требовали принятия «безотлагательных и строгих мер»: злоупотребления лесных чиновников, недостаток лесной стражи, «невведение правильного лесоводства», устаревшие и неточные планы и описания казённых владений, неэффективный надзор центра¹⁰⁸. По его подсчётам, «ежегодные потери в казённых лесах от пожаров и самовольных порубок исчислялись более чем на 4 м[лн] р[уб.] асс[игнациями], а доход казны от лесов едва достигал до 600 т[ыс.] руб.»¹⁰⁹. Министерство появилось в конце 1837 г.¹¹⁰, с 1838 г. управление лесами изымалось из ведения казённых палат. В Вологодскую губ. прибыл чиновник V отделения Собственной его императорского величества канцелярии для ревизии государственных имуществ. Он выявил нарушения в порядке управления ими, требовавшие «распорядительных мер» со стороны губернатора. В частности открылось, что лесопромышленники многократно сплавляли лес и лесные изделия по одним и тем же документам, поскольку на них никто не ставил отметки, «что изделие было уже провезено». По одному сплавному билету получалось

¹⁰⁵ В данном случае палата сослалась на мнение министра финансов, в соответствии с которым свернули работу следственной комиссии в Великом Устюге (см.: Там же, д. 242, л. 657–670).

¹⁰⁶ В 1834 г. Брусилов вышел в отставку «для поправления расстроенного на службе здоровья». После него губернией управлял С.И. Кузьмин, затем, с 1836 по 1840 г., — Д.Н. Болговский (*Балакишин Р.А.* На службе российской: правители Вологодского края со времён Екатерины Великой до нынешних дней. Кн. 1. Вологда, 2009. С. 159, 165, 193).

¹⁰⁷ ГА ВО, ф. 177, оп. 1, д. 163, л. 150–162 об.

¹⁰⁸ *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселёв и его время: материалы для истории императоров Александра I, Николая I и Александра II. Т. 2. СПб., 1882. С. 22, 50.

¹⁰⁹ Там же. С. 50.

¹¹⁰ ПСЗ-II. Т. 13. Отд. 1. СПб., 1839. № 11189.

провезти товар до пяти раз, поскольку выдавался он сроком на год. Вологодская казённая палата объясняла это недобросовестным поведением лесопромышленников, на которых возлагалась обязанность возвращать использованные документы через городничих, земские суды или лесничих. Для решения этой проблемы Министерство государственных имуществ предписало ввести двухмесячный срок действия сплавных билетов¹¹¹.

Приём государственных имуществ осуществляла открывшаяся в Вологде приготовительная комиссия, которая среди прочего занималась сбором разного рода сведений, в том числе ведомостей о движении дел по незаконным рубкам казённых лесов в уездных судах с 1835 по 1837 г.: всего поступило 89 таких дел, из которых к середине 1838 г. удалось решить 67¹¹². С 1839 г. МВД взяло под контроль расследование «происшествий в корабельных рощах», требуя от губернатора «учинить строгое распоряжение» о безотлагательном открытии и предании должному взысканию виновных. В связи с этим губернское правление начало регулярно запрашивать у земских судов сведения о количестве находившихся в производстве дел. Благодаря этому обнаружилась особенная медленность николевских чиновников: нерешёнными числилось 40 дел о незаконных рубках (из них 26 — в корабельных рощах), некоторые из них длились с 1830 г.¹¹³

В октябре 1842 г. губернаторы получили циркуляр, в котором сообщалось, что император, обратив внимание на устройство лесов, повелел «строгими мерами» побудить земскую полицию «к неотложному преследованию похитителей леса и производству следствий о самовольных порубках», чтобы немедленно привести к окончанию «дела о лесопохищениях». За их «накопление» отныне вводилась личная ответственность начальников губерний. Со своей стороны Киселёв предложил в каждом уезде, где «накопились следствия о самовольных порубках», назначить специального чиновника, «который бы постоянно занимался производством оных до совершенного окончания, и наблюдать со стороны губернских начальств за успешным ходом оных по путевым журналам сего чиновника»¹¹⁴.

В целом открытие в Вологде 1 мая 1839 г. палаты госимуществ и окружных управлений¹¹⁵, а также создание на местах военизированной лесной охраны (корпуса лесничих) внесли заметное оживление в борьбу с незаконными рубками. К суду начали массово привлекать избранных в волостные правления крестьян за «самовольное дозволение порубки» казённым поселянам, незаконные сборы денег при составлении приговоров на отпуск леса на домашние надобности и прочие нарушения лесного законодательства¹¹⁶. В большинстве своём эти дела начинались с доносов крестьян, недовольных действиями волостных правлений. Подсудимые часто сознавались, по всей видимости, по

¹¹¹ ГА ВО, ф. 18, оп. 1, д. 646, л. 1–2, 4–4 об., 15 об.—16.

¹¹² Подсчитано по: Там же, д. 853, л. 1–38.

¹¹³ Никольский земский исправник объяснял остановку «всякого движения» по лесным делам «некомандированием» со стороны окружного управления лесного чиновника, без которого суд не имел права приступить к следствию (Там же, ф. 14, оп. 1, д. 977, л. 18, 33–42, 69–72).

¹¹⁴ Там же, ф. 300, оп. 1, д. 1, л. 2.

¹¹⁵ Там же, ф. 14, оп. 1, д. 929, л. 50.

¹¹⁶ Там же, ф. 177, оп. 1, д. 169, л. 1097–1098 об.; д. 271, л. 1374–1377 об.; д. 301, л. 1296–1302 об.; д. 302, л. 524–532, 542–554 об.; д. 305, л. 464–472, 607–655, 811–829 об.; д. 306, л. 878–893, 1627–1635, 1647–1651; д. 325, л. 1252–1266.

«крестьянской простоте», за что получали довольно суровые наказания, хотя суды нередко смягчали их, ссылаясь на «неведение своих обязанностей». Палата государственных имуществ не упускала из виду и действия подчинённых ей должностных лиц, отдавая под суд за нарушения порядка свидетельства лесных участков и упущения при расследовании незаконных рубок¹¹⁷.

В то же время в судебной практике, касавшейся чиновников, значимых изменений не происходило. Наглядным примером служит дело, начавшееся с жалобы помещичьих крестьян чиновнику особых поручений Г.А. Перетцу, в декабре 1843 г. приехавшему в Вельск по служебным делам. Согласно доносу, на протяжении ряда лет служащие Кадниковского и Вельского земских судов (исправники, непрременные заседатели, становые приставы и др.) брали взятки, в том числе при выдаче сплавных билетов и разрешений на рубку леса «на разные лесные изделия». Допрошенные в ходе расследования более 130 помещичьих старост и крестьян подтвердили лихоимство и злоупотребления. Однако палата уголовного суда увидела лишь канцелярские беспорядки и незначительные нарушения при выдаче сплавных билетов, совершённые не злонамеренно, по неосторожности. Подсудимые во взятках не признались, и по этой части в 1847 г. их полностью оправдали. За остальное они получили лишь выговор без внесения в формулярный список. Доносчикам, «уважая крестьянскую простоту и легкомыслие», предписали сделать «внушение». Их многочисленные показания суд не счёл доказательствами лихоимства, аргументируя это тем, что, во-первых, «некоторые» из них оказались «разнообразными», во-вторых, «отобраны» без присяги и от лиц, прикосновенных к делу¹¹⁸.

Кроме того, по мнению суда, все доносы опровергались тем, что ещё в 1841 г. чиновник особых поручений П.Д. Пузыревский-Пузан и советник губернского правления И.Н. Новицкий производили следствие «о денежных поборах членов земского суда», но никто «из помянутых крестьян» на подсудимых не жаловался¹¹⁹. Доносы тогда поступили только на становых приставов Грязовецкого и Кадниковского уездов. Палата уголовного суда также вынесла оправдательный приговор, поскольку никто из подсудимых вины не признал. Сотские и старосты «ясных доказательств не представили», впоследствии почти все отказались от показаний, а тех, кто настаивал на взятках, опросили без присяги и верить им как лицам, причастным к делу, было нельзя¹²⁰.

Казалось бы, перед нами типичный для местного судопроизводства пример разбирательства по лихоимству, если бы не приложенное к делу особое мнение дворянского заседателя уголовной палаты И.А. Левашова. Он не согласился с приговором, основываясь на том, что расследование по делу проводилось дважды. В первый раз на место отправились Пузыревский-Пузан (в Грязовецкий уезд) и депутат от дворянства Д.И. Суворов (в Кадниковский). На допросах крестьяне единогласно показали сбор денег на подарки чиновникам. По всей видимости, это не удовлетворило суд, который предписал Новоцкому дополнить дело некоторыми сведениями. Прибыв на место, он вопреки поручению принялся «переисследовать» дело: допрашивал крестьян заново, причём не приводя к присяге. Почти все отреклись от показаний. Левашов полагал,

¹¹⁷ См., например: Там же, д. 213, л. 819–822.

¹¹⁸ По логике суда, если крестьянин давал / передавал взятку либо участвовал в сборе денег, то он являлся заинтересованным лицом.

¹¹⁹ ГА ВО, ф. 177, оп. 1, д. 227, л. 376–385.

¹²⁰ Там же, д. 186, л. 1281–1291 об.

что этого не может быть, поскольку в первый раз допросы проводились по всем правилам, в присутствии депутатов от дворянства и других чиновников. Он подчеркнул, что Новицкого не уполномочивали на второе следствие, что верить нужно, скорее, двум следователям, чем одному, и что при таких разночтениях законом предписано проводить третье следствие, проверяющее первые два. По мнению Левашова, чиновники полностью себя не оправдали. Двоих из них уже неоднократно судили и штрафовали, их следовало уволить и впредь не определять к должностям, а остальных как минимум оставить в сильном подозрении. Кроме того, он протестовал против сурового наказания старост и сотских, собиравших деньги, поскольку делали они это не самопроизвольно, а по вымогательству и под угрозами чиновников (их хотели приговорить к наказанию розгами и «выдержанию на хлебе и воде»)¹²¹. С последним пунктом палата уголовного суда согласилась: «уважая многолюдство, крестьянскую простоту и учинение по легкомыслию», приговорила доносчиков к строгому подтверждению.

Представленные примеры судебных решений как нельзя лучше иллюстрируют меткие замечания современников, что в дореформенный период в чиновных сферах «безнаказанность господствовала сверху донизу». «Каждый был уверен, что в трудную минуту он найдёт себе “милостивца”, который поможет ему выйти сухим из воды»¹²². Определённую роль в этом сыграло распространение взяточничества, но не меньшее значение имели личные связи и место занимаемой подсудимым должности в системе местного управления. Рядовые канцелярские служащие обладали гораздо меньшими возможностями повлиять на приговор, хотя суд в целом демонстрировал к ним благосклонность. К примеру, в 1853 г. палата уголовного суда уволила с трёхлетним запретом службы столоначальника Сольвычегодского земского суда Н. Рупышева, обвинявшегося в превышении власти через удержание денег, взысканных им во время производства следствия о «проплаве» в 1840–1843 гг. разными лицами лесных изделий в Архангельск. Собственно, в отношении именно этого деяния суд, приняв во внимание объяснения подсудимого и внесение им утаённых денег в казну, посчитал корыстные мотивы недоказанными и оставил Рупышева в подозрении. Уволили его за другое — грубости ислушание непосредственного начальства¹²³.

Приговоры палаты уголовного суда¹²⁴ просматривались губернскими прокурорами и утверждались начальниками губернии. Ни те ни другие, как правило, не протестовали против сложившейся практики рассмотрения дел о должностных преступлениях. По всей видимости, повлиять на ситуацию не мог и Сенат, весьма ограниченный в способах воздействия на местный суд.

Работа Министерства государственных имуществ проходила не без трудностей, особенно по части устройства и комплектования лесной стражи, но к середине XIX в. она положительно отразилась на «охранении» лесов. Этому способствовали не столько многочисленные запретительные постановления

¹²¹ Там же, л. 1289–1290 об.

¹²² Судебная реформа / Под ред. Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского. М., 1915. С. 205–206.

¹²³ ГА ВО, ф. 177, оп. 1, д. 301, л. 851–874 об.

¹²⁴ Для обозначения должностного преступления в законе использовалось понятие «следственное дело» и устанавливался особый порядок его рассмотрения. По общему правилу такие дела были подсудны уголовным палатам. Преступления губернаторов, губернских предводителей дворянства, председателей губернских палат и губернских прокуроров относились к подсудности Сената.

и законы о преследовании нарушителей лесного устава, сколько активизация лесоустроительных работ на научных основаниях, «приведение в известность» (описание и картирование¹²⁵) казённых лесов, специальная подготовка лесничих и развитие системы профильного образования, наконец, усиление контроля и надзора над лесными промыслами, перемещением и реализацией древесины. Такой подход во многом отражал взгляды Киселёва. Министр понимал, что развитие лесопромышленности необходимо, но также осознавал, что для этого требуются «затраты денег и умственных способностей» (но «денег у нас мало, а просвещения ещё менее», — отметил он в заметках¹²⁶). В связи с этим в работе ведомства на первое место он выдвигал «не усиление средств к умножению доходов от лесов», а «сбережение их от конечного истребления».

Конечно, верховная власть никогда не забывала и о казённом интересе. Если уйти от ответственности за участие в незаконных рубках местным чиновникам удавалось, то взыскание убытков суд не игнорировал. К примеру, в 1853 г. в Архангельске при свидетельстве грузов и судов обнаружилось, что пошлины взысканы не в полном объёме. Сенат «усмотрел», что Кадниковский и Тотемский земские суды в 1847–1850 гг. выдали в общей сумме 24 билета на сплав речных судов с заниженными размерами пошлины, и предписал губернскому правлению провести расследование. В итоге 13 служащих указанных судов за неправильную выдачу билетов попали под следствие. Они объясняли произошедшее тем, что промышленники ввели их в заблуждение. Уголовная палата хотя и признала такое оправдание «не заслуживающим уважения», но приговорила их только к выговору за «невнимание к исправлению должностей» и, постановив взыскать убыток с судостроителей, отметила, что если последние окажутся несостоятельными, то недостающие деньги будут истребованы с подписавших билеты чиновников¹²⁷.

Итак, в истории управления природными ресурсами период с конца XVIII до середины XIX в. является знаковым. Именно в это время проблема истребления лесов в результате хищнической эксплуатации обратила на себя должное внимание верховной власти, которая пыталась выработать принципы ведения лесного хозяйства, соблюдающие баланс между общественным и частным интересом.

Долгое время казённый лес воспринимался как «запасной магазин», призванный обеспечивать государственные нужды (в первую очередь, кораблестроение). С этой точки зрения ставка делалась не на развитие рационального лесопользования, а на охрану природных ресурсов. Действуя путём издания запретительных постановлений, государство рассчитывало, что появление на местах ограниченного числа лесных чиновников сможет обеспечить надлежащий надзор. Однако на бескрайних просторах Европейского Севера при фактическом отсутствии подробных и точных карт это не представлялось возможным.

¹²⁵ По сведениям, собранным губернским лесничим, к 1848 г. в губернии находилось 235 казённых дач (29,4 млн десятин), 424 дачи, приписные к казённым селениям (1,1 млн десятин), 58 дач, неразмежёванных с казёнными селениями (1,5 млн десятин), 365 заказных корабельных рош (258 тыс. десятин), 11 въезжих дач (92 тыс. десятин), 4 приписные к заводам (115 тыс. десятин), 12 примезёванных к удельным селениям (463 тыс. десятин), 57 общих (74 тыс. десятин) (*Брадке И. И.* Краткое статистическое описание лесов Вологодской губернии и производимых в них промыслов // *Вологодские губернские ведомости. Часть неофиц.* 1846. № 39. С. 403–404).

¹²⁶ *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф П. Д. Киселёв и его время... С. 178.

¹²⁷ ГА ВО, ф. 177, оп. 1, д. 325, л. 149–214.

Более того, происходившее в Вологодской губ. наглядно показало, что интересы населения, лесопромышленников и местного чиновничества не совпадали с намерениями центра. Население, основу которого составляли казённые крестьяне, издавна относилось к окружающему их лесу как к своей собственности, используя его и в личных целях, и для развития промыслов, приносявших немалый доход. Местные служащие в условиях ухудшавшегося материального обеспечения и довольно слабого контроля видели в казённом лесу источник нелегального дохода. В свою очередь, промышленники, ориентированные на «заморский отпуск леса», умели договориться и с теми и с другими: чиновники подписывали документы, не обращая внимания на то, в каких объёмах и откуда сплавлялась древесина, а крестьяне нанимались на лесозаготовки. Всё это способствовало незаконной деятельности, о размахе которой правительство едва ли могло судить по периодически поступавшим доносам и жалобам. Увидеть масштабы незаконных рубок не позволяли и результаты расследований, а судебные приговоры, оправдывавшие обвиняемых, не внушали страха перед законом.

В 1820-х гг. подход государства начал постепенно меняться: лес стал рассматриваться как источник пополнения бюджета, а незаконные рубки — как непосредственный ущерб казне. В связи с этим предпринимались усилия по «приведению в известность» границ и состояния частных лесов, учреждались лесничества, вводился многоступенчатый порядок «освидетельствования» участков при рубках, предусматривавший персональную ответственность должностных лиц. Однако сенаторская ревизия 1830 г. обнаружила несостоятельность системы управления и неэффективность механизмов надзора: незаконные рубки не прекратились, напротив, деятельность лесопромышленников развернулась ещё шире. Становилось очевидным, что навести порядок на местах без кардинальных изменений невозможно.

Создание в 1837 г. Министерства государственных имуществ, сопровождавшееся качественно иной организацией лесопользования и лесоохраны, поспособствовало сокращению злоупотреблений. Деятельность ведомства продемонстрировала смену приоритетов: «извлекая из лесов следующий казне доход, сохранить оные, введением доброго хозяйства, от истребления и истощения»¹²⁸. Осознанная политика включала в себя меры по улучшению устройства и учёта казённых лесов, создание корпуса лесничих, усиление подчинённости местных органов центру, подготовку квалифицированных кадров и т.д. Всё это оставляло чиновникам меньше возможностей для участия в незаконной деятельности, однако на судебную практику в их отношении не повлияло.

¹²⁸ Столетие учреждения Лесного департамента... С. 110.

**Частное предпринимательство
на лесозаготовках в 1919–1921 гг.:
замысел центра и оппозиция регионов**

Евгений Воейков

**Private enterprise in logging in 1919–1921:
the idea of the center and the opposition of the regions**

Evgenij Voyeikov
(Penza State University, Russian)

DOI: 10.31857/S2949124X23020104, EDN: BITYNK

Символами эпохи «военного коммунизма» стали продразвёрстка, всеобщее огосударствление экономики, трудовая повинность, инфляция, товарный дефицит и голод. Частное предпринимательство, более характерное для последующей эпохи нэпа, для первых послереволюционных лет обычно рассматривается применительно к сектору полулегального «чёрного рынка», на существование которого власть была вынуждена закрывать глаза. Между тем в лесной промышленности в эти годы активно проводился эксперимент по привлечению частного капитала для борьбы с топливным кризисом.

Кризис 1918–1921 гг. и многообразные мероприятия по борьбе с ним в исторической литературе изучены недостаточно. Прежде всего они рассмотрены в капитальном труде Д.А. Баевского, во многом сохраняющем актуальность до сих пор¹. Внимание в нём сосредоточено на деятельности Главного лесного комитета и осуществлявшего топливную трудовую повинность Главного комитета по труду, в то время как вопрос о лесозаготовках отдельных организаций разработан слабо, деятельность подрядчиков не упоминается вовсе. В последующих работах уточнялись и детализировались региональные аспекты преодоления топливного кризиса². Затрагивают изучаемую проблематику работы по индустриальному развитию отдельных регионов, однако чаще всего они дают только общую картину. Так, в монографии Т.Н. Кузьминой и Н.А. Шарошкина на основе тщательной проработки архивной источниковой базы исследовано развитие основных отраслей промышленности Пензенской губ. в начале XX в., но о заготовках дровяного топлива говорится лишь

© 2023 г. Е.В. Воейков

¹ Баевский Д.А. Очерки по истории хозяйственного строительства периода Гражданской войны. М., 1957.

² См., например: Анянueva Г.В. Особенности функционирования городского хозяйства Курска в годы Гражданской войны: топливный кризис // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2013. Вып. 54. № 6. С. 36–39; Карпенко С.В. Расстройство железнодорожного транспорта и топливный кризис во врангелевской Таврии: причины и взаимодействие (апрель–ноябрь 1920 г.) // Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2014. № 19. С. 41–52; Воейков Е.В. Преодоление топливного кризиса в Самарской губернии в 1918–1921 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 18. 2016. № 3. С. 94–98; Воейков Е.В. У истоков экологических проблем // Отечественная история. 2001. № 5. С. 150–154.

эпизодически³. Исследуется развитие лесопромышленного комплекса СССР, но внимание чаще всего сосредоточено на Карелии и Урале, а хронологические рамки охватывают преимущественно период 1930–1980-х гг.⁴ Что касается именно частного предпринимательства на лесозаготовках, то о нём либо умалчивается, либо упоминается кратко. Например, И.Г. Старшова в статье о преодолении топливного кризиса на Северо-Западе России отметила, что в 1920 г. при новом руководителе гублескома на лесозаготовках Псковской губ. «пышным цветом распустились всевозможные частно-заготовительные органы», что вызвало обеспокоенность местных властей⁵.

В настоящей статье рассмотрена эволюция курса Главного лесного комитета ВСНХ на привлечение частных предпринимателей на примере отдельных губерний Поволжья. Сведения о «частниках» на лесозаготовках эпохи «военного коммунизма» в архивных и опубликованных материалах отложились в отрывочном и бессистемном виде и чаще всего представлены в виде кратких констатаций самого факта их наличия. Данная работа — результат многолетнего поиска и складывания «мозаики» из разрозненных отрывков информации.

Топливный кризис на контролируемой большевиками территории России начался в 1918 г., резко обострился годом позже и продолжался вплоть до весны 1922 г. Нефтяные и угольные месторождения оказались отрезаны из-за военных действий, заготовить дрова в необходимом количестве на протяжении ряда лет не удавалось. Останавливались железные дороги, закрывались промышленные предприятия, люди в холодное время года мёрзли дома и на работе. Из-за невозможности регулярно мыться и стирать одежду в горячей воде широко распространилась эпидемия тифа. Требовалось любой ценой дать потребителям наиболее доступное древесное топливо.

Руководство лесозаготовками с декабря 1918 г. осуществлял Главный лесной комитет (Главлеском). На местах ему подчинялись губернские лесные комитеты (гублескомы). Изначально предусматривалось, что они будут главными лесозаготовителями страны⁶. Но уже весной 1919 г. равные права с гублескомами получили железнодорожные лесные комитеты (желескомы). Также заготовкой дров занимались части Красной армии и промышленные предприятия. Подобная децентрализация отрицательно отражалась на ходе работ, приводя к борьбе за лучшие лесосеки и рабочие руки, переманиванию лесорубов и возчиков путём повышения расценок на тех или иных участках.

В 1919 г. в связи с усилением топливного кризиса лесозаготовки активизировались в условиях децентрализации и максимального расширения круга заготовителей древесного топлива. Руководитель Главлескома Г.И. Ломов указал: «В дальнейшем все эти заготовительные аппараты нам удастся без труда объединить, а пока всякий завод, обеспечивающий себя дровами, должен

³ Кузьмина Т.Н., Шарошкин Н.А. Промышленность Пензенской губернии в 1901–1921 гг. Пенза, 2014.

⁴ Зыкин И.В. «Зелёное золото» индустриализации. Лесопромышленный комплекс Уральского региона в конце 1929 г. — первой половине 1941 г. Екатеринбург, 2021; Кулагин О.И. Развитие лесопромышленного комплекса Карелии как инструмент модернизации моноотраслевого региона во второй половине XX в. Петрозаводск, 2020.

⁵ Старшова И.Г. Топливный кризис на Псковщине в годы Гражданской войны // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2006. № 24. С. 146.

⁶ Декреты Советской власти. Т. IV. М., 1968. С. 263–264.

быть нами всячески поддержан»⁷. Ему вторил его заместитель С.И. Либерман: «При современных тяжёлых условиях транспорта и снабжения положительных результатов надо ждать не от концентрации заготовок, а от возможно большего их дробления посредством армии заготовителей»⁸. Как показало последующее развитие лесной промышленности, «в дальнейшем» наступило только после Великой Отечественной войны. В 1920—1930-е гг. промышленные главки и предприятия вели самостоятельные лесозаготовки, чем усиливали децентрализацию и чехарду с переходом рабочих от одного заготовителя к другому.

Главлеском принял решение привлечь на лесозаготовки частных предпринимателей и отдельные организации, осуществлявшие работы подрядным способом. Президиум ВСНХ одобрил это решение на заседании 1 апреля 1919 г., однако обращает на себя внимание осторожность формулировки: «в тех губерниях и уездах, где местные органы не в состоянии исполнить нарядов полностью». Подчёркивалось, что «опыт заготовки дров показал полную возможность организации местных органов по заготовкам без участия подрядчиков, как, например, в губерниях Череповецкой, Тверской, Костромской»⁹.

Даже с учётом этих оговорок названная мера противоречила идеологическим установкам большевиков. В этой связи представляет интерес аргументация руководителей Главлескома. Ломов, характеризуя топливный кризис в целом и недостаток дров для снабжения транспорта и промышленности в частности, писал: «При данных условиях мы должны твёрдо сказать: не только наши собственные заготовительные аппараты должны развивать максимальную деятельность в лесу, но и другие аппараты, желающие работать над вырубкой и доставкой дров, независимо от того, будет ли это пролетарский аппарат или даже частный... При данных условиях мы должны твёрдо себе уяснить, что мы не в силах своими собственными аппаратами обеспечить республику необходимым для неё дровяным топливом, и было бы преступлением ради чистоты принципа пожертвовать существованием самой промышленности»¹⁰. Либерман указал, что «зачастую работа подрядчика под бдительным контролем пролетарских организаций даёт значительно лучшие результаты, чем та же работа, происходящая в недрах наших бюрократических учреждений», а также что «для успеха дела полезно известное соревнование между заготовителями»¹¹. Заведующий отделом губернских заготовок комитета А.А. Апушкин аргументировал необходимость «привлечения всех способных к заготовке сил» верой «в частную инициативу, в знание и опыт частного аппарата»¹².

Сторонниками подрядного способа заготовок выступили и активно проводившие с 1919 г. самостоятельные заготовки железные дороги. Например, комиссар Рязано-Уральской дороги, заготавливавшей дрова на территории Пензенской, Самарской и Саратовской губерний, направил наркому путей сообщения докладную записку, в которой отметил невозможность быстро и эф-

⁷ Ломов А. Топливный голод и наша топливная политика // Народное хозяйство. 1919. № 6. С. 13.

⁸ Либерман С. О политике заготовки древесного топлива // Экономическая жизнь. 1919. 27 сентября.

⁹ ГА РФ, ф. Р-130, оп. 3, д. 334, л. 25 об.

¹⁰ Ломов А. Топливный голод и наша топливная политика. С. 14.

¹¹ Либерман С. О политике заготовки древесного топлива.

¹² Апушкин А. Итоги трёхгодичной лесозаготовительной политики Главлескома // Топливное дело. 1921. № 3—4. С. 18.

фективно решать в центре вопросы по обеспечению лесного инструментами и продовольствием и призвал к допуску частной инициативы на лесозаготовках¹³. Кризисная ситуация и риторика руководства Главлескома воздействовали и на местных работников. Представитель Пензенского губсовнархоза В.М. Смирнов высказался в пользу максимального расширения круга лесозаготовителей: «Сейчас трудно выработать какой-нибудь определённый план, мы находимся в положении пожара, и надо скорее тушить его, не разбираясь в средствах»¹⁴.

Призывы возымели эффект. Пункт 4 постановления ВСНХ и Наркомата путей сообщения «О порядке осуществления лесных заготовок в сезоне 1919–20 гг.» (май 1919) гласил: «К производству лесных заготовок привлекаются государственные, общественные и муниципальные учреждения, кооперативы и частные лица». Пункт 3 обозначил рамки: «Заготовки могут производиться либо для собственного потребления, либо в общегосударственный фонд Главлескома... Приобретение дров для продажи не допускается»¹⁵. Следует отметить отсутствие уточнений насчёт ограничения использования частных на лесозаготовках в зависимости от конкретной ситуации в той или иной губернии. Судя по всему, руководители Главлескома сумели продвинуть в ВСНХ свои идеи про «опыт частной инициативы» и соревнование «армии заготовителей».

Однако позиция на местах существенно отличалась от линии центра. Ещё в начале сентября 1918 г. отдел топлива ВСНХ созвал съезд ответственных работников по лесозаготовкам. Допуск частных лиц через подрядный способ на нём признали недопустимым по принципиальным соображениям, но с учётом катастрофического положения с топливом разрешили его как крайнюю меру¹⁶. В губерниях Поволжья запасы лесов были ограничены, поэтому наличие большого числа лесозаготовительных организаций неизбежно приводило к срыву работ на отдельных участках из-за переманивания рабочих. На этом основании курс Главлескома на привлечение «частников» работники местных лескомов и лесотделов встретили настороженно. На съезде представителей этих органов Симбирской губ. (10 сентября 1919 г.) констатировалось: «В некоторых организациях работы по заготовке леса производятся подрядчиками, получившими от Главлескома право на отводы им в Симбирской губернии, эти частные лица незнакомы с местными условиями... при данных условиях нельзя рассчитывать (на их вклад. — *Е.В.*)»¹⁷.

Помимо конкуренции опасались ещё и жульничества. Главлеском разработал максимально упрощённый порядок выделения лесных площадей. На съезде лесозаготовителей Пензенской губ. (23–25 августа 1919 г.) руководитель гублескома И.М. Юкин поделился впечатлениями от добытого им во время пребывания в Главлескоме образца договора: «Всякое желающее разработать дрова частное лицо подаёт о том заявление в Президиум Главлескома, который самым благосклонным образом к таким заявлениям относится, берётся чистый бланк договора, вписывается фамилия, количество десятин, подлежащих разработке, и сумма денег, указывается губерния, где должна происходить разра-

¹³ Государственный архив Саратовской области, ф. Р-2706, оп. 1, д. 73, л. 2 об.—3.

¹⁴ Государственный архив Пензенской области (далее — ГА ПО), ф. Р-952, оп. 1, д. 10, л. 15.

¹⁵ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1919. № 34. Ст. 333.

¹⁶ Анушкин А. Итоги трёхгодичной лесозаготовительной политики Главлескома. С. 17.

¹⁷ Государственный архив Ульяновской области (далее — ГА УО), ф. Р-337, оп. 1, д. 33, л. 65 об.

ботка, и частное лицо получает сейчас же 5% с договариваемой суммы, едет на место и после отвода площади получает ещё 5%; после этого, имея на руках громадную сумму денег, но не заготовив ещё ни одного полена дров, он не торопится приступить к работе, рассуждая очень просто: что деньги кармана не пролежат. А в конце концов может получиться такая история: увидит частное лицо, что ему дров не заготовить, придерётся к чему-нибудь и откажется вовсе от заготовки, возвратит Главлескому его деньги, использовав их предварительно так, как ему надо. Желающих таким образом получить наряды... очень много. Члены Президиума осаждаются ими целыми тучами»¹⁸.

Соображения о спекулятивных наклонностях подрядчиков находят подтверждение в данных статистики. Так, в отчёте о заготовке дров для отдела топлива Московского городского совнархоза в 1919 г. отмечено, что в Нижегородской губ. подрядчики Левис и Гуревич заготовили 500 куб. саженей¹⁹ из запланированных 12 тыс. (4,16%); в Тверской губ. Штейн, Фрумкин и Берман — 929 куб. саженей из 20 тыс. (4,6%)²⁰. Такие низкие результаты могут свидетельствовать о нежелании предпринимателей всерьёз заниматься развёртыванием лесозаготовок. В целом по стране за 1919/20 г.²¹ в общем объёме лесозаготовок государственное задание составляло для гублескомов — 41,5%, желескомов — 24%, главков — 14,5%, различных организаций — 16%, частных — 4%. При этом гублескомы выполнили 95% задания, желескомы — 90,8%, главки — 52,5%, предприниматели — 29,6% (по вывозке ещё меньше — 17,9%). Но в Главлескоме стояли на своём. Апушкин писал по поводу лесозаготовительной кампании 1919/20 г.: «Правда, Главлескомом за всё это время допускался к заготовкам и частный аппарат, и самозаготовки, но всё это такими нетвёрдыми шагами, полумерами, в ограниченных размерах, что только ставило частный аппарат в невыносимо тяжёлые условия, ложное положение, скорее компрометируя его, чем давая возможность проявлять ему себя и доказать свою силу и право на участие в общем деле лесозаготовок... Надо ещё удивляться, что при всех этих условиях они заготовили около $\frac{1}{3}$ задания»²². Кроме того они заготавливали дрова и лесоматериалы как самостоятельно, так и для гублескомов и желескомов по договорам подряда. В одном из вариантов отчёта за 1919/20 г. приводились данные о том, что гублескомы обычным хозяйственным способом (т.е. своим аппаратом) заготовили 75%, желескомы — около 50%, остальное пришлось на подрядчиков: «Тем не менее подрядный способ играл в 19—20 гг. большую роль, осуществляя около $\frac{2}{5}$ всей заготовки и вывозки»²³. Как следствие, курс на поддержку частных лесозаготовителей был подтверждён.

С мест тем временем поступали протесты. Например, на съезде лесозаготовителей Пензенской губ. (23—25 августа 1919 г.) заведующий четвёртым участком гублескома С.П. Чумичкин жаловался на «конкуренцию, создаваемую

¹⁸ ГА ПО, ф. Р-952, оп. 1, д. 10, л. 11.

¹⁹ В одной кубической сажени 9,71 кубометра (*Селибер Б.И.* Справочник по лесной промышленности и лесному хозяйству. Пг., 1923. С. 228).

²⁰ ГА РФ, ф. Р-130, оп. 3, д. 335, л. 97 об., 99.

²¹ Хозяйственный или операционный год, за который стала собираться отчётность после революции, продолжался с июля одного календарного года до июля следующего, с 1921 г. и до начала 1930-х гг. — с октября по сентябрь.

²² *Апушкин А.* Итоги трёхгодичной лесозаготовительной политики Главлескома. С. 18.

²³ Лес // Известия ВЦИК. 1920. 25 декабря.

предпринимателями», которые ведут разработку дров по соседству с его «околодком»²⁴. Конкуренцией именовалось переманивание лесорубов и возчиков за счёт незаконного повышения установленных расценок оплаты работ с одного участка на другой. Аналогичную проблему отмечали на съезде представителей лесных отделов и лесных комитетов Симбирской губ. (сентябрь 1919 г.): «Между тем эти частные лица, желая привлечь рабочих и техников, не считаются с установленной оплатой труда, что не может не вносить дезорганизацию даже в хорошо налаженную работу»²⁵. Либерман дал такой ответ на эти «сигналы»: «Но если на местах наблюдается взвинчивание цен, захват участков и т.п., то такие явления д[олжны] б[ыть] поставлены в вину прежде всего нашим гублескомам, которые согласно постановлению Президиума ВСНХ обязаны на местах регулировать эти вопросы»²⁶. Алгоритм рассуждений очевиден: курс центра на привлечение частных предпринимателей верен, а если на местах что-то идёт не так, в этом виноваты недалёкие местные работники.

Поняв, что помощи от Москвы ожидать не приходится, в регионах начали обходиться своими силами. Руководителю Пензенского гублескома Юкину в борьбе с «частниками» удалось заручиться поддержкой хозяйственников. Под его влиянием съезд совнархозов Пензенской губ. (17 августа 1919 г.) решил, что «подрядный способ заготовки... в связи с местными условиями не может дать положительных результатов». Давалось указание послать от имени съезда телеграмму в президиум ВСНХ, выразив в ней «энергичный протест против предпочтительного отношения Главлескома к подрядному способу заготовки в обход существующих органов совнархоза, которые в силах были бы справиться с лесозаготовительным делом, если бы им были предоставлены финансовые средства, которые теперь без всякой гарантии распыляются между подрядчиками-предпринимателями»²⁷. Заслуживает внимания высказанное на съезде предложение Юкина: «Я думаю, что Главлеском поступил бы гораздо более разумнее, если бы поручил заключение договоров гублескомам, которые сумели бы заключить договоры с более надёжными элементами и сумели бы избавить Республику от лишних расходов»²⁸.

Деятельность «частников» на лесозаготовках в губернии в значительной степени парализовало постановление губисполкома в июле 1919 г., поставившее несколько барьеров желающим заработать на курсе Главлескома. Во-первых, оговаривалось, что «желающие вести заготовку на подрядных началах будут допускаться к ней только по выходе инструкций», обещанных центральным ведомством. На съезде лесозаготовителей в конце августа Юкин говорил, что это распоряжение пока не опубликовано. Во-вторых, в пунктах 3 и 7 приложения к постановлению указывалось, что «при разработке делянок каждый заготовитель обязан подчиняться всем указаниям технического характера гублескома и гублесподотдела». Пункт 8 гласил, что «неисполнение какого-либо из пунктов 3 и 7 влечёт за собой меры воздействия вплоть до отобрания площади от заготовителя без какого-либо права на получение новой или возмещение убытков по начатой разработке»²⁹. В-третьих, распределение гублескомом лес-

²⁴ ГА ПО, ф. Р-952, оп. 1, д. 10, л. 7 об.

²⁵ ГА УО, ф. Р-337, оп. 1, д. 33, л. 65 об.

²⁶ Либерман С. О политике заготовки древесного топлива.

²⁷ ГА ПО, ф. Р-442, оп. 1, д. 217, л. 18, 32.

²⁸ Там же, ф. Р-952, оп. 1, д. 10, л. 11 об.

²⁹ Там же, л. 20 об.

ных площадей должно было производиться в соответствии с четырьмя категориями потребителей, которым будут переданы дрова. К первой группе отнесли «Красную армию и предприятия, её обслуживающие». Предприниматели, производящие заготовку дров в порядке подряда от Главлескома, могли быть отнесены как к третьей группе (фабрик и заводов государственного значения), так и к четвёртой (промышленных предприятий местного значения и прочих потребителей). Поэтому и лесные площади им предоставлялись в последнюю очередь, в не самых удобных с точки зрения организации рубки и вывозки лесоматериалов местах.

Руководитель Симбирского лескома М.М. Фомин не обладал ни специальным образованием, ни энергией Юкина. Для этой губернии была характерна значительная децентрализация данной отрасли. Судя по всему, комитет не очень волновало, кто помимо него занимается заготовками дров и лесоматериалов. Поэтому, например, в 1920 г. здесь работали свыше 50 различных организаций³⁰, в том числе из Самарской, Саратовской, Нижегородской и даже Царицынской губерний³¹. Симбирская губ. обладала большим запасом леса по сравнению с Пензенской, но такое количество заготовителей было явно избыточным. Как следствие, привлечение частных предпринимателей дало отрицательный результат. В отчёте гублескома за период с января по октябрь 1919 г. отмечалось: «Приехали из разных мест люди с “крепкими” мандатами центра и распоряжениями Главлескома об отводе лесных площадей, без инструментов, не знающие местных условий и с опытом старого времени. Получили лесные площади и стали просить инструменты и продукты, которых гублескому не хватало самому. Начали работать действительно знающие местные условия, большинство же к работам не приступало»³².

В сводках о ходе работ по 37 лесничествам³³ губернии за период с июля 1919 г. по май–июнь 1920 г. удалось выявить только нескольких частных предпринимателей³⁴. Наиболее успешным оказался подрядчик Московско-Казанской железной дороги И. Захаров, заготовивший в Сурском лесничестве Курмышского уезда 1725 куб. саженей дров и вывезший к железной дороге 6070 куб. саженей. В лесничестве Алатырского уезда вело работы товарищество «Казандрова» — контрагент четвёртого района желескома той же железной дороги. Начав работы в ноябре 1919 г., до 31 декабря оно заготовило 158 куб. саженей и вывезло 136, с 1 января по 1 апреля 1920 г. — 703 и 530, в апреле и мае — 160 и 117 соответственно. Результаты работавшего в Сурском лесничестве подрядчика Топливного союза И. Казакова скромнее — только 220 куб. саженей заготовленных и вывезенных дров. Контрагенты от Рауспирта Шефрик и Добкин осуществили заготовку 120 куб. саженей для винокуренного завода в Темрязанском лесничестве Сенгилеевского уезда. Так и не приступил к работам в Жигулёвском лесничестве Сызранского уезда подрядчик Туркфронта С.А. Зильбербург.

Из перечисленных подрядчиков претензий к количественным показателям не может быть только в отношении Захарова. Представляется, что в богатом лесом Алатырском лесничестве желеском за те же семь месяцев работы, ко-

³⁰ ГА УО, ф. Р-181, оп. 1, д. 228, л. 24.

³¹ РГАЭ, ф. 2254, оп. 1, д. 720, л. 2–84.

³² ГА УО, ф. Р-200, оп. 2, д. 329, л. 60 об.

³³ Всего в губернии насчитывалось 63 лесничества (Там же, ф. Р-337, оп. 1, д. 53, л. 1, 25).

³⁴ РГАЭ, ф. 2254, оп. 1, д. 474, л. 1–34; д. 720, л. 2–160.

торые товарищество «Казандрога» потратило на заготовку 1 тыс. куб. саженей (из которых вывезти удалось только 783), мог самостоятельно заготовить даже больше. Для сравнения, с мая 1919 г. по май 1920 г. Московско-Казанский железном заготовил в лесничествах Симбирской губ. 84,5 тыс. куб. саженей дров хозяйственным способом (т.е. собственным лесозаготовительным аппаратом) и 16,4 тыс. — иными путями³⁵. Среди них — заготовка частниками-подрядчиками, трудовыми артелями, общественными организациями и кооперативами. Заготовки общественников и кооперативов в губернии производились, но в ограниченном количестве. Поэтому долю частных в общем объёме 16,4 тыс. куб. саженей заготовки для нужд данной железной дороги можно приблизительно оценить в диапазоне 12–15 тыс.

Помимо Московско-Казанской заготовки древесного топлива в губернии в 1919/20 г. вели Сызрано-Вяземская, Волго-Бугульминская, Рязано-Уральская и Самаро-Златоустовская железные дороги. Но последние три работали исключительно хозяйственным способом. «Иным способом» оказалось получено только 2937 куб. саженей дров для Сызрано-Вяземской дороги (из 6,5 тыс. общей заготовки)³⁶. Всего по Симбирской губ. с октября 1919 по май 1920 г. заготовили 342 тыс. куб. саженей³⁷. Вклад частных предпринимателей в этот объём оказался скромным — примерно 20–25 тыс. (15–20 тыс. заготовки Московско-Казанской и Сызрано-Вяземской дорог подрядным способом в совокупности с ещё несколькими тысячами у отдельных подрядчиков других организаций). Не приступившие к работам частники бесполезно занимали отведённые им лесные площади, лишив кого-то из местных организаций или промышленных предприятий возможности обеспечить себя дровами. В отчёте комитета подчёркивалось, что значительное количество лесозаготовителей «создало на местах взаимную конкуренцию как в пользовании рабочей силой, так и при получении лесосек и снабжения, что губительно отразилось на работе гублескома»³⁸.

Пензенский и Симбирский гублескомы не одиноки в отрицательных оценках предпринимателей в лесной промышленности. Апушкин писал летом 1919 г.: «Этот новый принятый курс (на привлечение частных предпринимателей. — *Е.В.*) в деле лесных заготовок имеет много защитников, в большинстве своём из среды потребителей, а ещё более врагов, как из среды лескомов, увидевших в этом недоверие со стороны Главлескома к их силам и способностям, а равно со стороны лиц и организаций, принципиально и программно смотрящих иначе»³⁹. Оппозиция на местах не осталась незамеченной в центре, но её аргументы сочли выражением местечковых интересов и нежеланием допустить конкурентов на свою территорию. Либерман осенью 1919 г. высказался по данному вопросу определённо и категорично: «Многие гублескомы решительно стоят против допущения “чужих” заготовителей в свои владения, видя в этом нарушение своих прав. То обстоятельство, что в своей губернии гублескому удалось заготовить всего 10–30% задания, мало его смущают»⁴⁰.

³⁵ Год работы по снабжению железных дорог топливом. Ч. 1. М., 1920. С. 172.

³⁶ Там же. С. 175–176.

³⁷ ГА УО, ф. Р-200, оп. 1, д. 561, л. 149.

³⁸ Отчёт о деятельности Симбирского ГСНХ за время с 1 января по 1 октября 1920 года. К X губернскому съезду Советов. Симбирск, 1921. С. 2.

³⁹ Апушкин А. На рубеже двух дровяных заготовок // Народное хозяйство. 1919. № 7. С. 29.

⁴⁰ Либерман С. О политике заготовки древесного топлива.

Следует отметить, что замечание о низкой эффективности работы гублескомов верно только отчасти. Во-первых, по данным начальника отдела губернских заготовок Главлескома, местные отделения ведомства обеспечили в 1918/19 г. 38% плана⁴¹. Во-вторых, следует учесть, что гублескомы в массе своей появились только в январе–феврале 1919 г., поэтому для наиболее результативной зимней заготовки им оставалось примерно 2–2,5 месяца, поскольку в апреле–мае начиналась посевная, что обычно вызывало массовый отток сезонных рабочих — местных крестьян.

Как правило, комитеты создавались на базе организованных осенью 1918 г. лесозаготовительных отделов губернских советов народного хозяйства. В опубликованном отчёте Главного управления по топливу приводился перечень трудностей, мешавших нормальному ходу работ: «В области дровозаготовок происходит организационная перестройка в связи с ликвидацией частного лесопромышленного аппарата, при одновременной естественной слабости государственного лесозаготовительного аппарата, впервые приступающего к колоссальной по объёму работе, при неумении, частью нежелании работать и частью панике специалистов, могущих содействовать работе»⁴². Кроме того, летом и осенью 1918 г. на территории Самарской, Симбирской и Саратовской губерний велись боевые действия. В Самарской, к примеру, планировалось начать заготовки дров в сентябре, но развернуть работы удалось только в декабре⁴³. Поэтому наладить систему производственных участков и накопить существенные запасы заготовленных дров лесозаготовительные отделы совнархозов не смогли. Кроме того, «новорождённые» гублескомы сразу же столкнулись с недостатком пил и топоров, которые Главлеском выделял в недостаточном количестве. Например, в выступлении на съезде лесозаготовителей Пензенской губ. (август 1919 г.) член коллегии гублескома Я.Ф. Роут подчеркнул: «Надеяться на нормальное снабжение инструментами уже не придётся. Главлеском сказал тов. Юкину, что навряд ли мы от него получим хотя бы одну пилу или один топор, и предложил гублескому самоснабжаться»⁴⁴.

С учётом вышеизложенного сводить причины срыва лесозаготовок в 1918/19 г. только к неэффективной работе гублескомов неоправданно. Часть вины должен взять на себя и Главлеском. Уже в 1919/20 г., когда производственный процесс оказался налажен, результаты работы гублескомов приблизились к 100% выполнению заданий. Но весной 1919 г. руководители Главлескома решили распределить часть финансовых средств для лесозаготовок частникам. Скорее всего, решающую роль сыграли панические настроения в связи с усилением топливного кризиса.

В разногласиях центра и регионов по поводу частного предпринимательства на лесозаготовках применительно к условиям Поволжья более убедительно выглядит позиция работников на местах. Частный аппарат мог принести определённую пользу в богатых лесом губерниях с редким населением и незначительным количеством лесозаготовителей, например, в Архангельской или Вологодской. Следует обратить внимание на то, что активный сторонник част-

⁴¹ Анушкин А. Итоги трёхгодичной лесозаготовительной политики Главлескома. С. 17.

⁴² Топливоснабжение России за время войны и революции. К отчёту ГУТа за 1921 год. Вып. II. М., 1922. С. 13.

⁴³ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГА СО), ф. Р-644, оп. 1, д. 397, л. 18.

⁴⁴ ГА ПО, ф. Р-952, оп. 1, д. 10, л. 13–13 об.

ного предпринимательства на лесозаготовках Апушкин в период Первой мировой войны работал уполномоченным по заготовкам древесного топлива Особого совещания по топливу в лесной Костромской губ., начав заготовки дров в зимний сезон 1916/17 гг.⁴⁵ Поскольку большая часть дров в дореволюционной России заготавливалась как раз частными предпринимателями, можно предположить, что он проецировал свой удачный опыт по обеспечению Костромы топливом в 1917–1918 гг. на всю Россию в совершенно другой экономической ситуации 1919–1920 гг.

В условиях же губерний Поволжья, отличавшихся десятками лесозаготовительных организаций в каждой из них при нехватке удобных для разработки лесных площадей, увеличение числа заготовителей за счёт «частников» только обостряло дефицит продовольствия, инструментов, рабочих рук и тормозило ход работ. Кроме того, в условиях экономического кризиса и организационной неразберихи лескомы, военные организации, промышленные предприятия нарушали правила ведения рубок, в частности, очистки лесосек. Подрядчики тем более не собирались соблюдать нормы. Лесничий Алатырского лесничества Симбирской губ. Ф. Шишкин в напечатанной весной 1920 г. листовке «Бич русских лесов — лесные пожары» утверждал, что в большинстве лесозаготовительных организаций «преобладают в числе лесозаготовителей главным образом бывшие лесопромышленники», которые ведут работы и при этом «нисколько не заботятся о том, в каком состоянии остаётся после них лес», «захламлённость сучьями и порубочными остатками ужасная»⁴⁶. Брошенные в местах заготовок в массовом количестве обрубленные сучья и верхушки деревьев явились одной из главных причин широкого распространения в регионе в 1920–1921 гг. лесных пожаров⁴⁷.

Кроме того, очень быстро выяснилось, что оправдывавшие себя в условиях стабильной экономики частное предпринимательство и соревнование лесозаготовителей в обстановке военного времени и экономического кризиса неизбежно вызвали многочисленные злоупотребления. Победителем в гонке за звание самого успешного заготовителя становился не тот, кто лучше знает специфику лесного дела и является лучшим организатором, а тот, например, кто сумел различными, не всегда законными путями получить доступ к дефицитному продовольствию для раздачи его на своих производственных участках. Обстановка всеобщего дефицита неизбежно усиливала коррупцию. Работник одного из отделов Главлескома И. Рапопорт писал впоследствии: «В области заготовки и вывозки дров и лесных материалов, где допускается в извращённой и хищнической форме частная инициатива в виде сдачи подрядов, берут (взятки. — *Е.В.*) при подписании договоров, берут за отвод лесных площадей, берут за выдачу авансов, берут за отпускаемое продовольствие и инструменты, берут при приёме дров, берут за подлоги в объёме дров и в указании расстояния вывозки, — словом, всех возможностей взять не перечесть»⁴⁸.

⁴⁵ Апушкин А.А. К истории топливной организации в Костромской губернии в 1915–1918 гг. Кострома, 1919. С. 1–5.

⁴⁶ РГАЭ, ф. 2254, оп. 1, д. 56, л. 2.

⁴⁷ Воейков Е.В. Лесные пожары в Среднем Поволжье: забытая экологическая катастрофа Гражданской войны // Новый исторический вестник. 2020. № 4. С. 112–127.

⁴⁸ Рапопорт И. Полтора года в советском главке // Архив Русской революции. Кн. 1. Т. 2. М., 1991. С. 104.

Такое мнение можно было бы счесть пристрастным, учитывая факт эмиграции Рапопорта из Советской России. Но оно совпало с впечатлениями от подрядчиков Юкина, которыми он поделился на съезде лесозаготовителей Пермской губ. в августе 1919 г.: «Я к этим третьим лицам присмотрелся немного в Москве и вывел заключение, что большинство из них — спекулянты. Некоторые из них чистосердечно сознались, что берут подряд потому что можно получить на руки большую сумму денег. Удивило меня также и то, что этими частными лицами являются бывшие приказчики и служащие крупных лесозаготовителей царского времени, нет ни одного старого лесозаготовителя. Договоры начали заключаться с мая месяца, но в настоящее время нет ещё ни одного крупно поставленного частными лицами дела, да я и сомневаюсь, что частное лицо дало бы дрова. Я ещё раз повторяю, что 90% подрядчиков — чистые спекулянты»⁴⁹.

Понимали ли руководители Главлескома опасность злоупотреблений и коррупции, а также недостаточную эффективность действий подрядчиков в той экономической ситуации? Ломов, судя по сохранившимся отзывам и написанным им статьям, не являлся яркой и творческой личностью. Например, по утверждению работавшего в одном из отделов главка служащего, его «главным талантом» являлась «способность говорить, когда угодно, о чём угодно и сколько угодно»⁵⁰. «Мелочи» вроде нецелевого использования средств, выделенных подрядчикам, и коррупции в аппарате могли пройти мимо внимания этого руководителя.

Начальник ведущего отдела комитета Апушкин зарекомендовал себя как профессионал и ответственный работник. Можно предположить, что его убежденность в эффективности частного аппарата базировалась на неверии в способность советской бюрократии вести дело в условиях кризиса. Сохранились свидетельства о неблагополучном кадровом подборе в Главлескоме. Заместитель председателя ведомства М.В. Рыкунов писал 14 июня 1920 г.: «Состав руководящих лиц во всех отделах чрезвычайно слаб, выражаясь мягко: работа велась как-то поверхностно, как будто всё это делалось для того, чтобы показать, что они работают... Никакого продуманного плана как в лесозаготовках, так и в деревообрабатывающей промышленности нет и в помине, всё делалось кустарно, случайно, под давлением нажима верха. Никаких толковых инструкций и указаний местам не было... Отделы часто исполняют совершенно к ним не относящиеся работы, и получается огромная путаница»⁵¹. Ежедневно наблюдая этот хаос, Апушкин вполне мог искать новые, нестандартные пути решения проблемы топливного кризиса.

Впрочем, возможно также, что в Москве многочисленные недостатки деятельности подрядчиков на лесозаготовках где-нибудь в Пензенской или Симбирской губерниях просто не замечали. Хроническое же невыполнение плановых заданий по заготовкам дров и тотальный дефицит необходимого для выдачи лесорубам и возчикам продовольствия вынуждали хвататься за «соломинку» частного предпринимательства, которое, как мечталось руководителям ведомств, сможет переломить ситуацию в лучшую сторону.

Тем временем постепенно количество частных предпринимателей в лесной промышленности сокращалось: если в 1919/20 г. по всей России их насчитывалось 1200–1500 человек, то в 1920/21 г. — от 600 до 700. Подобный спад

⁴⁹ ГА ПО, ф. Р-952, оп. 1, д. 10, л. 11 об.

⁵⁰ *Рапопорт И.* Полтора года в советском главке. С. 99.

⁵¹ ГА УО, ф. Р-181, оп. 1, д. 228, л. 72.

можно объяснить колебаниями политического курса. Апушкин отмечал: «Декретом СНК от 24 ноября 1920 г. частный аппарат аннулируется, а декретом от 6 дек[абря] того же года разрешается ГЛК оставить до 1 мая 1921 г. 275 контрагентов. Но на этом дело не кончается, и постановлением ВЦИК от 31 марта 1921 г. действие декрета от 6 дек[абря] приостанавливается, и работа частного аппарата продолжается до 1 июля 1921 г. Как видите, за короткий срок, всего 4 месяца, отношение ГЛК к частному аппарату часто меняется»⁵².

На местах же нередко отчаивались разобраться в нюансах и хитросплетениях политики центра и начинали действовать по принципу «пусть будет как будет». Кто-то — в духе новых веяний нэпа — пытался сделать ставку на частную инициативу: «Что касается института контрагентов, этой “болезни” нашего лесозаготовительного дела, то Саратовский гублеском не избежал общей участи. Обладая мощным аппаратом, он всё же сдал частной компании заготовку почти всего количества дров, намеченного заданием». Но Президиум ВСНХ расторг заключённый договор как не соответствующий интересам губернии. Деятельность предпринимателей характеризовалась следующим образом: «Печально положение лесничеств, которые, хотя и на короткое время, попали в руки контрагентов»⁵³.

Базируясь на материалах губерний Поволжья, можно выделить несколько моделей реализации курса Главлескома на максимально упрощённый порядок выделения лесных площадей частным предпринимателям. Первый — блокировка доступа «частников» к заготовкам. Его реализовывали в Пензенской губ., где по инициативе энергичного руководителя лескома на основе постановления исполкома предприняли попытку ограничения допуска «частников» к лесозаготовкам с правом «отобрания» предоставленных лесосек при неподчинении местному начальству. В итоге подрядный способ на лесозаготовках в губернии распространения не получил. В отчёте губернского экономического совещания за период с октября 1921 по апрель 1922 г. указывалось: «Работы хозяйственных органов производились преимущественно хозяйственным способом. Заготовка не велась ни артелями, ни подрядчиками, ни союзами, ни на комиссионных началах»⁵⁴.

Близкий к пензенскому вариант характерен для Самарской губ. Отчёты тамошнего лескома за 1919 и 1920 гг. содержат перечни ведущих лесозаготовки организаций, но упоминания о частных подрядчиках отсутствуют⁵⁵. Уже при переходе к нэпу, в осенне-зимний сезон 1921/22 г., «к лесозаготовке был привлечён частный аппарат на началах подрядной работы»⁵⁶, но количественные результаты оказались минимальны. В отчёте губернского управления по топливу за период с 1 октября 1921 г. по 1 октября 1922 г. сказано, что «частный аппарат занят заготовкой дров на договорных началах для нужд государственных и кооперативных организаций» и «эта заготовка чрезвычайно невелика... пока заготовлено немного больше 1000 куб. саж.»⁵⁷. По данным отчёта губернского

⁵² Апушкин А. Итоги трёхгодичной лесозаготовительной политики Главлескома. С. 21.

⁵³ Наша промышленность. Положение с топливом в 1921 г. // Известия (Саратов). 1922. 7 марта.

⁵⁴ Отчёт Пензенского губэкономсовещания Совету труда и обороны и Совнаркому за период с 1 октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г. Пенза, 1922. С. 102.

⁵⁵ ЦГА СО, ф. Р-81, оп. 1, д. 246, л. 127; д. 412, л. 49; ф. Р-235, оп. 1, д. 10, л. 161.

⁵⁶ Отчёт Самарского губернского экономического совещания. Вып. II. 1 октября 1921 г. — 1 апреля 1922 г. Самара, 1922. С. 79.

⁵⁷ ЦГА СО, ф. Р-239, оп. 7, д. 20, л. 13.

экономического совещания с 1 октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г. показатели работы подрядчиков составили: товарищество «Лесоработ» — 450 и 210 куб. сажень (заготовка и вывозка), артель «Лесной работник» — 540 и 467, товарищество «Лесопромышленник» — 758 и 668, предприниматель И.П. Головин — 27 и 148⁵⁸. Следовательно, общий результат «частников» составил 1775 куб. сажень заготовки и 1493 вывозки. При этом всего по губернии в 1921/22 г. заготовлено 10224 и вывезено 18273 куб. сажень дров⁵⁹. Такие незначительные по сравнению с общим количеством показатели свидетельствуют о низкой эффективности их работы. В отчёте губэкономсовещания констатировалось: «В современных условиях Самарской губернии дело лесозаготовки, чаще всего удалённой от пути сообщения, очевидно, не под силу и частному аппарату»⁶⁰.

Вторую модель участия предпринимателей в лесозаготовках реализовали в Симбирской губ., предоставив «частникам» свободу рук. Однако их результативность и здесь оказалась очень низкой.

Подводя итоги, можно констатировать, что всеобщее огосударствление экономики при «военном коммунизме» не сочеталось с творческой частной инициативой. В сфере лесозаготовок требовались неизменность государственной политики и относительно стабильная ситуация в экономике. Ни того ни другого в стране не было и быть не могло. По поводу непредсказуемых изменений курса в отношении частных предпринимателей один из руководителей Главлескома писал: «При этих условиях, мне кажется, лучше было бы их вовсе не допускать, хотя я... верю в их жизнеспособность и успех деятельности»⁶¹.

Кроме того, организовывать рубку и вывоз леса при дефиците инструментов, продовольствия для рабочих и фуража для лошадей удавалось только государственным лесозаготовительным органам. Ни один лесопромышленник в условиях инфляции, хронического дефицита промтоваров и продовольствия, непредсказуемых действий государства не стал бы рисковать своими деньгами. Польститься на предлагаемые Главлескомом условия работ могли только жулики или авантюристы, и в этом отношении оценка Юкиным предпринимателей, желавших взять подряды в Главлескоме, оказалась верной. Частное предпринимательство в условиях «военного коммунизма» было изначально обречено или на жалкое и убыточное существование, или на криминализацию, символом которой стал «чёрный рынок».

Многообразие условий России и имеющиеся данные позволяют утверждать, что при определённых обстоятельствах деятельность «частников» всё-таки могла быть эффективной. Но неблагоприятная общая тенденция развития частного предпринимательства в лесном деле сохранялась. В данном вопросе в очередной раз проявились тенденция игнорирования центром как конкретной экономической ситуации, так и специфики развития отдельных регионов, и стремление подогнать очень разные части обширной по территории и разнообразной по климатическим и экономическим условиям страны под единый шаблон.

⁵⁸ Отчёт Самарского губернского экономического совещания. Вып. II. С. 77.

⁵⁹ ЦГА СО, ф. Р-239, оп. 7, д. 20, л. 15.

⁶⁰ Отчёт Самарского губернского экономического совещания. Вып. II. С. 79.

⁶¹ Анушкин А. Итоги трёхгодичной лесозаготовительной политики Главлескома. С. 21.

Особенности военного строительства на Белом Юге (на примере Войск Новороссийской области Вооружённых сил Юга России)

Антон Посадский

Features of military construction in the White South (on the example of the Troops of the Novorossia Region of the Armed Forces of the South of Russia)

Anton Posadskiy

(Stolypin Volga Region Institute of administration, the branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saratov)

DOI: 10.31857/S2949124X23020116, EDN: BIXDFL

Белогвардейские формирования и их боевая деятельность на Юге России достаточно хорошо изучены. Ключевыми представляются проблемы эффективного взаимодействия с населением, управляемости тыла, пополнения войск и наращивания военных усилий. В этой связи среди деятелей Белого движения велась полемика по поводу регулярной или же добровольческой основы военного строительства. В динамике Гражданской войны с этим был связан и вопрос стратегии: усиливаться наступлением и занятием территорий или закрепляться на занятых территориях, проигрывая в темпах и времени?

Два боевых расписания Вооружённых сил Юга России (ВСЮР) на конец сентября – конец ноября 1919 г.¹ показывают, что «регулярный» подход побеждал, интегрируя в себя и подход «добровольческий». К началу октября 1919 г. во ВСЮР насчитывалось 9 номерных пехотных дивизий добровольческого генезиса. К концу ноября из них уцелели лишь 5-я, 7-я и 2-я пехотная, долгое время находившаяся на черноморском побережье. При этом 7-я позднее была преобразована в 4-ю стрелковую дивизию – наследницу старой дивизии императорской армии, а 5-я, видимо, успела выделить из своего состава 20-ю пехотную дивизию, о чём речь пойдёт далее. Таким образом, восстановленные части Русской императорской армии и «шефские» полки к концу 1919 г. практически полностью сменили дивизии «добровольческого» формирования или, вернее, выросли из них. Активно возрождали свои части кавалеристы, среди которых сохранилось много кадровых офицеров. Процесс возрождения частей царской армии был прекращён приказом П.Н. Врангеля от 16 апреля 1920 г. о реорганизации армии².

© 2023 г. А.В. Посадский

¹ Расписание Вооружённых сил Юга России (по 15(28) сентября 1919 г.). Исправлено по 29 октября (11 ноября) 1919 г. // Белая гвардия. Альманах. М., 1997. № 1. С. 72–84; ГА РФ, ф. 5827, оп. 1, д. 146.

² Абиякин Р.М. Смена главнокомандующих Вооружёнными силами на Юге России в 1920 г.: проблема сочетания «добровольческих» и «регулярных» устоев // Крым. Врангель. 1920 год / Сост. С.М. Исаков. М., 2006. С. 23.

По мнению многих мемуаристов — участников Белого движения на Юге, для белых роковым оказалось не столько стремление А.И. Деникина в 1919 г. безудержно наступать, сколько неумение распоряжаться занятыми территориями.

Одним из театров военных действий ВСЮР являлась Новороссия. 20 августа 1919 г., вскоре после занятия белыми Одессы, 3-й армейский корпус в составе 4-й и 5-й пехотных дивизий был развёрнут в Войска Новороссийской области. Затем они стали разрастаться, появлялись технические, кавалерийские части, производственные мощности Одессы позволили иметь нештатный дивизион бронепоездов «Новороссия». Находясь в эмиграции, бывший начальник штаба войск Области генерал В.В. Чернавин составил реестр 82 сформированных частей и соединений³. При сравнительной немногочисленности кавалерии бронепоезда играли значительную роль, проводили успешные самостоятельные операции. Но всё же основой оставались общевойсковые соединения — пехотные дивизии, которых было всего две при возрастающем размахе военных операций.

25 августа (7 сентября) появилась и сама Область в составе Таврической и Херсонской губерний. Главнoначальствующим Областью и командующим её силами стал генерал-лейтенант Н.Н. Шиллинг. Войска Новороссии представляли собой хороший пример разворачивания на обширном пространстве с разнообразным и богатым населением, крупным портом — Одессой, быстрым продвижением в боях. Противником здесь являлись не только красные, но также петлюровцы, махновцы, атаманские формирования в тылу, галичане, ставшие малобоеспособным союзником в ноябре 1919 г.

В ноябре—декабре 1919 г., когда центральная группировка белого фронта терпела тяжёлые поражения и отступала, Войскам Новороссийской области сопутствовал успех. Вместе с тем собрать более 15 тыс. штыков и сабель они не смогли, хотя мобилизационные возможности края были велики и мобилизации проводились. Интересно проследить, в каком направлении происходило расширение военных формирований, что этому способствовало и что мешало.

Войска Новороссийской области описаны как в мемуарной, так и в исследовательской литературе. Существуют общие работы, посвящённые борьбе белых на петлюровском фронте⁴. В их числе необходимо отметить подробный очерк А.С. Кручинина об обороне белыми Крыма с конца 1919 до весны 1920 г.⁵ Наконец, написаны работы о жизни и деятельности самой крупной полководческой фигуры Войск Новороссии — генерала Я.А. Слащёва⁶. 29 декабря 1919 г. в состав Войск Новороссийской области были включены расформированные войска Киевской обл.

³ ГА РФ, ф. Р-5956, оп. 1, д. 363, л. 1–5 об.

⁴ Данилов А.А. Добровольцы и петлюровцы // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах. Екатеринбург, 2004. № 14. С. 52–68; Рябуха Ю.В. Военный конфликт между Вооружёнными Силами Юга России и Украиной осенью 1919 г. // Military Крым: военно-исторический журнал. 2006. № 4. С. 33–37; Савченко В.А. Двенадцать войн за Украину. Харьков, 2006. С. 268, 277–281.

⁵ Кручинин А.С. На подступах к Крыму: противостояние и борьба в Северной Таврии в декабре 1919 — январе 1920 годов // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Шестой международной научно-практической конференции. Ч. 2. СПб., 2015. С. 413–429.

⁶ Кручинин А.С. Генерал-лейтенант Я.А. Слащов-Крымский // Белое движение. Исторические портреты: Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин, П.Н. Врангель... / Сост. А.С. Кручинин. М., 2006. С. 384–442; Ганин А.В. Белый генерал и красный военспец Яков Слащёв-Крымский. М., 2021.

В открытых столкновениях белые оказались сильнее петлюровцев и разного рода повстанцев, в большинстве случаев — и красных тоже. В свою очередь, петлюровские войска превосходили по качеству махновцев. Так, донская газета приводила соотношение жертв в боях между петлюровцами и махновцами и за время властвования махновцев в Екатеринославе на рубеже 1918–1919 гг. Убитых петлюровцев насчитывалось 200, махновцев и большевиков — 1300, граждан — 250, ещё до 800 махновцев были потоплены в Днепре⁷. Кубанская дивизия при взятии Гуляйполя в начале июня 1919 г. захватила 1200 махновцев, ещё более 800 погибло⁸. Потери белой конницы оказались несравнимо ниже. В то же время малые гарнизоны, железнодорожные станции и тем более государственная стража в сёлах не в состоянии были выдерживать удары любых атаманских формирований, в особенности ядра махновской армии.

Помимо преобладавшего русско-украинского населения с заметными особенностями в хозяйственной жизни и навыках общения с соседями, в Новороссии и на других территориях правобережья Днепра, занятых войсками Области, жили многочисленные немецкие и болгарские колонисты, приазовские и причерноморские греки, евреи. Осенью 1919 г. здесь появились десятки тысяч галицких русинов — военнослужащих Украинской Галицкой армии (УГА). Главным городом Области являлась Одесса. В процессе развития операций под контроль войск Области перешла Подольская губ., передовые части заходили и в пределы Волынской губ.

Судьба многочисленного еврейского населения прежде всего ассоциируется с неоднократными погромами. Между тем следует отметить значительное участие евреев, в том числе обитателей земледельческих колоний, в махновском движении, весьма дееспособную еврейскую самооборону, активное участие евреев в рядах РККА. В то же время греческая община солидарно не выступила. Приазовские греки-крестьяне дали надёжные кадры махновцам, а причерноморские городские общины старались не участвовать в военно-политических событиях⁹. Некоторые русские греки вступали в греческие части, пока (осенью 1918 — весной 1919 гг.) они находились на русском Юге¹⁰, но вряд ли их число было сколько-нибудь значительным.

По соседству с Херсонской губ. располагалась Бессарабия, к марту 1918 г. оккупированная Румынией и на протяжении 1918–1920 гг. принимавшая и исторгавшая потоки беженцев. Одни уходили от большевиков, другие массово бежали от тяжёлого гнета румынской администрации и военщины. В результате, например, для красных Бессарабия стала «резервом, питавшим ряды 45-й дивизии... В её полках зачастую встречались не только группы земляководносельчан, но и целые семьи бессарабцев»¹¹. На белой стороне значительный поток в Бессарабию вызвал провал французской интервенции весной 1919 г. На ту сторону ушла и сформированная в Одессе Отдельная стрелковая бригада генерал-майора Н.С. Тимановского, считавшая себя частью Добро-

⁷ Донские ведомости (Новочеркасск). 1919. 18 января. С. 4.

⁸ Там же. 29 мая. С. 1.

⁹ См.: Тригуб А.П., Осипенко А.В. Греческая община Южной Украины в условиях революционных потрясений и вооружённых столкновений (1917–1920 гг.) // Русин. 2021. № 63. С. 156–172.

¹⁰ Милоданович В.Е. Из Кисловодска в Кисловодск. 1918–1919. М., 2020. С. 150.

¹¹ Из истории борьбы за власть советов в Молдавии (1918–1920 гг.). Сборник воспоминаний участников Гражданской войны / Ред.-сост. И.И. Довгополый и Н.Д. Ройтман. Кишинёв, 1984. С. 250.

вольческой армии¹². После месячного пребывания в Тульчине бригада (Сводно-Кавалерийский, Стрелковый и 42-й Якутский полки, 4-я стрелковая артиллерийская бригада, инженерная рота с броневым взводом, беженцы) в мае 1919 г. прибыла в Новороссийск¹³. Здесь ей предстояло развернуться в 7-ю пехотную дивизию и вскоре войти в состав войск Киевской обл.

Кроме того, генерал В.Н. Сокира-Яхонтов в начале 1919 г. планировал создать в Одессе «белую народную армию» из местных студентов, гимназистов, немцев-колонистов. Было сформировано несколько дружин добровольцев, роздано оружие¹⁴. Видимо, оно очень помогло в ходе летнего выступления колонистов против большевиков.

Наиболее заметным и солидарным меньшинством выступали немецкие колонисты, на качества и надёжность которых неоднократно указывали мемуаристы. В зоне влияния Н.И. Махно колонисты являлись его наиболее упорным врагом. Для белых колонистская самооборона и добровольцы оказались важным ресурсом. В той же роли выступали куда менее многочисленные болгарские колонисты-огородники.

Длительное и упорное восстание немцев Одесского, Тираспольского и Вознесенского уездов Херсонской губ. (26 июля – 20 августа 1919 г.) немало способствовало падению советской власти в Причерноморье, лёгкому взятию войсками Деникина Херсона, Николаева и Одессы 13–23 августа 1919 г.¹⁵ Очевидно, элементы вооружённого сопротивления колонисты демонстрировали и ранее, ещё до австро-германской оккупации. Так, Григориопольская красногвардейская дружина в феврале 1918 г. разоружила некую «белогвардейскую банду» в Гликлстале¹⁶.

По мнению В.В. Чернавина, «Одесса и её район нам дали очень мало в смысле приращения сил, а между тем самый город отнял у нас очень много средств и внимания и вообще уподобился тяжёлой гире, тянущей нас вниз»¹⁷. В этой связи важным оказывается вопрос о колонистах, так как именно под Одессой располагалось множество немецких поселений. Чернавин пишет и о серьёзных расчётах на колонистов. Немецкие милиционные роты удачно содействовали белым в конце зимы – начале весны 1919 г. в Северной Таврии. Съезд представителей немецких колоний заявил о готовности поддерживать Добровольческую армию и вынес пожелание о проведении чуть ли не поголовной мобилизации. Однако реальная помощь оказалась весьма скромной. Добровольно поступили в ряды войск всего несколько сотен человек. Мобилизация же шла, как и в других местах, с большими заминками. Около 300 человек старших возрастов удалось получить по наряду для охраны железнодорожного пути Одесса–Жмеринка. Через некоторое время их пришлось отпустить. Наконец, 300–400 колонистов пополнили Одесский караульный полк и стали в нём наиболее надёжным батальоном¹⁸.

¹² Гарусова О.А. Беженцы гражданской войны в Бессарабии (1918–1921 гг.). Переход через Днестр // Русин. 2017. № 3(49). С. 62.

¹³ РГВА, ф. 40307, оп. 1, д. 153, л. 157.

¹⁴ Савченко В.А. Авантюристы гражданской войны. Историческое расследование. Харьков; М., 2000. С. 241.

¹⁵ Безносков А.И. Колонистское восстание 1919 г. в Херсонской губернии // Энциклопедия немцев России (URL: <https://enc.rusdeutsch.ru/articles/5779>).

¹⁶ Из истории борьбы за власть советов в Молдавии... С. 206.

¹⁷ ГА РФ, ф. Р-5956, оп. 1, д. 391, л. 6–9.

¹⁸ Там же.

Столь слабый отклик Чернавин объяснял, с одной стороны, гибелью наиболее активных в восстании накануне прихода белых. С другой, — и это главное, немцы чутко улавливали враждебное к себе отношение крестьянства¹⁹. Выступая на белой стороне, они ставили под удар соседей колонии и свои семьи. Немецкие представители открыто говорили, что по мобилизации колонисты пойдут, если пойдёт и местное крестьянство. Последнее мобилизацию саботировало, что заблокировало и более массовое участие немцев²⁰.

По мере распространения власти ВСЮР актуализировались воинские корпорации — сообщества военнослужащих и офицеров, прежде всего тех соединений, которые в мирное время имели стоянки в занятых городах. Практически везде на Юге по занятии городов делались попытки собрать кадры прежних частей. Так реализовывалась идея возрождения регулярной армии. В нашем случае это 12-я и 19-я пехотные дивизии, стоявшие в Подольской губ. (Проскуров, Винница, Тульчин). Кроме того, по соседству находилась Бессарабская губ., в которой была стоянка 14-й пехотной дивизии. Рассмотрим ряд попыток развернуть или существенно пополнить строевые части Войск Новороссийской области с точки зрения как решений командования, так и ресурсов и тех «окон возможностей», которые открывались в быстрой перемене обстоятельств на протяжении осени 1919 — ранней весны 1920 г.

П.Н. Врангель вспоминал: «Указывая на карте на левый фланг нашего бесконечно растянувшегося фронта, где действовал сборный отряд генерала А.Н. фон Розеншильд-Паулина, генерал Деникин, улыбаясь, заметил: “Даже Розеншильд-Паулин, и тот безостановочно двигается вперёд. Чем только он бьёт врага — Господь ведает. Наскрёб какие-то части и воюет”»²¹. Упомянутый отряд был сформирован 13(26) сентября 1919 г. в составе войск Новороссийской области как отряд Розеншильд-Паулина в составе Крымского конного и Сводно-драгунского полков, Отдельного сводного пехотного батальона, лёгкой батареи и бронепоезда. В начале ноября 1919 г. появился новый Днестровский отряд, основу которого составили Крымский конный, 2-й Лабинский и 2-й Таманский полки. Последний вскоре разделился на Могилёвский и Жмеринский²². Днестровский отряд также менял названия, был, например, Казатинским. Его начальником в ноябре—декабре 1919 г. являлся командовавший сводным полком 14-й пехотной дивизии полковник Н.А. Зеленецкий.

С Казатинским отрядом связана попытка воссоздать одну из пехотных дивизий — 14-ю, которая дислоцировалась до Великой войны в Кишинёве и Бендерах. Дивизия, «молдованизированная» в январе 1918 г., оказалась вскоре демобилизована, как и вся русская армия. С выходом Белой армии к границам Бессарабской губ. возрождение дивизии становилось более или менее актуальным. В Бессарабии оставались русские офицеры, беженцы, военное имущество.

В конце сентября 1919 г. полковник Г.В. Рябов-Решетин докладывал генерал-квартирмейстеру штаба Войск Новороссийской области о перспективах разворачивания 14-й пехотной дивизии. Полковник сообщал о прибытии

¹⁹ См., например: *Посадский А.В.* Уманщина в 1918–1919 гг.: война, настроения, жизненная стойкость // *Historia i swiat.* Т. 8. 2019. С. 178.

²⁰ ГА РФ, ф. Р-5956, оп. 1, д. 391, л. 8 об.—9.

²¹ *Врангель П.Н.* Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). Ч. 1. М., 1992. С. 370.

²² Крымский конный её величества государыни императрицы Марии Феодоровны полк. 1784–1922. Лейквуд, 1978. С. 160, 163.

из Тульчи батальона, который «состоит из 430 офицеров, чиновников и добровольцев, не считая роты военнопленных. Среди офицеров: Г[енерального] ш[таба] генерал-майор Богданович, 70 артиллеристов лёгких и тяжёлых, во главе с генерал-майором Надеиным, около 70 инженеров и специалистов, 22 кавалериста, 4 моряка. В числе всех офицеров 47 генералов и штаб-офицеров, многие из которых командовали отдельными частями»²³.

Рябов-Решетин считал возможным сформировать четырёхротный кадр сводного батальона 14-й пехотной дивизии силою около 200 человек, куда вошли бы все штаб-офицеры дивизии, младшие офицеры пехоты, чиновники и добровольцы. Из артиллеристов можно было выделить кадр четырёхорудийной сводной батареи 14-й артиллерийской бригады, временно приданный запасной батарее. Материальная часть и амундация имелись, «остановка за лошадьми, которых есть надежда достать в колониях или на фронте заботами батальона 14-й дивизии... Генералы и штаб-офицеры, начальники частей 14-й дивизии, начальником гарнизона направляются в Таганрог... Настроение всех отличное. Огромное озлобление против Румынии, все как один просят дать возможность свести счёты с румынами и освободить Бессарабию, где томятся семьи многих и где задержано несколько тысяч русских офицеров. Многие из них в тюрьме, многие насильно зачислены в резерв румынской армии. Общее желание выручить хотя бы застрявших в Тульче (до 1 000 человек)»²⁴. Речь шла о пароходном сообщении, доставке корреспонденции и русской валюты.

В конце 1919 г. в распоряжение генерала Розеншильд-Паулина прибыл отряд колонистов в 200 человек с одним орудием, можно было рассчитывать на скорую отправку ещё 300–400 человек. Свои части колонисты просили вливать в 14-ю пехотную дивизию, так как их организация распространялась на колонистов Бессарабии. Формирование же отдельных частей из колонистов не предусматривалось. Рябов-Решетин отмечал их добровольную помощь перевозочными средствами для артиллерийских и интендантских грузов. Он считал «крайне желательным» всю пехоту Розеншильд-Паулина развернуть «в полк отличного состава числом более 1 500 штыков (2 батальона добровольцев по 500 штыков, до 500 колонистов и 250 человек кадра 14-й пехотной дивизии, который непрерывно будет пополняться из Бессарабии, особенно теперь, с занятием Бирзулы)». При таком кадре добавление 6 тыс. мобилизованных позволяло в короткий срок сформировать прекрасную дивизию. Соответственно, вливать в части 14-й дивизии Симферопольский офицерский полк представлялось излишним, так как ей кадров было достаточно, при этом ослаблялся кадр 12-й дивизии²⁵.

Чернавин в своих записках упоминает 100 болгар и 10 сербов, назначенных в 1-ю и 2-ю роты сводного батальона 14-й пехотной дивизии. Видимо, эти чины вместе с офицерами дивизии, остававшимися в городах занятой ВСЮР Подольской губ., и составили её первоначальный кадровый состав. Генерал отмечал положительное отношение болгар-колонистов к белым²⁶, на это указывал и П.Г. Григоренко²⁷.

Итак, немногочисленную пехоту отряда Розеншильд-Паулина удалось организовать в отдельный сводный батальон 14-й пехотной дивизии. Параллельно

²³ ГА РФ, ф. 10003, оп. 11, д. 63, кор. 51, п. 10, л. 58–60.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, ф. Р-5956, оп. 1, д. 391, л. 24.

²⁷ Григоренко П.Г. В подполье можно встретить только крыс... Нью-Йорк, 1981. С. 54.

был сформирован маршевый батальон, «задачей коего ставилось соби́рание всех чинов 14-й пех[отной] дивизии, теми или иными путями попадавшими из Бессарабии, и направление их на укомплектование» сводного батальона (с 8(21) октября 1919 г.), а затем сводного полка (с 23 октября (5 ноября)) дивизии. Полк рос и достиг внушительной численности в 1600 штыков²⁸, активно воевал, несмотря на неудачи. Так, в конце октября рота или батальон житомирцев (кадр 56-го Житомирского пехотного полка 14-й дивизии) имели неудачное столкновение с сечевыми стрелцами, потеряли два орудия и несколько пулемётов²⁹.

За вторую половину декабря 1919 г. советская разведка различила в Днестровском отряде все четыре полка 14-й дивизии и писала о дивизии как о соединении³⁰, что не соответствовало действительности. Отступление привело к резкому снижению боевого состава части. К 1(14) января 1920 г. сводный полк 14-й пехотной дивизии насчитывал 57 офицеров, 220 штыков, 6 пулемётов, 50 вспомогательных чинов (телефонисты, пулемётчики и т.д.)³¹.

П.М. Шорников отстаивает мысль о том, что и с красных, и с белых позиций нетерпимой являлась оккупация Румынией Бессарабской губ. В декабре 1918 г. в Кишинёве был создан военный комитет «Спасение Бессарабии», в котором ведущую роль играл многолетний командир 14-й пехотной дивизии генерал А.И. Иевреинов, а также ряд офицеров дивизии, в том числе полковник Н.А. Зеленецкий, бывший командир 55-го Подольского полка. По мнению этого автора, речь может идти о фактическом «саботаже» Гражданской войны и негласном сотрудничестве белого и красного подполья в Бессарабии, а также красного подполья в Одессе и офицеров разведки и контрразведки Войск Новороссийской области, которыми были белые офицеры-«бессарабцы». Кроме того, размещение в Приднестровье перешедших к белым частей Галицкой армии также можно рассматривать как накопление сил на бессарабском направлении³². Такой «дивизионно-региональный» патриотизм помогал аккумулировать чинов 14-й дивизии, но в то же время мешал планированию операций в масштабах Области. В результате хорошие кадры успешно воевали, но предпосылка создания многотысячной дивизии реализована не была.

12-я пехотная дивизия имела стоянку в Подольской губ. и с её занятием белыми также предполагалась к разворачиванию. Воссоздавать соединение планировали на базе Одесского караульного полка, Симферопольского офицерского полка и сформированного при занятии Проскурова сводного батальона дивизии. Одесский караульный полк, весьма многочисленный, был переформирован из красного караульного полка, который перешёл на сторону победителей при занятии белым десантом Одессы, затем его превратили в 48-й Одесский пехотный. Остальные полки дивизии (45-й Азовский, 46-й Днепровский, 47-й Украинский) формировались в районе Проскурова и Старо-Константинова, причём ко времени отхода было сформировано лишь по одной сводной роте на каждый

²⁸ ГА РФ. ф. Р-5956, оп. 1, д. 391, л. 11 об.

²⁹ Данилов А.А. Добровольцы и петлюровцы. С. 64.

³⁰ Гражданская война на Украине (1918–1920). Т. 2. Киев, 1967. С. 690, 691.

³¹ ГА РФ, ф. Р-5956, оп. 1, д. 372, л. 6.

³² Шорников П.М. Тираспольская база офицерской организации «Спасение Бессарабии». 1918–1920 // Общественная мысль Приднестровья. 2012. № 1; Шорников П.М. Белые и красные на Днестре: саботаж гражданской войны? // Русин. 2014. № 4(38). С. 78–98; Шорников П.М. «Белые» и «красные» на Днестре в годы Гражданской войны. 1918–1920 г. // Приднестровье в 1914–1920-е годы: взгляд через столетие. Тирасполь, 2021. С. 181–216.

полк. Эти роты отправляли эшелонами на Жмеринку и Одессу, но не успели из-за перехвата повстанцами железной дороги. Впоследствии чины этих рот частично вошли в группу Н.Э. Бредова. В то же время Чернавин упоминает и сводный полк 12-й пехотной дивизии³³.

Ещё одну линию воссоздания 12-й дивизии описывает историк Симферопольского офицерского полка В.В. Альмендингер. По его словам, Е.Н. Робачевский, полковник, бывший марковец, с сентября 1919 г. командовал 3-м батальоном этого полка. Батальон был сформирован позднее первых двух и долго действовал отдельно от полка. В декабре 1919 г. из штаба пришёл приказ о разворачивании полка в 12-ю пехотную дивизию. 1-й и 2-й батальоны и штаб образовывали 45-й Азовский пехотный полк, а 3-й батальон разворачивался в 47-й Украинский. Робачевский, зная заранее о предстоящем разворачивании, берёт свой батальон, не останавливаясь перед невыполнением приказов. Развернуть симферопольцев в дивизию не удалось. 3-й батальон полка в январе 1920 г. был преобразован в Кадровый батальон 47-го пехотного Украинского полка, но вскоре снова влит 8-й ротой в Симферопольский офицерский полк. Однако необоснованные предположения и ожидания командира батальона заметно повлияли на его боевые операции³⁴. 46-й пехотный Днепровский полк в кадрах сосредотачивался в караульном батальоне в Проскурове, который 17 декабря 1919 г. стал именоваться Отдельным кадровым батальоном полка, взвод артиллерии при нём — Сводной батареей 12-й артиллерийской бригады. 6 января 1920 г. батальон сведён в роту и влит в 48-й Одесский пехотный полк. Командовал кадрами полка полковник А.А. Куявский³⁵. Единственный полк полного состава — 48-й пехотный Одесский — в январе 1920 г. должен был стать основой ударной группы для контрнаступления в районе Вознесенска. Однако полк поголовно дезертировал, его чины разбежались по дороге от казарм до вокзала, когда их повели для посадки в эшелоны. Немцы-колонисты — опора полка — не стали исключением³⁶.

В результате всех предпринятых усилий полк 12-й дивизии был сформирован, хотя и в не лучшее для белых войск время, как «1-й Сводный полк отдельной бригады 12-й пехотной дивизии». Известен архивный фонд этой части за 1(14) февраля — 31 мая (13 июня) 1920 г., очевидно, трофейного происхождения³⁷. Однако в зимне-весенних боях за Крым ни одна боевая часть 12-й пехотной дивизии никак себя не проявила. Очевидно, 1-й Сводный полк в эти важнейшие для белых месяцы являлся не более чем хозяйственной единицей. 29 апреля 1920 г. он был направлен на укомплектование Дроздовской дивизии, 2 мая расформирована и номинальная отдельная бригада 12-й пехотной дивизии.

Послужной список одного из офицеров содержит запись о службе в Черкасской офицерской роте при 75-м Севастопольском полку с 6(19) августа 1919 г. В Черкасскую роту он бы призван, очевидно, как офицер. Можно предположить, что Севастопольский полк на тот момент был величиной номинальной, возможно, состоял из сборных офицерских рот. 1(14) января 1920 г.

³³ ГА РФ, ф. Р-5956, оп. 1, д. 363, л. 9; д. 391, л. 54–54 об.

³⁴ См.: *Альмендингер В.В.* Симферопольский офицерский полк 1918–1920 // Страница к истории Белого движения на Юге России / Сост. В. Альмендингер. Лос-Анджелес, 1962.

³⁵ Форум «Гражданская война в России, 1918–1922» (URL: <https://1918.borda.ru/?1-10-00000067-000-0-0-1489420864>).

³⁶ ГА РФ, ф. Р-5956, оп. 1, д. 391, л. 7 об.

³⁷ РГВА, ф. 39684.

этот офицер как артиллерист был переведён в 1-ю отдельную лёгкую батарею обороны среднего участка Одессы. Батарея была вскоре эвакуирована в Крым, где 14(27) января вошла в состав отдельной сводной бригады 12-й пехотной дивизии. По расформировании бригады 25 мая (7 июня) офицера перевели в инженерную роту Дроздовской дивизии³⁸.

5-й пехотной дивизией с июля 1919 г. командовал энергичный генерал П.С. Оссовский. 14(27) октября 1919 г. из её состава была выделена Сводно-Гвардейская пехотная дивизия. В 5-й же остались части старой русской армии: сводные полки 19-й и 20-й пехотных дивизий и 80-й Кабардинский пехотный полк, входивший до войны в 20-ю пехотную дивизию и возрождённый ещё в Южной армии в 1918 г. Потенциально сводные полки могли быть развёрнуты в дивизии. Это и произошло, не без фактического прироста численности и боевой мощи. С номерами возрождённых полков в литературе существует известная путаница. Так, С.В. Волков указывает, что сводный полк 19-й пехотной дивизии 11(24) ноября был развёрнут в бригаду в составе 77-го Севастопольского и 78-го Кубанского, а сводный полк 20-й пехотной дивизии 13(26) октября — в бригаду в составе 75-го Севастопольского и 76-го Кубанского полков³⁹. Номера и названия полков при этом написаны с ошибками. В боевом расписании ВСЮР на 15(28) ноября 1919 г. указаны всё те же сводные полки 19-й и 20-й пехотных дивизий. Красная разведка к концу января 1920 г. увидела по отдельности 5-ю пехотную дивизию, переброшенную в Вознесенский район, и 20-ю пехотную дивизию в составе 76-го Кубанского, 77-го Севастопольского, 78-го «Павагинского» (правильно — Навагинского), 79-го Тенгинского и 80-го Кабардинского пехотных полков, переброшенную в район Новая Одесса на Буге⁴⁰. Опять-таки видны ошибки в нумерации и наименованиях.

В ноябре—декабре 1919 г. в составе 5-й дивизии воевали 75-й Севастопольский и 78-й Навагинский полки. Полки малочисленные, но со многими десятками пулемётов, что не без удивления отметил в своём дневнике офицер Сводно-драгунского полка⁴¹. Небольшой полк со значительной огневой мощью — естественная логика развития событий в манёвренной Гражданской войне, но, с другой стороны, и неоспоримое свидетельство численной слабости белой пехоты.

Один офицер 10(23) июля 1919 г. поступил в Добровольческую армию и был назначен в особую офицерскую роту 2-го армейского корпуса. В составе роты 10(23) августа он был назначен в состав 77-го Тенгинского полка, который образовался путём переименования Особого летучего железнодорожного отряда. 5(18) декабря офицер стал командующим 1-м батальоном. В августе 1920 г. полк был влит в 3-й Дроздовский полк⁴². Видимо, он оставался тем же железнодорожным отрядом, поскольку никаких иных его следов не обнаружено.

Интересно отметить, что 19-я пехотная дивизия до войны стояла в Подольской и на юге Киевской губ., а 20-я — на Кавказе. При этом разворачивание (достаточно условное, не прибавившее численности) полков 20-й дивизии в бригаду произошло даже ранее 19-й. Занятые территории значимых пополнений

³⁸ ГА РФ, ф. 10003, оп. 11, д. 164, л. 159 об.—160.

³⁹ Волков С.В. Белое движение в России: организационная структура (материалы для справочника). М., 2000. С. 304.

⁴⁰ Гражданская война на Украине... Т. 2. С. 713—714.

⁴¹ Столыпин А.А. Дневники 1919—1920 годов. Романовский И.П. Письма 1917—1920 годов. М.; Брюссель, 2011. С. 27—32.

⁴² ГА РФ, ф. 10003, оп. 11, д. 164, л. 153.

«своей» дивизии не дали. Согласно воспоминаниям генерала М.Н. Промтова, 5-я пехотная дивизия в начале января 1920 г. сосредоточилась в Казанке после тяжёлого пешего марша по бездорожью. Малочисленная, утомлённая и больная тифом, она подошла к Одессе 6-го февраля, накануне оставления города, и далее отступала в общем потоке⁴³.

В ходе «великого отступления» русской армии 1915 г. родные места покинули около 228 тыс. русинов. Возникла беженская политическая и гражданская инфраструктура. В Ростове-на-Дону для их нужд была открыта гимназия⁴⁴, сюда из Киева переехал Русский народный совет, координировавший деятельность галичан-русофилов в России⁴⁵. На собрании в Киеве 12 декабря 1918 г. русины высказали пожелание создать из добровольцев-карпаторусов Юга и Востока «отдельную боевую единицу» для использования в борьбе «за общерусское национальное государственное объединение» и «для защиты национальных интересов и прав своей ближайшей родины — Прикарпатской Руси»⁴⁶.

Вопрос участия карпаторусов в Белом движении на Юге изучал В.Р. Ваврик, кратко описавший боевую работу Карпаторусского отряда (затем — батальона) в рядах Добровольческой армии. В августе 1919 г., во время отдыха в Таганроге, батальон развернулся в полк. Карпаторусы переживали из-за непонятного им наименования полка («Славянский»), но очень радовались продвижению белых войск. Формирование с большим подъёмом выступило из Таганрога, в Александровске оно пополнялось, сюда прибыли галичане-добровольцы. Предпринимались меры к разворачиванию четырёхбатальонного полка в бригаду, причём второй полк обязательно должен был получить название «Карпаторусского». Несколько человек направили в армию Украинской Народной республики, чтобы «изъять» из неё русских галичан. Подъём духа оборвался разгромом полка превосходящими силами махновцев⁴⁷. Вскоре его удалось восстановить, и он продолжил службу, но крупные потери карпаторусского офицерского состава, видимо, стёрли национальное лицо полка. Так погоня за пространством, неоднократно осуждённая мемуаристами и историками, создавала для конкретного сообщества воинов-галичан победный настрой и новые возможности для разворачивания. При этом УГА, в отличие от петлюровцев, не видела в белых врага и всячески противилась боевым действиям против них. Осенью 1919 г. старшему офицерству УГА деникинцы виделись победоносной силой, а главным врагом для него являлись поляки, которых Деникин как раз не жаловал⁴⁸. При более благоприятных обстоятельствах «карпаторусско-галицкий» симбиоз мог бы открыть новые возможности.

Войска Области обрели и кавалерийскую часть на основе прежнего кадра. 8-й Лубенский гусарский полк старой армии с лета 1918 г. существовал в украинских вооружённых силах в облике «конно-казацкого» полка Сердю-

⁴³ Промтов М.Н. Ещё о Бредовском походе // Часовой. 1934. № 125–126. С. 12.

⁴⁴ Суляк С.Г. Русины в период первой мировой войны и русской смуты // Русин. 2006. № 1(3). С. 53.

⁴⁵ Баринов И., Стрелков И.А. В. Копыстьянский и его деятельность в России в годы гражданской войны, 1918–1920 гг. // Русин. 2012. № 3(29). С. 118.

⁴⁶ Нам И.В., Наумова Н.И., Зиновьева В.И. Карпаторусский совет и формирование воинских подразделений карпаторусов в Сибири в годы гражданской войны (1918–1919 гг.) // Русин. 2017. № 3(49). С. 91–92.

⁴⁷ Ваврик В.Р. Карпаторуссы в Корниловском походе и Добровольческой армии. Львов, 1923. С. 20–21, 23.

⁴⁸ Савченко В.А. Симон Петлюра. Харьков, 2004. С. 319.

кой дивизии. После перехода, очевидно, частичного, на сторону белых, полк 1(14) октября 1919 г. был возрождён в рядах ВСЮР, причём сразу четырёхэскадронным, с запасным эскадронам и командами. Командиром назначили полковника А.А. Иеропеса. Полк сразу же бросили против махновцев, а в декабре он вошёл в состав Отдельной кавалерийской бригады под командованием генерала Ю.К. Сахно-Устимовича, который в первый период Великой войны командовал Лубенцами. Довоенная стоянка Лубенцев — Одесса. Можно полагать, что переход города под власть белых спровоцировал и переход кадров полка из армии УНР, и мобилизацию остальных кадров на месте довоенной стоянки. Так полк смог сразу проявить себя в качестве полноценной части.

Самое известное и удачное — разворачивание 3-го армейского корпуса (второго формирования) из 4-й пехотной дивизии генерала Слащёва. Оно произошло весьма необычным образом. 13-я и 34-я пехотные дивизии в Русской императорской армии образовывали 7-й армейский корпус Одесского военного округа. В 1912—1916 гг. им командовал генерал Э.В. Экк. 13-я дивизия дислоцировалась в Крыму, 34-я — в Екатеринославе и Ростове. Они были демобилизованы по возвращении в Россию с Румынского фронта. 13-я при этом в декабре 1917 — мае 1918 г. успела побыть 2-й мусульманской стрелковой дивизией. Кадры этих дивизий весной 1919 г. находились в 4-й пехотной дивизии ВСЮР, которой с августа 1919 г. командовал Слащёв. В неё входили Симферопольский офицерский, по два сводных полка 13-й и 34-й дивизий, впоследствии и Сводный полк 14-й пехотной дивизии.

Боевой состав сводных полков 13-й и 34-й дивизий по причине постоянной убыли в боях и от болезней редко превышал 1 тыс. штыков. По воспоминаниям Чернавина, «организация св[одных] полков была переходной к организации дивизии (имелись уже в сокращённом виде органы дивизионного управления и органы дивизионного тыла, а каждый из батальонов св[одных] полков имел органы управления и тыла полка). Ген[ерал] Слащёв усиленно настаивал на развёртывании 4-й пех[отной] дивизии в корпус, а св[одных] полков 13-й и 34-й пех[отных] дивизий в соответствующие дивизии, указывая, что после этого гораздо легче будет довести части до нормального состава и что объединение в одном св[одном] полку ячеек 4 полков является крайне невыгодным и ведёт лишь к излишним трениям. Ставка на развёртывание не соглашалась, мотивируя свой отказ совершенно ничтожной численностью будущих дивизий. Тогда развёртывание было произведено ген[ералом] Слащёвым самостоятельно, в то время, когда он был со своими частями под Екатеринославом и вёл борьбу с Махно. Нахождение ген[ерала] Слащёва в отделе, при очень непрочной его связи со штабом войск, заставило значительно расширить его права. Ген[ерал] Слащёв воспользовался этим и отдал самостоятельно приказ о разворачивании своих частей (превысив при этом свои права). Командующий войсками санкционировал эту меру своим приказом»⁴⁹.

В реальности разворачивание происходило более сложным путём. Так, Таганрогский полк (прежний 136-й Таганрогский пехотный полк 34-й пехотной дивизии императорской армии) как самочинно возникший отмечен инспектором формирований ВСЮР уже 21 августа (3 сентября) 1919 г.⁵⁰ Формировался

⁴⁹ ГА РФ, ф. Р-5956, оп. 1, д. 363, л. 7 об.—8 об. Цит. по: *Ганин А.В.* Белый генерал и красный военспец... С. 61—62.

⁵⁰ «Традиционные части» на Юге России: хаос или система? / Публ. И. Гиркина // *Военная быль.* 1995. № 6(135). С. 17.

он в Бердянске и в сентябре присоединился к 4-й пехотной дивизии. К 5(18) ноября в двух сводных полках 34-й пехотной дивизии насчитывалось более 3 тыс. «едоков»⁵¹. Вскоре последовало разворачивание, и вряд ли численный состав заметно увеличился. 4-я дивизия 10(23) ноября развернулась в 13-ю, 34-ю и 1-ю Сводную пехотные дивизии. В обстановке постоянных боёв ни о каком «доведении до нормального состава» полков корпуса речи быть не могло. Несмотря на это, дивизия, а затем корпус Слащёва стали наиболее сильным и эффективным соединением Войск Новороссийской области. Это единственный случай возрождения в боевой обстановке на белой стороне армейского корпуса императорской армии.

1-я Сводная пехотная дивизия в составе Симферопольского офицерского полка, Сводного полка 14-й пехотной дивизии, Славянского стрелкового полка, 1-й Сводной артбригады явилась «побочным продуктом» разворачивания 3-го армейского корпуса. Она объединила симферопольцев и два полка, которым не удалось развернуться в высшие соединения. Как было показано, из симферопольцев также пытались воссоздать 12-ю пехотную дивизию. Создание 1-й Сводной дивизии подвело черту под проектами разворачивания многочисленных пехотных соединений.

К концу января 1920 г. красные ставили на учёт 14-ю пехотную дивизию в составе четырёх полков как переброшенную из района Винницы в район Елизаветграда. На 3 февраля разведка видела отходящими на Одессу «5-ю, 14-ю, 20-ю пехотные дивизии, отдельные пехотные полки 12-й дивизии», а к 15 февраля «было установлено действие на Одесском направлении вновь сформированной 12-й пехотной дивизии»⁵². Во всех этих случаях дивизионные номера означали кадры, зимой 1919–1920 гг. уже крайне немногочисленные.

Население видело с 1918 г. разные власти, включая оккупационные, и само активно воевало с ними в повстанческом формате. Даже петлюровцы жаловались на отсутствие связи с населением, которое само, «партизанством», борется со своими врагами⁵³. Популярность Директории на правобережье Днепра иллюстрируется известным казусом Пашковецкой республики в ноябре 1919 г. (Пашковецкая волость Проскуровского уезда Подольской губ.). Волость оседлала железную дорогу между Проскуровом и Староконстантиновом и не пожелала пропустить войска и правительство УНР в самый критический для последних момент. Полученное в конце концов согласие уже запоздало. В результате базы и припасы попали в руки белых, занявших Проскуров, уцелевшим и деморализованным петлюровцам пришлось двигаться в обход «республики» на Староконстантинов и Любар⁵⁴. В то же время успешно сражавшийся с войсками УНР Крымский конный полк не мог пополняться пленными петлюровцами, в отличие от красноармейцев; «тут был вопрос чисто народный; нельзя было пленных “Петлюровцев”-украинцев заставлять идти против своих же братьев украинцев»⁵⁵. Слащёв, в свою очередь, видел в армии УНР только «группу повстанцев», о чём и заявил на переговорах о перемирии с галичанами⁵⁶.

⁵¹ Кручинин А.С. К истории кадровых частей 34-й пехотной дивизии в 1919–1920 годах // Военная быль. 1994. № 5(134). С. 29.

⁵² Гражданская война на Украине... Т. 2. С. 713–715, 718, 765.

⁵³ Савченко В.А. Симон Петлюра. С. 325.

⁵⁴ Дикий А. [Занкевич А.И.] Неизвращённая история Украины-Руси. Т. 2. Нью-Йорк, 1961. С. 98–99.

⁵⁵ Крымский конный её величества... С. 156–157.

⁵⁶ Савченко В.А. Симон Петлюра. С. 327.

В декабре 1919 г. Крымский конный полк прикрывал эвакуацию Жмеринки, стараясь наладить добрососедские отношения с многочисленными местными атаманами. То же пытался делать и штаб войск Области, приславший для этой цели штаб-офицера. Отношения устанавливались, но всё равно, «как остров среди океана, находились Крымцы среди шаек союзников атаманов»⁵⁷.

В.А. Савченко сделал разумное заключение: «Решение о роспуске армии и переходе к партизанству было принято преждевременно, так как деникинцы уже отводили свои войска с петлюровского фронта. 10–15 декабря белые сдали Полтаву, Харьков, Киев, огромные территории Волыни, Подолии, Центральной Украины оказались покинуты белогвардейцами. Продержись петлюровцы ещё дней восемь (а в армии УНР ещё сохранялось около 7 тысяч бойцов), они снова могли стать хозяевами обширных территорий»⁵⁸. Противники могли довольно быстро стать «хозяевами» значительных территорий, однако получить большой мобилизационный ресурс оказались не в силах. Население при необходимости воевало «само», в режиме самозащиты и атаманщины.

Весьма показателен для характеристики отношений войск и населения один сюжет, который целесообразно рассмотреть подробно. Тираспольский уезд Херсонской губ. стал советским в апреле 1919 г. В мае проводились выборы в советы и передел земли, 1 июня открылся уездный съезд советов⁵⁹. Уже в мае начались выступления против советской власти и погромы, отчасти в рамках григорьевского выступления⁶⁰. В июле–августе 1919 г. по уезду прокатилась новая волна восстаний, с которыми боролись красные бессарабские полки. Следует отметить старообрядческое волостное село Плоское, жившее в окружении немецких колоний и выделившее красный партизанский отряд, которым командовал местный уроженец И.Н. Колесников. Отряд стал основой 400-го полка 2-й бригады 45-й стрелковой дивизии РККА. Летом 1919 г. полк охранял левый берег Днестра и был срочно вызван в Дубоссары для борьбы с восставшими. Первое наступление на Плоское не удалось. Колесников приказал открыть артиллерийский огонь прямой наводкой, что помогло сломить сопротивление противника. При взятии Плоского красные захватили 4 пулемёта, трёхдюймовое орудие, много винтовок, но и сами понесли тяжёлые потери. Один из снарядов попал в дом Колесникова, погиб его пятилетний сын.

Формируемая 45-я стрелковая дивизия выделила ударную группу, которая более недели вела упорные бои с повстанцами, захватившими несколько станций. На Плоское первоначально пошёл 405-й полк, но село, «хорошо вооружённое, многолюдное и подвижное ненавистью к Советской власти, оборонялось отчаянно», помощь ему оказывали соседние сёла. Тогда красные бросили на Плоское ещё два полка, в том числе упомянутый полк Колесникова. «Семь дней длился бой. Когда вооружённые ряды плосковцев редели, на смену выходили новые бойцы»⁶¹. «Зачинщики» после подавления были расстреляны.

О напряжённости боёв с восставшими свидетельствует следующий факт. Из пяти награждённых золотыми часами в Южной группе войск красных в сентя-

⁵⁷ Крымский конный её величества... С. 165–166.

⁵⁸ Савченко В.А. Двенадцать войн за Украину. С. 288.

⁵⁹ Из истории борьбы за власть советов в Молдавии... С. 182–183.

⁶⁰ Нарцов Н. Борьба за власть Советов в Молдавии // Борьба классов. 1933. № 1. С. 85–86.

⁶¹ За власть Советскую. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917–1920 гг.). Сборник документов и материалов. Кишинёв, 1970. С. 194, 195.

бре 1919 г. двое были награждены именно за борьбу с повстанцами⁶². В фонде управления командующего Войсками Новороссийской области имеется дело со «сведениями по истории формирования и боевой деятельности белогвардейских крестьянских повстанческих отрядов Тираспольского уезда за период с 10 мая по 1 октября 1919 г.»⁶³. Чернавин же сообщает, что маршевый батальон 14-й пехотной дивизии, ввиду массовых уклонений от мобилизаций и для борьбы с бандитизмом в тылу выделил два отряда, обосновавшихся в Тирасполе и Могилёве-Днестровском. Они самостоятельно посылали укомплектования как в свой полк, так и в части Слащёва. Более того, «отряд, обосновавшийся в Тирасполе под начальством полк[овника] Пукалова, установив там полный порядок и завоевав симпатии окружающего населения, ко времени отхода нашего фронта на линию Вознесенск—Николаев развернулся в 1-ю крестьянскую бригаду в составе двух отрядов по 400 штыков и 4-х орудийной батареей»⁶⁴. Можно полагать, что опорой энергичного полковника стали сёла, боровшиеся с красными летом 1919 г. История имела продолжение. В ноябре 1921 г. из-за Днестра пришёл значительный петлюровский отряд и напал на Тирасполь. Он поднял (или пытался поднять) восстание в Бычке, Парканах, Плоском, Терновке. Тирасполь атаковали как закордонные, так и местные повстанцы. При этом среди повстанцев были уроженцы Плоского, а одним из командиров являлся офицер (возможно, местный уроженец) Пукалов⁶⁵. Очевидно, можно говорить об устойчиво антибольшевистском районе в Тираспольском уезде.

В целом же широкие и красивые операции белых в Новороссии не давали адекватного занимаемой территории приращения сил. Чернавин резюмировал: «Учитывая наши слабые силы, наши успехи осенью 1919 г. и в начале зимы 1919—20 гг. надо признать чрезвычайно крупными... Но все эти успехи носили печать непрочности... чувствовалось, что все наши победы эфемерны. Прироста сил не было, едва пополнялся расход (да и пополнялся ли, не знаю). Пространство нас поглощало»⁶⁶. Иными словами, здесь проявились проблемы взаимоотношения белой власти и основной массы населения.

Рассуждая постфактум, Чернавин считал ошибочным движение на правый берег Днепра по выходе белых весной 1919 г. из Крыма. Он полагал, что было бы разумнее ограничиться «нижним течением Днепра (от Екатеринослава, приблизительно, до устья); конечно, не буквально по Днепру, пришлось бы кое-где и перекинуться на правый берег, в целях активной обороны реки, а в частности в низовьях, надо было во всяком случае занять Николаев, Херсон, также и Очаков, чтобы пользоваться лиманом и нижним течением реки; надо было бы иметь там речную флотилию». В этом случае отброшенные за Днепр махновцы и находившиеся на Правобережье петлюровцы связали бы 12-ю советскую армию. Генерал предполагал, что это позволило бы иметь на главном направлении, на Москву через Брянск, корпусом больше и предотвратило бы разрушительный прорыв махновцев в белые тылы⁶⁷.

⁶² Там же.

⁶³ РГВА, ф. 39660, оп. 1, д. 347.

⁶⁴ ГА РФ, ф. Р-5956, оп. 1, д. 363, л. 11 об.—12.

⁶⁵ *Благодатских И.М.* Вооружённое нападение на Тирасполь 19 ноября 1921 года и его последствия // Приднестровье в 1914—1920-е годы... С. 86—87; Из истории борьбы за власть советов в Молдавии... С. 112—113.

⁶⁶ ГА РФ, ф. Р-5956, оп. 1, д. 391, л. 9—9 об.

⁶⁷ Там же, л. 1—1 об.

Иную логику предлагал весной 1920 г. Слащёв, считавший правильным перейти на правый берег Днепра, вооружить поднепровских антибольшевистских повстанцев и занять линию Николаев—Херсон—Бериславль. Он полагал, что это утроило бы силы его корпуса, а колонисты Вознесенского уезда обеспечивали бы части от нападения красных. По мнению А.С. Кручинина, речь шла о переносе за нижний Днепр центра тяжести всей борьбы с готовностью пожертвовать Северной Таврией и Крымом. В этом можно видеть стремление идти к борющимся союзникам (восставшим крестьянам), своего рода «добровольческую» стратегию, в то время как Врангель принимал стратегические решения как политик, как глава государства⁶⁸. Приведённые соображения иллюстрируют проблему, вставшую перед белым командованием: принимать добровольцев, опираться на тех, кто готов сражаться, не занимать территорий сверх военных возможностей или же непрерывно расширять освобождённые земли и проводить правильные мобилизации.

Наладить гражданскую жизнь и уверенно продемонстрировать свою власть белые не смогли. В условиях частых смен правительств после 1917 г. русское население массово уклонялось от проводимых мобилизаций. Доступным ресурсом для белых оказались военные корпорации и национальные меньшинства. Кадры соединений, стоявших до войны на занятых белыми территориях и в Бессарабии, позволили создать немногочисленные части, которые уверенно воевали, но наполнить их тысячами мобилизованных и создать многочисленные соединения не удалось. Всякого рода манёвры с «разворачиваниями» не давали новых штыков и только мешали военным операциям. Единственное «разворачивание» без претензий на многочисленность демонстрирует дерзкое решение Слащёва, во главу угла поставившего уход от сводных частей. Это соединение наиболее активно и успешно воевало, так что опыт следует признать удачным. Однако численный состав и здесь принципиально не изменился.

Что касается меньшинств, то немцы и болгары были всецело на стороне белых. Однако их сдерживал крестьянский фактор. Оказаться полностью в белом лагере при выжидательном настроении многочисленного русского крестьянства значило поставить под удар селения и семьи при перемене военного счастья. При этом соседи-крестьяне оказались более очевидной опасностью, чем гипотетический приход красных. Приведённый выше тираспольский пример мог бы служить воодушевляющим исключением, но, возможно, в этом случае налицо ещё одно меньшинство — старообрядческий анклав.

Весной 1920 г., при реорганизации армии, кадры несостоявшихся дивизий пошли на пополнение других частей. Так, Сводный полк 14-й пехотной дивизии был влит в Олонецкий пехотный полк, 75-й Севастопольский полк — во 2-й Корниловский. Без устойчивой симпатии к власти русского большинства маневрирование солидарными общинами и военными кадрами не могло дать достаточных сил и устойчивого успеха в овладении обширным и богатым краем.

⁶⁸ Кручинин А.С. П.Н. Врангель и Я.А. Слашов: конфликт личностей или конфликт стратегий? // Крым. Врангель... С. 44–45.

«Русификация» советской архитектуры в 1930–1940-х гг.: идеология, теория, практика

Илья Печёнкин

«Russification» of the Soviet architecture in 1930–1940s: ideology, theory, practice

Ilya Pechenkin

(Russian State University for the Humanities, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X23020128, EDN: BIXJCK

Архитектура советского периода чаще всего рассматривается как носитель и проводник идеологии пролетарского интернационализма. С этой точки зрения и романтический неоклассицизм первых лет революции, и авангардные поиски лидеров ВХУТЕМАСа, и творения постконструктивистов, пытавшихся в начале 1930-х гг. заново изобрести ордер, и советское палладианство, несмотря на все противоречия между ними, всё же вписываются в трактовку истории архитектуры как чуждой соблазнов великорусского национализма, так много значившего для эпохи последних Романовых. Как в советской, так и в постсоветской историографии постулируется разрыв между дореволюционным периодом и первыми десятилетиями советской власти: «Русское национальное зодчество XX века было насильственно вычеркнуто из нашей истории после прихода большевиков к власти»¹.

Взгляд через такую оптику влияет и на изложение биографий архитекторов того времени. Характерный и яркий пример — публикации, посвящённые А.В. Щусеву, который не только входил в архитектурный ареопаг сталинской эпохи, но и выступал деятельным сторонником внедрения в советскую архитектуру русских национальных мотивов. Последнее обстоятельство создавало для биографов проблемы в свете необходимости противопоставления до- и после-революционного периодов его деятельности. Так, в книге К.Н. Афанасьева повествование разделено на две части. Глава «Традиции древнерусской архитектуры в творчестве Щусева» помещена в дореволюционный раздел, тогда как разговор о крупнейшем творении мастера в национально-выразительных формах — Казанском вокзале — ведётся в советском, первая глава которого названа «Перепланировка Москвы. Казанский вокзал. Конструктивизм»².

Афанасьев задался благородной целью выявить образ Щусева-конструктивиста, что было невозможно ранее. Но из необходимости заполнения лакун знания не следует допустимость забвения вещей, прежде вполне очевидных. Прижизненная характеристика именовала Щусева «непревзойдённым мастером... в области исторических форм русского национального зодчества»³.

© 2023 г. И.Е. Печёнкин

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 21-512-15002.

¹ Крашенинников А.Ф. В.Н. Максимов. Зодчий русского национального стиля. 1882–1942. М., 2006. С. 56.

² Афанасьев К.Н. А.В. Щусев. М., 1978.

³ Соколов Н. Мастера советской архитектуры // Архитектура СССР. Сборники Союза советских архитекторов. Вып. 17–18. М., 1947. С. 86.

Это плохо согласуется с утверждением о полном забвении в СССР «русского национального зодчества». Отношение к национальным традициям (и в частности к традициям русской архитектуры) выстраивалось значительно сложнее. Это тема, заслуживающая самостоятельного вдумчивого исследования, поэтому в данной статье я лишь намечу его контуры и акценты.

Летом 1930 г. на XVI съезде ВКП(б) генеральный секретарь ЦК партии И.В. Сталин выдвинул ставшую установочной формулу советской культуры — национальной по форме и социалистической по содержанию. Акцент делался на необходимости развития национальных культур народов СССР, а «уклоняющихся в сторону великорусского шовинизма» оратор раскритиковал за непонимание «марксовой диалектики»⁴. Дальнейшее развитие событий показало, насколько гибкой могла быть линия партии в зависимости от условий конкретного политического момента. Феномен возрождения в сталинский период некоторых традиций, свойственных дореволюционной России, ярко описан В.З. Паперным⁵. Исследователь массовой культуры тех лет Д. Бранденбергер убедительно показал, как и зачем начиная с середины 1930-х гг. конструировалось русское национальное самосознание. В преддверии неизбежной большой войны и ввиду скромных успехов советской социальной инженерии пришлось задействовать известные ещё с царских времён рецепты мобилизации общества вокруг идеи Отечества и национальных ценностей⁶.

Важнейшей вехой стало принятие в 1936 г. новой Конституции, чему сопутствовало широкое обсуждение её проекта, призванное показать наличие сплочённого на основе коммунистической идеологии советского общества. Однако, как отмечает О. Великанова, дискуссия не выявила «ни консенсуса, ни единства, ни устоявшейся идентичности». Напротив, власть увидела «расколотое, разнородное общество с несопоставимыми ценностями и менталитетом гражданской войны»⁷. Его консолидация стала насущной задачей, и искусство виделось мощным орудием пропаганды новых идеалов. Правда, первенство принадлежало его зрелищным разновидностям⁸. Архитектура присутствовала в кадре и на театральных подмостках в виде декораций. Однако включению национальных русских форм в творческую палитру мастеров этого времени препятствовало плохое знание отечественной архитектурной традиции. Исследования древнерусских памятников, начатые в середине XIX в. с целью конструирования «русского стиля», подверглись критике уже в 1900-х гг. К примеру, А.Н. Бенуа назвал этот пласт культурно-исторического наследия «порождением грубиянства и невежества», не достойным внимания художественной молодёжи⁹. В этом и подобных ему пассажах нашла отражение пози-

⁴ Политический отчёт Центрального комитета XVI съезду ВКП(б) 27 июня 1930 г. // *Сталин И.В. Сочинения*: в 18 т. Т. 12. М., 1949. С. 367, 370.

⁵ См.: *Паперный В.* Культура Два. М., 2006.

⁶ См.: *Бранденбергер Д.* Сталинский руссоцентризм: советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.) / Авториз. пер. с англ. Н.Г. Алёшиной, Л.Н. Высоцкого, Л.Ю. Пантиной. М., 2017.

⁷ *Великанова О.* Конституция 1936 года и массовая политическая культура сталинизма. М., 2021. С. 332.

⁸ К примеру, сам за себя говорит список кинолент, вышедших на экраны в конце 1930-х гг.: «Пётр I» (1937–1938), «Александр Невский» (1938), «Руслан и Людмила» (1938), «Минин и Пожарский» (1939), «Суворов» (1940).

⁹ См.: *Бенуа А.Н.* Материалы для истории вандализма в России // *Мир искусства. Хроника*. 1903. № 12. С. 118.

ция круга ценителей и художников, чьими усилиями формировалось движение дореволюционной неоклассики. Едва ли не все советские архитекторы старшего поколения были связаны с этим кругом или, во всяком случае, с этим стилевым направлением. После революции некоторые из них обратились к конструктивизму (В.А. Шуко, братья Веснины), но последующее возвращение их и их учеников к неоклассике оказалось органичным.

Кроме того, за интерес к русской исторической архитектуре можно было поплатиться. В частности, в январе 1934 г. ОГПУ арестовало ряд сотрудников Центральных реставрационных мастерских по обвинению в дискредитации советской власти и пропаганде русского национализма. Поводом стали фотоснимки разрушаемых памятников зодчества. Среди арестованных оказался искусствовед М.А. Ильин, впоследствии один из классиков изучения истории русской архитектуры¹⁰. Таким образом, к середине 1930-х гг. национально-самобытные формы оказались вытеснены из повестки профессиональных дискуссий. Для их актуализации требовались специальные усилия — и они последовали. Развернулась кампания апологии русской архитектуры. Уже в 1936 г. в органе Союза советских архитекторов и главном профессиональном издании об этом виде искусства, журнале «Архитектура СССР», появилась рубрика «Архитектурное наследство». Его пропаганда с каждым годом набирала обороты.

Говоря о причинах трудностей, возникших в деле «русификации» советской архитектуры 1930-х гг., отмечу, что классика в её античном или ренессансном изводах была зодчим понятнее и ближе также и с сугубо практической точки зрения. Противоречие между требованиями урбанизации и грёзой о «русском стиле» возникло уже в конце XIX в. Председатель Петербургского общества архитекторов И.С. Китнер задавал риторический вопрос: «Как же подчинить этим формам (формам допетровской архитектуры. — *И.П.*) и даже размерам прежней эпохи нашу современную жизнь и устройство нашего жилища?»¹¹. Русские палаты XVI–XVII вв. в роли прототипов для современных домов, гостиниц, театров и т.д. смотрелись гораздо менее убедительно, чем дворцы эпохи итальянского Ренессанса или барокко. Поэтому «русскость» в постройках современников Китнера могла реализоваться преимущественно на уровне декорации фасада. Их советские коллеги в конце 1930-х гг. последовали тем же путём, о чём свидетельствует, например, семиэтажный дом А.Г. Мордвинова на Большой Полянке в Москве с фасадами, воспроизводящими декоративные мотивы церкви Благовещения в Каргополе¹², или оставшийся на бумаге проект жилого дома на улице Чкалова. В последнем случае архитектор Л.М. Поляков решил задачу «русификации», увенчав боковые повышенные объёмы здания декоративными ажурными «коронами», явственно напоминавшими завершение башен Новодевичьего монастыря.

Были, впрочем, и попытки найти компромисс между национальным и классическим, вернее, выявить в русских традиционных мотивах заключён-

¹⁰ Просим освободить из тюремного заключения (письма в защиту репрессированных) / Сост. В. Гончаров, В. Нехотин. М., 1998. С. 128–132.

¹¹ О значении изучения древних русских памятников для современного зодчества. Доклад профессора К.М. Быковского // Труды I съезда русских зодчих в С.-Петербурге, 1892 г. СПб., 1894. С. 10.

¹² *Седов В.В.* Два жилых дома архитектора Мордвинова и возрождение русской темы в архитектуре Сталинского времени // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2018. № 3. С. 146.

ную в них классичность. В качестве примера можно привести переоформление залов первого этажа Государственного Исторического музея, произведённое в 1936–1937 гг. А.К. Буровым при участии художника Л.Ф. Жегина¹³. Архитектор утверждал, что стремился в этой работе «вскрыть подлинные корни русской архитектуры, показать, что народные мотивы в ней переплетались с античными традициями»¹⁴.

Именно лозунг освоения классического наследия, в основе которого лежала античность, стал ключевым для архитектуры 1930-х гг. На I съезде советских архитекторов Щусев выступил с докладом «Советская архитектура и классическое наследство». Обрушившись с критикой на современные формы (включая конструктивизм), он заявил, что советская архитектура является наследницей «всего самого прогрессивного, правдивого и прекрасного, что было создано в прошлом»¹⁵, связав классическое искусство древней Эллады с народным эпосом, актуальным для сталинского СССР героическим нарративом и темой важности фольклорных традиций. Использование последних оратор трактовал широко, упомянув, например, о постройке А.О. Таманяном театра в Ереване, Л.В. Рудневым – Дома правительства в Баку, о собственной работе над зданием Института Маркса–Энгельса–Ленина в Тбилиси, для отделки которого он привлёк местных чеканщиков, «которые им известными способами прочеканили серебром и золотом стальные ручки дверей»¹⁶.

Но для избранной темы примечательно другое соображение Щусева: «Москва – город розового кирпича, белого камня и металла. Москве можно придать такой же сверкающий колорит, какой имеет Венеция»¹⁷. Стоит отметить, что в 1914 г. по его проекту в садах Джардини, где проводится Венецианская биеннале, построили выставочный павильон Российской империи, стилистику которого можно условно описать как «московскую». Таким образом, переключка между двумя культурными центрами выступала для зодчего важной творческой темой. Но цитата 1937 г. резонирует с фразой Букова, или, точнее, весь текст Букова, написанный «по горячим следам» съезда архитекторов, дышит идеями Щусева. Романовский национализм, спешивший утвердить на зарубежной площадке архитектурную самобытность России, отошёл в прошлое, и сама Москва как архитектурный феномен была интересна только сквозь призму визуального сходства с Венецией. Для того чтобы выявить архитектурное лицо советской столицы, её нужно уподобить одному из знаменитейших мировых городов.

Три года спустя Щусев выступил с программной статьёй «Национальная форма в архитектуре». Необходимость оправдывать разговор о традиции ссылками на классику отпала, с первых же строк говорилось об актуальности создания – в соответствии со сталинской формулой – «архитектуры национальной по форме и социалистической по содержанию». Другое важное новшество состоит в том, что разговор о поиске национальной формы, начатый в 1937 г., теперь открывался обсуждением опыта «русского стиля» XIX в. Уделив ме-

¹³ *Майстровская М.Т.* Музей как объект культуры. Искусство экспозиционного ансамбля. М., 2016. С. 623.

¹⁴ *Буров А.* После архитектурного съезда // Советское искусство. 1937. № 33 (17 июля). С. 3.

¹⁵ РГАЛИ, ф. 674, оп. 2, д. 31, л. 6. Благодарю Ю.Д. Старостенко за помощь в отыскании архивных материалов.

¹⁶ Там же, л. 17–18.

¹⁷ Там же, л. 16.

сто критике построек К.А. Тона, Щусев столь же уничижительно отозвался об И.П. Ропете с его «петушиным стилем», и пожалел о том, что А.Н. Померанцев в здании ГУМа «совершенно не учёл обязывающее ко многому соседство Кремля и храма Василия Блаженного». Резюмируя, он писал: «В своих поисках национальных форм советские архитекторы не должны опираться на все эти опыты холодной академической стилизации... Они обращаются к подлинному архитектурному наследию народов СССР, которое, однако, до сих пор, к сожалению, ещё очень слабо изучено. С тщательного изучения древнерусского зодчества, его культовых и бытовых сооружений нам и следует начинать»¹⁸.

В апреле 1939 г. в Москве прошёл декадник по русской архитектуре, призванный, согласно вступительному слову председателя Московского отделения Союза архитекторов Н.Я. Колли, «научить широкие круги советского народа любить русскую архитектуру, её памятники», потому что «глубокий интерес к изучению великого прошлого русского народа дал уже свои зрелые плоды в различных областях советской социалистической культуры»¹⁹. Доклады, зачитанные в ходе мероприятия, составили сборник, продолжением которого стала серия «Памятники русской архитектуры», издававшаяся в 1941–1949 гг. Очевидно, что адресовались эти публикации не только и не столько «широким массам», сколько профессионалам, а первый советский учебник по истории русской архитектуры для студентов появился только в 1951 г., как бы подытожив этот десятилетний путь²⁰.

Результаты, однако, проявились уже на рубеже 1930–1940-х гг., причём интерес возник не только к источникам «русского стиля», но и к опыту его конструирования в прошлом. 5 июля 1940 г. И.П. Антипов успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме «Опыт освоения исторической русской архитектуры в XIX – начале XX вв.». Текст работы обнаружить пока не удалось, но известна статья, видимо, представляющая собой тезисное изложение содержания. Пожалуй, наиболее существенный аспект этой публикации в том, какое место отведено в истории «русского стиля» Щусеву. «В конце XIX и начале XX вв., в эпоху всеобщего увлечения эклектикой и стилизацией, – писал Антипов, – только редкие мастера пытались заимствовать у прошлого не одни внешние формы. Здесь необходимо прежде всего отметить работы акад[емика] арх[итектуры] А.В. Щусева. Примыкая в основном к романтикам нового стилизаторского толка, А.В. Щусев оставался на общем фоне во многом всё же самостоятельным и оригинальным... Если эклектики конца XIX века пользовались только языком циркуля и линейки, высушивая и схематизируя сочные и живые фрагменты памятников XVII века, то у Щусева те же формы приобретают упругость, пластическую выразительность и осязаемость... Щусев как бы подводит итог попыткам архитекторов XIX века создать “национальный стиль” в русской архитектуре»²¹.

В данной публикации Щусев едва ли не впервые представлен творцом правильного «русского стиля», а его эталонным произведением назван Казанский вокзал в Москве (сразу несколько фото которого включены в иллюстративный

¹⁸ Щусев А. Национальная форма в архитектуре // Архитектура СССР. 1940. № 12. С. 53, 54.

¹⁹ Русская архитектура. Доклады, прочитанные в связи с декадником по русской архитектуре в Москве в апреле 1939 г. / Под ред. В.А. Шкварикова. М., 1940. С. 3, 5.

²⁰ История русской архитектуры. Краткий курс / Гл. ред. С.В. Безсонов. М., 1951.

²¹ Антипов И. Русское архитектурное наследство и его развитие в новейшей архитектуре // Архитектура СССР. 1941. № 2. С. 51–52.

ряд статьи). Строившийся вплоть до начала 1940-х гг., вокзал имел уникальный статус советской постройки в национальных русских формах. Сам Щусев использовал формальные находки вокзальных фасадов в оставшемся не воплощённым проекте нового здания Третьяковской галереи, созданном в середине 1930-х гг. при участии архитектора А.В. Снигарёва.

Но не канонизированный опыт Щусева и не историко-теоретические штудии стимулировали обращение к «русской теме», а большая война с внешним противником. После 22 июня 1941 г. патриотическая риторика, построенная вокруг идеи великого национального прошлого, которое способно определять настоящее и будущее, обрела реальный, всем понятный смысл. «Мировое значение русского зодчества по-новому раскрылось в эти дни перед нами, — говорилось в редакционной статье первого военного выпуска «Архитектуры СССР». — Нам сделались особенно дороги памятники этого зодчества — драгоценное наследие русской культуры»²².

Изучение стенограмм заседаний Кабинета теории и истории Академии архитектуры СССР за 1940-е гг. показывает, что тема самобытности русского зодчества всецело захватила научную мысль. В частности, 5 марта 1941 г. профессор Н.И. Брунов, легко переносясь в воображении из одной точки Евразии в другую, доказывал, что тюркские жилища Алтая, курганы Киевской обл., надгробия на территории Монголии и рязанские избы обладают несомненным архитектурным родством. Признав таковое, можно понять генезис русских шатровых церквей с восьмериком: «Тип шатра является исконной формой и искать его нужно... у скифов». «Когда варяги доехали до Киева, — продолжал Брунов, — то они нашли не пустое место, а культуру, развивавшуюся много тысячелетий». Далее докладчик заметил, что у киевского Софийского собора, имеющего 5 нефов и 12 глав, формирующих пирамидальный силуэт, нет аналогов в византийской архитектуре, а значит, искать истоки этой композиции надо в местных традициях — например, в скифских курганах²³. В отстаивании идеи архитектурной «автаркии» Древней Руси его поддержал профессор И.Э. Грабарь, указавший, что версия проникновения шатра в древнерусскую архитектуру из западного готического искусства принадлежит к разряду домыслов²⁴. Своего рода «резюме» сказанному в предвоенном марте Брунов сформулировал на более поздней сессии Кабинета (10 февраля 1944 г.): «Русская художественная культура... не ниже, а выше многих соседних культур, [таких] как византийская, не говоря уже о Западной Европе»²⁵.

Идею о скифах как предках славян, и русских в частности, подхватил Щусев, декларировавший на заседании 28 февраля 1944 г., что «скифский период истории славянства должен войти в историю русской архитектуры». Пафос его выступления состоял в необходимости не только изучать народное искусство, но и «создавать новую архитектуру, показывая врагу, что у нас есть великого». В дискуссии по докладу историк архитектуры Н.Н. Воронин заметил, что «очень острая волнующая тема: создание русской национальной архитектуры» зависит от решения вопроса о взаимоотношении каменного и деревянного зодчества на Руси. При этом он открыто проводил параллели между современ-

²² Архитекторы в дни Великой Отечественной войны // Архитектура СССР. Сборники Союза советских архитекторов. Вып. 1. М., 1942. С. 2.

²³ РГАЭ, ф. 377, оп. 1, д. 219, л. 8, 25, 28, 42.

²⁴ Там же, л. 29.

²⁵ Там же, д. 25, л. 8 об.

ностью и концом XIX в., призывая обратиться к трудам И.Е. Забелина и с их помощью увидеть корень самобытности отечественной архитектуры в дереве как её основном строительном материале²⁶.

К слову, академическая сосредоточенность на теме шатра как признака русской самобытности в зодчестве неслучайна. Попытки обнаружить национальную архитектуру в прошлом, по-видимому, уже в начале 1940-х гг. производились с прицелом на отыскание аргументов для оправдания высотности. Церковь Вознесения в Коломенском (1532), почитаемая сегодня большинством историков архитектуры как первый русский каменный храм с шатровым завершением, может служить отдалённым прообразом вертикальных композиций московских зданий, которые на уровне замысла появились в 1930-х, а на рубеже 1940–1950-х гг. уже активно строились.

Забегая вперёд, надо сказать, что форсирование «высотной» темы в контексте разговора о русской национальной традиции принесло результаты, сформировав в профессиональной среде устойчивую теоретическую конвенцию. Ценным источником для выяснения таковых служат кандидатские диссертации. В одной из них читаем: «Форма построения архитектуры, диктуемая ведущей градостроительной ролью Дома Советов, должна быть основана на великих традициях национальной русской архитектуры, примером чего служат ведущие сооружения новой социалистической Москвы — высотные здания, возводимые по личному указанию товарища Сталина»²⁷. Сходный пассаж содержит диссертация, защищённая годом позже: «Нам представляется, что при проектировании зданий местных Советов прежде всего следует стремиться к высотной архитектурной композиции как наиболее выразительной и оправданной национальными требованиями русской архитектуры»²⁸.

Великая Отечественная война (сама эта формулировка, впервые явленная на страницах «Правды» в июне 1941 г., наполнена национально-историческими смыслами²⁹) поставила перед архитектурным сообществом новые задачи. Это, во-первых, создание мемориальных сооружений, призванных прославить павших воинов, а во-вторых, проекты восстановительного строительства. Говоря о первых, надо сказать, что национальная тема в них решалась, как правило, через отсылки к архаическим погребальным сооружениям (в частности, курганам, о которых говорил Брунов). Одним из редких исключений служит проект Пантеона партизан, представленный М.Ф. Оленевым в 1943 г. Это центрическое сооружение с шатровым верхом, которое грузными пропорциями напоминает скорее средневековый тосканский баптистерий. Здание предполагалось каменным, с росписью «травным» русским орнаментом по фасаду.

Экономические трудности военного времени сделали актуальным повсеместное использование такого традиционного для России строительного материала, как дерево. В 1942 г. в серии «Памятники русской архитектуры» вышла богато иллюстрированная монография С.Я. Забелло, В.Н. Иванова и П.Н. Мак-

²⁶ Там же, д. 26, л. 1 об.—3 об.

²⁷ Тихонова А.А. Вопросы архитектуры здания Дома Советов областного города средней полосы РСФСР. Дис. ... канд. арх. М., 1951. Цит. по: Косенкова Ю.Л. Советский город 1940-х — первой половины 1950-х годов: от творческих поисков к практике строительства. М., 2009. С. 271.

²⁸ Капустина А.Т. Архитектура зданий местных Советов. Дис. ... канд. арх. М., 1952. Цит. по: Косенкова Ю.Л. Советский город 1940-х — первой половины 1950-х годов...

²⁹ См.: Будницкий О.В. Изобретая Отечество: история войны с Наполеоном в советской пропаганде 1941–1945 гг. // Российская история. 2012. № 6. С. 157–169.

симова о русском деревянном зодчестве³⁰. В этой связи любопытны опыты по внедрению дерева в проекты мемориальных сооружений. Так, в эскизе памятника над братским захоронением, предложенном В.С. Андреевым на Товарищеском соревновании Московского отделения Союза советских архитекторов в 1942 г., основным элементом композиции являлся восьмигранный, крытый лемехом шатёр, цитирующий венчания деревянных церквей Русского Севера, но с пятиконечной звездой вместо креста³¹.

Всё тот же архитектор Оленев предельно сблизился с народной традицией в серии проектов надгробных знаков воинам (1943), напоминающих старообрядческие голубцы, но без креста и с символикой родов войск. В недрах Центрального военпроекта рождались эскизы бревенчатых «мемориальных стен», которые должны были устанавливаться на местах сожжённых деревень и братских захоронений (архитекторы М.М. Дзисько и Н.И. Гайгаров, 1944). Стоит упомянуть также проект «временной триумфальной арки», исполненной по технологии бревенчатого сруба (архитектор Л.Н. Павлов, 1944). Все эти предложения остались нереализованными, но национальная тема педалировалась в разделах проектной деятельности, стоявших ближе к решению утилитарных задач. К таковым относились проекты фасадов стандартных одноэтажных домов, представленные на конкурс, объявленный Комитетом по делам архитектуры при СНК СССР в 1944 г. Стены предполагалось собирать из мелких шлакоблоков заводского изготовления. Условия конкурса в качестве основы для решения фасадов и деталей прямо предписывали архитектуру народного жилища, а также национальные приёмы её декорации (проекты разрабатывались для трёх союзных республик — РСФСР, УССР и БССР). Ведущим элементом стал оконный наличник, принятый многими участниками конкурса за «единицу стандартизации». Его спроектировали состоящим из модульных элементов, замена или перемена которых местами в композиции придавала детали «различное архитектурное выражение»³².

Наглядно феномен экономичной «русификации» утилитарных построек военных лет можно наблюдать на примере посёлка Главного управления аэродромного строительства НКВД СССР, построенного рядом с подмосковной станцией Обираловка (ныне г. Железнодорожный) в 1944 г. Сложенные из бруса двухэтажные здания, спланированные по коридорной системе, снабжались оконными наличниками и другими накладными деталями, а также росписями в условно «русском» стиле. Разработкой декораций занималась мастерская патриарха советской архитектуры И.В. Жолтовского.

На заключительном этапе войны в идеологической сфере сложилась ситуация, которую можно считать парадоксальной. По мере освобождения оккупированных территорий и приближения фронта к западной границе страны происходила интернационализация состава Красной армии, в котором росла доля украинцев, белорусов, представителей народов Прибалтики. Ввиду этого армейские «пропагандистские издания... в 1944 г. снизили в 2 раза по сравнению с 1943 г. количество публикаций о героическом прошлом русского наро-

³⁰ Забелло С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. М., 1942.

³¹ Из истории советской архитектуры 1941–1945 гг. Документы и материалы / Отв. ред. К.Н. Афанасьев. М., 1978. С. 33.

³² Борисовский Г. Архитектура сборных домов // Архитектура СССР. Сборники Союза советских архитекторов. Вып. 7. М., 1944. С. 12–19; Из истории советской архитектуры 1941–1945 гг. ... С. 125.

да»³³. Тезис Сталина о недопустимости великорусского шовинизма как будто обретал дополнительную актуальность. С другой стороны, произнесённый им же на кремлёвском приёме 24 мая 1945 г. тост «за здоровье русского народа» содержал характеристику последнего как наиболее выдающейся нации из всех, входящих в состав Советского Союза³⁴.

В послевоенной риторике начинает фигурировать словосочетание «русский стиль», которого прежде старались избегать или заменять эвфемизмами. Если в 1940 г. Щусев писал о «национальной форме», а год спустя Антипов позволил себе определение «русское архитектурное наследство», то в 1945 г. вышла публикация Ильина, без обиняков озаглавленная «Русская национальная архитектура и проблема русского стиля». Как отмечалось выше, в 1934 г. искусствовед репрессировали по обвинению в националистической пропаганде. Десятилетие спустя пропаганда «русского стиля» оказалась делом государственной важности.

Ильин подчеркнул непреходящую актуальность проблемы, которой посвящена его статья: «Со времени Петра делались неоднократные попытки возродить приёмы и формы древнерусского зодчества», и «этот факт говорит о жизненности исканий русской национальной архитектуры». После ставших уже ритуальными инвектив в адрес сторонников эклектики, не сумевших найти верное решение этой задачи, следует важная оговорка: «Лишь немногие здания, построенные в этом стиле, могут считаться подлинными архитектурно-художественными произведениями, как, например, Казанский вокзал Щусева, “Ссудная казна” Покровского»³⁵. Щусев и В.А. Покровский — те, на ком оборвалась история дореволюционного «русского стиля». Постоянство статуса первого как ориентира не удивляет: он вместе с Жолтовским, Шуко, Таманяном и И.А. Фоминым вошёл в плеяду старейшин, начавших ещё до революции и обладавших «гораздо большей, чем у их непосредственных предшественников, силой и образностью архитектурного языка»³⁶. Покровский к этой обойме не относился и вообще имел зыбкую репутацию, обусловленную званием архитектора Высочайшего двора и полным отходом от проектно-строительной практики после 1917 г. Он скончался в Ленинграде в 1931 г. На фоне роста в СССР заинтересованности историческими стилями Академия архитектуры СССР приобрела у вдовы зодчего часть его творческого архива³⁷. Ильин, несомненно, знал эти материалы и предпринял довольно смелую попытку поставить полузабытого Покровского вровень с признанным корифеем.

Как и предшественники, автор посетовал на слабую изученность русского архитектурного наследия, но акцент сделал на дефиците знания, полезного с практической точки зрения. Оно «дало бы в руки современного архитектора ключ к пониманию приёмов мастерства древнерусского зодчего, помогло бы ему использовать древнерусское наследие для создания современной, совет-

³³ Синицын Ф.Л. Проблема национального и интернационального в национальной политике и пропаганде в СССР в 1944 — первой половине 1945 года // Российская история. 2009. № 6. С. 40.

³⁴ Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 1945. № 121. 25 мая. С. 1.

³⁵ Ильин М. Русская национальная архитектура и проблема русского стиля // Архитектура СССР. Сборники Союза советских архитекторов. Вып. 9. М., 1945. С. 31.

³⁶ История русской архитектуры. Краткий курс. С. 303.

³⁷ См.: Иванова Т. Художественное наследие В.А. Покровского в собрании Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А.В. Щусева // Русский храм-памятник в Лейпциге. Сборник научных трудов. СПб., 2015. С. 133–143.

ской, и в то же время национальной русской архитектуры». Одновременно он предостерег от копирования и указал, что «зависимость от вдохновивших архитектора источников будет ощущаться первое время, но чем дальше, тем меньше мы должны их чувствовать». Своеобразие русской архитектуры Ильин изложил так: «Благодаря пластическим свойствам внутреннего пространства всё здание было проникнуто одним общим, всеохватывающим единством. И если мысленно пробежать путь пространственных решений древнерусских зданий — от первых крестово-купольных храмов с их столбами до сомкнутых сводов XVII в., — то нашему взору предстанет богатейшая картина пространственных систем... Сводчатое покрытие обладает огромной силой воздействия. Создаваемое им внутреннее пространство влияет на человека не менее, чем архитектура внешнего объёма»³⁸.

Замечу, что прямой перенос древнерусских форм в современную практику становился невозможным и по другой причине. Новые архитектурные задачи, новые типы проектируемых сооружений требовали обобщения и упрощения деталей. Это видно на примере фасадов гостиницы «Ленинградская» в Москве (архитекторы Л.М. Поляков, А.Б. Борецкий, 1949—1954) — наиболее «русского» по оформлению из семи построенных сталинских небоскрёбов. Нельзя не отметить схематизм и условность трактовки национальных мотивов XVII в. в её декоре по сравнению с расположенным по соседству Казанским вокзалом.

Ещё дальше от подражания историческим образцам оказалась архитектура станции Московского метрополитена «Серпуховская» (ныне «Добрынинская»), в проектировании которой, наряду с архитекторами М.А. Зелениным, Л.Н. Павловым и Я.В. Татаржинской, участвовал и Ильин. Решение перронного зала посредством чередования перспективных арок и арочных ниш меньшего радиуса выглядит воплощением принципа, изложенного в статье 1945 г.: форма предельно абстрагирована и в то же время ассоциативно связана с образами древнерусских памятников. Переключки с фасадами домонгольских храмов несомненны, но конкретных цитат не видно.

Станцию сдали в эксплуатацию 1 января 1950 г. На проектировщиков обрушилась жёсткая критика за безыдейность и формализм³⁹. Несмотря на это, станция оказалась одним из интереснейших памятников сталинской архитектуры — и, одновременно, поставила точку в истории попыток её «русификации». В середине 1950-х гг. поиски «русского стиля» завершились вместе с эпохой доиндустриальных технологий строительства и «архитектурных излишеств», когда в стилизованных под царские палаты интерьерах упомянутой гостиницы «Ленинградская» обнаружились черты «фальшивой буржуазной помпезности и необузданного украшения»⁴⁰.

Подводя итог, следует констатировать, что внедрение русских национальных форм в советскую архитектуру не носило характера продуманной политики. Этот процесс больше напоминал серию спорадических импульсов в моменты наибольшей потребности в мобилизации общества, действенным инструментом которой являлась пропаганда национальных ценностей. Ответ на вопрос, состоялся ли советский «русский стиль», должен быть отрицательным: в количественном отношении «русицизмы» Сталина выглядят значитель-

³⁸ Ильин М. Русская национальная архитектура... С. 31, 33.

³⁹ Шапошников Ю. Достоинства и недостатки архитектуры новых станций метрополитена // Архитектура СССР. 1952. № 4. С. 2—3.

⁴⁰ Руднев Л. О формализме и классике // Архитектура СССР. 1954. № 11. С. 31.

но скромнее «русицизмов» Александра III. Именно поэтому даже в заключительном для сталинской эпохи 1954 г. по-прежнему раздавались сетования на то, что «архитекторы редко обращаются к [русским] национальным мотивам»⁴¹. Внятно запрос власти на «русификацию» архитектуры сформулирован так и не был, более того, официальной доктриной оставался интернационализм. Лишь по косвенным признакам (тематика диссертационных работ и докладов в Академии архитектуры СССР; условия конкурсов, объявлявшихся правительственным Комитетом по делам архитектуры; утверждавшиеся проекты зданий) можно заключить, что поиски «русского стиля» санкционировались на самом высоком уровне.

Помимо плохой идеологической подготовленности кампания по конструированию «национальной архитектуры» с самого начала натолкнулась на те же трудности, которые встали на пути поборников «русского стиля» в конце XIX в.: слабую изученность русского архитектурного наследия и невозможность приспособить его к нуждам современного строительства. Советские теоретики архитектуры так и не сумели сформулировать принципы нового «русского стиля», оставаясь на уровне деклараций о значимости народной традиции, а с 1941 г. — ещё и особой важности всего русского. Изучение стенограмм заседаний Кабинета теории и истории Академии архитектуры СССР указывает на отсутствие предметной дискуссии о принципах освоения национального наследия.

На этом фоне интерес представляет попытка Ильина, предпринятая во второй половине 1940-х гг. как в теоретической, так и в практической плоскости. Соблюдая все ритуалы (т.е. указав на порочность «русского стиля» царских зодчих и воздав хвалу Щусеву как исключению из их числа), искусствовед выдвинул идею созидания русской национальной архитектуры, избегая при этом копирования форм исторических памятников. Мысль эту нельзя назвать новой: уже в начале XX в. критика полагала идеалом национального стиля архитектуру, которая «не является подражанием чему-либо определённом»⁴². Но в советском контексте Ильин впервые описал, как должна выглядеть современная постройка в «русском стиле». Новаторство этого подхода, благодаря таланту архитектора Павлова, раскрылось в решении станции «Серпуховская». Однако вскоре сама установка на «русификацию» утратила актуальность, и этот опыт остался практически невостребованным.

Действительным же результатом попыток создания «русского стиля» нужно считать рождение в СССР новой области знания. Базируясь на материалах дореволюционных исследований, архитекторы середины столетия внесли значительный вклад в фактологию, обеспечив науке о древнерусском зодчестве достаточно высокий статус и перспективу развития.

⁴¹ Дмитриев А. О национальном в архитектуре // Архитектура СССР. 1954. № 3. С. 31.

⁴² Курбатов В. О русском стиле для современных построек // Зодчий. 1910. № 30. С. 312.

«Дворец передовой научной мысли» как отражение эпохи: к истории создания новой территории Московского университета на Ленинских горах

Кирилл Голиков

**«The Palace of advanced scientific thought» as a reflection of the epoch:
on the history of the creation of a new territory
of the Moscow University on Leninskiye Gory**

Kirill Golikov

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X2302013X, EDN: BJKVVS

В 1930-х — начале 1950-х гг. слова А.В. Шусева о том, что «дворец передовой научной мысли Советского Союза должен получить достойную его значения архитектуру»¹, легли в основу масштабных проектов строительства новых зданий для Академии наук и Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова на Ленинских (Воробьёвых) горах².

В 1934 г. по постановлению Совета народных комиссаров Академию наук СССР перевели из Ленинграда в столицу. В 1935 г. при разработке Генерального плана реконструкции Москвы для размещения научных институтов на юго-западе от столицы (в то время — рядом с деревней Черёмушки) по проекту Шусева решили возвести большой академический городок, задуманный — впервые в мировой архитектурной практике — как целостная зона. Центром её должны были стать здания Президиума Академии наук и библиотеки, вокруг которых располагались бы участки геологической, химической, математической, общественнонаучной, зоологической и ботанической ассоциаций. Всего там предполагалось разместить 40 зданий, а также огромный ботанический сад³.

В 1936 г. на Ленинских горах открыли Московский (ныне — Главный) ботанический сад АН СССР, директором которого стал геоботаник и почвовед академик Б.А. Келлер. Его проектируемая площадь составляла 390 га, склон, выходящий на излучину реки Москвы, собирались террасировать. Однако этот проект не получил развития⁴.

© 2023 г. К.А. Голиков

¹ Шусев А. Академия наук СССР. Проект главного здания // Архитектура СССР. 1938. № 12. С. 38.

² Подробнее см.: История Московского университета. В 2 т. Т. II. М., 1955. С. 424–444; Воробьёвы горы: от храма Христа Спасителя к храму науки / Под ред. А.В. Смурова и В.В. Снакина. М., 2014; Яковлевский Р.М. Высота номер один: история и архитектура Главного здания МГУ. Изд. 2. М., 2021. См. также: Кокурин А.И., Моруков Ю.Н. «Принять предложение товарища Сталина». Постановления Совета министров СССР о строительстве новых зданий МГУ на Ленинских горах (1947–1954 гг.) // Исторический архив. 2004. № 4. С. 115–118; Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. Ростов н/Д, 2004.

³ Кулешова Г.И. «Дворцы науки» на карте Москвы // Вестник Российской Академии наук. Т. 78. 2008. № 2. С. 138–152.

⁴ Ландшафтная архитектура Главного ботанического сада им. Н.В. Цицина РАН: история и перспективы. К 70-летию со дня образования. М., 2015. С. 16–17.

С конца XIX в. размеры ботанических садов в промышленно развитых странах стали увеличиваться, достигая десятков и даже сотен гектаров и превращаясь в многофункциональные научные и культурно-просветительские организации. По мере того как растительное сырьё становилось товарной продукцией, всё большую роль начали играть практически ориентированные исследования, проводившиеся для отбора, интродукции и акклиматизации растений, анализа их биохимических и физиологических свойств, изучения агротехники и районирования. Для распространения полученных знаний создавались многочисленные учебно-опытные участки, устраивались специальные тематические выставки и экспозиции, демонстрировались различные приёмы озеленения и методы выращивания растений⁵.

В СССР индустриализация требовала большого количества каучука, волокна, дубителей, эфиромасличных культур. Для повышения урожайности нужно было выводить стандартные сорта, продумывать их рациональное размещение. Озеленение интерьеров и улиц городов и посёлков повышало спрос на декоративные растения.

Ботанический сад Московского университета, вошедший в 1922 г. в состав НИИ ботаники МГУ, использовался в начале 1930-х гг. профильными НИИ каучука и гуттаперчи, сахарной промышленности, сои, лекарственных и ароматичных растений и др.⁶ Однако для решения новых исследовательских задач территории Сада уже не хватало. Поэтому в начале 1930-х гг. его руководство вместе с городским трестом зелёного строительства и Обществом друзей зелёных насаждений обратились в Моссовет, в МК и МГК ВКП(б) с предложением образовать в Москве (в Черёмушках, Кузьминках, Горенках, Барвихе или Петровско-Разумовском) новый Парк ботанической культуры, способный «разрешить громадные задачи по реконструкции зелёного строительства, по научно-технической пропаганде полезных сельскохозяйственных и новых культур, по пропаганде и показу активного воздействия человека на растения, по научно-педагогическому воспитанию широких масс трудящихся в духе диалектико-материалистического миропонимания». На площади 350–400 га следовало разместить дендропарк (130 га), опытно-коллекционные участки декоративных красиво цветущих многолетников и однолетников (20 га), плодово-ягодных растений (40 га), огородных и полезных растений (35 га), участки для опытов школьников (10 га) и торгово-производственных целей (100 га), для демонстрации распределения растительности СССР по географическим зонам (20 га) и системы растительного мира (5 га), а также оранжерею (10 га), музей и другие постройки (15 га)⁷.

Эти замыслы удалось воплотить — правда, в изменённом виде — только после Великой Отечественной войны. В 1945 г. в Останкино создали Главный ботанический сад Академии наук (около 370 га), а вскоре на Ленинских горах расцвёл новый Сад Московского университета.

⁵ Кузеванов В.Я., Сизых С.В., Губий Е.В. Ботанические сады как экологические ресурсы в глобальной системе социальных координат // Экономические и экологические проблемы в меняющемся мире. СПб., 2010. С. 158–167; Голиков К.А. Социокультурный аспект модернизации России в XVIII–XXI вв.: от Аптекарского огорода до Ботанического сада Московского университета // Вопросы истории. 2019. № 12(1). С. 180–194.

⁶ Архив МГУ, ф. 56, оп. 1, д. 22, л. 2.

⁷ Там же, оп. 1(2), д. 30, 1934 г., л. 41–42, 48.

Московский университет в целом нуждался в расширении. Если в 1941 г. в нём было семь факультетов, то к 1943 г. — уже 12, причём на некоторых из них открывались новые специальности. Между тем количество и площадь аудиторий, лабораторий и кабинетов за время войны существенно сократились. В 1947 г. академик А.Н. Несмеянов, занимавший пост ректора, просил председателя Совета министров СССР И.В. Сталина выделить МГУ дополнительные помещения. В марте 1948 г. правительство постановило построить их в ближайшие пять лет на Ленинских горах и «создать при новых зданиях агроботанический сад»⁸.

Данная территория проектировалась как центр будущего юго-западного района Москвы. В начале 1950-х гг. две магистрали, проходившие от Воробьёвского шоссе вдоль университетского комплекса, декорировали четырёхрядными посадками яблонь, вишен, а также живыми изгородями из чёрной и золотистой смородины (отчасти сохранившимися). Яблоневые аллеи и сегодня обрамляют проспекты Мичуринский и Вернадского. А между ними расположен плодовый отдел Ботанического сада (в то время — Мичуринский сад).

Весь архитектурно-ландшафтный ансамбль Московского университета, расположенный на самом высоком месте города и выдержанный в классических традициях регулярного стиля, представлял собой, по выражению М. Алигер, «дворец советской сталинской науки» и символизировал её величие и славу, что подчёркивалось крупным членением территории и массивами насаждений. В основе композиции лежали иерархическая соподчинённость архитектурных и растительных компонентов и зеркальная симметрия геометрически правильных форм. Все её составляющие соотнесены с центральной осью, вдоль которой сосредоточены основные декоративные элементы. Дороги образуют систему взаимноперпендикулярных линий и разбивают пространство на прямоугольные кварталы, выделенные многорядными посадками деревьев (лип, лиственниц, яблонь), многоярусными живыми изгородями, древесно-кустарниковыми группами, парадными партерами.

Проект садово-паркового ансамбля был подготовлен мастерской Генерального плана Управления проектирования МГУ, где над ним трудились В.Н. Колпакова (1905–2002), М.И. Прохорова (1907–1959) и М.П. Коржев (1897–1986), принадлежавшие к числу основоположников отечественной ландшафтной архитектуры.

Вера Николаевна Колпакова, руководившая разработкой замысла Агроботанического сада⁹, родилась в Петербурге в семье полковника Лейб-гвардии Сводно-казачьего полка. В 1921 г. её семья переехала в Москву. Окончив школу в 1926 г., Колпакова поступила во ВХУТЕМАС (Высшие художественно-технические мастерские), где сначала училась на текстильном факультете, но вскоре перешла на архитектурный. В 1931 г. её направили в Институт по планировке города Москвы, а затем перевели в мастерскую Дворца Советов. Там она вместе со своей сестрой-близнецом Надеждой Николаевной работала под руководством Б.М. Иофана, В.А. Шуко, В.Г. Гельфрейха. Вера Николаевна проектировала гранитную набережную от Каменного моста до Соимоновского проезда, застройку магистрали Кропоткинская—Большая Пироговская. В годы

⁸ Кокурин А.И., Моруков Ю.Н. «Принять предложение товарища Сталина»... С. 115–118.

⁹ Базилевская Н.А., Колпакова В.Н. Агроботанический сад Московского государственного университета // Ботанический журнал. 1951. № 4. С. 448–452.

Великой Отечественной войны она участвовала в создании оборонительных сооружений под Смоленском и Вязмой, трудилась прорабом и заместителем председателя стройкома на строительстве Уральского алюминиевого завода, после чего в 1944 г. вернулась в проектную мастерскую столичного Дворца Советов.

Милица Ивановна Прохорова в 1932 г. окончила ВХУТЕИН (Высший художественно-технический институт), пройдя обучение в мастерских К.С. Мельникова и Н.Ф. Ладовского. Ещё во время учёбы, в 1929–1932 гг., вместе со своим сокурсником, а позже коллегой и постоянным соавтором Коржевым она в Проектном бюро Центрального парка культуры и отдыха (ЦПКиО) разрабатывала конкурсные проекты Дворца Советов и Дома промышленности в Москве, здания Академии наук в Минске, парка в Воронеже. В 1935 г. в мастерской № 5 Отдела планировки Моссовета Милица Ивановна вместе с В.И. Долгановым готовила проект парка на Ленинских горах, который являлся бы продолжением ЦПКиО им. М. Горького. В 1943 г. Прохорова создала проекты озеленения Арбатской площади и расположения на ней сквера на месте разрушенных и сгоревших во время бомбёжки жилых домов. В ходе подготовки к празднованию 800-летия основания Москвы она занималась реконструкцией Бульварного кольца. В частности, её наработки учитывались при посадках в сквере на Пушкинской площади. Материалы второй половины 1940-х гг. Прохорова использовала в своей диссертации, посвящённой типологии московских скверов и бульваров. В 1950 г. за проект Фрунзенской набережной она удостоилась Золотой медали ВДНХ. Ей же принадлежал план озеленения и благоустройства жилых кварталов, выходивших к реке от Лужников до Крымского моста.

Наиболее значимым проектом тандема Прохоровой и Коржева стало озеленение территории, прилегающей к новому зданию МГУ на Ленинских горах. По степени реализации и завершённости он не имел равных в советской ландшафтной архитектуре. Возле одного из лучших высотных зданий столицы на бывших сельскохозяйственных землях площадью более чем 300 га возникла единая сеть парков и садов с центральным парадным партером.

Главное здание МГУ находится в центре основной композиционной оси, идущей с юго-запада на северо-восток. Вдоль неё сосредоточены основные архитектурные и декоративные компоненты ансамбля. Под прямым углом её пересекает Главная аллея (шириной 80 м), являющаяся центральной композиционной осью территории Ботанического сада. Рядом с новыми университетскими корпусами вдоль аллей и проездов, на лужайках и полянах высадили 3,5 тыс. яблонь и груш, 600 вишнёвых деревьев, а также множество ягодных кустарников. Широкое применение плодовых культур символизировало городсад. Их впервые столь массово использовали на московских улицах. До тех пор в скверах и на бульварах они, как правило, высаживались поодиночке или небольшими группами.

Для озеленения территории университета и прилегающих к нему проспектов взрослые (10–12-летние) деревья перевозили в жёсткой упаковке с большим (1,3×1,3 м) почвенным комом, так что уже на следующий год они обильно цвели. Посадочный материал брали из колхозного сада, располагавшегося на месте строительства: там росло много мичуринских сортов яблонь и груш. Ректор академик И.Г. Петровский просил председателя Московского городского совета М.А. Яснова «закрепить часть этого плодового сада (площадью около

8 га) за Московским государственным университетом уже с осени 1951 года», надеясь с 1952 г. использовать её для обучения студентов, тогда как «плодово-ягодный сад на новой территории ботанического сада закладывается жить в этом году молодыми саженцами, которые вступят в плодоношение не ранее, чем через 3–5 лет»¹⁰. 2 февраля 1952 г. правительство передало университету бывший сад колхоза «12-я годовщина Октября» (более 26 га). Там предполагалось разбить питомник Агроботанического сада и экспериментальные участки по плодовым культурам.

Закладка Ботанического сада на Ленинских горах состоялась в соответствии с приказом № 581 ректора академика А.Н. Несмеянова в августе 1950 г. А 30 января 1951 г. постановлением Совета министров СССР № 278 «О мероприятиях по созданию агроботанического сада на территории новых зданий Московского государственного университета» предписывалось «создать на территории МГУ на Ленинских горах агроботанический сад, площадью до 30 га, в составе: 1. Дендрария. 2. Мичуринского плодово-ягодного сада. 3. Почвенного участка с лизиметрами, лабораторией и стоковой площадкой. 4. Агробиологического экспериментального участка. 5. Альпинария. 6. Участка травянистых растений. 7. Участка кадочных растений. 8. Участка полезных растений. 9. Декоративного коллекционного участка. 10. Розариума. 11. Питомника и школы. 12. Метеорологической площадки».

Научные основы строительства нового Ботанического сада разрабатывались в первой половине 1950-х гг. Его территория изначально представляла собой систему коллекционных, опытных и экспозиционных участков, размещение которых определялось удобством научной работы и доступностью для организованного осмотра и использования в учебном процессе. Так, наиболее востребованные для проведения исследований и занятий со студентами отделы систематики и полезных растений располагались ближе к зданию биолого-почвенного факультета, а дальше от входа находились экспериментальные площадки, питомники, теплицы и лаборатории.

Поскольку опыт организации такого ботанического сада в середине XX в. отсутствовал, для каждого участка необходимо было продумать собственную методику экспонирования растений, подобрать видовой состав, создать специфические почвенные условия, разработать методы продвижения видов растений различного географического происхождения в среднюю полосу СССР, приёмы их посадки, выращивания и ухода за ними¹¹. При этом, по словам Н.А. Базилевской, последовательно демонстрировался принцип «эволюции растительного мира и творческой деятельности человека — активного преобразователя природы» в процессе создания и отбора декоративных форм и сортов из природных видов¹².

Нина Александровна Базилевская (1902–1997), ученица Н.И. Вавилова, ботанико-географ, систематик растений, растениевод и историк науки, завела Садом в годы его становления. С 15 марта 1950 г. по 21 февраля 1952 г. и с 15 марта 1953 г. по 1 января 1954 г. она занимала пост исполняющей обязанности профессора по оборудованию Ботанического сада МГУ. 21 февраля 1952 г. ей поручили исполнять обязанности директора Агроботанического сада,

¹⁰ Архив МГУ, ф. 56, оп. 1(2), д. 114, 1952 г., л. 25.

¹¹ Там же, д. 92, л. 1–11.

¹² Базилевская Н.А. Ботанический сад // Вестник высшей школы. 1952. № 4. С. 50–54.

а с 1 января 1954 г. по 1964 г. она являлась директором Ботанического сада¹³. Во многом именно благодаря её профессионализму и воле замысел Сада удалось воплотить.

Базилевская родилась в Москве в дворянской семье, но гимназию окончила в Петрограде и в 1919 г. поступила в Петроградский университет на биологическое отделение физико-математического факультета, одновременно работая в местном Ботаническом саду (ныне Ботанический институт им. В.Л. Комарова РАН). Получив специальность ботаник-систематик, она с 1924 г. участвовала во многих экспедициях в пустынные и горные районы Средней Азии, в ходе которых ею было описано около 40 новых видов растений. В 1926 г. в Узбекистане произошло её знакомство с Вавиловым, по приглашению которого Нина Александровна перешла на работу (вначале — по совместительству) во Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур (с 1930 г. — Всесоюзный институт растениеводства (ВИР)). Как пишет Е.М. Сенченкова, «этот относительно непродолжительный довоенный период научной жизни Базилевской в Ленинграде был самым важным этапом формирования её личности вообще и как исследователя в частности. Именно тогда сложился её стойкий и принципиальный характер как учёного и гражданина»¹⁴. Коллеги отмечали, что Нина Александровна «является не только ботаником-теоретиком с большой эрудицией; в процессе исследований она ставит и разрешает важные практические вопросы»¹⁵, и с конца 1920-х гг. «интересы её всё более перемещаются в область прикладной ботаники»¹⁶.

С 1930 г. Базилевская заведовала в ВИР секцией сои, где изучались свойства этой агрокультуры как высококачественного белкового продукта и перспективы её применения в пищевой промышленности, с 1934 г. — секциями эфиромасличных культур и каучуконосов. Во время 12 экспедиций по Средней Азии и Казахстану в качестве научного сотрудника, а затем и начальника она выявляла возможности использования пустынных растений как кормовых, фитомелиоративных и технических. В 1936 г. на заседании Учёного совета ВИР под председательством Вавилова Базилевская успешно защитила докторскую диссертацию.

Форсированная урбанизация вызвала потребность в массовом озеленении городов. В 1937 г. Базилевская организовала и возглавила созданную в ВИР секцию цветоводства. Вавилов поручил ей осуществить мобилизацию лучших декоративных растений страны, наладить их семеноводство, ускоренное размножение и районирование, с уточнением научной номенклатуры¹⁷. При ликвидации секции в феврале 1941 г. «все её научные материалы и коллекции» удалось сохранить, передав в учреждённый в 1936 г. Московский ботанический сад Академии наук СССР¹⁸, где Нина Александровна возглавила отдел декора-

¹³ Личную карточку Н.А. Базилевской см.: Архив МГУ, ф. 1, оп. 35л, д. 5365.

¹⁴ Сенченкова Е.М. Особенности формирования Н.А. Базилевской как ботаника // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2019. Саратов, 2019. С. 644.

¹⁵ Юбилей профессора Н.А. Базилевской // Вестник Московского университета. Сер. 6. Биология, почвоведение. 1962. № 5. С. 77.

¹⁶ Скворцов А.К. Нина Александровна Базилевская (к 60-летию со дня рождения и 40-летию научной деятельности) // Ботанический журнал. Т. 48. 1963. № 3. С. 465.

¹⁷ Научное наследство. Т. 5. Николай Иванович Вавилов. Из эпистолярного наследия. 1929—1940. М., 1987. С. 349, 392.

¹⁸ Научный архив Института истории естествознания и техники РАН. Личное дело Н.А. Базилевской, л. 112 об.

тивных растений. Оказавшись после эвакуации в Ашхабаде, Базилевская была награждена за плодотворную работу по заданию Среднеазиатского военного округа орденом «Знак Почёта» и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В 1945 г. в связи с созданием Главного ботанического сада им. Н.В. Цицина АН СССР Московский ботанический сад АН СССР упразднили. Нина Александровна изучала тогда теоретические проблемы акклиматизации растений в лаборатории эволюционной экологии, созданной ещё в 1938 г. под руководством академика Б.А. Келлера, а с 1950 г. перешла в Московский университет.

Территория Ботанического сада МГУ на Ленинских горах простиралась до 45 га и по площади почти в восемь раз превышала старую¹⁹, что позволило воспроизвести все основные экспозиции и коллекции открытого грунта в новом масштабе. Так, дендрарий превышал прежний в 3,5 раза и достигал 8,9 га, плодовый сад – 4,3 га, альпинарий – 1,6, систематики растений – 0,8, полезных растений – 0,5 га. Участок декоративных травянистых многолетников включал коллекции растений (1,7 га), розарий с питомником (1,1 га) и партер с садом непрерывного цветения (1,2 га). Здесь же демонстрировались приёмы декоративного оформления. Другие участки отводились для агробиологии (3 га), экспериментов (8 га), изучения почв (2 га), на метеорологическую станцию и питомники (по гектару)²⁰. Планировалось также устроить экспозицию «Растительность СССР» с участками степи, луга, меловых отложений и других её характерных типов²¹. 3,5 га занимала ветрозащитная полоса общей протяжённостью более километра (при ширине 15 м), окаймлявшая Сад с трёх сторон²².

Сад создавался с весны 1950 г. на месте старой свалки, оврагов и ям. Там, где впоследствии появился дендрарий, размещалось более 100 всевозможных бараков и юрт, приспособленных под жильё строителей. На будущем партере действовала ремонтная мастерская, по агробиологическому участку проходила ветка железной дороги, прежде чем разбить цветник, следовало осушить болото. Хотя генеральный план Сада и проекты его основных экспозиций уже были составлены, на выделенную для них территорию продолжали вывозить грунт из котлованов, вырытых под фундамент Главного здания, и это погребло сохранившийся кое-где плодородный слой. Для улучшения почвы 5 га засеяли люпином. Весной 1950 г. на 13 га приступили к разбивке участков, прокладке дорог и водотоков, вертикальной планировке. Всю свободную от застройки зону обнесли временным забором, выделив гектар для питомника.

Первое дерево на новой территории высадили 21 сентября 1950 г. в прилегающей к Мичуринскому саду части ветрозащитной полосы²³. К 10 октября деревьев насчитывалось уже 1 300. Хотя водопровод там ещё не проложили, и воду для полива приходилось носить вёдрами, почти все растения прижились – погибло лишь несколько лиственниц и берёз (которые вообще плохо переносят пересадку без почвенного кома). А.К. Скворцов вспоминал: «Я начал работать в новом ботсаду Университета, когда ещё его в натуре не было – в январе 1952 г. Ещё только завершалось строительство Главного здания университета, а место, где быть Саду, представляло полный хаос... Сад не был изначально-

¹⁹ Архив МГУ, ф. 56, оп. 1(2), д. 114, 1952 г., л. 27.

²⁰ Там же, оп. 1, д. 147, 1954 г., л. 2.

²¹ Там же, оп. 1(2), д. 114, 1952 г., л. 27.

²² Там же, д. 260, 1964 г., л. 1.

²³ Там же, д. 231, 1960 г., л. 2.

но запроектирован на территории университета, для Сада предлагалось где-то поблизости другое место и другие сроки постройки. Но Н.А. Базилевская решительно взяла курс на то, чтобы Сад был “здесь и сейчас”. Понятно, не без трудностей, но всё-таки был бы. А “другое место” и особенно “другие сроки”... понятно, что это могло означать. И вот новый Сад существует, и существует “здесь”²⁴.

Пока шло строительство, сотрудники Сада, не теряя времени, подбирали ассортимент растений, и уже с осени 1950 г. заготавливали посадочный материал, которого требовалось немало. Для обеспечения его транспортировки, в том числе — из Главного ботанического сада (ГБС) Академии наук, Управление строительства МГУ даже отрядило им в помощь трёх рабочих²⁵. В Саду имелось достаточно хорошо размноженных видов кустарников, их передавали целыми или разделёнными кустами. Наиболее ценные декоративные виды, имевшиеся в ограниченном количестве, черенковали и укореняли в парниках (как на старой территории, так и в питомнике на Ленинских горах). На новых участках декоративных растений подобрали широкий спектр многолетников²⁶. Розарий требовал почти 8 тыс. кустов. Для размножения использовали коллекции ГБС, а также учебного хозяйства университета в с. Чашниково. 650 кустов и 350 черенков полиантовых роз привезли из Никитского ботанического сада Ялты.

Формируя дендрарий — самую крупную экспозицию строившегося Сада — обратились в ГБС, Тимирязевскую сельскохозяйственную академию, в дендропарк имени Ленина, Ивантеевский питомник ВНИИ Лесного хозяйства, на Московский комбинат зелёного строительства и в Останкинский питомник Академии коммунального хозяйства. Ценный посадочный материал поступал также из Ботанического института Академии наук в Ленинграде, Горьковского государственного университета, с Лесостепной опытно-селекционной станции Липецкой обл., с селекционной станции «Госзеленхоза», Саласпильской опытной станции и др. Так, растения для альпинария были заказаны на Горно-Алтайской станции, а из питомника Общества охраны природы в Нальчике к весне 1952 г. пришло около 20 посылок с живыми образцами кавказской флоры. В общей сложности для дендрария удалось приобрести около 300 видов саженцами, а семенами — более 500. Вместе с тем руководивший его созданием кандидат биологических наук старший научный сотрудник Т.Т. Трофимов отмечал: «Опыт по строительству дендрария Ботанического сада МГУ показывает, что коллекционные сады с большим количеством видов трудно строить посадочным материалом, приобретаемым в других питомниках и садах. Этот материал в большинстве случаев разнокачественный и разновозрастный, не всегда надлежащим образом этикетирован, не говоря уже о том, что очень многих видов невозможно достать ни в питомниках озеленительных организаций, ни в ботанических садах. Кроме того, такой метод строительства дендрария не согласуется с основным указанием И.В. Мичурина, что “акклиматизация растений возможна лишь путём посева”²⁷. Поэтому из обменного и коллекционного фонда семян Сада выделили материал для посева на новой территории. Эти потребности учитывались также при сборе семян деревьев, кустарни-

²⁴ Ботанический сад Московского университета. 1706—2006. Первое научное ботаническое учреждение России. М., 2006. С. 75.

²⁵ Архив МГУ, ф. 56, оп. 1(2), д. 86, 1950 г., л. 1, 5 об.

²⁶ Там же, д. 127, 1953 г., л. 14.

²⁷ Там же, д. 183, 1955 г., л. 44.

ков и декоративных многолетников урожая 1950 г. для семенной лаборатории и при их выписке по обменным каталогам (делектусам) других ботанических садов и организаций.

Для заготовки паспортизированного посадочного материала сотрудники Сада выезжали в экспедиции в разные концы Советского Союза — на Дальний Восток, в Среднюю Азию, на Памир, на Кавказ и в Крым, на Карпаты и в Саяны. Во многих случаях испытывали образцы одного и того же вида растений из разных эколого-географических районов и популяций. Наиболее перспективные сеянцы отбирали для пополнения коллекционного фонда дендрария. Одновременно формировалась картотека, в которую вносили сведения об ареале, экологии и хозяйственной ценности каждого вида. Тем самым составлялся текст для этикетажки коллекций на всех экспозициях.

Всего было закуплено 34 200 деревьев и кустарников, включая плодовые, на 205 тыс. руб. и 22 200 многолетников на 38 тыс. руб.²⁸ В феврале 1951 г., оформляя заказы в питомниках, руководство университета и Сада просило «дать распоряжение при отпуске материала отобрать лучшие экземпляры растений, принимая во внимание большое научное и показательное значение, которое будет иметь агроботанический сад Университета — одного из величайших памятников Сталинской эпохи»²⁹. К осени 1951 г. посадочный материал в основном был заготовлен, и его намечалось высадить в Ботаническом саду. Однако и следующей весной на его территории оставались постройки, которые, согласно постановлению правительства, подлежали сносу. Так, на ветрозащитной полосе вдоль дендрария располагался дом военного ведомства, на участке систематики по-прежнему размещалась контора механизации с мастерскими, из-за чего почва оказалась непригодна для посадки растений, и её пришлось полностью заменить. Участок полезных растений строители обещали освободить не раньше осени 1952 г. Все декоративные участки были заняты различными строениями.

«Последние сроки» Управлением строительства неоднократно переносились. Так, к лету 1951 г. снесли только 8 из 65 домов, что едва не погубило всё дело: при слишком поздней посадке (к тому же на неподготовленном участке) растениям грозила неизбежная гибель, а в случае отказа забрать посадочный материал его бы продали другим организациям, причём оперативно возобновить заказ позднее не представлялось возможным, поскольку выращивание необходимых сортов в нужном количестве требовало длительного времени. Неудивительно, что за полтора месяца до начала осеннего сезона посадки заместитель министра высшего образования СССР просил МВД «дать указание Управлению строительства Московского университета форсировать подготовку площадки для строительства агроботанического сада и строго соблюдать график работ, установленный в постановлении Совета министров СССР от 30 января 1951 года»³⁰. Однако 14 тыс. деревьев и кустарников, предназначенных для дендрария и ветрозащитной полосы, пришлось прикопать, а ещё около 6 тыс. — оставить на сохранении расписках у поставщиков в подмосковном совхозе, в питомнике ГБС, на Лесостепной станции, в Горьковском ботаническом саду и в Умани.

²⁸ Там же, д. 128, 1953 г., л. 46–47.

²⁹ Там же, л. 44.

³⁰ Там же, д. 114, 1952 г., л. 26–26 об.

Тем не менее в 1951 г. удалось высадить почти 9 тыс. кустарников и деревьев на ветрозащитной полосе, более 300 — на аллеях, свыше 1 300 — в дендрарии и 1 300 — около альпинария. В плодовом саду разместили 867 деревьев (262 — весной и 605 — осенью) и 860 ягодных кустарников, а также более 10 тыс. кустов земляники. Цветники украсили 22 тыс. многолетних травянистых растений³¹. Летом наконец-то расчистили место будущего розария: его выравнивали и готовили плодородную почву для посадок будущей весной (осенние посадки роз в Москве исключаются). К весне 1952 г. почти закончилось сооружение альпинария: для него завезли и уложили 1,5 тыс. т камня, провели дорожки из плит.

Сроки сдачи объекта не выдерживались и в дальнейшем. К 1 января 1952 г. Сад так и не открылся. Между тем созданная приказом ректора комиссия по строительству агроботанического сада прекратила свою работу после двух заседаний³². А когда в 1953 г. существовавший ранее в Управлении строительства МГУ отдельный участок по возведению агроботанического сада утратил самостоятельность³³, работа затормозилась. «Перечень недоделок по агроботаническому саду, по состоянию на 20 марта 1953 г.» содержал 112 пунктов. К тому времени там, где должны уже были цвести декоративные растения, по-прежнему высилось двухэтажное здание Управления строительства, на территории оставались трансформаторные будки и другие вспомогательные сооружения, по дендрарию — прямо по посадкам — курсировали автомашины, направлявшиеся к размещённому там складу³⁴. Число сотрудников также сокращалось: на посадках работали только 3–4 человека, при этом двое из них на разные сроки уезжали в командировки.

Сохранность уже высаженных растений вызывала особое беспокойство. Базилевская с горечью указывала на то, что «агроботанический сад не огорожен забором и является проходным двором, через который целый день идут солдаты, рабочие и служащие строительства и посторонние граждане, сокращая путь». Хотя в 1952 г. удалось добиться установки временных заборов вокруг розария и альпинария — наиболее посещаемых участков Сада, «за зиму эти заборы были растащены, и сейчас оба участка свободны для доступа “посетителей”, которые, не стесняясь, ходят прямо по растениям и газонам. Никакой охраны нет». У сетчатой ограды, установленной в 1952 г. около питомника и Мичуринского сада, во многих местах не хватало звеньев, ворота и калитки отсутствовали. К весне её столбы, которые забыли покрасить, заржавели, сетка во многих местах порвалась и требовала замены. Тем временем после открытия 1 сентября 1953 г. Главного здания университета при входе в Сад отменили проверку пропусков.

В ноябре 1953 г. межведомственная комиссия приняла только Мичуринский плодовый сад (4,5 из 45 га общей площади) с прилегающими к нему участками ветрозащитной полосы, и то со значительными строительными недоделками. В дендрарии, альпинарии, партере и розарии их оставалось ещё больше. Участки систематики, полезных растений, кадочных культур, метеорологическая площадка и почвенный стационар (всего около 10 га) всё ещё нуждались в разработке, как и присоединённые к Саду в конце 1951 г. площади,

³¹ Там же, д. 128, 1953 г., л. 45.

³² Московский университет. 1952. 27 мая; 7 июня.

³³ Архив МГУ, ф. 56, оп. 1(2), д. 114, 1952 г., л. 18–19.

³⁴ Там же, л. 15–17.

предназначенные для питомника и научных экспериментов (7 га). Закончить их подготовку совместными усилиями строителей, сотрудников и студентов университета предполагалось лишь к лету 1954 г.

Изначально штат Агроботанического сада состоял всего из шести человек — четырёх лаборантов, младшего и старшего научных сотрудников. Позже его немного расширили, и старших научных сотрудников стало два. Все они руководили посадками, формировали новые экспозиции, заготавливали материал, составляли картотеку, разрабатывали этикетаж, осуществляли инвентаризацию и даже непосредственно участвовали в посевах и посадках. В создании Сада также принимали участие многие преподаватели и студенты биолого-почвенного факультета. Помогали и молодые специалисты-цветоводы Ногинского техникума: для этого им ежедневно приходилось приезжать в Москву, но из 20 человек «сбежал от трудностей» только один. Комсомольцы Государственного подшипникового завода им. Л.М. Кагановича в мае 1953 г. провели воскресник на участке полезных растений³⁵.

В 1953 г. Сад открылся. С 1 января 1954 г. территория на Ленинских горах стала основной, а «Аптекарский огород» на Проспекте Мира превратился в её филиал³⁶. Структурно новый Ботанический сад МГУ состоял из научных отделов: дендрария, Мичуринского сада, травянистых растений (с подотделами экологии и географии, систематики растений, декоративных растений), агробиологии, культурно-просветительской работы, закрытого грунта. В нём также действовали три лаборатории — семенная, карантинная и искусственного климата. Филиал включал отделы открытого и закрытого грунта, а также — культурно-просветительской работы. К учебно-вспомогательным подразделениям относились оранжереи, вегетационные домики и экспериментальные теплицы, Мичуринский уголок-музей и опытные участки агробиологического отдела. Научная библиотека Сада насчитывала 16 тыс. томов³⁷.

На основной территории Сада применены разнообразные экспозиционные принципы: хронологический (плодовый сад, розарий); сравнительно-исторический (партер, декоративные многолетники); систематический (участок систематики); функциональный (полезные растения); ботанико-географический (дендрарий, альпинарий, флора Средней России). В дизайне основных ландшафтных экспозиций прослеживаются природно-географические (дендрарий, альпинарий) и национальные аспекты³⁸. Так, рисунок цветников партера (центральной полосы Главной аллеи) был составлен из ковровых и однолетних растений по мотивам русских народных вышивок. По обеим сторонам Главной аллеи размещались два участка декоративных многолетников (композиционный и коллекционный), устроенные по принципу сада непрерывного цветения. На первом демонстрировались приёмы оформления и ландшафтные композиции, характерные для регулярного стиля планировки, а на другом было высажено свыше тысячи сортов и сеянцев красивоцветущих травянистых растений, преимущественно отечественной селекции, в том числе выведенные в Ботаническом саду Московского университета флоксы, гладиолусы, пионы и лилии.

³⁵ Там же, д. 183, 1955 г., л. 41.

³⁶ Там же, ф. 1, оп. МГУ, д. 170. Приказ № 484 от 12 декабря 1953 г.

³⁷ Там же, ф. 56, оп. 1(2), д. 147, 1954 г., л. 3.

³⁸ Подробнее см.: Голиков К.А. Садово-парковые комплексы мира: регионоведение, политика, межкультурная коммуникация: учебное пособие. М., 2017.

Экспозиция розария выстраивалась так, чтобы показать селекционные линии в хронологической последовательности выведения сортов. При этом особое место отводилось достижениям Мичурина. Позднее отдельно высадили сеянцы селекции Ботанического сада МГУ. Сегодня здесь представлены преимущественно зарубежные сорта — как классические, так и современные.

Главная аллея на пересечении с Мичуринской (которая выводит к воротам плодового сада) замыкается амфитеатром, где собирались поставить памятник Ивану Владимировичу, изобразив его среди созданных им роз. Коллекция плодово-ягодного (Мичуринского) сада была нацелена на популяризацию лучших сортов отечественной и зарубежной селекции, способных произрастать в условиях Нечерноземья. На центральной аллее размещались образцы сортов плодовых деревьев, выведенных Мичуриным, далее в хронологическом порядке — его учениками. При этом родительские формы предполагалось высаживать рядом с их гибридным потомством.

К концу 1953 г. на ветрозащитной полосе росло более 4700 деревьев и кустарников, в том числе — свыше тысячи рябин, более 800 лип, почти по 700 клёнов и спирей, более 500 калин, около 400 берёз, больше 250 лиственниц и 150 дубов, почти 100 чубушников, а также ясени, вязы и черёмухи³⁹. В итоге к лету 1956 г. в коллекциях открытого грунта (на обеих территориях) произрастало: в дендрарии 570 видов деревьев и кустарников; в Мичуринском саду — 544 сорта плодовых деревьев и ягодных кустарников; в альпинарии — 725 видов горных растений; на участке систематики — 800 видов из ста семейств высших растений; на участке полезных растений — 450 видов; степей и меловых растений — 400 видов; декоративных растений — 1500 видов и сортов. В коллекциях закрытого грунта содержалось 15 тыс. растений свыше 3 тыс. видов; причём на основной территории Ботанического сада (46 га) оранжереи занимали 800 кв. м, а в филиале (6 га) — 1700 кв. м⁴⁰.

Со временем при сохранении общей концепции Сада некоторые экспозиции менялись в связи со сменой научно-исследовательской тематики, или из-за трудности акклиматизации растений, или вследствие невозможности обеспечить им подходящие условия. Так, впервые в СССР был поставлен опыт по воспроизведению участков искусственных растительных сообществ луговой, ковыльно-разнотравной и ковыльно-типчаковой степей; строилась экспозиция полынной степи⁴¹. Наконец, необходимо было размещать вновь поступающие образцы и новые коллекции.

В 1964 г. Базилевская покинула пост директора Сада. Во второй половине 1960-х — начале 1970-х гг. она руководила отделением биологических наук Политехнического института в Конакри (Гвинея), на агрономическом факультете которого читала на французском языке лекции по ботанике и генетике. В результате её экспедиций появилась книга «Лекарственные растения Гвинеи». Вернувшись в Москву, Нина Александровна стала профессором кафедры высших растений биологического факультета МГУ.

Ансамбль Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова на Ленинских горах, созданный в период послевоенной модернизации страны в стиле «триумф», стал олицетворением советской науки как важного

³⁹ Архив МГУ, ф. 56, оп. 1(2), д. 128, 1953 г., л. 5.

⁴⁰ Там же, д. 182, 1956 г., л. 3–4.

⁴¹ Там же, д. 231, 1960 г., л. 5.

социального института и неотъемлемого атрибута общественного прогресса. Масштабность, классическая завершенность и пафос архитектурных решений этого стиля являлись визуальным подтверждением идеологической значимости науки. Весомый вклад в осуществление данного замысла внесли женщины-учёные — архитекторы В.Н. Колпакова и М.И. Прохорова и профессор Н.А. Базилевская, благодаря которой Ботанический сад оказался органической частью «советского Версаля», как называют архитектурно-ландшафтную композицию МГУ благодаря её характерной планировке, выдержанной в традициях регулярного стиля.

Тимур Галкин

Граница молодого Русского государства*

Timur Galkin

(The state museum-reserve «Zaraisk Kremlin», Russia)

The border of the young Russian state

DOI: 10.31857/S2949124X23020141, EDN: BJLDYT

В 2020 г. вышло одно из масштабных исследований, посвящённых Засечной черте Русского государства XVI–XVII вв. Выход книги приурочен к 500-летию возведения Тульского кремля как начала создания черты. В современной исторической науке подобные историко-археологические очерки позволяют исследователям «взглянуть в глаза друг другу» с близкого расстояния. Декларируемый во множестве исследований междисциплинарный и комплексный подход на деле часто остаётся «на бумаге». Тем приятнее, что обозреваемое исследование можно назвать практически эталонным. Авторы — историки и археологи — несмотря на очевидную разницу в подходах к изучению каждого из видов источников очень осторожно и бережно подошли к анализу как археологических данных, так и письменных источников, показав себя вдумчивыми источниковедами.

Издание безупречно структурировано. После краткого введения следует глава «Лес, в котором остановилось время» (автор Е.В. Столяров), посвящённая древностям раннего железного века и Средневековья. Здесь описываются перспективы археологического изучения тульских засек, особенно актуальные для изучения эпохи Великого переселения народов¹: сохранившиеся засечные леса фактически законсерви-

ровали памятники I тыс. н.э. и спасли их от многолетней распахки. Далее следует историографическая часть коллективной монографии, являющаяся не просто механическим перечислением заслуг исследователей (а среди них — В.Н. Татишев, Д.Я. Самоквасов, В.А. Городцов и др.), но и подробной и взвешенной критикой достижений предшественников. Особого внимания удостоились комплексные исследования А.В. Никитина и полевые изыскания И.Л. Черная. Авторы рецензируемой работы корректно указывают на ошибки предшественников в интерпретации ряда обследованных объектов как относящихся к фортификационным сооружениям Черты, которые на самом деле ими не являются. Авторы монографии предлагают свой взгляд на проблему интерпретации данных объектов. Особенно подробно рассмотрены работы Черная, опровергнуты (в том числе полевыми изысканиями) ряд его интерпретаций, в частности реконструкция Козельской засечной черты оказалась крайне недостоверной (с. 75), но в то же время отмечается, что, благодаря внимательному разбору документации учёному удалось установить, что часть «укреплений» Черты являлись валами для размежевания «государевой» засеки и монастырской земли XVII в. и времени межевания 1740–1760-х гг. Это даёт

* Бурцев И.Г., Дедук А.В., Столяров Е.В. Засечная черта Русского государства XVI–XVII вв. Историко-археологические очерки. Тула: Куликово поле, 2020. 558 с., ил.

науке ещё один интересный археологический источник Нового времени, обычно не привлекающий внимания археологов.

Третья глава — «Очерки истории Засечной черты Русского государства» — центральная в монографии. Хронологически она разделяется на сюжеты об истории XVI и XVII вв., а также о самом понятии Засечной черты. Заслуживающим внимания фактом становится вполне «кабинетное» открытие: перекочевавший во все учебники, научно-популярные издания и рассказы экскурсоводов термин «Большая засечная черта» является не аутентичным эпохе термином, а конструктом советской эпохи, впервые появившимся во втором издании «Большой советской энциклопедии» в 1953 г. (с. 87). Отмечен и факт, что в 1638 г. осматривалась и подготавливалась к реконструкции не только Засечная черта, но и окские «перелазы»: исследователи в очередной раз упреждают попытки краеведов включать эти земли в состав Засечной черты (с. 140).

Основной объём коллективной монографии занимает глава «Историко-археологические очерки об отдельных засеках», где в филигранном синтезе данных разрядных книг, росписей по городам и полевым археологическим изысканий рассмотрены белёвские, лихвинские, одоевские, тульские, венёвские и каширские засеки. Внедрение в археологию космо- и низковысотной съёмки с дронов позволяет воочию (на фотографиях) увидеть следы засек и земляных укреплений (см., например, фотографии на с. 261, 281, 283, 320, 321) на современном этапе их существования. В качестве замечания отмечу, что в работе представлено мало 3D-реконструкций на основе имеющихся данных. Реконструированы только Грабороновы ворота (с. 392). Впрочем, очевидно, что огромный объём проделанной работы (книга готовилась более десяти лет) не

позволил авторам сосредоточиться на «цифровизации» данных.

Объём привлечённых изобразительных источников заслуживает самой высокой оценки. Монография не просто богато иллюстрирована, а практически каждый вывод авторов, каждое их предположение, будь то реконструкция укреплений или же описание быта, подтверждается картами, реконструкциями, чертежами раскопов и шурфов, рисунками и фотографиями археологических находок. Отдельно прослежена судьба засек в конце XVII—XX вв. Это тоже важно, так как обычно исследователи ограничиваются лишь своим хронологическим периодом. Причём это «послесловие» интересно не менее, чем основная часть работы. Возможно, это и не первое исследование о работе тульских лесников, но точно самое подробно иллюстрированное и вплетённое в общеоисторическую канву исследования.

Среди приложений к монографии присутствуют крайне необходимая в работе подобного рода «Таблица переводов мер» (с. 451) и документы по истории тульских засек, выявленные в фондах Государственного архива Тульской области, научного архива СПбИИ РАН, Отделов рукописей БАН и РНБ, а также в РГАДА, РГВИА и РГИА. Издание снабжено именным и географическим указателями, что просто обязательно в работах подобного уровня. Отдельным блоком идут 32 листа цветных иллюстраций, что является дополнительным плюсом этого богатого иллюстрированного издания. Монография И.Г. Бурцева, А.В. Дедука и Е.В. Столярова является ориентиром для исследователей других укреплённых черт Русского государства.

Примечание

¹ Воронцов А.М., Столяров Е.В. Война I века на границе лесной зоны: Окско-Донской водораздел // *Stratum Plus*. № 40. 2019. С. 51–74.

Татьяна Матасова

**Последний герой удельной Руси: новая книга об угличском князе
Андрее Большом***

Tatiana Matasova

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

**The Last hero of Appanage Russia: a new book about Prince
Andrei the Great of Uglich**

DOI: 10.31857/S2949124X23020153, EDN: BKEOZF

История складывания единого Русского государства в XIV–XV вв. нередко воспринимается как история возвышения Москвы, что подразумевает изучение территориального роста Московского княжества и борьбы московских князей с Ордой, Литвой и некоторыми русскими землями. Тем не менее у каждой из земель была своя — яркая и самобытная — история. Широко известны многие страницы прошлого Новгорода, Пскова, Твери, Рязани, Смоленска и других городов — центров самостоятельных, крупных и динамично развивавшихся территорий. Иначе обстоит дело с Угличем, принадлежащим к числу древнейших русских городов. Средневековый Углич — *Углече поле* — обладает исключительно богатой историей¹. В 1930 г., когда ещё не был разрушен выдающийся пример средневекового зодчества — собор Покровского Паисиева монастыря, А.Н. Греч посетил город и сравнил его по наполненности уникальными памятниками культуры и драматизму социально-политической жизни с маленькими городами Италии². Сохранившиеся архитектурные древности Углича в основном восходят к XVII в., однако самым ранним из дошедших до нас средневековых сооружений города является тронная палата княжеского дворцового комплекса, возведённая в 1480-х гг. Чаще всего это кирпичное

здание, запоминающееся своей сдержанной красотой, называют «дворцом царевича Димитрия», поскольку младший сын Ивана Грозного жил здесь после смерти отца до своей гибели 15 мая 1591 г. Кажется, именно царевич Димитрий, канонизированный в 1606 г., ввёл Углич в «большую историю России».

Между тем возведение палаты относится ко времени правления удельного князя Андрея Васильевича Большого Горя (1446–1492). Хотя его трагическая судьба вызывала интерес исследователей³, до недавнего времени о нём как о выдающейся фигуре русского Средневековья не вышло ни одной по-настоящему крупной научной работы. Этот пробел восполнил недавно увидевший свет в издательстве «Углече поле» труд С.Ю. Шокарева «Андрей Большой Углицкий: Судьба и эпоха». Эта книга вписывается в довольно внушительный ряд исследований по истории Угличской земли эпохи Средневековья, осуществлённых в последние годы. Книга задумывалась как комплексный рассказ об Угличе XV в., о развитии тех многообразных сфер, к которым был причастен князь Андрей, ведь он был «выдающимся деятелем местной истории. Его правление — золотой век Углича и Угличского княжества, ознаменовавшийся церковным строительством, созданием произведений искусства,

* Шокарев С.Ю. Андрей Большой Углицкий: Судьба и эпоха. Углич: Углече поле, 2022. 424 с.

развитием местных школ и традиций, подъёмом духовной культуры» (с. 366).

Книга написана с опорой на широкий круг источников, как хорошо известных, так и практически не изученных. Шокарев привлёк к исследованию не только письменные памятники (по Угличу их не так уж мало, но большинство из них XVII–XVIII вв.), но и обильный вещественный и археологический материал. Автор прекрасно знаком с историографией, причём не только «столичной». Книгу отличает нежное внимание к современной углической научной и просветительской традиции. Это оправданно: тонкие наблюдения по истории Углича эпохи князя Андрея, сделанные выдающимся краеведом и популяризатором В.А. Гречухиным (1941–2022), а также видным специалистом по древностям Углича А.Н. Горсткой (1941–2021), дают щедрую почву для дальнейших размышлений и анализа. Книга посвящена памяти этих талантливых учёных.

Попытка представить портрет князя на фоне эпохи — ход исключительно выигрышный. Рассказывая о семье и окружении Андрея Большого, круге его интересов и устремлений, Шокарев неизбежно выходит на многотрудные проблемы социально-политической истории России середины — второй половины XV в. Среди этих проблем выделяется не только борьба с удельной системой, которую вёл Иван III — «государь всея Руси» и старший брат Андрея. Не менее важна проблема положения (и самоощущения) князя во властных институтах рождающегося Русского государства. Шокарев задумывается о мотивах поступков князя, о природе его мыслей и чувств. В этом он следует традициям, развитым в новейшей историографии Н.С. Борисовым, перу которого принадлежат биографии многих русских князей XIV–XV вв.

В условиях скудости источников понять героя XV в. оказывается не всегда просто. Но автору удалось найти тонкий баланс между твёрдой почвой источников и предположениями. Шокарев на удивление взвешенно описывает обстоятельства рождения и становления личности князя. Удачно он передаёт и сложные чувства, которые его герой мог испытать, получив в удел Углич по завещанию Василия II: «Чувствовал ли Андрей Большой символическую тяжесть отцовского дара? Рождённый в Угличе, он получил Углич, наполненный мрачными воспоминаниями об отцовской темнице... Можно ли было не думать об этом? Или счёты прошлого были списаны и забыты? Каково было князю Андрею на своём кремлёвском дворе входить в комнату, где его отцу выкололи глаза? А как быть с тюрьмой, где томился когда-то отец? И сохранился ли в Угличе тот опальный двор, в котором содержали мать, братьев и его самого? Тени прошлого носились над настоящим и грозили будущему. Думал ли об этом Андрей Большой, въезжая в стольный град своего княжества под приветственные крики горожан?» (с. 94–95).

Большую ценность для науки представляет предложенная Шокаревым новая трактовка прозвища князя Андрея — Горай: прозвища князей Ивана Калиты, Симеона Гордого, Ивана Красного представляют гололомок для исследователей. Автору удалось показать, что традиционное понимание прозвища «Горай» как «горячий», «вспыльчивый» едва ли соответствует стилю поведения князя, которого — как показано в книге — отличала рассудительность, твёрдость и храбрость. По мнению Шокарева, «это было домашнее, семейное прозвание, связанное с бедствиями, окружавшими семью Василия II во время рождения Андрея Большого.

“Горай” — сын, рождённый в горе, в угличской ссылке... Потому-то и так был дорог этот сын матери, что он был, возможно, единственной радостью в те горестные дни» (с. 301).

Шокарев стремился раскрыть различные грани личности и деятельности князя. Он обратил внимание как на фрески, иконы и уникальные рукописи, созданные при дворе Андрея или в кругу его приближённых (знаменитый «Леонтиевский чин», Паисьево Евангелие и Угличская Псалтирь, ряд несохранившихся памятников), так и на сюжеты куда менее известные. Показано, что при князе численность населения Угличского края заметно возросла, что он, заботясь о вверенных ему людях, строил дороги (с. 126). Масштабная строительная деятельность Андрея Васильевича занимает большое место в книге (с. 132–162).

Кажется исключительно важным, что, реконструируя окружение князя, автор большое внимание уделяет не только светским (с. 126–131), но и духовным лицам. Андрей Большой был не просто ктитorem многих храмов и монастырей: он окружил себя праведниками. Угличским подвижникам конца XV в. в книге посвящена отдельная глава. Прп. Паисий Угличский⁴ — племянник прп. Макария Калязинского, прп. Кассиан Учемский — мангупский князь Константин, прибывший в Россию в окружении Софьи Палеолог⁵, прп. Варлаам Улейминский, привезший в угличские пределы чудотворный образ свт. Николы из Бари⁶, прп. Антоний Краснохолмский, подвизавшийся на территории Бежецкого верха⁷ — основатели прославленных обителей, собеседники и, вероятно, сомолитвенники князя Андрея⁸. Широкое почитание этих праведников относится к XVII–XVIII вв., к эпохе осмысления угличскими книжника-

ми последствий Смуты. Преподобные Паисий и Кассиан с XVII в. воспринимались как главные покровители города, пережившего страшное «раззорение литовское» 1609 г. Не случайно именно они изображены на иконах над дьяконскими вратами в Спасо-Преображенском соборе Углича⁹.

Как видим, Углич XV в. не только был «овеян мрачной славой» (с. 94), но и наполнен людьми, поставившими на первое место спасение души. Учитывая эти обстоятельства, князь Андрей предстаёт уже не как правитель, обуреваемый сугубо мирскими интересами, не как мятежный «сторонник удельной системы», думавший лишь о собственном благополучии, а как человек с чуткой душой, о каких на Руси говорили: *взыскующий Града*. Автор справедливо выделяет фигуру прп. Паисия как «центральную в окружении князя» (с. 172). Исключительно удачным оказался и очерк о прп. Кассиане Учемском (с. 187–211), конкретных данных о жизни которого крайне мало. Шокареву удалось осмыслить глухие свидетельства источников об Учемском чудотворце и многообразные гипотезы исследователей вокруг них. В книге содержится наиболее полная на сегодняшний день биография прп. Кассиана¹⁰. История же его посмертного служения (через чудеса) и основанного им Учемского монастыря заслуживает специальных исследований¹¹.

Сильной стороной книги является внимание к актуальной проблеме социально-политического влияния русских княгинь. Автор подробно рассматривает отношения князя Андрея с матерью — Марией Ярославной, являвшейся одной из наиболее влиятельных женщин второй половины XV в.¹² Подчёркнуто, что Андрей был её любимцем, мать не раз заступалась за него перед старшим сыном (с. 61–62, 102–105, 258). Сложно не согласить-

ся с Шокаревым, подчёркивающим, что «примиряющая и объединяющая роль матери в княжеской семье была огромной» (с. 258). Показательно, что Иван III решился на расправу над братом только после смерти Марии Ярославны. Новейшие исследования показывают, что княгини могли играть существенную роль в семье и социуме, получая имущество и реальное общественное влияние после смерти супругов¹³. Мария Ярославна, скончавшаяся в 1485 г., пережила Василия II Тёмного на 23 года и потому была важным действующим лицом при московском дворе.

В книге найдены нужные слова для раскрытия семейной драмы московских Рюриковичей начала 1490-х гг.: без надрыва, но обстоятельно раскрыта история заточения Андрея Большого Иваном III. Эта трагедия — одна из многих, на которых возросло московское самодержавие — не один век осмысливалась угличанами. Итоги этих размышлений нашли отражение в исключительно красочной местной старообрядческой книжности. Угличские летописцы в совокупности сохранивших списков и редакций — широкое поле для интерпретаций и научных споров. Стоит согласиться с Шокаревым в том, что «к сообщениям угличских летописцев о Средневековье следует относиться с осторожностью, допуская вероятность их древнего происхождения, но подвергая их должной критике». Не менее справедливы слова исследователя о том, что в изучении этой группы памятников гораздо более важен вопрос о её «мемориальной и идейной функциях» (с. 343), в основе которых лежало стремление запечатлеть связь материального и духовного пространства города: «Князь Андрей и его сыновья были для летописца XVIII в. духовными правителями Углича, пребывающими совместно и в городе,

и на небесах» (с. 348). Известно, что князь Андрей канонизирован старообрядцами, сохранилось Житие князя, составленное в тех же традициях, что и угличские летописцы. Текст Жития опубликован И.В. Сагнаком дважды, но оба раза — в редких сборниках¹⁴, и потому источник приведён в качестве одного из приложений к книге. Нет сомнений, что теперь изучение этого памятника активизируется, что, безусловно, приведёт к важным открытиям.

Глубокий анализ свидетельств об одном из последних уделов и о судьбе князя Андрея с неизбежностью привёл Шокарева к размышлениям о возможных изменениях вектора социально-политического развития Руси в конце XV в. Конечно, любые попытки говорить об исторических альтернативах следует предпринимать с большой осторожностью. Тем не менее автор справедливо замечает, что «правильная постановка вопроса об альтернативах опирается не на фантазии о вероятностях, а на изучение имевшихся тенденций, которым не было дано развиваться» (с. 270). Автор вспоминает заслуживающие внимания наблюдения С.А. Шарова-Делоне (1956–2019), отмечавшего заметные тенденции к иерархической федерации русских княжеств, сложившиеся в XIV в. Этим воззрениям во многом созвучны некоторые выводы В.Б. Кобринина и А.Л. Юрганова, также осмысленные в книге. Вообще, автору удаётся выигрышно представить собственные соображения о вероятном — федеративном — характере развития русских земель, раскрыть причины, почему эта возможность не стала исторической реальностью (с. 270–287). И хотя соглашаться с размышлениями автора на эту тему не обязательно, в любом случае грамотная постановка этого «трудного вопроса» вызывает большое уважение. Подобный опыт анализа

источников сквозь призму проблематики несостоявшихся альтернатив социально-политического развития следует признать успешным.

Нельзя не отметить и того, что книга написана прекрасным языком, автором созданы яркие образы эпохи и её главных героев. Приятным дополнением к книге является карта Московской Руси около 1475 г. Работу с изданием облегчают указатели и обширная библиография. Книга С.Ю. Шокарева является ярким и интересным примером изучения актуальной темы — путей социально-политического развития Русского государства на важном этапе его становления. Среди заслуг автора стоит выделить его стремление к составлению всеобъемлющего рассказа об истории Углича, сюжеты которой сгруппированы вокруг фигуры Андрея Большого. По прочтении книги у читателей не остаётся сомнений в том, что «угличская тема отнюдь не провинциальна, как это может показаться на первый взгляд» (с. 11), а потому «Углич заслуживает особого внимания и особого разговора» (с. 15). Автор скрупулёзно собрал сведения об «обломках, осколках, фрагментах неведомой нам стародавней жизни» (с. 227) города XV в., благодаря чему Андрей Большой предстаёт перед нами во всём масштабе своей выдающейся личности, как интеллектual и созидатель, взыскующий правды и Царствия Небесного. Автору удалось собрать солидную доказательную базу тезиса о том, что князь Андрей «не был мятежником, сепаратистом, изменником» (с. 365). Представленные в книге сведения делают очевидным то, что личность князя Андрея много шире и глубже образа «врага централизации и прогресса», каким он представлен в большинстве трудов — даже самых серьёзных — по истории средневековой Руси.

Примечания

¹ Интересна, хотя и мало изучена, ранняя история города. Весьма примечательны и события, связанные с судьбой святого благоверного князя Романа Владимировича (XIII в.), и перипетии, последовавшие за его смертью (см. подробно: *Горский А.А.* От земель к великим княжениям: «примыслы» русских князей второй половины XIII–XV в. М., 2010. С. 15–23).

² А.Н. Греч писал: «Это город-музей, город архитектурных, бытовых и социальных анахронизмов... Верно поэтому насыщен Углич стариной, насыщен ею так, как маленькие города Италии» (Цит. по: *Горстка А.Н.* Иконы Углича XIV–XX вв. М., 2008. С. 26).

³ Тем не менее было опубликовано несколько серьёзных работ о князе Андрее, в которых высказано немало ценных наблюдений (*Борисов Н.С.* Горький удел: Московское вероломство 7000 г. // *Родина*. 2003. № 12. С. 34–39; *Горстка А.Н.* Горая (повесть об Андрее князе Угличском). Углич; Рыбинск, 2005; *Гречухин В.А.* Лики Четвёртого Рима. Ярославль, 2004; *Гречухин В.А.* Героический пессимист (Андрей Большой в большом времени) // Сообщения научных конференций Угличского музея 2006, 2009 гг. Углич, 2012. С. 8–14.

⁴ *Сосновцева Е.Е.* Житие Паисия Угличского. Исследование и тексты. М., 2020.

⁵ *Смирнов В.Г., Наумова Е.А.* Византийский князь на Мышкинской земле. К 510-летию со дня преставления св. прп. Кассиана Грека // Мышкинская лоция. Краеведческий журнал. 2014. № 9(15). С. 13–21; *Матасова Т.А.* Прп. Кассиан Учемский — грек из окружения Софьи Палеолог и чудотворец «от Итталиинския страны». К истории церковного почитания святого в XVI–XIX вв. // История и культура Ростовской земли. Материалы XXIX научной конференции. Ростов, 2019. С. 43–52; *Матасова Т.А.* Прп. Кассиан Учемский — грек из окружения Софьи Палеолог и его канонизация при Михаиле Романове: доверие духовным авторитетам // Управленческое консультирование. 2022. № 2. С. 153–164.

⁶ *Матасова Т.А., Тарасов А.Е.* Свидетельства о начале Николо-Улейминской обители в памятниках книжности XVIII в. // Барградский сборник. Вып. 2. М., 2020. С. 21–48.

⁷ *Тарасова Н.П., Тарасов А.Е.* Источники по истории Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря // Вестник церковной истории. 2016. № 1/2(41/42). С. 197–219.

⁸ Покровский Паисиев, Николаевский Антониев, Николаевский Улейминский монастыри, процветавшие до революции, были закрыты советской властью, Кассианову Учем-

скую пустынь упразднили ранее, в ходе секуляризации Екатерины II, однако храмы продолжали функционировать до 1930-х гг. как приходские церкви. Почитание прп. Кассиана в XVIII и XIX вв. было велико, о чём свидетельствуют многочисленные списки его жития, в том числе недавно выявленные (ОР РГБ, ф. 722, д. 910, л. 41–131 об.; ф. 299, д. 281, л. 67–106). Сердечно благодарю А.А. Манохина за предоставление этих сведений. Информацию об известных ранее житиях см.: *Сосновцева Е.Е.* Житие Паисия Угличского... С. 30–50; *Алексеева Е.Л.* Рукописная традиция жития Кассиана Угличского // Жития Игнатия Вологодского, Игнатия Ломского, Герасима Вологодского и Кассиана Уchemского / Под ред. А.С. Герда. СПб., 2008. С. 34–42. Недавно введён в научный оборот ещё один список Жития прп. Кассиана 1686 г. (ОР РГБ, ф. 218, д. 1406, л. 43–108; см.: *Крутова М.С.* Неизвестный лицевой список Жития преподобного Кассиана Угличского // Румянцевские чтения – 2021. Материалы международной научно-практической конференции (21–23 апреля 2021 г.). Ч. 1. М., 2021. С. 481–486), в котором представлены уникальные миниатюры, в том числе с видами Кассианова монастыря (ОР РГБ, ф. 218, д. 1406, л. 2 об., 42 об.; опубл.: *Матасова Т.А.* Прп. Кассиан Уchemский... С. 157, 158). Интересен и список Жития прп. Кассиана XIX в., происходящий из Оптиной пустыни (ОР РГБ, ф. 214, д. 187). Автор этих строк готовит критическое издание Жития прп. Кассиана Уchemского в совокупности его выявленных к настоящему времени списков и редакций, а также исследование по истории обители, основанной прп. Кассианом.

⁹ Иконостас Спасо-Преображенского собора Углича, выполненный артелью иконописца Оружейной палаты Фёдора Никитина Рожнова около 1706 г., – выдающийся памятник живописи того времени (*Горстка А.Н.* Иконы Углича... Кат. № 43–56. Ил. 73–93).

¹⁰ Своего рода тайной жизнь прп. Кассиана до пострига является не только для современных исследователей. В сохранившемся списке Уchemского синодика 1712 г. после упоминания имени прп. Кассиана оставлено пустое место, чтобы знающие люди могли вписать сведения о его предках (Мышкинский народный музей, № 15, л. 45 об. Благодарю Е.А. Наумову за возможность ознакомиться с фотокопиями памятника). Ранее исследователи (О.Б. Карсаков, Ю.Б. Куницына) датировали синодик концом XVII в., что, как показывают последние наблюдения, неверно (*Матасова Т.А.* Монастырь и мир: Кассианова Уchemская пустынь во времена Петра Великого (исследование материалов рукописи Тихонр. № 234) // Источники по истории русского Средневековья и Нового времени. Вып. 1. М., 2022. С. 247–248).

¹¹ *Матасова Т.А.* Монастырь и мир...; *Матасова Т.А.* Расцвет обители прп. Кассиана Уchemского в конце XVII – первые десятилетия XVIII века // Пётр Великий: исследования и открытия. К 350-летию со дня рождения. Материалы международной научной конференции «Значение преобразований Петра I в новой и новейшей истории России». Москва, 17–19 мая 2022 г. М., 2022. С. 434–440.

¹² *Корзинин А.Л.* Двор великой княгини Марии Ярославны // Вестник СПбГУ. История. Т. 65. 2020. Вып. 1. С. 19–48.

¹³ *Коняевская Е.Л., Корзинин А.Л., Матасова Т.А., Полехов С.В., Шишкин В.В.* Русские княгини и их дворы в XI–XVI вв. М., 2023 (*в печати*).

¹⁴ *Сагнак И.В.* Тихая святость. Угличское почитание святости благоверного князя Андрея Васильевича Большого и его сыновей Иоанна (преп. Игнатия) и Димитрия // Сообщения научных конференций... С. 55–63; *Сагнак И.В.* Об углическом Староверии: статьи разных лет. Углич, 2014. С. 57–64.

Светлана Бушueva

Рец. на: А.С. Лавров, А.В. Морохин. Ревнителі благочестія. Очерки церковной и литературной деятельности. СПб.: Наука, 2021. 336 с.

Svetlana Bushueva

(National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia)

Rec. ad op.: A.S. Lavrov, A.V. Morokhin. Revniteli blagochestia. Ocherki tserkovnoy i literaturnoy deyatelnosti. Saint Petersburg, 2021

DOI: 10.31857/S2949124X23020165, EDN: BKHZMC

Выход в свет исследования о движении ревнителі благочестія, или боголюбцев, — заметное событие в современной историографии. Несмотря на интерес учёных к данной проблеме, заметный со второй половины XIX в., следует констатировать, что отдельной монографической работы, посвящённой истории этого религиозного движения, оказавшего большое влияние на духовную жизнь Московского царства второй половины 1640-х — начала 1650-х гг., вплоть до публикации рецензируемой книги не было.

Одним из главных достоинств книги А.С. Лаврова и А.В. Морохина является её впечатляющая источниковая база, включающая в себя, помимо опубликованных документов, значительный комплекс архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот. Авторы используют документы из фондов Центрального архива Нижегородской области, РГАДА, ОР РГБ, ОР ГИМ, Архива СПБНИ РАН. Структура исследования, включающая в себя 10 глав, выглядит логичной. Авторы последовательно рассматривают деятельность кружка боголюбцев в Макарьевском Желтоводском монастыре, Нижнем Новгороде и Темникове, изучают сюжет, связанный с идентификацией царского духовника Стефана Вонифантьева с неким Агафонином, анализируют связи ревнителі благочестія с Печатным двором, исследуют

кампанию по борьбе с народными обрядами и скоморохами. Отдельно рассмотрены сюжеты о спорах относительно единогласия, роли боголюбцев в преодолении политического кризиса 1648 г., деятельности митрополита Новгородского Никона, костромского протопопа Даниила и юрьевецкого протопопа Аввакума. Завершает книгу раздел о распаде движения ревнителі благочестія после вступления на патриарший престол Никона.

Использование авторами новых документальных материалов позволило подробно охарактеризовать практики ревнителі благочестія в различных регионах Московского царства. Развёрнуто анализируется деятельность Ивана Неронова в Нижнем Новгороде в 1630–1640-х гг. (с. 60–80). Не менее детально рассматривается фигура ещё одного боголюбца — темниковского протопопа Даниила, о котором прежде имелись лишь фрагментарные упоминания (с. 81–101). Важными видятся и сведения о борьбе с кабаками в Великом Новгороде в период пребывания там будущего патриарха Никона (с. 174–178). Отдельная глава посвящена малоизвестному памятнику письменности — «Спорным речам о единогласном пении» (с. 136–151), опубликованному в приложении к монографии.

Многие авторские наблюдения и выводы безусловно важны и интересны. Новое рассмотрение традици-

онного в исторической науке сюжета о связях боголюбцев с Печатным двором позволило сделать вывод, что ревнители благочестия «были, скорее, не творцами, а адресатами изданий Печатного двора», а «чтение одних и тех же новых публикаций могло сыграть в формировании кружка ту же роль, которая для других движений принадлежала общему кругу рукописных литературных памятников». Справщики же Печатного двора представляли собой особую группу лиц «со своим кругом церковно-литературных интересов, которую не надо смешивать с ревнителями благочестия» (с. 113, 114). Авторы акцентируют внимание на царском указе от 5 декабря 1648 г. и последующих распоряжениях, с появлением которых активизировалась борьба с народными обрядами и завершилась легальная история скомошества. Значение указа, по мнению Лаврова и Морохина, трудно переоценить, так как он «разбудил и мобилизовал новых ревнителей», а дальнейшие директивы «сыграли роль стержня, вокруг которого кристаллизовалось “движение” ревнителей, которое имело довольно виртуальный характер. Всё новые и новые участники подключались к нему, подкреплённые и ободрённые указами царя, которые были посланы им. Они могли добраться до Москвы со своими челобитьями и предложениями, они, возможно, могли встретиться друг друга в царских или патриарших приказах» (с. 125–128, 132).

Следует отметить и некоторые недостатки работы. Авторы напрасно не стали обращаться к фигурам двух представителей движения боголюбцев — епископа Коломенского и Каширского Павла и архиепископа Сибирского

и Тобольского Симеона. Во введении к монографии справедливо отмечено, что «о деятельности некоторых лиц, считающихся ревнителями, сведений практически не сохранилось» (с. 45). Это, по словам авторов, заставило их отказаться от освещения деятельности ряда лиц. Не совсем ясно, почему в группу этих фигур попали упомянутые иерархи, активность которых в качестве боголюбцев нашла отражение в современной историографии, в том числе и в работах одного из авторов рецензируемой книги¹. Впрочем, данный факт может быть объяснён и тем, что книга хронологически охватывает период до вступления на патриарший престол Никона, тогда как Павел возглавил Коломенскую епархию в октябре 1652 г., а сибирский архиепископ Симеон, хотя и был хиротонисан в марте 1651 г., прибыл в епархию только в апреле 1652 г., и, следовательно, его деятельность протекала позднее.

Книга А.С. Лаврова и А.В. Морохина — оригинальное исследование, результаты которого будут долго востребованы в исторической науке.

Примечание

¹ Урушев Д.А. К биографии епископа Павла Коломенского // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). Сборник научных трудов. Вып. 3. М., 2004. С. 21–42; Литературные памятники Тобольского архиерейского дома. XVII век. История Сибири. Первоисточники. Новосибирск, 2002. С. 289–308; Ромодановская Е.К. Эпистолярное наследие сибирских архиереев XVII в. // Ромодановская Е.К. Сибирь и литература. XVII век. Новосибирск, 2002. С. 330–336; Морохин А.В. Симеон, архиепископ Сибирский и Тобольский (1651–1663) (страницы биографии) // Мининские чтения. Материалы научной конференции. Нижегородский государственный университет (10 декабря 2002 г.). Н. Новгород, 2003. С. 117–126.

Олег Айрапетов

«В тени богов» Доминика Ливена*

Oleg Airapetov

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

«In the Shadow of Gods» by Dominic Lieven

DOI: 10.31857/S2949124X23020177, EDN: BKTNLI

Профессор Кембриджского университета Доминик Александрович Ливен хорошо известен в научном сообществе своими работами по истории Российской империи, изданными на разных языках. Бывая в Москве, он всегда находит время, чтобы встретиться со студентами и аспирантами МГУ. Много лет назад, на конференции в Токио, посвящённой 100-летию русско-японской войны, делясь своими планами, он говорил мне, что в книге о таком явлении, как императорская власть, подведёт итоги своей исследовательской работы. А 7 июня 2022 г. вышла его новая монография «В тени богов. Император в мировой истории». Она сразу же привлекла к себе внимание англоязычных читателей и несомненно заинтересует русских историков.

Книга об императорах писалась в разгар пандемии ковида человеком, выросшим на развалинах империй, в том месте близ Фуджи, которое автор называет «исследовательским раем» (оно хорошо знакомо читателям его работ). Там автору было проще ощущать себя в центре «разгула конфликтующих идентичностей и лояльностей», оставаясь прежде всего «британским и специфически кембриджским историком» (р. III). И это помогало ему соблюдать *principium comparationis* в научном анализе.

Книга состоит из вступления и 17 глав, последняя из которых является послесловием. Роль универсального

введения в тему исследования играет первая глава «Быть императором». Нельзя не согласиться с автором — вплоть до сегодняшнего дня монархия сохраняет известную привлекательность и даже мистическую притягательность, хотя XX в. был беспощаден к монархиям, и особенно пострадали империи. В настоящее время остался лишь один император, власть которого к тому же сохраняет оттенок сакрального происхождения — это микадо Японии (р. 4). Очевидно, такой отбор, совершённый временем, не случаен.

Главный вопрос, над которым размышляет Ливен: как человек (чаще всего — мужчина), наследственный монарх и правитель, осуществлял свою власть, делавшую его лидером и составлявшую сущность лидерства? Как удавалось избегать её развращающих соблазнов? Ссылаясь на наблюдения известного исследователя лидерских качеств и практикующего клинического психиатра М. Кетса де Вриеса, автор пишет, что в каждом сидит его «внутренний волк», готовый при малейшей возможности вырваться на волю и «начать пожирать всех, кто стоит у него на пути». И обучение императора было нацелено, в частности, и на то, чтобы научиться «контролировать волка и даже превратить его в пастушечью собаку» (р. 6).

Для этого, разумеется, требовалось умение подбирать мудрых и верных советников и сотрудников, что

* Lieven D. In the Shadow of the Gods. The Emperor in World History. N.Y.: Viking, 2022. 528 p.

при любом дворе, где соперничество неизбежно сопровождалось интригами и наущничеством, было непросто. Основатели династий нуждались также в макиавелизме и веберовской «харизме». Однако наследственным монархам чаще приходилось подчинять проявления своей личности династическим интересам. Их власть покоилась на порядке, стабильности и привычке. Напротив, харизматичные проповедники нередко становились кошмаром для императоров, особенно на Востоке (р. 6–12).

Ливена интересует преимущественно специфика политики наследственных монархий, в которых семьи обладали властью на протяжении поколений, что сказывалось, конечно же, и на характере семейных отношений. Братья становились ближайшими друзьями или соперниками, чья вражда и борьба за трон могли иметь драматические последствия не только для прочности, но и для выживания династий. В то же время императрицы, в том числе и вдовствующие, порою заметно влияли на своих мужей и сыновей. Это имело место даже в начале XX в., когда соперничество жены и матери Николая II приводило к тому, что две женщины, придерживавшиеся диаметрально противоположных политических стратегий, поддерживали разных кандидатов на высшие должности. Причём первые десять лет царствования Николай II находился скорее под влиянием матери, а в последнее десятилетие больше прислушивался к жене (р. 12–13).

В момент кризиса супруги правителей нередко превращались для подданных в объект ненависти, дискредитирующий монархию. Примером тому служат королевы Генриетта-Мария и Мария-Антуанетта и императрица Александра Фёдоровна, которым довелось жить во время революций. Характерно, что все они были иностран-

ками и воспринимались подданными как представительницы враждебных держав. Тут «ксенофобия сочеталась с женоненавистничеством», видевшим в женщине носительницу греховного начала и распутства, а надуманные обвинения в государственной измене дополнялись столь же несправедливыми упреками в супружеской неверности. Впрочем, это была очень давняя традиция. Ведь ещё в XIII в. королеве Бланке Кастильской, матери Людовика Святого, её противники приписывали интимную связь с папским легатом (р. 15–16).

Ливен учитывает опыт разных монархий, но только Китаю он посвятил три главы своей книги, признавая тем самым значение, длительность и уникальность имперского прошлого этой страны (р. 28). Однако «колыбель империи» автор ищет на Ближнем Востоке, где в глубокой древности появились «первые императоры мира» (р. 40–50). Во второй главе им анализируются шумерские, аккадские и эламские традиции, а Ассирия рассматривается уже как первый образец того государственного устройства, о котором и пойдёт речь в основной части исследования. Во всяком случае, основной принцип его был чётко схвачен в цитируемой древнеассирийской поговорке: «Народ без царя — как стадо без пастуха, толпа без надсмотрщика, вода без трубы... дом без хозяина и жена без мужа» (р. 40).

Однажды Доминик Александрович заметил, что чем бы ни занимался русский историк, его мысли непременно вращаются вокруг случившегося в 1917 г. Но и британский, специфически кембриджский исследователь, даже погружаясь в древнеегипетские сюжеты, постоянно вспоминает о Николае II и рассуждениями о его царствовании завершает главу о ближневосточных древностях (р. 50). В следующих главах в поле

зрения автора оказываются персидские и македонские, римские, индийские и китайские варианты имперскости или императорства («*emperorship*»), влияние кочевников на формы государственности в Евразии — от Китая до Балкан, предельно вселенская империя («*ultimate universal empire*») халифата и первые всемирные императоры («*global emperors*») Карл V и Филипп II, а также османские султаны, являвшиеся одновременно императорами и халифами.

Россия при этом упоминается неоднократно, но непосредственно о ней говорится лишь в 14-й главе «Романовы — династические, русские, европейские и евразийские императоры» (р. 313–352). Правда, начинается она с краткого обзора государства Рюриковичей. Ливен отмечает особую важность конфессионального фактора в судьбе страны, чьи правители после захвата Константинополя турками в 1453 г. остались единственными независимыми православными монархами. Но при этом киевского митрополита автор почему-то называет патриархом, переехавшим в XIV в. в Москву (р. 314). Естественно, положение России во многом определялось её протяжённостью, удалённостью от основных торговых путей и центров средиземноморской культуры, малочисленностью населения. Сравнительно редкие русские города сильнее зависели от княжеской власти, чем европейские. Всё это вело к мобилизационной системе управления — высокому уровню налогов, закреплению крестьян и одновременно заставляло пробиваться к берегам Балтики, Каспия и Чёрного моря (р. 316–317).

Необходимость сражаться сразу на западе и на востоке, преодолевая технологическую отсталость от европейцев, не способствовала установлению в России «модели свободы». По мнению Ливена, многое сближало её

с Османской империей, хотя русские правители (особенно в XVIII в.) лучше использовали имевшиеся у них человеческие ресурсы. Вместе с тем ни Пётр I (р. 319–333), ни Екатерина II (р. 334–341) не пытались разорвать союз царской власти и аристократии и только меняли культуру правившей вместе с монархом элиты. В результате даже при Николае II примерно треть высших должностных лиц принадлежала к фамилиям допетровской знати (р. 320–321).

Ливен уверен, что Россия достигла своего расцвета в «длинном XVIII веке» — с 1689 по 1815 г. (р. 322). Но как его хронологические рамки соотносятся с «длинным XIX веком» 1789–1914 гг.? И нет ли тут доли личных симпатий? Ведь именно со времён Екатерины II Россия стала для остзейских Ливенов «их Эльдorado» (р. 346). Во всяком случае, включённый в главу рассказ о графинях Шарлотте и Доротее фон Ливен звучит довольно трогательно (р. 341–345).

Александр I представлен в книге «одним из самых умных, сложных и удивительных правителей в русской истории» (р. 347). В его жизни действительно было немало поразительного и символического. Воспитанный на классических образцах античных монархов — от Александра Македонского до Марка Аврелия, он мечтал об уединении на Рейне, о мире и филантропических реформах, но в делах внутренней политики не преуспел, зато был вынужден вести в 1803–1814 гг. шесть войн и стать Агаметом Европы, превратившись со временем из 23-летнего рационалиста в 48-летнего мистика (р. 347–348).

Сравнение Первой опиумной и Восточной войн едва ли можно признать корректным. Экспедиция в Крым отнюдь не являлась для британцев и французов лёгкой триумфальной прогулкой. В конфликт в той или

иной мере втянулись все великие державы. Россия, безусловно, потерпела поражение, хотя и не была разгромлена. Тем не менее заметное технологическое отставание вновь потребовало модернизационного рывка, предпринятого в правление Александра II. После проведённых тогда преобразований экономика империи, как считает Ливен, развивалась вполне успешно, и проблемы были связаны скорее с обновлением её политического строя (р. 352).

Однако такой показатель доступности медицины и качества жизни, как уровень детской смертности, в России и на рубеже XIX–XX вв. оставался чрезвычайно высоким. В 1890 г., накануне голода, в 50 губерниях Европейской России умерли 3 130 996 человек (в том числе 1882 809 младенцев до 5 лет и 176850 детей от 5 до 10 лет)¹. Крестьянство (более 80% населения) оставалось в массе своей неграмотным или полуграмотным (р. 422). Положение деревни было плачевным, о чём свидетельствовали недоимки по выкупным платежам. На 1 января 1897 г. они составляли 94 млн руб., на 1 января 1898 г. — 104 млн руб. В 1903 г. государственный контролёр настаивал на том, «что одной пересрочки или отсрочки выкупного долга недостаточно для поддержания хозяйственного быта крестьянского населения», и добивался «соответственного понижения самих норм выкупных платежей»². Коллежский асессор А.А. Клопов в 1899 г. писал Николаю II: «При среднем урожае крестьяне едва обеспечены насущным хлебом. Страшная смертность между детьми от дурного питания и заразных болезней, сильная распространённость сифилиса, жалкий вид жилищ, убогость одежды, скудное пропитание, частые пожары, грубое невежество — такова общая характеристика нашей деревни, таково положение сельской России.

А на долю её приходится 90 процентов всего нашего народонаселения, или 115 миллионов»³. Даже в 1914 г. среднедушевой доход в России находился на дне того, что Ливен называет Вторым миром Европы. Конечно, империя быстро развивалась, но становилась ли от этого лучше жизнь крестьян, и что им могло дать торжество парламентской монархии? Те из них, кто родился в 1885–1890 гг., в детстве пережили голод, в юности — первую революцию, в молодости — мировую войну. Едва ли в 1917 г. они могли сильно сожалеть о падении самодержавия. Но опыт XX в. отнюдь не доказывает неизбежности установления такой системы, при которой представительные учреждения осуществляют реальный контроль над исполнительной властью (р. 423).

В 15-й главе «Европа на пороге Нового времени: Габсбурги, Французская революция и Наполеон» говорится преимущественно о борьбе за господство в Германии (р. 353–388). Затем в 16-й главе «Императоры и Новое время» автор прослеживает «стратегии выживания» Британской, Российской и Германской империй в 1815–1945 гг. (р. 389–443). В одной из них сложилась конституционная монархия, в другой сохранялось традиционное «сакрализованное и аристократическое правление», в третьей создали гибрид этих форм государственного устройства.

С XVIII в. началось развитие независимых от правительств групп и институтов гражданского общества. В XIX в. уже ни одна династия не могла себе позволить игнорировать их. В XX в. национализм и социализм довольно успешно боролись с монархическим традиционализмом. Габсбурги пытались найти в национальных элитах союзника (р. 390), но особого успеха не имели, а знаменитый «компромисс» 1867 г. с венграми вызвал

цепную реакцию националистических движений, в конечном итоге погубивших Дунайскую монархию. В 1914 г. правящие круги Австро-Венгрии понимали неизбежность конца, что во многом и объясняло их «безрассудную решимость» действовать. Страх перед тем, что промышленная революция вскоре превратит Россию в гегемона Европы, заметно влиял на позицию верхов Германии. Результатом стал последний акт долгой истории традиционных монархий — война, похоронившая Австро-Венгерскую, Германскую, Российскую и Османскую империи (р. 391–392). Из традиционных имперских династий после этого сохранились только Британская и Японская. Одну хранили либеральные учреждения, другую — божественное происхождение (р. 439), заимствованная у Германии конституция (р. 442) и невмешательство микадо в процесс принятия политических решений (р. 442–443). К 1945 г. из всех монархов, которых можно было бы считать императорами, остался один Хирохито. Япония оказалась единственной азиатской страной, которая смогла освоить европейские технологии и применить их на практике. Её капитуляция поставила точку в истории того, что прежде называлось империями (р. 389). Ни одна из них не пережила прошлое столетие. Империи Хайле-Селассие или Пехлеви уже не могли претендовать на особую роль в продолжении данной традиции (р. 393).

Царствование Николая II характеризуется в книге достаточно традиционно для западной историографии. Удивительно лишь то, что автор не упоминает о попытках преобразованиях в деревне, от успеха или неудачи которых во многом зависел исход противостояния монархистов и либералов. Если Александр II был убеждённым консерватором, понимавшим как необходимость, так и опасность

реформ, то Николай II, будучи «европейским джентльменом», являлся гораздо большим «русским националистом», семьянином и православным христианином, чем его дед. Он верил в необходимость для России «авторитарного режима» (р. 424) и вряд ли ошибался в этом, не сомневался в преданности крестьянства монархии и разделял славянофильские идеалы.

Славянофильство Ливен, как и большинство западных исследователей, признаёт консервативной идеологией (р. 425). На рубеже XIX–XX вв. к ней всё чаще примешивался входивший в моду в Европе антисемитизм. Ливен даже полагает, что в случае победы белых в Гражданской войне в России могло появиться нечто, напоминающее итальянский фашизм (р. 426), хотя он как раз поначалу не имел явного антисемитского оттенка. Так или иначе, отдельные черты корпоративного государства автор находит в трактате Л.А. Тихомирова «Монархическая государственность» (р. 427).

Параллели, которые Ливен усматривает между процессами, протекавшими в России и в Европе в начале XX в., весьма интересны и полезны для понимания контекста политики Николая II. Важнейшими её элементами в первое десятилетие царствования Ливен считает полицейский социализм, призванный поставить под контроль рабочее движение, и экспансию на Дальнем Востоке, с которой император связывал будущее России. При этом вероятность и последствия столкновения с Японией в Маньчжурii и Корее явно недооценивались (р. 430–431).

Как утверждает Ливен, именно проигранная война привела к революции 1905 г. Но разве победа в ней могла бы существенно повлиять на аграрное, рабочее, национальное или либеральное движения, с которыми

пришлось столкнуться самодержавию? А это столкновение и привело к созданию Думы, не решившей ни одной из проблем, вызвавших революцию. Таким образом, к 1914 г. «основная дилемма, стоявшая перед Николаем с тех пор, как он унаследовал трон, обострилась, но не была фундаментально изменена» (р. 431). Затем, уже во время войны, от режима дистанцировались почти все, даже «министры потеряли доверие к Николаю II и его политической линии». К началу 1917 г. император оказался изолирован, а монархия обречена. Впрочем, Ливен справедливо отмечает, что на деле ситуация была несколько сложнее: царю приходилось принимать решения в обстановке, когда правые советники постоянно предупреждали об опасности революции в случае либерализации управления, а «прогрессивные» критики правительственного курса заявляли нечто диаметрально противоположное. В целом, Ливен убеждён в том, что если бы не война, Российская империя дожила бы до 1920-х гг. (р. 431–432). Однако данное утверждение принадлежит всё же к категории гадательных.

В «Заключении» автор переходит от истории к современности. При этом черты, характерные для империй прошлого, он обнаруживает только

у Индии и Китая, а сочетание силы нации с мощью империи — лишь в КНР (р. 445–446). Вооружённый конфликт между Пекином и Вашингтоном кажется Ливену невероятным, но «невероятное — не значит невозможное» (р. 446). Особенно когда экономическая борьба перешла в идеологическую (р. 447). Завершающие книгу рассуждения о недостатках Д. Трампа и антисемитизме (р. 450–451) выглядят как дань диктату политкорректности «свободного мира». Но в одном автор безусловно прав — мы по-прежнему живём в опасном мире, в котором каждый день может стать последним.

Примечания

¹ Смертность в других возрастных категориях до 45 лет колебалась от 55 до 58 тыс., поднималась до 63 тыс. в 45–50 лет и далее становилась ещё выше. См.: Статистика Российской империи. Вып. XXXIII. СПб., 1895. С. III; Ведомость о числе умерших лиц православного исповедания с показанием их лет за 1890 год // Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1890 и 1891 год. СПб., 1893. С. 177.

² Всеподданнейший отчёт государственного контролёра за 1902 год. СПб., 1903. С. 49–50.

³ Тайный советник императора / Сост. В.М. Крылов, Н.А. Малеванов, В.И. Травин. СПб., 2002. С. 14.

В вышедшей в 2022 г. книге известного британского историка Д. Ливена «В тени богов. Император в мировой истории» феномен императорской власти рассматривается с древнейших времён до самого недавнего прошлого. Подобный размах, конечно же, сделал работу, опирающуюся на солидный источниковый и историографический фундамент, во многом просветительской и популярной. Тем не менее российских исследователей несомненно заинтересуют как её общие подходы и принципы, так и освещение в ней сюжетов, связанных с отечественной историей.

В первой главе, названной «Быть императором» (*«Being an Emperor»*) и поясняющей авторскую концепцию, Ливен указывает, что его «книга не столько об империях, сколько о людях, которые ими правили» (р. 1). При этом, создавая их коллективный портрет, учёный не конструирует некую модель и не сводит всё к обобщающим тенденциям, а разбирает конкретные случаи, отражающие сложность изучаемого явления. По сути, он интуитивно сближается тут с историософией о. Павла Флоренского, относившего историю к «наукам идиографическим», иначе говоря, «описывающим единичное»¹.

В то же время Ливен почти ничего не пишет о слишком нетипичных, по его мнению, императорах.

Таковыми он, в частности, считает основателей династий, которым требовались совсем иные качества, нежели их наследникам (р. 12). Любопытно, что если для М. Вебера и его последователей личная харизма всегда составляла неотъемлемую часть образа монарха, а Э. Канторович, создатель имагологии королевской власти, писал даже о «криптотеологическом языке» в поведении коронованных особ², то Д. Ливен утверждает, будто ярко выраженная индивидуальность, свойственная всем харизматикам, помогает лишь тем, кто сам вовлечён в политическую борьбу и в ней добывает и обеспечивает свой статус, тогда как призванным изначально, от рождения, стоять «над схваткой», сохраняя общий баланс, она способна только мешать (р. 11–12). Очевидно, столь спорное суждение нуждается в развёрнутой аргументации. Но автор ограничивается лишь отсылкой к веберовскому же противопоставлению харизматического правления и власти, укоренённой в древних традициях, институтах и иерархии, а также удачными, как ему кажется, примерами Людовика XIII и Вильгельма I, находившихся в известной мере в тени своих первых министров.

Воспринимая подобное положение монарха как эталон, Ливен явно недооценивает угрозу перетягивания и даже «перехвата» полномочий

* Lieven D. In the Shadow of the Gods: The Emperor in World History. N.Y.: Viking, 2022. 528 p.

Материал подготовлен при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

и функций правителя его советниками и министрами, осознанную ещё Н. Макиавелли и постоянно тревожившую российских самодержцев второй половины XIX — начала XX в. Возможно, при анализе данной проблемы следовало бы учесть «Разговор о власти и о доступе к властителю» К. Шмитта³ и даже более ранние размышления о том же М.М. Сперанского⁴. Во всяком случае, если лидерство императоров — «ключевая, объединяющая тема» книги (р. 3), то степень самостоятельности лидера нельзя не признать одним из наиболее значимых её аспектов. Собственно, и Ливен констатирует, что «управление придворными и системой патронажа было одной из самых важных и деликатных задач правителя» (р. 37). Однако о роли двора и непосредственного окружения монархов в книге говорится гораздо меньше, чем, например, о земельной аристократии⁵. Именно в ней автор видит ближайшего и наиболее надёжного союзника «успешных империй» (р. 35).

Внимание Ливена сосредоточено преимущественно на династической преемственности, процедурах наследования, особенностях «семейной политики» (включая влияние женщин). Он соглашается с выводами современного исследователя Э. Блэка о соответствии идеала «священной наследственной монархии» принципам «традиционного политического мышления», которое, как отмечает Ливен, до Нового времени «было почти подразделом теологии» (р. 19). Здесь вновь поневоле вспоминаются идеи «политической теологии» Шмитта (как и полемика с ними в 1930-е гг. Э. Петерсона⁶), но автор почему-то обходит их стороной.

Ливен исходит из того, что империи объединялись прежде всего «какой-то великой универсальной религией или великолепной цивили-

зацией», а устойчивость «имперского правления» во многом зависела от прочности насаждавшихся им «верований, ценностей и культуры» (р. 31–32). Более того, порою «империю нужно не только определять словами, но и видеть, чувствовать и воображать». Автор убеждён, что «сущность империи лучше всего ощущается, когда сидишь в Стамбуле с видом на Золотой Рог или стоишь на ступенях Храма неба в Пекине, где китайские императоры совершали свои великие ежегодные жертвоприношения». В какой-то мере и обилие в тексте биографических деталей объясняется тем, что подобный приём «задействует эмпатию, воображение и чувства так, как никогда не сможет это сделать анализ политических структур» (р. 25). Эстетические и чувственные мотивы буквально пронизывают книгу, в ней то и дело встречаются меткие замечания в леонтьевском, если не розановском, духе, например, о «мощной сексуальной привлекательности военных мундиров», усиливавшейся по мере того, как европейский костюм становился в XIX в. всё более утилитарным (р. 35), и т.п. Волнуют автора и более сложные, почти неразрешимые в научном исследовании вопросы. Так, он спрашивает себя: «Был ли политеизм в его китайском варианте изначально лучше приспособлен для управления и выживания империи, чем монотеизм?» (р. 29).

Историю Российской империи Ливен начинает не с окончания Северной войны, когда данное название получило широкое употребление, а с XVI в. Подобная датировка, обычная для западной историографии, в последнее время всё чаще используется и отечественными исследователями⁷. Разумеется, в обзорной работе автор мог лишь бегло охарактеризовать институциональные преобразования XVIII–XIX вв., отмечая, к примеру,

что нередко (особенно до 1718 г.) они проводились без единой программы, а в эпоху Просвещения приходилось осмотнительно выверять рамки «организуемого государством “улучшения” и гомогенизации» (р. 330–331, 338). Вместе с тем целый ряд ключевых документов, исходивших от верховной власти, практически полностью стущёвывается в авторском изложении. Среди них и петровский указ об учреждении Сената, и екатерининский Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения. Про Акт о престолонаследии и Учреждение об Императорской фамилии 1797 г. говорится лишь в связи с характеристикой особенностей психики Павла I (р. 344–345).

Александр I, по мнению Ливена, после разгрома наполеоновской Франции впал в пессимизм и «погрузился в мелочи (“nitty-gritty”) внутреннего управления» (р. 349). А ведь именно тогда царь даровал конституцию Царству Польскому, создавал военные поселения, инициировал разработку Государственной уставной грамоты. Николаю I, энергично правившему почти 30 лет, в книге посвящена всего одна страница, на которой он сравнивается с китайским императором XVIII в. Цяньлунем. Сближает же их в авторской интерпретации то, что оба не заметили наступления эпохи модернизации и тем самым обрекли свои империи на военные поражения — соответственно, в Опиумной и Крымской войнах (р. 352). Самые общие слова сказаны про Александра II, который будто бы «признавал необходимость модернизации России по западному образцу для сохранения её статуса великой державы», однако «твёрдо доверял вере своего народа в сакральную монархию и соответствующим образом выстраивал свою политическую стратегию» (р. 423). Александр III упомянут в книге всего

один раз и то вскользь (р. 431). Борьба же различных группировок вокруг престола, без понимания которой невозможно раскрыть механизм функционирования петербургского самодержавия, и вовсе не укладывается в повествование.

В столь беглом изложении Ливен словно торопится показать читателям, к чему привели попытки правителей России, вопреки вызовам Нового времени, сохранить «традиционную модель священного и абсолютного суверенитета» и одновременно трансформировать свою «успешную домодерную империю в жизнеспособное государство XX столетия» (р. 422–423).

Переходя к трагическому финалу самодержавия, историк утверждает, будто у Николая II, в отличие от его предшественников, «не было никого ни среди его министров, ни даже в петербургском высшем обществе, кого можно было бы по-настоящему назвать другом» (р. 425). Между тем хорошо известные современникам доверительные отношения императора с Д.С. Сипягиным и внучкой Николая I гр. Е.Г. Строгановой (в замужестве — Шереметевой, а потом Милашевич) свидетельствуют об ином.

Политические представления последнего российского императора, по мнению Ливена, «были укоренены в русской консервативной мысли XIX в.», которая фактически отождествляется в книге со славянофильством — «наиболее влиятельной, чуткой (“vibrant”) и потенциально популярной консервативной идеологией» того периода (р. 425). О реформистских и даже либеральных её чертах и оттенках, проявившихся как в середине XIX столетия, так и на рубеже XIX–XX вв., автор почему-то умалчивает⁸. Правда, то, что «Николай II во многом был консервативным славянофилом», не мешало ему, как и всей русской элите, оставаться

европейцем, ведь «даже славянофильство во многом имело своим источником немецкую консервативную мысль эпохи романтизма» (р. 428). Как ни странно, «наиболее интересным защитником неославянофильского видения будущего России» Ливену кажется Л.А. Тихомиров, хотя «бывшего революционера и лидера террористов, ставшего в конце 1880-х гг. правым публицистом», к последователям данного идейного течения можно причислять лишь с большой долей условности. В книге же он изображён чуть ли не главным выразителем тех убеждений, которых придерживался Николай II, тогда как даже гораздо более близкий к императору кн. В.П. Мещерский не смог добиться подобного положения.

Повышенный интерес к фигуре и взглядам Тихомирова становится понятнее, когда автор, не останавливаясь на Манифесте 17 октября и связанных с ним изменениях в политической системе Российской империи, сообщает о возникновении черносотенных партий, с которыми якобы «флиртовал» царь. Это даёт повод для размышлений о «пределах народнического (*"populist"*) монархизма», легитимности и сходстве процессов, протекавших в первые десятилетия XX в. в России и Италии. И тут Лев Александрович, с его идеями корпоративизма, оказывается созвучен доктринам фашизма⁹. Впрочем, сам Ливен недвусмысленно констатирует: «Несмотря на всю его приверженность корпоративному государству, Тихомиров не был фашистом, тем более — национал-социалистом, даже в зародыше. Он являлся охранителем, исходившим из религиозных верований, а не из расовых соображений». В этом он даже чем-то напоминает автору книги «верховного лидера» современного Ирана (р. 428). По мнению Ливена, на этой идейной почве

«элементы, схожие с итальянским фашизмом», могли появиться в России лишь в случае победы белой контрреволюции (р. 426). Возможность же союза монархии Романовых (и даже Гогенцоллернов) с радикальным популистским движением вождистского типа им полностью исключается (р. 429).

Русский царь не мог долго находиться в тени не только харизматического народного «вождя», но и собственного «визиря» или «канцлера». Неслучайно после преобразования в 1905 г. Совета министров его председатели неизменно вызывали у Николая II ревность, мешавшую им нормально работать. В результате страна получила «дыру в центре правительства», что привело к катастрофическим последствиям во время Первой мировой войны (р. 429–430). С этим наблюдением нельзя не согласиться, однако следует учесть, что напряжение между царской идеократией и высшей бюрократией, отвечавшей за прагматические функции государственного управления, нарастало по меньшей мере с середины XIX в.

В заключительной главе Ливен избыточно много говорит о современности, пускается в рискованные и далеко не очевидные сравнения Д. Трампа с молодым Вильгельмом II, проводит параллели между политикой Германии на рубеже XIX–XX вв. и действиями КНР в XXI в. и т.п. (р. 446–451). Так или иначе, книга Д. Ливена убеждает в том, что императорской власти комфортно в домодерном обществе, с наступлением Нового времени она всё чаще испытывает трудности, а когда приходит время модернизации, оказывается в состоянии кризиса, из которого уже не способна выйти, по крайней мере — в прежнем виде. Общая судьба четырёх континентальных империй, не переживших Первую мировую войну, свидетельствовала об

их несовместимости с модернизацией, несколько позже очередь дошла и до британских владений.

Примечания

¹ *Флоренский П.А., свящ.* Об историческом познании (конспект лекций) // *Флоренский П.А., свящ.* Сочинения: в 4 т. Т. 3. Ч. 2. М., 2000. С. 22.

² *Канторович Э.Х.* Два тела короля: исследование по средневековой политической теологии. М., 2015. С. 88.

³ *Schmitt C.* Gespräch über die Macht und den Zugang zum Machthaber. Pfullingen, 1954. См. также русский перевод А.Ф. Филиппова: Социологическое обозрение. Т. 6. 2007. № 2. С. 27–38.

⁴ *Сперанский М.М.* О образе правления // *Сперанский М.М.* Проекты и записки / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1961. С. 142–143.

⁵ Характерно, что при этом практически не учитываются даже популярные на Западе работы. См., в частности: *Элиас Н.* Придворное общество: исследования по социологии короля и придворной аристократии, с введением: Социология и история. М., 2002.

⁶ Подробнее см.: *Яркеев А.В.* К вопросу о возможности политической теологии: Карл Шмитт полемизирует с Эриком Петерсоном //

Социологическое обозрение. Т. 21. 2022. № 2. С. 189–213.

⁷ См., в частности, изданную Институтом российской истории РАН коллективную монографию: Российская империя: от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011. Действительно, Пётр I именовался императором ещё с 1696 г. и «особенно часто после Полтавской победы» (*Успенский Б.А.* Пётр Первый и переосмысление понятия империи // Факты и знаки: исследования по семиотике истории. Вып. 3. М.; СПб., 2014. С. 209).

⁸ Подробнее см.: *Соловьёв К.А.* Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества. М., 2018; *Паромов К.Я.* Политическое и церковное в мировоззрении «славянофилов» начала XX в. (А.А. Киреев, Ф.Д. Самарин, Д.Н. Шипов) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. II. История. История Русской Православной Церкви. 2016. Вып. 2(69). С. 31–48.

⁹ См., в частности: *Милевский О.А.* В поисках «третьего пути»: Л.А. Тихомиров и Б. Муссолини (опыт сравнительного анализа концепций государственного строительства) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 4(37). С. 170–181.

Александр Пученков

Омские Форсайты и «дом Колчака»*

Alexandr Puchenkov

(Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)

Omsk Foresights and Kolchak's House

DOI: 10.31857/S2949124X23020190, EDN: BLVRET

Старинный особняк К.А. Батюшкина, расположенный на Иртышской набережной в Омске, по-настоящему красив. Он и сейчас ещё хранит дух строгости и патриархальности царских времён. Его как будто вовсе не затронули «неслыханные перемены, невиданные мятежи» XX в. Между тем с 15 декабря 1918 по 12 декабря

1919 г. здесь находилась личная резиденция верховного правителя России А.В. Колчака, в которой он не только жил, но и принимал посетителей¹. Особняк и подступы к нему усиленно охранялись. Впоследствии омичи в обиходе запросто именовали этот шедевр эклектики «домом Колчака». В 2012 г. в нём начал свою работу

* *Петин Д.И.* История Омского рода Батюшкиных. Омск: Омскбланкиздат, 2021. 140 с.

Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-00266 «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны, феномен, значение и региональная специфика».

Центр изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области, которым с 2021 г. руководит Д.И. Петин, являвшийся сотрудником данного учреждения с момента его основания.

Петина всегда интересовало, как складывались судьбы русских людей во время лихолетья. А семейная драма «омских Форсайтов» Батюшкиных позволила учёному, собравшему в местных и федеральных архивах богатейший документальный материал, показать полуторавековой срез жизни огромного региона. И если сама резиденция Колчака уже привлекала внимание краеведов², то о владельцах особняка, игравших видную роль в Омске, узнать что-либо было гораздо сложнее.

В те месяцы, когда их родовое гнездо занимал верховный правитель России, главой семьи являлся Капитон Алексеевич Батюшкин. Он родился в 1859 г. в семье отставного унтер-офицера Алексея Андреевича Батюшкина, служившего тогда писарем по военно-инженерному ведомству, а затем вышедшего в отставку, успешно занявшегося коммерческой деятельностью и ставшего купцом 2-й гильдии. В счастливом браке у него родилось семеро детей. Капитон, в отличие от отца и деда (просто-го николаевского солдата), предпочёл военной службе учёбу в Омской учительской семинарии, по окончании которой занял скромное место учителя младшего отделения Омского Ильинского приходского училища (с. 14). Тем не менее ему удалось сделать весьма успешную педагогическую карьеру, и уже в 1888 г. он получил чин коллежского асессора, а вместе с ним и личное дворянство (с. 17). В начале 1897 г., тяжело переживая смерть матери, ещё далеко не старый чиновник вышел в отставку, сохранив, впрочем, уважение и неформальное влияние

в городе и принимая активное участие в его деловой и общественной жизни. В 1914–1917 гг. он исполнял обязанности почётного мирового судьи (с. 22).

При этом основной доход семье приносила успешная предпринимательская деятельность его супруги Елизаветы Георгиевны, дочери купца Г.И. Терехова. Благодаря её таланту, Батюшкины разбогатели буквально за несколько лет. Подарив мужу семерых детей, воспитывавшихся в духе почтения к старшим и приверженности православной вере, она унаследовала от отца деловую жилку и охотно вела торговлю, занималась арендой помещений, с выгодой размещала вырученные деньги в банках (с. 23). Процветание семьи позволило возвести в 1902–1904 гг. одноэтажный особняк с мощным цокольным помещением на Береговой улице (ныне – Иртышская набережная). «Волею судьбы, – пишет Петин, – это колоритное строение уже вскоре ярко впишется в омскую историю. К 1906 году семья обосновалась на новом месте жительства... Внешнее оформление здания выдержано в популярном в те годы стиле архитектурной эклектики – одновременного сочетания черт классицизма, барокко, рококо. Жилая площадь новой квартиры Батюшкиных составляла более 500 квадратных метров, потолки высотой от 4 до 5 метров, многоскатная крыша, большие окна, ажурная лепнина, позолота, гризайль и многие другие элементы архитектуры и внутренней отделки здания позволяли по меркам Сибири назвать его настоящим дворцом. Назначение помещений в тот период известно лишь в общих чертах: холл, гостиная, рабочий кабинет, столовая, жилые комнаты. И в этих роскошных условиях жила всего лишь одна семья. Комфорт жильцов и гостей дома весьма основательно продумали. Архитектурно-строительную проектировку произвели по последним техни-

ческим стандартам времени, сочетая все возможные на тот момент удобства — особую («дворцовую») систему вентиляции и отопления, тёплый пол, камины, водопровод с раздельной подачей холодной и горячей воды, электричество, канализацию, дренажную систему. А впоследствии у Батюшкиных появилось не просто средство связи, а передовое для тех лет новшество — телефон» (с. 26). Это действительно было дорогим удовольствием, поскольку абонентская плата составляла тогда серьёзную сумму — 75 руб. в год. К шикарному особняку прилегал комплекс жилых и хозяйственных построек, во внутреннем дворе близ террасы располагался небольшой декоративный фонтан — один из первых, сооружённых в городе. Дом обслуживал, по-видимому, немалый штат прислуги (с. 27). Вскоре Батюшкины обзавелись и значительным загородным владением — площадь их ачаирской усадьбы составляла 550 десятин (около 601 га): к просторному дому примыкал огромный скотный двор, где содержалось до 200 голов. К 1914 г., полагает Петин, «уклад жизни омской семьи Батюшкиных, благодаря их деловым способностям, рачительности и трудолюбию, можно назвать стабильным, добротным и благополучным» (с. 30).

Первая мировая (или Германская, как её называли в России) война многое изменила. Старший сын Батюшкиных, Александр храбро воевал, дослужившись к ноябрю 1917 г. до чина поручика. В дальнейшем его следы теряются, скорее всего, он примкнул к одной из белых армий. Второй сын, Николай, студент Петроградского университета, командовал ротой на Юго-Западном фронте, в январе 1918 г. демобилизовался и вернулся в Омск, где к тому времени уже установилась советская власть (с. 37). Молодой офицер присоединился к антибольшевистскому подполью, а после падения больше-

виков вступил в ряды Сибирской армии. В ночь с 17 на 18 ноября 1918 г. он принял участие в государственном перевороте, устранившем Временное Всероссийское правительство (Директорию) и провозгласившем верховным правителем Колчака (с. 42).

Адмирал нуждался в комфортабельном и безопасном жилье и остановил свой выбор на доме Батюшкиных, окна которого выходили на Иртыш. Как пишет Петин, «официально к середине 1919 года в Омске в здании по адресу: Береговая, дом 9 значились дополнительный рабочий кабинет верховного правителя, квартира и адъютантская комната. Исходя из соображений безопасности, сюда допускался весьма узкий круг людей, преимущественно из числа ближайшего окружения А.В. Колчака. Официальные приёмы здесь производились в основном для иностранных военных и дипломатических представителей. Российские государственные и военные деятели могли получить аудиенцию верховного правителя в его квартире, в основном при возникновении форс-мажорных ситуаций или получив личное приглашение адмирала. Доступ лиц (что особенно касалось приходивших впервые) строго контролировался офицерами охраны и адъютантами» (с. 43–44).

Однако уже в ноябре 1919 г. Омск был оставлен белогвардейцами и занят красными. Капитон Алексеевич и Елизавета Георгиевна не решились покинуть родные места. Их младшие сыновья Сергей и Алексей и дочери Мария, Антонина и Зинаида остались с родителями. Только ротмистр Николай Батюшкин, продолжая свою службу, оказался на чужбине и более 30 лет прожил на северо-востоке Китая (с. 53).

Осторожные и основательные «Батюшкины, оставшиеся в советском Омске, причисляли себя теперь к числу типичных городских обывателей. Вероятно, рассчитывая на милость

победителей, они полностью дистанцировались от участия в общественно-политической жизни». Между тем «главные испытания их семью ещё ожидают впереди» (с. 55–56). В 1920-е гг. в их особняке расположились Сибирское управление военно-учебных заведений РККА и редакция ведомственного издания «Вестник аудитории военного дела», затем там находились детский дом № 21 и даже Омский окружной отдел ОГПУ.

Для того, чтобы добыть средства к существованию, Капитону Алексеичу приходилось работать управляющим совхоза, устроенного на территории его бывшего имения в Ачаире. Утешение он искал и находил в вере. Несмотря на расстроенное здоровье, за год до смерти его избрали членом Совета прихожан Градо-Омской Пророко-Ильинской церкви — оплота омских «тихоновцев», противостоявших тогда «обновленцам». На пожилого человека возложили хлопотные обязанности секретаря приходского совета и ведение делопроизводства: «Его рукою писались и им визировались все основные документы общины» (с. 66). В июле 1927 г. Капитон Алексеевич скончался от брюшного тифа, а спустя девять лет власти снесли Градо-Омскую Пророко-Ильинскую церковь, где его некогда крестили. В 1948 г. на её месте установили бетонный памятник В.И. Ленину.

Так или иначе, никто из семьи Батюшкиных не подвергался каким-либо репрессиям. Правда, и блестящих успехов при советской власти они не добились. Алексей Капитонович простым солдатом Красной армии дошёл в 1945 г. до столицы Германии, его грудь украшали медали «За освобождение Варшавы» и «За взятие Берлина». Его младший брат Сергей скончался в 1986 г.

Как отмечает Петин, «советская действительность внесла в жизнь пред-

ставителей семьи Батюшкиных череду неоднозначных масштабных перемен. Однако, несмотря на все коллизии времени и перенесённые мытарства, Батюшкины сумели обустроиться в обществе с новыми, отчасти непривычными, в чём-то чуждыми для них правилами и традициями. Да, они нашли себя, пусть не на профессиональных вершинах, не получая внимания и высоких наград и находясь весьма далеко от дореволюционного благополучия и прежнего статуса, к которому до 1917 года уверенно шли два поколения семьи. Но намного важнее было то, что Батюшкины фактически успешно устроились от опасной в СССР категории “бывших людей” (а это удавалось немногим), негласно сохраняя при этом родовые традиции и память о своей большой, счастливой и дружной семье» (с. 83–84). Как и для героев «Саги о Форсайтах» Дж. Голсуорси, превыше всего для них был родовой инстинкт, а также «семья, домашний очаг и собственность». Правда, жить им довелось не в «век процветания», а в эпоху перемен. И Петин, прослеживая путь нескольких поколений одной омской семьи, удачно перекидывает мостик от маленькой драмы — к большой, всенародной. «Казалось, что этого дома хозяева навечно в своей довоенной Европе», но как ни грустно, никому из них так и не довелось уже вернуться в некогда привычные условия спокойного и налаженного быта, в ту Россию, о которой напоминал семейный особняк на берегу Иртыша. Теперь, спустя столетие, в нём бережно сохраняется память о прежних владельцах.

Примечания

¹ Об этом доме см., в частности: *Зырянов П.Н.* Адмирал Колчак, верховный правитель России. Изд. 4. М., 2012. С. 426.

² См., например: *Лосунов А.М.* Омский адрес верховного правителя. Омск, 2011.

Кирилл Соловьёв

Рец. на: О.В. Будницкий. Другая Россия: Исследования по истории русской эмиграции. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 632 с.

Kirill Soloviev

*(HSE University, Moscow, Russia; Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences, Moscow)*

Rec. ad op.: O.V. Budnitskiy. Drugaya Rossiya: Issledovaniya po istorii russkoy emigratsii. Moscow, 2021

DOI: 10.31857/S2949124X23020207, EDN: BMHJAO

Написать историю русской эмиграции — непростое занятие. Сам объект исследования будто бы «выскальзывает из рук», и не вполне ясно, как к нему подступиться. Гуманитариям памятна фраза М. Блока о «людоедских наклонностях» историка, который рыщет в источниках в поисках «человечины». Блок скорее писал о желаемом, чем о действительном. На практике исследователи предпочитают власть, государство, государственность, политические институты. Если уж и вызывает интерес «человечина», то далеко не всякая, а та, что носит корону и мантию. Подобный государственноцентристский взгляд вполне объясним: значение правительственных (или в крайнем случае партийных) институтов не вызывает особых сомнений ни у учёных, ни у читателей. К тому же их изучение практически всегда хорошо обеспечено источниками, так как именно государственные учреждения — настоящая фабрика по их производству. Можно, конечно, сосредоточиться и на оппозиции, зачастую не вписывавшейся в политическую систему, представлявшей контрэлиты. Однако это будет лишь зеркальное отражение того же подхода. В любом случае в центре внимания остаётся власть и те, кто либо ею пользовался, либо за неё боролся.

История Русского зарубежья не укладывается в эти привычные рамки. Для его деятелей политические бата-

лии остались в прошлом, их можно было только вспоминать или рассматривать со стороны. Конечно, в эмиграции оказалось немало бывших политиков, которые рассчитывали и впредь нести партийные знамёна, вывезенные ими из России. Они проводили заседания центральных комитетов, издавали газеты и журналы, создавали блоки, вели себя так, будто революционной катастрофы в России не случилось вовсе. Это была даже не политика, а её симуляция. И уж точно не это определяло жизнь Русского зарубежья. Но что же всё-таки лежало в её основе? Правовой статус эмигрантов? Их способность адаптироваться к новым обстоятельствам и вместе с тем сохранить свою идентичность? Бурное развитие общественной мысли в 1920–1930-х гг.? Формы самоорганизации? Русская культура, получившая развитие и за пределами Советской России? Всё это было исключительно важно, но далеко не исчерпывало проблему.

Ключевой элемент Русского зарубежья — не государство, не партия или какая-либо организация, не идея или книга, а чаще всего — человек с драматичной судьбой. Это побуждает исследователя к «антропологическому повороту» или, проще говоря, заставляет его обращаться к человеческим историям. Это нетрудно заявить, но гораздо сложнее сделать. Не вполне очевиден даже жанр, позволяющий

«стянуть» мозаичное плотно эмигрантской жизни воедино.

О.В. Будницкий предложил смелое решение, которое в итоге оказалось весьма удачным. В центре его книги — не отдельные персонажи, не эмиграция как социальное явление, не масштабные тенденции, а сам автор, его исследовательский опыт, творческий (прежде всего архивный) поиск и даже личные впечатления. Это не только литературный (кстати, вполне оправданный), но и научный приём. Будницкий открывает читателю свою лабораторию, в которой всё ещё продолжаются разнообразные эксперименты. В книге нашлось место и биографическим очеркам, и статьям, посвящённым интригующим проблемам политической истории первой половины XX в., и публикации источников с подробными комментариями.

Конечно, в ней чувствуются авторские интересы и привязанности. На многих страницах текста читателя «сопровождает» В.А. Маклаков, чья переписка с современниками в своё время завороживала и увлекла Будницкого, по его признанию, в мир Русского зарубежья. Конечно, Маклаков — фигура неординарная, выделявшаяся даже на фоне Серебряного века: блестящий оратор, известный московский адвокат, талантливый литератор, «звезда» общественной жизни. Для российской эмиграции особое значение имела его посольская должность в Париже и активная роль в политических делах. Вместе с тем Василий Алексеевич парадоксально, ёмко и афористично очертил место своего поколения в истории России. Бывший член партии кадетов стал самым суровым её критиком. Как мемуарист и яркий, самобытный мыслитель он заметно повлиял на интерпретацию событий начала XX в. в современной историографии.

Между тем эпистолярное наследие Маклакова (доступное широко-

му кругу читателей как раз благодаря Будницкому¹⁾) в полной мере стало известно лишь совсем недавно. Его письма — уникальный памятник русской словесности. Блестяще написанные и весьма информативные, они содержат не только множество ценных сведений, но и глубокую аналитику нестандартно мыслящего, а по словам Будницкого, «возможно, самого умного русского человека XX века» (с. 6). Маклаков не вписывался ни в один канон, выпадал из нормативного поведения интеллигента, кадет-а, эмигранта. Это делало его тексты поразительно интересными и всегда неожиданными. Будучи человеком внутренней свободы, Маклаков умел смотреть на происходившее вокруг «со стороны». В сущности, такая задача стояла перед каждым представителем «мыслящей России» за рубежом, однако не все с ней справлялись столь виртуозно.

Российская эмиграция в социальном отношении не была однородной. В её ряды попадали выходцы из разных сословий, классов, национальных и религиозных групп. Вопреки устоявшимся представлениям, интеллигенты составляли малую часть формировавшейся диаспоры. Сообщая о её численности и составе, характеризуя географию «России за рубежом», выделяя наиболее крупные организационные структуры и периодические издания, Будницкий заполняет затем эту необходимую формальную «рамку» человеческими драмами, извлекая сведения о них из переписки В.А. Маклакова с Б.А. Бахметевым и О.О. Грузенбергом, В.Л. Бурцева с лидерами Белого движения, Б.Л. Гершуна с А.А. Гольденвейзером, рассказывает о мнимых и реальных российских капиталах, оказавшихся за рубежом, о создании «Нового журнала», у истоков которого стояли такие знаковые фигуры как М.А. Алданов и М.М. Карпович, о том,

как эмигранты пережили 1945 г., и т.д. Хорошо смотрятся в ней и биографические портреты одной из видных представительниц социал-демократической партии Л.О. Дан, ростовского предпринимателя Н.Е. Парамонова, историка и кадета А.А. Кизеветтера, неформального лидера русской колонии в Англии Е.В. Саблина, общественной и политической деятельницы А.В. Тырковой и др. Особенно ярким у Будницкого получился образ Юлии Кантакузен, гр. Сперанской, урождённой Грант — внучки президента США, родившейся в Белом доме в Вашингтоне и блиставшей позднее при дворе австрийского императора. Познакомившись в Риме с гвардейским офицером из России, потомком византийских императоров и внуком гр. М.М. Сперанского, она стала своей для петербургского высшего света. А потом её ждал предсказуемый финал: революция, бегство, воспоминания. Столь поразительные и странные изгибы судьбы были характерны для многих из тех, кто родился ещё в старой Европе, которую растоптал XX век, и не по своей воле попал в зазор между двумя эпохами.

На протяжении книги Будницкий постоянно меняет исследовательскую оптику. Порой он пишет «широкими мазками», в другой раз останавливается на деталях, рассматривая их через «увеличительное стекло». Вместе с тем созданная автором картина отнюдь не кажется эклектичной. Единство ей придаёт общность сюжета, стиля и, что ещё важнее, источниковедче-

ского подхода. Каждый очерк строится на архивных находках автора. Как правило, это источники личного происхождения, преимущественно переписка. Действительно, письма — едва ли не главное, что осталось от «России за рубежом». Почта связывала разбросанных по всем миру представителей российской общественности, лишившихся прежних возможностей выражать свои идеи и эмоции. В изгнании у них было меньше журналов, газет и иных «площадок» для выступлений, нежели в дореволюционной России. То, что прежде слушала вся страна, теперь предназначалось для считанных корреспондентов. Но это никак не умаляло таланта, интеллекта, знаний, вложенных в строки таких посланий, до недавнего времени не известных даже заинтересованной публике.

«Другая Россия» — без единого центра, географического или организационного, без ясно очерченных границ — это почти невидимая Атлантида, историю которой приходится собирать из рассыпанных по всему свету документов, чем и занимается О.В. Будницкий.

Примечание

¹ «Совершенно лично и доверительно!». Б.А. Бахметев — В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951 / Под ред. О.В. Будницкого. В 3 т. Т. 3. М., 2002; Спор о России: В.А. Маклаков — В.В. Шульгин. Переписка 1919–1939 гг. / Сост. О.В. Будницкий. М., 2012; «Права человека и империи»: В.А. Маклаков — М.А. Алданов. Переписка 1929–1957 гг. / Сост. О.В. Будницкий. М., 2015.

Рецензируемая коллективная монография (сборник статей), подготовленная в рамках проекта «Historia Rossica», демонстрирует достижения и обозначает проблемы в области изучения имперского этапа региональной отечественной истории (1721–1917). В силу территориальной протяжённости российского государства, географических и природно-климатических условий, этнического и конфессионального состава населения, специфики социально-экономических процессов, влияния внешнеполитических обстоятельств необходимо учитывать фактор регионального измерения. По мнению А.В. Ремнёва (1955–2012), памяти которого посвящено издание, «с управленческой точки зрения Российская империя представляла сложно организованное государственное пространство. Его длительная устойчивость объясняется именно с позиций поливариантности властных структур, многообразия правовых, государственных, институциональных, управленческих форм, асимметричности связей различных народов и территориальных образований. И чем больше правительство добивалось успехов на пути централизации и унификации управления (к чему оно, несомненно, стремилось), тем более теряло гибкость и становилось неповоротливым, неспособным эффективно и адекватно реагировать на

быстро меняющуюся политическую и социально-экономическую конъюнктуру, отвечать на национальные и модернизационные вызовы»¹.

Сравнительно недавно региональный аспект в контексте имперской истории начали разрабатывать в рамках журнального проекта «Ab Imperio» и книжного проекта «Окраины Российской империи». Применительно к Сибири отмечу издательскую серию «Азиатская Россия», инициатором и «генератором» которой является Л.М. Дамешек², а также сборники статей, посвящённые юбилеям Ремнёва³. Геополитический образ Сибири пытается воссоздать Е.А. Ерохина, по мнению которой повышение статуса внутренних регионов на международном политическом поле «актуализирует проблему изучения внутренних регионов, в том числе и микрорегионов России, таких как Юг, Кавказ, Урал, Север, Сибирь, Дальний Восток, их влияние на мировую геополитическую ситуацию»⁴. Наконец, активно разрабатывают различные аспекты проблемы пространственного развития экономисты, рупором которых с 1993 г. является журнал «Регион: экономика и социология», издаваемый Институтом экономики и организации промышленного производства СО РАН. «Надо заметить, — подчеркнул один из авторов издания, — что Сибирь как российскую колонию следует отнести

* Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация, (на)значение / Под ред. Е. Болтуновой, В. Сандерленда. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 304 с.; ил. (Серия Historia Rossica).

к категории Большой Сибири, а не Мега-Сибири. В этом качестве её роль выходит за её собственные границы, но локализуется в пределах России»⁵.

Всего в рассматриваемую монографию включено 13 текстов восьми отечественных, четырёх американских и одного литовского историков. Хронологически представленные публикации охватывают период с середины XVIII по начало XX в. Понятия «регион» и «окраина» здесь используются как синонимы. В частности, в аннотации Сибирь относится к категории первых, однако подчёркивается: «Среди рассмотренных регионов представлены как Центральная Россия, так и многочисленные окраины империи — Северо-Западный край, Кавказ, Область войска Донского, Оренбургский край и Дальний Восток». Сибири в этом перечне нет. Однако регионы необязательно могли быть окраинами. Можно ли, например, считать окраиной Оренбургский край? Да, применительно к XVIII — началу XIX в., нет — после присоединения северного Казахстана. К тому же в статье С.В. Любичанковского на примере трансформации Оренбургского генерал-губернаторства в губернию и, соответственно, утраты территориального образа края показано, как это выглядело на практике. Правда, не всегда происходила обозначенная утрата. Так, после образования в 1882 г. Степного генерал-губернаторства его синонимом стала выступать дефиниция «Степной край». Ситуацию с понятийным аппаратом усугубляет заявление Дж. Санборна о «территориях колоний, располагавшихся по краям империи к 1914 году»⁶. Соответственно, необходимо чётко разграничить понятия «регион», «окраина», «колония».

Во вводной статье В. Сандерленда, имеющей подзаголовок «Проблемы дефиниции», со ссылкой на На-

циональное географическое общество США повторяется определение, предложенное этой научной организацией: «Регион — это территория, обладающая некой внутренней связанностью, “естественной” (флора, фауна, климат) или “созданной человеком” (язык, религия, особенности управления)» (с. 7–8). При этом оговаривается, «что подобную установку едва ли можно считать окончательной» (с. 8). От себя Сандерленд добавляет такие важные элементы понятия «регион», как общая территория, национальный состав, изменение площади, отношения с другими территориями, временная эволюция (историчность). К ним можно присоединить введённое Ремнёвым понятие «имперской географии власти».

Представляется, что управленческий, территориально-административный сегмент в книге представлен слабо (А.Т. Урушадзе, А.А. Волвенко, С.В. Любичанковский). Но именно административное определение границ, а также наименования определяют пространственное «наполнение» региона, что видно на примере Сибири. Так, в 1803 г. образуется единое для региона от Урала до Тихого океана Сибирское генерал-губернаторство с центром в Иркутске. В 1822 г. по предложению М.М. Сперанского оно разделяется на Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское.

В последней четверти XIX в. внутренняя политика самодержавия была направлена на ликвидацию особого статуса территории в системе имперского управления и самой дефиниции «Сибирь». В 1882 г. упраздняется Западно-Сибирское генерал-губернаторство, а Омск становится административным центром Степного генерал-губернаторства в составе Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей. В 1887 г. Восточно-Сибирское генерал-губернаторство

переименовывается в Иркутское. Соответственно, образованный в 1865 г. Западно-Сибирский военный округ в 1882 г. преобразуется в Омский с включением в него Тобольской и Томской губерний, а также Степного генерал-губернаторства. Через два года (1884) Восточно-Сибирский военный округ разделили на Иркутский и Приамурский. Тогда же произошло административное обособление Дальнего Востока с учреждением Приамурского генерал-губернаторства.

Дальнейшее административно-территориальное районирование региона привело к образованию в 1903 г. Дальневосточного наместничества (1903–1905) в составе Приамурского генерал-губернаторства и Квантунской области. Центром новой структуры стал Порт-Артур – город, построенный на арендованной у соседнего государства земле. В советский период сохранилось деление на Западную, Восточную Сибирь и Дальний Восток.

Перекраивание сложившейся региональной структуры началось в 2000 г. в рамках централизации и концентрации власти в руках федерального центра посредством инициатив В.В. Путина. Важнейшим её элементом стало образование федеральных округов. Состав входящих в них образований (субъектов) не определяется их территориальным единством, экономическими связями, общей историей и т.д. В частности, Дальневосточный федеральный округ организован в составе территориально-административных единиц, ранее входивших в соответствующий экономический район с добавлением Республики Саха. В состав Сибирского федерального округа не включили Тюменскую обл., вошедшую в Уральский федеральный округ⁷. Затем в состав Дальневосточного округа, как территорию «опережающего развития», включили Забайкальский край и Республику Бу-

рятия. В результате в настоящее время территориально-административное и экономико-географическое деление сибирского региона не соответствует историко-культурным и экономико-географическим критериям и сильно напоминает ситуацию, сложившуюся в 1880-х гг.

Экономический блок рецензируемого издания ограничивается статьёй К. Пикеринг Антоновой, но она не имеет отношения к проблематике регионализма, поскольку во введении от имени авторского коллектива Сандерленд заявил: «Основным для нас был вопрос о том, когда регион становится регионом» (с. 18). В публикации же сопоставляются процессы протоиндустриализации в текстильном производстве в кластере Иваново-Тейково и в Великобритании.

В подборке статей применительно к разным регионам империи (О.Е. Глаголева, Е.М. Болтунова, А.А. Волвенко, С.В. Любичанковский) анализируется процесс формирования региональной идентичности. Вводимый в них фактический материал и сформулированные на его основе заключения позволяют составить представление о специфике инкорпорации отдельных социальных групп и территорий в империю в интервале от созыва Уложенной комиссии (1767) до начала XX в. Для меня особый интерес представляет раздел Болтуновой, где рассматривается, казалось бы, частный случай – встреча тела императора Александра I на пути от Таганрога до Петербурга в 1826 г. Организация мероприятия и участие в нём практически всех социальных групп территорий по маршруту передвижения кортежа позволили повторить внятный вывод о том, что «внутренние российские губернии достигли серьёзного единообразия в принципах организации социальной жизни и функционирования управленческой

системы» (с. 116). Кстати, по Сибири аналогичное заключение можно сделать относительно проезда цесаревича Николая Александровича в 1891 г. на лошадях от Владивостока до Томска и далее на пароходе по Оби и Иртышу до Омска.

В разделах В.В. Боярченкова и М.А. Содерстрома рассматривается зарождение федералистской концепции истории России и применение её элементов к отдельным регионам. Анализируя фундаментальное произведение П.А. Словцова (1767–1843) «Историческое обозрение Сибири», Содерстром квалифицирует его автора как предшественника сибирских областников, точку отсчёта для них (с. 119–120). Действительно, Пётр Андреевич, исследовав социально-экономическое и культурное развитие региона, предложил программу реформирования его внутренней жизни. Он выступал против уголовной ссылки (штрафной колонизации), настаивал на интенсивном изучении Азиатской России, ратовал за развитие просвещения и торговли, прозорливо предсказал организацию коммерческого судоходства по Северному морскому пути. Его творчество безусловно повлияло на формирование взглядов областников, идеологию движения⁸. Однако в работе содержится противоречие. По словам автора, с одной стороны, её герой позиционировал Сибирь «как особый регион в составе России» (с. 119), с другой, он «был для него воплощением империи» (с. 137).

Представляется, что вопрос о сочетании централизаторских и областнических компонентов в творчестве Словцова требует более тщательного изучения, хотя, скорее, знаменитый сибиряк не признавал Сибирь в качестве особой области и рассматривал её как естественное продолжение России. Кстати, точку зрения о крае как неотъемлемой части Российского

государства разделял его однокашник М.М. Сперанский. В письме к дочери от 5 сентября 1819 г. из Иркутска он восклицал: «Как велика земля русская! И здесь (в Сибири. — *М.Ш.*) те же люди, та же чернь, те же нравы и обычаи; те же почти и пороки, и добродетели. Сие единство почти непонятно. Во всех других государствах несравненно есть более разнообразия. Сие происходит, думаю, от того, что здешнее население есть смесь или произведение всех стран России»⁹.

Боярченков сопоставляет взгляды А.П. Шапова, Н.И. Костомарова и К.Н. Бестужева-Рюмина в парадигме «недолгого опыта осмысления прошлого России как истории составивших её частей» (с. 33). Автор выражается следующим образом: «Хотя в вопросе о происхождении и границах самих этих частей (России. — *М.Ш.*) между учёными были расхождения, характер связи между территориями все они были склонны именовать федеративными. Это повышенное сочувственное внимание к федерализму сближало их между собой и ставило особняком в глазах современников» (с. 32). По моему же мнению, по крайней мере, Шапов развил федералистские идеи Костомарова. Но основой федерализма последнего, как установил М.А. Рубач, «являлся не национальный момент отличия одной народности от другой, а местные, областные особенности одного и того же великороссийского народа, исторически сложившиеся в процессе колонизации в разнообразных географических и климатических условиях»¹⁰. Равно и федерализм Шапова основывался не на национальных различиях, а на особенностях природно-климатических условий существования одного народа, на процессе колонизации.

Боярченков вряд ли прав, утверждая, «что ни до, ни после федералистов

начала 1860-х гг. никто не пытался с такой решительностью противопоставить историю областей тому основополагающему взгляду, который готов отводить российским регионам лишь роль периферии, положение которой определяется в центре» (с. 33). В плане историописания это, может, и так, но в практической плоскости федералистские подходы Шапова несомненно оказали воздействие на формирование программы сибирских областников, в частности Г.Н. Потанина. В январе 1862 г. тот кратко и ёмко сформулировал идею не только специфики освоения региона, но и его перспектив: «Мы хотим жить и развиваться самостоятельно, иметь свои права и законы, читать и писать, чего нам хочется, а не что прикажут из России; воспитывать детей по своему желанию, по-своему собирать налоги и тратить их только на себя». Тогда же он заявил, «что Сибирь — одна из резко отмежёванных провинций»¹¹. Федералистская основа областнических подходов к проблеме выбора оптимального варианта взаимоотношений региона и империи приняла сепаратистскую окраску в рукописной прокламации «Сибирским патриотам» (1863). Она заканчивалась призывом: «Да здравствует республика сибирских соединённых штатов!»¹².

Региональным аспектам развития юстиции посвятили свои разделы И.А. Попп и Е.А. Крестьянников. Я не стал бы «с ходу» отвергать «высказанные в современной историографии положения, согласно которым волостной суд стал “триумфом” имперского государства» (с. 222), как делает Попп, опираясь в основном на мнение отдельных губернаторов и практику функционирования рассматриваемого органа в горнозаводской Пермской губ. Учитывая её региональную специфику, представляется опрометчивым и проблематичным сформулировать общую характе-

ристику волостных судов. На примере повседневной деятельности сибирских окружных судов Крестьянников утверждает: «Мыслившийся столичными чиновниками универсальным, этот способ в Сибири отторгался расстояниями и не удовлетворял интересам автономной региональной юстиции» (с. 244). Автору лишь напомним сформулированный Ремнёвым вывод, воспроизведённый в начале рецензии, об утере государством гибкости и его неспособности эффективно и адекватно отвечать на вызовы модернизации. Таким образом, положительные элементы эволюции в региональных системах создавали новые проблемы.

В заключительной части рецензируемого издания Д. Сталюнас и С. Урбански анализируют положение диаспор в иноязычной среде. В первом случае речь идёт о территориально-административном образовании Северо-Западного края, каждая из этнических групп которого (поляки, литовцы, евреи) воспринимала регион как искусственное образование. Можно с этим согласиться, но, за исключением дисперсно рассеянных в границах черты оседлости евреев, остальные, включая белорусов, компактно проживали на территории края. Исследование Урбански посвящено выявлению общего и особенного в жизнедеятельности китайских диаспор во Владивостоке, Сан-Франциско и Сингапуре. При всей схожести их положения устанавливается специфика применительно к каждому из перечисленных приморских городов. Упоминая о «жёлтой опасности» на российском Дальнем Востоке в начале XX в., автор, по-моему, проигнорировал попытку включения Маньчжурии в сферу российских интересов (так называемый проект «Желтороссия»).

При всей эклектичности статей очередного тома проекта «Historia Rossica» и отсутствии чёткого опре-

деления изучаемой проблемы (что вообще характерно для коллективных монографий), следует положительно оценить предпринятую попытку обозначить основные направления изучения истории регионов. Собранные в томе публикации дают импульс для дальнейшего изучения различных аспектов проблемы.

Примечания

¹ Ремнёв А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX вв. Омск, 2004. С. 7.

² Дамешек И.Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX — начало XX вв.). Иркутск, 2005; Россия и Сибирь: интеграционные процессы в новом историческом измерении (XVIII — начало XX в.). Иркутск, 2008; Сибирь в империи — империя в Сибири: имперские процессы на окраинах России в XVII — начале XX вв. Иркутск, 2013; Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Окраины Российской империи: институты и бюрократия XIX — начала XX вв. Учебное пособие. Иркутск, 2015; Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Перцева Т.А. Сибирские реформы М.М. Сперанского 1822 г.: опыт административного регулирования интересов центра и региона. Иркутск, 2017.

³ См.: Азиатская Россия: люди и структуры империи. Сборник научных статей. К 50-летию со дня рождения профессора А.В. Ремнёва. Омск, 2005; Азиатская Россия: люди и структуры империи. Сборник научных трудов. Омск, 2016.

⁴ Ерохина Е.А. Сибирский вектор внутренней геополитики России. Новосибирск, 2012. С. 8.

⁵ Сулов В.И. Имиджи Сибири: экономика с историческим уклоном // Регион: экономика и социология. 2014. № 1(81). С. 88.

⁶ Санборн Дж. Великая война и деколонизация Российской империи. СПб., 2021. С. 31.

⁷ Шиловский Д.М., Шиловский М.В. Административно-территориальное устройство и управленческий аппарат Азиатской России (конец XVI — начало XXI в.). Новосибирск, 2018. С. 176–177.

⁸ Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX — первой четверти XX в. Новосибирск, 2008. С. 27.

⁹ Сперанский М.М. Письма к дочери. Новосибирск, 2002. С. 109.

¹⁰ Рубач М.А. Федералистские теории в истории России // Русская историческая литература в классовом освещении. Т. 2. М., 1930. С. 72.

¹¹ Письма Г.Н. Потанина. Т. 1. Иркутск, 1987. С. 58–59.

¹² ГА РФ, ф. 109, оп. 1865, д. 196, л. 82.

Игорь Богомолов

Igor Bogomolov

(Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Рец. на: А. Sumpf. The Broken Years: Russia's Disabled War Veterans, 1904–1921. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. 320 p.*

DOI: 10.31857/S2949124X23020220, EDN: BMZNTU

Судьба российских ветеранов-инвалидов русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн до последнего времени практически не привлекала внимание историков. Одна из главных причин — революция 1917 г., во многом заслонившая собой воен-

ные конфликты начала XX в. Идеология нового государства и его отношение к «империалистическим» войнам повлияли на всех их участников, но инвалиды занимают в этом ряду особое место. Они не получали должного внимания от государства и в послево-

* Сумпф А. Переломные годы: российские ветераны-инвалиды войны, 1904–1921. Кембридж: Изд-во Кембриджского университета, 2022. 320 с.

енные десятилетия лишь изредка использовались в пропаганде как зримый результат «мировой бойни». В лучшем положении оказались инвалиды Гражданской войны, однако их было меньше, чем инвалидов предыдущих войн, и они в целом тоже оставались на обочине общественного внимания. В советской и постсоветской историографии в этом направлении не появилось значимых и комплексных работ, несмотря на открытие архивов в 1990-х гг.

Провести всестороннее исследование положения российских ветеранов-инвалидов решил профессор Страсбургского университета Александр Сумпф. Перед историком стояла непростая задача — собрать воедино разрозненные и фрагментированные сведения о количестве ветеранов-инвалидов трёх разных по масштабу и характеру войн, исследовать вопросы социальной адаптации инвалидов, их повседневной жизни, отношений с государством. К работе привлечён широкий массив источников из фондов РГВИА, РГИА, ГА РФ, РГАКФД, ЦГИА СПб и ЦГА СПб. Большое внимание автор уделил произведениям искусства, литературы и кино той эпохи, пытаясь с их помощью показать развитие образа инвалида и его места в российском обществе. Одна из интересных находок Сумпфа — 107 автобиографий, написанных в 1916 г. грамотными солдатами, отобранными для обучения и будущей работы в качестве сельскохозяйственных руководителей. Тем не менее эта источниковая база самому автору представляется недостаточной, так как у российских инвалидов начала XX в. практически отсутствовали развитые организации и постоянные печатные органы, а их биографии крайне редки и скупы на изложенные факты и выраженные эмоции. Здесь, однако, нужно отметить, что Сумпф изначально не стремился детально воспроиз-

вести историю российских инвалидов войн, понимая разрозненность источниковой базы. Скорее это исследование, систематизирующее государственную политику в отношении инвалидов и рефлексию общества на их массовое появление в повседневной жизни. В царской России, где до 1914 г. увечья были скорее делом частных благотворительных начинаний, чем медицины, это явление стало вызовом довоенному порядку и взглядам, ускорило профессионализацию ухода за инвалидами и переход к более гуманному обращению с ними как выжившими жертвами войны. Правительство и оппозиция, военное командование, врачи и благотворительные организации пытались (всякий раз по-своему) определить место фронтовика-инвалида в обществе.

Шесть глав монографии выстраиваются главным образом по хронологическому принципу, однако Сумпф часто выходит за очерченные рамки, обращаясь ко всем трём войнам и к раннесоветскому периоду. Так, в первой главе основное внимание уделено проблемам подсчёта ветеранов-инвалидов, который так и не был проведён до конца ни царским, ни Временным, ни советским правительствами. Автор постарался собрать воедино и по возможности уточнить статистические данные из источников, справочников, исследований. Как и в случае с «пропавшими без вести», число «увечных» солдат разнилось в зависимости от источника. В лазаретах, госпиталях, подчинённых разным благотворительным организациям, фронтовому командованию, Красному Кресту, использовались разные методы ведения учёта. Небезосновательно подозрение автора, что по крайней мере часть указанных в списках раненых и «увечных» приходится на одного и того же солдата, поскольку комбатанты часто повторно и неоднократно обращались за медицинской помощью. Уточнению числа инвали-

дов препятствовали и революции 1905 и 1917 гг.: на фоне политических потрясений инвалиды оказывались на обочине внимания как общества, так и военного командования.

Другая важная тема первой главы — образ инвалида в военной пропаганде русско-японской и Первой мировой войн. Особое внимание Сумпф уделил агитационным плакатам, посвящённым благотворительным акциям. На большинстве из них изображались либо жертвы, либо благотворители, но редко и те и другие одновременно. Ветераны-инвалиды чаще всего выступали как иллюстрация к рекламе благотворительных учреждений, что отводило на второй план их личные переживания и жизненные трудности. Важно отметить, что увечья демонстрировались очень сдержанно, лишь обозначались. Автор усматривает в этом стремление общества уйти от шокирующих образов и неприглядных сторон фронтовой повседневности. При этом в книге почти игнорируется фактор цензуры, одна из установок которой в годы Первой мировой — не допускать в печать сведения и изображения, «хотя и не расходящиеся с действительностью, но могущие угнетающе действовать на читателей»¹.

Вторая глава посвящена развитию медицинской помощи ветеранам-инвалидам в 1914—1917 гг. и попыткам улучшить их положение после демобилизации. Война предоставила неограниченное поле для экспериментов и проверки научных гипотез в экстремальных условиях. Сумпф выделил три этапа в лечении искалеченных солдат: хирургия, реабилитация и трудовая терапия. Тяжелораненые выиграли от стремительного развития специализированных областей, которые только начинали появляться в России. Однако медицинская помощь при боли и понятие согласия пациента по-прежнему отсутствовали не только среди врачей,

но и в общественном сознании. В целом, во время Первой мировой войны медицинское обслуживание стало более демократичным и при этом более контролируемым государством. Оно больше не зависело только от инициативы пациента, а было вписано в общую государственную политику, согласно которой хорошее здоровье стало нормой. В результате расширился доступ к лечению и медицинской среде, ранее недоступной социальным «низам». Солдат теперь не только спасали от смерти, но и стремились хотя бы частично восстановить функциональность их тел для последующей реинтеграции в общество. В этом проявились различия между гражданской и военной медициной: первая уделяла пристальное внимание долгосрочным последствиям инвалидизирующих ранений, а вторая была сосредоточена на снижении потерь за счёт улучшения медицинской помощи. Стремление к восстановлению подвижности и функциональности тел увечных воинов способствовало развитию таких областей как лицевая хирургия, ортопедия и физиотерапия. Но в годы мировой войны эти процессы ещё только выстраивались: не все операции проходили успешно, наблюдалась хроническая нехватка протезов.

В третьей главе повествуется о попытках государства законодательно закрепить понятие «инвалид» и таким образом упорядочить работу с этой категорией населения. Войны начала XX в. коснулись всех классов общества, а тяжесть нанесённых увечий от нового оружия предопределила невозможность возвращения тысяч комбатантов к нормальной жизни. Это требовало изобретения для инвалидов войн нового социального статуса и закрепления за ними права на материальную и социальную поддержку. Закон от 23 июня 1912 г., первоначально ориентированный на ветеранов русско-японской

войны, изменялся в ходе Первой мировой и Гражданской войн. Было принято определение «раненый солдат», затем «ветеран-инвалид» и, наконец, «инвалид» вообще. Закон устанавливал размеры пенсий и права на обеспечение жильём, одеждой, получение образования. Однако большинство этих гарантий остались на бумаге, в первую очередь потому, что лишь незначительная часть инвалидов войн стремилась воспользоваться предоставленными им возможностями. Но требуя эти гарантии, активное меньшинство добилось укрепления правового статуса инвалидов, заставило правительства обращать больше внимания на их положение.

Четвёртая глава посвящена проблемам реинтеграции фронтовиков-инвалидов в общество и их возвращению в экономическую жизнь. Сумпф отмечает широкий размах благотворительности: многочисленные общества и частые благотворители стремились помочь инвалидам обрести новую жизнь, дать им возможность работать и зарабатывать, принося таким образом пользу стране. Однако народное хозяйство оказалось не готово к функциональной реабилитации, адаптации инвалидов к производственному процессу, формированию надлежащих условий труда. Лишь наименее страдающие физически и психологически и наиболее целеустремлённые и образованные сумели извлечь выгоду из многочисленных частных и государственных инициатив. Возвращению инвалидов войны в общество мешало и резкое неравенство между городами и сёлами, столицей и провинцией в финансовых и организационных возможностях. Автор обращает внимание и на социальные воззрения как один из факторов общей неудачи реинтеграции инвалидов. Как жертвы войны, ветераны-инвалиды по большей части чувствовали себя непонятыми и были разочарованы оказанным им

приёмом. Свою роль сыграла и революция 1917 г., когда трудовая деятельность стала фактически эквивалентом гражданственности, давая возможность объединяться в профессиональные сообщества и вместе отстаивать свои права. На этом фоне инвалиды изначально находились в проигрышном положении. Большинство из них быстро поняли, что их, как и беженцев, считают лишней обузой, призывая адаптироваться к экономическим условиям без какой-либо реальной материальной помощи. Они были ограничены второстепенными занятиями, использовались как временная замена ушедшим на фронт, их больше занимали работой, а не обучали ей, больше поддерживали, чем направляли к самостоятельности.

В пятой главе повествуется об объединениях и организациях ветеранов-инвалидов. Поначалу это были одиночные и спорадические отстаивания своих прав, причём не только в тылу, но и в лагерях для военнопленных. Здесь, как и во многих других подобных случаях, огромную роль сыграла революция 1917 г., предоставившая невиданные ранее возможности для самоорганизации разнообразных социальных групп. Ветераны-инвалиды воспользовались этими возможностями, создав собственную организацию. Пройдя военную демобилизацию в разгар войны, они сумели ремобилизоваться в разгар революции, овладев новыми формами и направлениями активности. Однако продолжалось это недолго. Большевистский переворот и ленинская тактика парализовали активистов-инвалидов в решающий момент демобилизации 1917–1918 гг., постепенно рассеяв их среди основной массы ветеранов войны. Распределение пенсий и пособий становилось частью государственной политики, основным направлением которой была отныне поддержка красноармейцев

и их семей. В результате Первую мировую войну подавляющее большинство ветеранов воспринимали как бесполезное прошлое, опыт, уже не имеющий для них никакой ценности. На этом фоне ветераны-инвалиды оказались в особенно тяжёлом положении, считая «германскую» войну временем личных травм и собственного социального падения.

В заключительной главе Сумпф подробно анализирует процесс возвращения инвалидов с войны, их приём родными и близкими, друзьями, соседями. Их физическое возвращение было похоже на полосу препятствий, с барьерами географическими (транспорт), медицинскими (лечение), юридическими (борьба за официальный статус инвалида и пенсию). В городах эти маргинализированные ветераны собирались вместе, в то время как в сельской местности обычно рассеивались. Там у них не было ни медицинских учреждений, ни постоянных благотворительных обществ: какую-то помощь могло оказать только активное земство. Преждевременная демобилизация тяжелораненых комбатантов не давала им никаких преимуществ перед теми, кто вышел из войны невредимым. Мизерные пенсии, редкие медали, теоретическое право на надлежащее медицинское обслуживание, немногочисленные возможности для профессиональной переподготовки никогда не компенсировали внезапной и радикальной девальвации военного опыта и физических ограничений. Мужчины вернулись в свои дома, потеряв не только здоровье, но и место в обществе. Физическая и психологическая немощь ветеранов-инвалидов стала тяжёлым бременем для их семей. Для общества же их присутствие было символом боли и страданий прошедших войн. Часто просившие подаяния на улицах, они представляли как воплощение асоциального поведения.

Политика большевиков, стремившихся нейтрализовать активность инвалидов мировой войны в борьбе за свой статус и права, лишь потворствовала этим социальным воззрениям.

Основанная на богатом источниковом материале, написанная интересным языком, монография А. Сумпфа оставляет приятное впечатление, несмотря на тяжёлый и в целом малопривлекательный сюжет, поднятый в исследовании. Такого рода работы встречаются нечасто, тем более о российских ветеранах войн. Возможно, в книге не хватает более широкого политического контекста, хотя это и заставило бы автора раздвинуть хронологические рамки. Интересен был бы анализ политики большевиков не только в первые годы после революции, но и вообще в 1920-е гг., особенно к «юбилейным» датам, когда дореволюционные военные конфликты ещё не стёрлись из народной памяти. К примеру, проблема инвалидов «империалистической бойни» активно освещалась в советской печати в потоке публикаций к десятилетию Первой мировой войны. К этой теме обращались писатели, общественные и партийные деятели. Так, Л.Д. Троцкий в статьях в «Правде» и «Известиях ЦИК» призывал сделать первую неделю августа 1924 г. «днями мысли и заботы об инвалидах», подразумевая под этим и инвалидов Гражданской войны. «Нельзя забывать их, — убеждал Троцкий, — надо помочь им. Надо поддержать их!»². Однако это скорее пожелание автору, который в рецензируемой монографии уже проделал большую работу и внёс немалый вклад в исследование российского общества в революционную эпоху.

Примечания

¹ РГВИА, ф. 13839, оп. 1, д. 3, л. 28.

² Нельзя забывать // Известия ЦИК. 1924. 2 августа.

Виктор Томилин

Рец. на: О.М. Вербицкая. Российское село в 1990-е гг.: аграрная политика и социум. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 336 с.

Victor Tomilin

(Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, Russia)

Rec. ad op.: O.M. Verbitskaya. Rossiyskoe selo v 1990-e gg.: agrarnaya politika i socium. Moscow; Saint Petersburg, 2022

DOI: 10.31857/S2949124X23020232, EDN: BNANPE

В ряду главных вызовов, стоящих перед человечеством, проблема продовольственной безопасности занимает первостепенное место. От её решения зависит не только уровень и качество жизни населения, но и стабильность государства. Аграрная политика правительства в значительной мере характеризует эффективность функционирования государства в целом. Аграрный сектор экономики России — это, прежде всего, село, которое в 1990-е гг. переживало один из самых драматичных периодов своей истории. Актуальность данной проблематики в современный период многократно выросла из-за торгово-экономического давления Запада.

О.М. Вербицкая обратилась к исследованию весьма актуальной и малоизученной научной проблемы — аграрной истории России новейшего времени. Рецензируемая монография представляет собой целостное и комплексное исследование, посвящённое становлению современной аграрной экономики России и людям, трудящимся в сельском хозяйстве и живущим в деревне. Эта работа дополняет и развивает положения, выдвинутые автором в предыдущих исследованиях¹. Широкий охват и компетентный анализ научной литературы позволили Вербицкой осуществить исследование на стыке истории, философии, эко-

номики, социологии, политологии. История России 1990-х гг. неоднозначно трактуется учёными, и далеко не со всеми выдвинутыми положениями автор соглашается, но проявляет корректное и уважительное отношение к трудам предшественников.

Следует отметить привлечение Вербицкой широкого круга разнообразных источников: законодательные акты, правительственные документы, статистика, архивы, материалы социологических исследований, пресса, мемуарная литература. В работе приводится большое количество данных, впервые вводимых в научный оборот. Автор идёт от источника, каждое его положение базируется на фактах и выглядит обоснованным. В то же время это не только работа учёного, который бесстрастно фиксирует события, в ней ярко проявляется его гражданская позиция. Сквозь строки передаётся боль за несправедливость, творившуюся в российской деревне, за великий обман сельского труженика, за деградацию деревни и её развал.

В монографии показан процесс проработки либеральных реформ, зависимость членов правительства от различных кураторов и либеральных рекомендаций, их несамостоятельность в принятии решений. Вербицкая проанализировала положения «Хьюстонского доклада» (1990), соотнесла

их с основными нормами российского законодательства по аграрному вопросу. Автор убедительно раскрывает положение о том, что аграрная политика правительства России выстраивалась в то время в соответствии с рекомендациями экспертов международных финансовых организаций. В результате российская деревня оказалась «на задворках». В 1990-е гг., как показано в книге, чиновники убивали колхозно-совхозную систему, даже не пытаясь трансформировать её в современные рыночные формы. При этом обществу навязывалась идея о том, что сельское хозяйство, деревня — это «чёрная дыра» в бюджете государства. Автор убедительно показывает осознанное проведение государственной политики по разрушению аграрной экономики и сельского жизненного уклада.

В монографии исследованы болезненные процессы социального расслоения и формирования новой структуры, демографическая ситуация, состояние сельского здравоохранения и влияние реформ на образовательный уровень сельского населения. В результате складывается целостная картина деградации села в 1990-е гг. Эти процессы начались ранее, уже в 1970–1980-х гг., однако в постсоветский период российская деревня оказалась на грани выживания.

В работе много говорится о развитии негативных социальных тенденций (алкоголизм, наркомания, преступность, социальная апатия и т.д.). Однако упор сделан на выявление позитивных сторон сельской жизни, учёт исторических традиций и менталитета сельского населения. Вербицкая подчёркивает: селяне, потеряв постоянную работу, не шли на биржу труда за пособиями, а старались «выживать» за счёт личных подсобных хозяйств и производства животноводческих то-

варов с последующей реализацией их на местных рынках.

Монография О.М. Вербицкой, наряду с несомненными достоинствами, не лишена и некоторых недостатков. Исследуя аграрные преобразования 1990-х гг., автор много внимания уделяет показу негативных последствий. И такой подход понятен. Однако о результативности реформ сложно рассуждать в момент их проведения. Современное состояние аграрного сектора экономики России позволяет видеть и положительные тенденции. Кроме того, не все главы выполнены с одинаковой степенью погружения в материал. Представляется, например, что глава 5 («Образовательный уровень жителей села») нуждается в привлечении дополнительных источников. Некоторые замечания есть и по компоновке материала. Глава 1 состоит из двух частей: «Аграрная политика» и «Реакция села на рыночные преобразования». Так как обе части несут большую содержательную нагрузку, их вполне можно было заявить в качестве самостоятельных глав.

Замечания не снижают общего положительного впечатления от знакомства с книгой, которая вносит значительный вклад в изучение истории российской деревни. Особо следует выделить значимость данной работы для изучения современного российского общества и понимания русского мира. Потребность в новых знаниях остро ощущается в преподавании новейшей истории России, в переосмыслении пройденного пути и понимании роли и места страны в современном мире.

Примечание

¹ Вербицкая О.М. Сельская семья на этапе социально-экономических трансформаций 1985–2002 гг. М., 2017.

Вадим Винцерович Трепавлов (1960–2023)

31 марта 2023 г. после тяжёлой болезни ушёл из жизни выдающийся историк Вадим Винцерович Трепавлов. Родившись в семье инженера-химика и изобретателя В.А. Трепавлова, он с детства увлекался историей, любовь к которой привела его на исторический факультет Уральского государственного университета им. А.М. Горького. В составе студенческого отряда Вадим Винцерович принимал участие в Тувинской археологической экспедиции УрГУ под руководством Б.Б. Овчинниковой, которую называл своей «крёстной» в науке. Именно тогда определился его интерес к средневековой истории народов Северной Евразии. С отличием окончив в 1983 г. университет, В.В. Трепавлов один год работал школьным учителем в Свердловске, а в ноябре 1984 г. поступил в аспирантуру Института истории СССР АН СССР, которую окончил в ноябре 1987 г. С декабря 1987 г. по апрель 1989 г. он работал младшим научным сотрудником в отделе истории Института экономики УрО АН СССР, а затем во вновь образованном Институте истории и археологии УрО АН СССР. Переехав в Москву, с 1989 г. он прошёл все основные ступени становления учёного и организатора в Институте истории СССР АН СССР (ИРИ РАН) — старший лаборант, научный сотрудник, старший научный сотрудник, главный научный сотрудник. В 1997 г. Вадим Винцерович возглавил Центр истории народов России и межнациональных отношений, сумев сохранить в непростых условиях его лучшие традиции и сплотить вокруг себя творческий коллектив талантливых учёных. В 2002–2004 гг. Трепавлов был заместителем директора ИРИ РАН по научной работе.

Сфера научных интересов В.В. Трепавлова была широка, включая географическое огромное пространство кочевых народов Евразийского континента. Кропотливое изучение языков, внимательный анализ трудов предшественников и необъятного комплекса средневековых источников, глубокое освоение классических и новейших теоретико-методологических наработок российской и мировой историографии, неподдельный интерес ко всему новому, любознательность и трудолюбие сопровождали его всю научную жизнь. Уже в кандидатской диссертации «Социально-политическая преемственность в государственном строе Монгольской империи в XIII в.» (1988) Вадим Винцерович исследовал кочевые традиции в государственности монголов и их использование Чингисханом при завоевании соседних народов в процессе строительства Монгольской империи. Его первая монография («Государственный строй Монгольской империи XIII века: Проблема исторической преемственности», 1993) была во многом новаторской. Рассматривая вклад Чингисхана в создание кочевой империи, Трепавлов большое внимание уделил истории предшествующих кочевых держав, в которых уже апробировались традиционные формы кочевой государственности. Он одним из первых отказался от негативной оценки этого государственного образования и его создателя, пронёс этот подход через всё своё научное творчество.

В монографии «История Ногайской Орды» (2001), защищённой в качестве докторской диссертации в 2002 г., Трепавлов впервые в отечественной истори-

ографии выполнил комплексное исследование крупного средневекового государства, располагавшегося на территории современных России и Казахстана. Значение этого исследования трудно переоценить, оно давно встало в один ряд с работами всемирно признанных востоковедов, таких как В.В. Вельяминов-Зернов, В.В. Бартольд, В.Д. Смирнов. Продолжением и развитием замечательного исследования стала монография «“Орда самовольная”. Кочевая империя ногаев XV–XVII вв.» (2013).

В 2003 г. Вадим Винцерович издал посольскую книгу по связям России с Ногайской Ордой 1576 г., причём треть публикации составили комментарии к тексту. Подобный подход был свойственен исследователю: во всех своих работах он стремился максимально пояснить читателю трудные для понимания места и используемую терминологию. Трепавлов принимал участие в подготовке к изданию посольских книг по связям России с Ногайской Ордой — 1551–1561 гг. (2006) и 1561–1566 гг. (2018). Эти публикации служат примером глубокого знания и выверенного использования базовых принципов и основ источниковедения и археографии.

В книге «“Белый царь”. Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв.» (2007) Трепавлов предстаёт перед читателем в несколько необычном образе — не тюрколога, а скорее этнолога, анализируя смысл, который вкладывали в понятие подданства официальные власти России и вошедшие в её состав инородцы. Важны наблюдения автора о трёх закономерностях в истории взаимодействия власти с нерусским населением в XVI–XIX вв.: максимально допустимое сохранение местных особенностей и жизненных устоев; невмешательство в сферы, регулируемые обычаями и традиционными установками; игнорирование этнических ареалов при формировании административных образований высшего и среднего звена. Это позволило создать жизнеспособную модель государства, в котором сепаратистские выступления были редкостью.

Своеобразным продолжением «Белого царя» стала монография «Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв.» (2018), в которой историческая реальность раскрывается через изучение семантико-знаковой системы, впервые комплексно проанализированы символические признаки подданства в Московском государстве и Российской империи в XVI–XIX вв. Учёный рассмотрел обмен репрезентациями, взаимодействие центральной власти и местных элит как комбинацию сценариев, включавших важные компоненты кодов соответствующих культур, носителями которых были в том числе представители разноликого «простолюда» огромной страны.

В творчестве Вадима Винцеровича имелись и «ответвления» от основных исследовательских тем. Так появилось небольшое по объёму, но не по значению исследование «Большая Орда — Тахт эли. Очерки истории» (2010). Книга стала первым трудом, посвящённым этому государству, существовавшему в XV в. в центральной части распавшейся Золотой Орды. В том же году вышла ещё одна работа — «Золотая Орда в XIV столетии». В ней исследователь постарался отойти от шаблонного описания этого государства как державы-поработительницы русских земель и предпринял успешную попытку реконструировать государственное устройство, территорию, население и военную организацию Орды.

Ещё одной темой, к которой обратился Вадим Винцерович, стало завоевание Сибирского ханства и установление в нём прочного русского господ-

ства. «Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш» (2012) — первое исследование, посвящённое судьбе сибирских династов и многолетним усилиям русской дипломатии по их привлечению под власть «белого царя» в конце XVI — середине XVII в. Работа «Город Сибирь — городище Искер (историко-археологическое исследование)» (2017), написанная В.В. Трепавловым в соавторстве с А.П. Зыковым и П.А. Косинцевым, повествует об истории археологического исследования столицы Сибирского ханства. В этой книге его перу принадлежит очерк, рассказывающий об истории ханства и города Сибирь / Искер / Кашлык в XVI–XVII вв.

В соавторстве с Л.С. Гатаговой В.В. Трепавлов в книге «Перед толпою соплеменных гор. Проблемные вопросы истории политики России на Кавказе (XVIII–XIX вв.)» (2019) рассмотрел предпосылки, обстоятельства и последствия заключения Георгиевского трактата 1783 г. о покровительстве Российской империи над Картли-Кахетинским царством (Восточной Грузией), причины и ход массового выселения («мухаджирства») адыгов с Северо-Западного Кавказа в Османскую империю, организация управления северокавказскими территориями после их вхождения в состав России.

Последняя книга историка «Народы Евразии в эстафете империй. От Золотой Орды к Российскому государству» (2021) составлена на основе статей, глав из коллективных монографий и интервью, отражающих некоторые аспекты трёх основных этапов этой эстафеты: истории Золотой Орды XIII — начала XV вв.; развития на её месте нескольких тюркских политий в XV–XVII вв.; пребывания отдельных народов в пределах Российского государства в XVI–XIX вв. Поражает широта интересов и разнообразие тематических блоков, вокруг которых формировалась научная аналитика В.В. Трепавлова.

Открывая реальный образ степных империй и Золотой Орды, В.В. Трепавлов в то же время справедливо считал, что «Московское царство и тем более Российскую империю можно было бы считать историческим преемником Монгольской империи или Золотой Орды все-таки очень условно — разве что и прежде всего исходя из факта географического расположения и этнического состава населения». «Русские власти кое в чём заимствовали у татар технологию власти, но не её идеологию», — эта тема проходит сквозной нитью через целый ряд его работ.

В 2022 г. вышло первое российское научное издание сочинения посла папы Римского Иннокентия IV в Монгольскую империю Иоанна де Плано Карпини «История монголов», в котором В.В. Трепавлов выступил в роли редактора и автора значительной части комментариев.

Во всех своих трудах и устных выступлениях Вадим Винцерович демонстрировал глубокое и предметное знание исторического полотна, использовал образные и яркие стилистические приёмы, подчёркивавшие основательность и теоретическую обоснованность научного анализа, блестящее владение фактическим материалом, умение делать серьёзные обобщения и выводы, а также предлагать перспективы дальнейшего исследования широкого круга проблем истории народов России и межатнических отношений. В его научном творчестве удачно переплелось всё лучшее в традиции классического российского востоковедения и русистики. Трепавлову было присуще «чутьё» на новые темы для исследований. Он безошибочно определял интересный сюжет, который можно раскрыть при опоре на источники, при этом так разворачивал тему, что при анализе его работ наиболее часто встречаемым эпитетом становятся

«первый», «первое», «первые». Исследователь не ограничивался только историей тюркских народов, в плоскости его профессиональных интересов находились также формирование многонационального Российского государства, национальная политика и межэтнические отношения, закономерности функционирования империй и полиэтнических обществ, история народов Поволжья, Сибири, Северного Кавказа, Казахстана и Средней Азии. Он изучал, как возникали и сменялись империи, как народы, входившие в них, приспосабливались к меняющимся условиям, а центральные власти способствовали их успешной инкорпорации. Трепавлову был присущ мудрый и взвешенный подход при решении как исторических проблем, так и связанных с ними непростых межэтнических вопросов. Он не позволял себе каких-либо политических или этнических пристрастий.

Вадим Винцерович активно участвовал в организации научного сотрудничества в России и за её пределами. Он входил в состав экспертного совета ВАК РФ по истории (с 2013 г.), являлся членом Учёного и Диссертационного советов по истории России до XX в. ИРИ РАН, был ответственным редактором периодических сборников «История народов России в исследованиях и документах» (2004–2023), «Тюркологического сборника» (2000–2013), членом редколлегий журналов «Российская история», «Этнографическое обозрение», «Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН», «Вестник Удмуртского университета. История и филология», «Научный Татарстан», «Золотоордынское обозрение», «Волго-Уральские региональные исследования», «Тюркологические исследования», «Гасырлар авазы – Эхо веков» и «Scriptorum Nostrum», входил в научный совет и редколлегию многотомных изданий «История России», «История татар», «История крымских татар».

На каждом участке работы Трепавлов выступал как компетентный, принципиальный, честный и добросовестный профессионал. Он инициировал и руководил коллективными разработками сотрудников Центра истории народов и межэтнических отношений ИРИ РАН, выступив ответственным редактором и соавтором коллективных монографий, посвященных наиболее актуальным проблемам истории межнациональных отношений: «Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления» (1998), «Русское население национальных окраин России XVII–XX вв.» (2000), «Война и ислам на Северном Кавказе XIX–XX вв.» (2000), «Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия» (2003), «Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны?» (2008), «Русские в Евразии XVII–XIX вв. Миграции и социокультурная адаптация в иноэтнической среде» (2008), «Образы регионов в общественном сознании и культуре России (XVII–XIX вв.)» (2011), «Этнические элиты в национальной политике России» (2018) и целого ряда других.

Заслуги В.В. Трепавлова получили достойную оценку научного сообщества. Он был лауреатом премии Европейского совета для молодых учёных (1993), конкурса премий им. митрополита Московского и Коломенского Макария (2009), государственной премии Республики Татарстан в области науки и техники (2016), премии им. Х. Фаизханова (2017). Звания почётного доктора Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан (2013) и заслуженного деятеля науки Карачаево-Черкесской Республики (2014) являются свидетельством признания выдающихся заслуг Трепавлова в интеграции усилий историков и насыщении российской историографии ценными и перспективными исследованиями. В ноябре 2020 г. Вадима Винцеровича единогласно

выбрали председателем Международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды», созданной по его инициативе. Отделения Ассоциации помимо России существуют в Казахстане, Турции и Европе.

В 2022 г. В.В. Трепавлов был избран членом-корреспондентом РАН.

Вадим Винцерович вёл неустанную работу по распространению знаний о средневековых тюркско-татарских государствах, истории вхождения народов и регионов в состав Российского государства, межэтнических отношениях, читал лекции на исторических факультетах в университетских центрах России и стран СНГ. Он неоднократно выступал на различных конференциях и проводил совместные с зарубежными историками исследования. Нам предстоит долгий путь по осмыслению творческого наследия учёного.

Вадим Винцерович обладал безошибочным «чутьём на людей». Уже после непродолжительной беседы он мог дать характеристику человеку и предсказать степень успешности его трудов на поприще науки. Проявляя неподдельный интерес ко всему новому, живо интересуясь находками и достижениями коллег, он не стеснялся спрашивать о том, что хотел узнать или понять. Трепавлов стремился опекать молодых коллег, щедро делился своими находками, подсказывал направления дальнейших исследований. Все, знавшие его, отмечают его тонкий юмор, который никогда не переходил в сарказм, стремление помочь. Всем, кто знал этого человека, будет не хватать его советов, доброго слова, поддержки. Светлая память о Вадиме Винцеровиче Трепавлове навсегда останется в сердцах его коллег и товарищей.

Коллеги, друзья, ученики

Владимир Николаевич Хаустов (1948–2023)

1 января 2023 г. на 75-м году жизни после продолжительной болезни ушёл из жизни доктор исторических наук, профессор Владимир Николаевич Хаустов. Он родился в Москве, в 1964–1967 гг. до поступления на истфак МГПИ им. В.И. Ленина трудился рабочим в экспериментально-механической мастерской ВНИИ «Водгео». После окончания вуза в 1972 г. стал экскурсоводом в Центральном музее В.И. Ленина, но был призван в армию и в 1973–1974 гг. служил в Группе советских войск в Германии. После армии начался новый этап его биографии, связанный с преподавательской и научной деятельностью в Высшей школе КГБ СССР (позднее — Академия ФСБ РФ). Здесь он прослужил более 40 лет — с 1974 до 2016 г., защитил кандидатскую (1978) и подготовил докторскую (1998) диссертации, стал профессором, получил звание полковника. В последние годы жизни Владимир Николаевич работал в научно-исследовательском подразделении Военного университета Министерства обороны РФ.

Историографам ещё предстоит оценить вклад Хаустова в формирование научного направления «история отечественных спецслужб». Вместе с другими коллегами в 1997 г. он выступил инициатором ежегодных «Исторических чтений на Лубянке», которые продолжаются и поныне. В 2001 г. при его активном участии возникло «Общество изучения истории отечественных спецслужб», объединившее широкий круг исследователей.

В 1988–2013 гг. Хаустов возглавлял в Академии ФСБ РФ кафедру истории. Во многом благодаря незаурядной личности и научному авторитету Владимира Николаевича там сформировался сильный коллектив, занимавшийся не только преподавательской, но и научной деятельностью. Время его руководства пришлось на сложный и ответственный период, связанный с реформированием структур, обеспечивавших безопасность страны, необходимостью противостоять их огульной критике. Пришлось изучать практически «с нуля» или пересматривать многие страницы прошлого, рассекречивая и вводя в оборот новые документы. В этих условиях ярко проявились разные грани историка Хаустова — учёного и публикатора источников, педагога и организатора, автора многих учебных пособий и научного руководителя более 10 кандидатских и нескольких докторских диссертаций.

В центре внимания Хаустова оказались острые, имевшие значительный резонанс проблемы, связанные с событиями 1920–1950-х гг. Среди них — политические репрессии, работа разведки и контрразведки накануне и в годы Великой Отечественной войны и др. Докторская диссертация, защищённая им в 1998 г. в *alma mater* — МПГУ (бывшем МГПИ), освещала функционирование НКВД СССР в 1934–1941 гг. В условиях повышенного научного и общественного интереса к сталинизму, ГУЛАгу и террору 1930-х гг. труды Хаустова выделялись добросовестностью, стремлением избежать конъюнктуры и опорой на богатую документальную базу. Доступ к архивам спецслужб, Политбюро и Секретариата ЦК партии позволил ему одним из первых показать реальное место и степень влияния НКВД в системе организации власти, выявить связь разведки, контрразведки и политической полиции с руководством СССР, оценить

ранее практически неизвестный масштаб операций органов госбезопасности. При этом Хаустов был далёк как от идеализации чекистов, так и от попыток представить их исключительно орудием карательной политики И.В. Сталина.

Глубоко и профессионально анализируя источники, учёный критически относился к распространённому мнению, будто в докладах и сводках ОГПУ—НКВД отражена «истинная правда» о положении в стране. Одной из сложнейших исследовательских задач, для решения которой он лично сделал немало, Хаустов считал изучение инспирированных спецслужбами дел и реконструкцию «кухни» политических процессов, в которых, как он считал, реальность причудливо переплеталась с вымыслом, рациональное — с иррациональным, в итоге постепенно формировалась искажённая картина действительности, в которую начинали верить и следователи, и подследственные, и даже руководители страны во главе со Сталиным. Неудивительно, что столь сложное и противоречивое полотно вызывало непонимание у тех, кто предпочитал видеть сталинскую эпоху в чёрно-белых тонах, через дихотомию преступников и их жертв, не углубляясь в психологию того времени.

Расцвет творчества Хаустова пришёлся на первые десятилетия XXI в., когда одна за другой выходили его индивидуальные публикации, успешно осуществлялись совместные проекты с отечественными и зарубежными коллегами. Он умел работать в команде, выслушивал чужое мнение и не давил авторитетом. У него имелись большие научные замыслы, многие из которых, к сожалению, остались не реализованными. Как и другие историки периода «архивной революции», он торопился сделать достоянием гласности содержание рассекреченных текстов, отчего порой страдала археографическая составляющая их воспроизведения. Выбирая между выпуском сборников документов и монографиями, он часто оставлял аналитику «на потом».

Заметным историографическим явлением стало четырёхтомное документальное издание «Лубянка. Сталин и органы ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД—МГБ» (М., 2003—2007), одним из основных составителей которого был Владимир Николаевич. Опираясь на этот солидный фундамент, Хаустов и американский историк Д. Ширер подготовили новаторскую книгу «Stalin and the Lubianka. A documentary history of the political police and security organs in the Soviet Union, 1922—1953», напечатанную издательством Йельского университета в серии «Анналы коммунизма» (New Haven; L., 2015). Из неё англоязычная аудитория узнала о более чем 170 оригинальных документах, отразивших взаимоотношения Сталина и советских спецслужб.

Особый интерес у Хаустова вызывали 1936—1938 гг. Трудно сказать, кто лучше него разбирался в коллизиях того времени. В этом легко убедиться, обратившись к вышедшей в 2009 г. книге «Сталин, НКВД и репрессии 1936—1938 гг.», написанной им совместно со шведским историком Л. Самуэльсоном.

Не менее важен и изданный Хаустовым в 2011 г. сборник «Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе, 1937—1938. Архив Сталина: документы и комментарии». Он окончательно устранил сомнения в осведомлённости и личном участии Сталина в репрессивной политике. Читатели впервые получили доступ к сводкам НКВД с добытыми в ходе следствия выдержками из «показаний», в которых, как правило, одни представители партийной, советской, хозяйственной, дипломатической, военной и прочей элиты оговаривали других. Как выяснилось, в 1937—1938 гг. такие «разоблачения» чуть ли не ежедневно ложились на стол вождя, реакция которого прослеживается в со-

хранившихся пометах и резолюциях. Затем обычно производились аресты, но в отдельных случаях (например, когда обвинения затронули С.М. Будённого и И.Г. Эренбурга) Сталин не давал делу ход. Так или иначе, Хаустов убедительно доказал, что в 1937–1938 гг. Сталин непосредственно санкционировал как заключение под стражу, так и приведение в исполнение по меньшей мере сотен приговоров, касавшихся в том числе и тех его соратников, которых он хорошо знал с дореволюционных времён.

В 2012 г. Хаустов выпустил в свет ещё одну сенсационную документальную публикацию — «Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит», дополненную вышедшим в том же году под редакцией О.Б. Мозохина сборником «Политбюро и дело Берия». В результате воссоздавалась подробная картина расследования в 1953 г. преступлений Л.П. Берии и его ближайшего окружения. Одним из главных пунктов обвинения Берии в преступной деятельности стало его участие в политических репрессиях. Как полагал Хаустов, соучастие в них не могли оправдать никакие заслуги, а источники «не оставляют места для различных домыслов» и свидетельствуют о том, что наказание было заслуженным. При этом в предисловии он констатировал, что «дело Берии является в определённом смысле приговором сталинской модели государства» (с. 6).

В последние годы жизни Владимир Николаевич также успешно занимался историей советской разведки. Специалисты высоко оценили составленные им совместно с проф. В.В. Захаровым и немецким историком М. Улем уникальные сборники «Глазами разведки. СССР и Европа. 1919–1938 годы» (М., 2015) и «Чекист, сбежавший к самураям» (М., 2022). В первом из них рассекречивалось несколько сотен документов разведслужб военного ведомства и ВЧК—ОГПУ—НКВД. Во втором приводились показания, полученные японцами во время допросов начальника Управления НКВД по Дальневосточному краю Г.С. Люшкова, опасавшегося ареста в условиях развернувшихся репрессий и бежавшего в 1938 г. в Маньчжурию. Накануне Второй мировой войны ценная информация, сообщённая высокопоставленным перебежчиком, была передана немцам. Бесспорной заслугой Хаустова остаётся и обобщающий раздел о контрразведке СССР накануне войны, написанный для 12-томного коллективного труда «Великая Отечественная война 1941–1945 годов».

Благодаря знанию нескольких иностранных языков Хаустов был в курсе историографических тенденций, изучал фонды зарубежных архивов, выступал на международных форумах. Его работы переводили и публиковали в США, Германии, Франции, Австрии, Польше и др. Не отказался он и от участия в создании многотомной «Истории России», работа над которой продолжается в Институте российской истории РАН.

Будучи известным учёным, В.Н. Хаустов никогда не кичился своими заслугами. Он останется в нашей памяти скромным, доброжелательным человеком с располагающей к себе улыбкой.

С.В. Журавлёв, А.Ю. Попов

Наши авторы

Айрапетов Олег Рудольфович, кандидат исторических наук, доцент факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Андреев Дмитрий Александрович, доктор исторических наук, доцент, заместитель декана по научной работе исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Богомолов Игорь Константинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН

Бушуева Светлана Вадимовна, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Воейков Евгений Владимирович, доктор исторических наук, профессор Пензенского государственного университета

Галкин Тимур Олегович, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Государственного музея-заповедника «Зарайский кремль»

Голиков Кирилл Андреевич, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Научно-учебного Музея землеведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Данилевский Игорь Николаевич, доктор исторических наук, независимый исследователь (София, Болгария)

Журавлёв Сергей Владимирович, доктор исторических наук, заместитель директора Института российской истории РАН

Кокорева Татьяна Анатольевна, специалист по учебно-методической работе Межкафедральной археографической лаборатории исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Крестьянников Евгений Адольфович, доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией исторической и экологической антропологии Тюменского государственного университета, старший научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Лисейцев Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Матасова Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Мелентьев Фёдор Ильич, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории региональной истории России Национального исследовательского

университета «Высшая школа экономики», главный специалист Государственного архива Российской Федерации

Морохин Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН, доцент Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Печёнкин Илья Евгеньевич, кандидат искусствоведения, заведующий кафедрой Российского государственного гуманитарного университета

Плех Олеся Анатольевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН

Поздеева Ирина Васильевна, доктор исторических наук, профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Попов Алексей Юрьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Посадский Антон Викторович, доктор исторических наук, профессор Поволжского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Саратов)

Пученков Александр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Соловьёв Кирилл Андреевич, доктор исторических наук, профессор факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Томилин Виктор Николаевич, доктор исторических наук, профессор Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семёнова-Тян-Шанского

Усманова Диляра Миркасымовна, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений Казанского федерального университета

Шиловский Михаил Викторович, доктор исторических наук, профессор Новосибирского государственного университета, заведующий сектором Института истории Сибирского отделения РАН

Шокарев Сергей Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

СОДЕРЖАНИЕ

Идеи и образы

С.Ю. Шокарев

- Мёртвые участники Смутного времени. Перезахоронения как часть
социально-политического кризиса 3

Народы и пространства

Д.В. Лисейцев

- Русский Север в 1620–1640-е гг.: возможности и ограничения статистических
методов 16

Сюжеты и эпизоды

А.В. Морохин

- «Государя не хотели прямо лечить»: к истории опалы Артамона Матвеева 40

Историк и источник

И.Н. Данилевский

- Историческая хронология и начальное древнерусское летописание 54

Т.А. Кокорева, И.В. Поздеева

- Распространение кириллической печатной книги XVI–XVII вв. в регионах
России 64

Ф.И. Мелентьев

- Имперские травелоги И.К. Бабста и К.П. Победоносцева 76

История власти

Е.А. Крестьянников

- Предварительное следствие по делу о томском погроме 1905 г. и сибирская
юстиция 84

Лица и взгляды

Д.М. Усманова

- Ректор Казанского Императорского университета профессор Н.П. Загоскин 100

Русский лес

О.А. Плех

- Борьба с незаконными рубками леса на Европейском Севере России в конце
XVIII – первой половине XIX в. (на материалах Вологодской губернии) 111

Е.В. Воейков

- Частное предпринимательство на лесозаготовках в 1919–1921 гг.: замысел
центра и оппозиция регионов 133

Институты и общности

<i>А.В. Посадский</i> Особенности военного строительства на Белом Юге (на примере Войск Новороссийской области Вооружённых сил Юга России)	146
<i>И.Е. Печёнкин</i> «Русификация» советской архитектуры в 1930–1940-х гг.: идеология, теория, практика	161
<i>К.А. Голиков</i> «Дворец передовой научной мысли» как отражение эпохи: к истории создания новой территории Московского университета на Ленинских горах	172

Рецензии

<i>Т.О. Галкин</i> — Граница молодого Русского государства	185
<i>Т.А. Матасова</i> — Последний герой удельной Руси: новая книга об угличском князе Андрее Большом	187
<i>С.В. Бушуева</i> — А.С. Лавров, А.В. Морохин. Ревнители благочестия. Очерки церковной и литературной деятельности	193
<i>О.Р. Айрапетов</i> — «В тени богов» Доминика Ливена	195
<i>Д.А. Андреев</i> — Российские императоры между традицией и модернизацией	201
<i>А.С. Пученков</i> — Омские Форсайты и «дом Колчака»	205
<i>К.А. Соловьёв</i> — О.В. Будницкий. Другая Россия: Исследования по истории русской эмиграции	209
<i>М.В. Шиловский</i> — Регионы Российской империи: взгляд из XXI века	212
<i>И.К. Богомолов</i> — A. Sumpf. The Broken Years: Russia's Disabled War Veterans, 1904–1921.	217
<i>В.Н. Томилин</i> — О.М. Вербицкая. Российское село в 1990-е гг.: аграрная политика и социум	222

Pro memoria

<i>В.В. Трепавлов (1960–2023)</i>	224
<i>В.Н. Хаустов (1948–2023)</i>	229
Наши авторы	232

CONTENTS

Ideas and images

- S.Yu. Shokarev (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow)*
Dead participants of the Time of Troubles (reburials as part of the socio-political crisis) . . . 3

Peoples and spaces

- D.V. Liseitsev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; HSE University, Moscow, Russia)*
Cities of the Russian North in the 1620s–1640s: possibilities and limitations of statistical methods. 16

Scenarios and episodes

- A.V. Morokhin (National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia; Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
«They didn't want to treat the sovereign directly»: to the history of Artamon Matveev's disgrace 40

The historian and the source

- I.N. Danilevsky (Sophia, Bulgaria)*
Historical chronology and the initial Old Russian chronicle 54
T.A. Kokoreva, I.V. Pozdeyeva (Lomonosov Moscow State University, Russia)
Distribution of the Cyrillic printed book of the 16th–17th centuries in the regions of Russia . . . 64
F.I. Melentyev (HSE University, Moscow, Russia)
Imperial travelogues by I.K. Babst and K.P. Pobedonostsev 76

History of power

- E.A. Krestiannikov (Tyumen State University, Russia; HSE University, Moscow, Russia)*
Preliminary investigation into the case of the Tomsk pogrom of 1905 and Siberian justice. . . 84

Persons and views

- D.M. Usmanova (Kazan (Volga region) Federal University, Russia)*
Professor N.P. Zagoskin – rector of the Kazan Imperial University. 100

Russian forest

- O.A. Plekh (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
The fight against illegal logging in the European North of Russia in the end of the 18th – first half of the 19th century (on the materials of the Vologda province). . . . 111
E.V. Voyeikov (Penza State University, Russia)
Private enterprise in logging in 1919–1921: the idea of the center and the opposition of the regions 133

Institutions and communities

<i>A.V. Posadskiy (Stolypin Volga Region Institute of administration, the branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saratov)</i>	
Features of military construction in the White South (on the example of the Troops of the Novorossia Region of the Armed Forces of the South of Russia)	146
<i>I.E. Pechenkin (Russian State University for the Humanities, Moscow)</i>	
«Russification» of the Soviet architecture in 1930–1940s: ideology, theory, practice. . . .	161
<i>K.A. Golikov (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i>	
«The Palace of advanced scientific thought» as a reflection of the epoch: on the history of the creation of a new territory of the Moscow University on Leninskiye Gory	172

Reviews

<i>T.O. Galkin (The state museum-reserve «Zaraisk Kremlin», Russia)</i>	
The border of the young Russian state	185
<i>T.A. Matasova (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i>	
The Last hero of Appanage Russia: a new book about Prince Andrei the Great of Uglich . . .	187
<i>S.V. Bushueva (National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia)</i>	
Rec. ad op.: A.S. Lavrov, A.V. Morokhin. Revniteli blagochestia. Ocherki tserkovnoy i literaturnoy deyatel'nosti	193
<i>O.R. Airapetov (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i>	
«In the Shadow of Gods» by Dominic Lieven	195
<i>D.A. Andreev (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i>	
Russian Emperors between tradition and modernization	201
<i>A.S. Puchenkov (Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)</i>	
Omsk Foresights and Kolchak's House	205
<i>K.A. Soloviev (HSE University, Moscow, Russia; Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
Rec. ad op.: O.V. Budnitskiy. Drugaya Rossiya: Issledovaniya po istorii russkoy emigratsii	209
<i>M.V. Shilovskii (Novosibirsk State University, Russia; Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia)</i>	
Regions of the Russian Empire: a view from the 21 st century.	212
<i>I.K. Bogomolov (Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
Rec. ad op.: A. Sumpf. The Broken Years: Russia's Disabled War Veterans, 1904–1921.	217
<i>V.N. Tomilin (Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, Russia)</i>	
Rec. ad op.: O.M. Verbitskaya. Rossiyskoe selo v 1990-e gg.: agrarnaya politika i socium	222

Pro memoria

V.V. Trepavlov (1960–2023)	224
V.N. Khaustov (1948–2023)	229
Contributors to this issue	232

РЕДАКЦИЯ

Круглов В.Н., к.и.н.	— Отдел Новейшей истории
Богомолов И.К., к.и.н.	
Мамонов А.В., к.и.н.	— Отдел Новой истории
Лисейцев Д.В., д.и.н.	— Отдел Древней и Средневековой истории
Мамонова Е.В.	— Заведующая редакцией
Шамина И.Н., к.и.н.	— Литературный редактор